

Ю. В. Андрияшайтите

И. П. ЛАПТЕВ:
У ИСТОКОВ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ФИЛИГРАНОВЕДЕНИЯ

УРСС

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ
Археографическая комиссия

Ю. В. Андрушайтите

**И. П. ЛАПТЕВ:
У ИСТОКОВ
ОТЕЧЕСТВЕННОГО
ФИЛИГРАНОВЕДЕНИЯ**

УРСС
Москва ♦ 2001

ББК 63.2

*Настоящее издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (проект № 99-01-16143)*

Ответственный редактор: академик РАО С. О. Шмидт

Рецензенты: канд. ист. наук Т. В. Дианова, канд. ист. наук В. В. Морозов.

Андрюшайтите Юлия Викторовна

И. П. Лаптев: У истоков отечественного филиграноведения. — М.: Эдиториал УРСС, 2001. — 272 с.

ISBN 5-8360-0166-9

Монография посвящена палеографическому изучению бумажных водяных знаков (филиграней) в России первой трети XIX в. Выяснены предпосылки и первые попытки создания коллекций водяных знаков и их публикации, новые имена русских филиграноведов. Впервые раскрыта деятельность в этой области вологодского, затем петербургского купца Ивана Петровича Лаптева (1774–1838) — известного собирателя древностей, автора первой не только в России, но и в мире специальной работы о водяных знаках «Опыт в старинной русской дипломатике...». Даны биографический очерк И. П. Лаптева, история подготовки и значение его книги, состав коллекции филиграней, собранных старинных рукописей и книг, монет, содержится характеристика его как палеографа-практика. Показаны особенности становления отечественного филиграноведения по сравнению с его развитием в странах Западной Европы.

Для историков, преподавателей вузов, архивистов, книгovedов и всех, интересующихся прошлым науки и культуры в России.

The book is devoted to the paleographic study of watermarks in Russia in the first third of the XIX century. The author reveals the historical conditions, the requirements, and the first attempts to create watermark collections; establishes new names of Russian researchers of watermarks. For the first time, the author explores the activities of the merchant from Vologda, then from Petersburg, Ivan Laptev (1774–1838) — the well known collector of antiquities and the author of the first, not only in Russia but in the world, special work on watermarks “The experience in antique Russian diplomatika”. The monograph contains the biography of Laptev, based for the most part on archival materials, and the history of the creation of his manuscript. The author makes an analysis of Laptev’s book and demonstrates its significance. He studies the contents and history of Laptev’s collections of watermarks and also his collections of antique manuscripts, books, and coins, revealing him to have been a practical paleographer.

The book makes possible a comparison between the special manner in which filigranology developed in Russia and its development in Western Europe.

9785836001667 >

ISBN 5-8360-0166-9

© Ю. В. Андрюшайтите, 2000

© Эдиториал УРСС, 2000

Введение

Филигранология (русский синоним — филиграноведение) — одна из многих вспомогательных или, как их еще называют, специальных исторических дисциплин, без освоения которых не может быть подлинной исторической науки. Объектом изучения является *водяной знак* (*филигрань*, от лат. *filum* — нитка и *granum* — зерно) — видимое на просвет изображение в бумаге, возникающее в процессе ее производства от фигур, литер, надписей, прикрепленных на проволочной сетке формы. Такое понимание объекта рассматриваемой дисциплины является наиболее распространенным. Во второй половине XX в. филиграноведы, наряду с изучением водяных знаков, стали больше внимания уделять изображениям других элементов сетки формы для отлива бумаги — ее продольным (частым) и поперечным (редким) линиям — вержерам и понтюзо. Термин «филигрань» употребляется и в других значениях: для обозначения самой проволочной фигуры на сетке или даже всей сетки, а также для определения вида ювелирной техники (*скань*- от древнерусского *скать* — свивать). Водяной знак сегодня имеет ограниченное применение (при изготовлении ценных бумаг, денег, документов для защиты от подделок, а также в редких случаях ручного изготовления бумаги). Однако с XIII до начала XX в. он служил маркой производства бумаги и имел разнообразные сюжеты, зависевшие от фамилии и происхождения владельца фабрики, его мастеров, от места производства и т. д. Изменения знака были связаны и с деформацией форм для отлива бумаги, почти до второй половины XIX в. делавшейся вручную. Эти изменения водяного знака как объективный показатель и были использованы специалистами для определения, прежде всего, времени изготовления бумаги. В отличие от бумаговедения, интересующегося историей производства и распространения бумаги, филигранология изучает водяные знаки бумаги рукописей, старопечатных книг и других источников на бумаге в целях их датирования, что помогает определить подлинность источника.

Вторая половина XX в. — время интенсивного развития этой дисциплины в разных странах, в том числе в СССР и в России. Однако, несмотря на наличие большого числа статей и альбомов водяных знаков¹⁾, у нас еще не создано сводной библиографии и обобщающего исследования по истории отечественного филиграноведения.

¹⁾ См.: Клепиков С. А. Филигранные и штемпельные знаки на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. Библиография. С. 117–125; Андрушайтите Ю. В. Материалы к библиографии по филиграноведению // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописных книг. М., 1990. Вып. 3. Ч. 1. С. 95–135; Богданов А. П. Филиграноведение вчера и сегодня // История и палеография: Сб. статей. М., 1993. Ч. 2; Он же. Основы филиграноведения: Исто-

Попытку рассмотреть важнейшие отечественные работы — от книги И. П. Лаптева вплоть до изданий 1990-х годов — в контексте истории ручного производства бумаги и ее филиграней в мире предпринял А. П. Богданов в книге «Основы филиграноведения: История, теория, практика» (М.: Эдиториал УРСС, 1999). Ее выход не снимает вопроса о подготовке труда по истории отечественного филиграноведения, хотя и облегчает его решение. Нет у нас и специального учебного пособия по этой дисциплине, как и монографий о филиграноведах. Даже об основоположнике филиграноведения — академике Николае Петровиче Лихачеве (1862–1936), труды которого составили эпоху в развитии вспомогательных исторических дисциплин конца XIX – первой трети XX в., имеются только статьи. Арест и ссылка ученого прервали его деятельность. Публикация его работ возобновилась в нашей стране лишь с 1989 г. (кроме одной работы, изданной в 1960 г.). И хотя историки не переставали пользоваться исследованиями Н. П. Лихачева, статьи о нем появились вновь после почти полувекового забвения²⁾. Международное признание вклада ученого в историческую науку отражает факт переиздания его труда 1899 г. за рубежом на английском языке (с предисловием и статьей Дж. Симмонса об авторе книги)³⁾.

Заметим, что большинство специалистов по филиграням не ограничивались только изучением бумажных водяных знаков, но известны своими достижениями и в других областях гуманитарных и даже технических наук. Материалы о деятельности филиграноведов содержатся главным образом в их трудах, в предисловиях к ним и рецензиях на них, в историографических очерках, особенно по палеографии, а также в отдельных статьях, в основном по истории филиграноведения советского периода⁴⁾. Однако без написания монографических

рия, теория, практика. М., 1999; и др. Единственным специалистом, выпускающим в условиях кризиса в России альбомы водяных знаков, осталась ведущий научный сотрудник ГИМ Т. В. Дианова.

²⁾ Янин В. Л. К столетию со дня рождения Н. П. Лихачева // Сов. археология. 1962. № 2; Валк С. Н. Николай Петрович Лихачев // ВИД. Л., 1978. Вып. IX; Простоловцова Л. Н. Н. П. Лихачев: Судьба и книги: Библиограф. указ. М., 1992. 60-летию со дня смерти академика Н. П. Лихачева посвящен сборник ВИД. XXVI (СПб., 1998); и др.

³⁾ Likhachev's Watermarks / An English-language version. Amsterdam, 1994. Vol. 1–2 (Monumenta... Vol. 15). К т. 1 приложены библиография работ о Н. П. Лихачеве и аннотированный список шести его работ. Это третий труд русских филиграноведов, изданный в серии (после работ З. В. Участкиной — в 1962 г. и К. Я. Тромонина — в 1965 г.).

⁴⁾ Щепкин В. Н., Щепкина М. В. Палеографическое значение водяных знаков // Проблемы источниковедения. М.; Л., 1958. Т. 6; Исколь С. Н. Обзор фонда А. А. Гераклитова // Историографический сборник Саратовского государственного университета. Саратов, 1974. Вып. 2/5; Водяные знаки рукописей России XVII в.: По материалам Отдела рукописей ГИМ / Сост. Т. В. Дианова и Л. М. Костюхина. М., 1980. В предисловии приведены сведения о коллекции филиграней XVII в. в ОР ГИМ и о Н. И. Тихомирове и его коллекции филиграней, составленной в конце XIX в.; Кукушкина М. В. Сократ Александрович Клепиков (К 90-летию со дня рождения) //

работ невозможно воссоздать полную историю филиграноведения, начиная с его зарождения. Именно с этим первоначальным периодом связана деятельность И. П. Лаптева.

Иван Петрович Лаптев (1774–1838) — вологодский, затем санкт-петербургский купец — личность во многих отношениях замечательная. Самоучка, самостоятельно поднявшийся до научного понимания в вопросе о значении внешних признаков рукописей в их исследовании, создавший первую в России работу о бумажных водяных знаках (филигранях) рукописей и книг. Он был знатоком и одним из крупнейших коллекционеров древних рукописей и книг, нумизматом, но остался известен специалистам, главным образом, как автор единственной книги «Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи» (СПб., 1824), давно ставшей библиографической редкостью.

В нашей монографии впервые обобщены немногие известные, а также выявленные нами основные факты биографии Лаптева, поскольку в справочниках они приводятся крайне отрывочно. Дана характеристика исторических условий, в которых он жил и работал, показано его непосредственное окружение.

Главное внимание сосредоточено на научных, палеографических изысканиях Лаптева, в которых наиболее плодотворным для исторической науки является изучение филиграней. Чтобы лучше понять вклад Лаптева в отечественную филигранологию и его влияние на последующее ее развитие, дается очерк собирания, использования и публикации бумажных водяных знаков в России в первой четверти XIX в., т. е. до выхода книги И. П. Лаптева. Такая попытка предпринята также впервые и осуществлена на материале предыдущих исследований по истории палеографии и археографии, в том числе последних работ (Т. А. Поле, В. П. Козлова, Т. В. Андреевой), а также архивных данных, позволяющих по-новому рассмотреть первоначальный этап изучения филиграней в России в связи с развитием этой области в Западной Европе.

В книге, кроме основной, филиграноведческой стороны, Лаптев показан как палеограф, источниковед и коллекционер древностей, что (в зависимости от наличия выявленного материала) позволяет дать более полную картину научных интересов и деятельности И. П. Лаптева и обрисовать ее значение по сравнению с деятельностью других знатоков-любителей того времени и ученых-палеографов.

По мере возможности хотелось выписать исторический портрет этого человека, одного из лучших представителей не только вологодского, но и вообще русского купечества первой трети XIX в.,

самостоятельно прошедшего путь от любителя-библиофила до палеографа. Этому способствовали благоприятные общие условия — развитие культуры, исторических исследований, широкий поиск, публикация исторических источников и средств их изучения в России. Деятельность И. П. Лаптева — библиофила и палеографа — отразила сочетание и взаимодействие факторов провинциальной культуры и культуры столичного центра, оказавших влияние на формирование его кругозора, его научных интересов.

В первые десятилетия после выхода книги И. П. Лаптева в 1824 г. его имя, кроме рецензий 1825 г. известного слависта и палеографа А. Х. Востокова в «Библиографических листах», историка Н. А. Полевого в журнале «Московский телеграф» и публициста Ф. В. Булгарина в газете «Северная пчела», упоминалось в некоторых работах (П. И. Кеплена, Г. А. Розенкампа, В. Г. Анастасевича, И. П. Сахарова), в переписке ученых Румянцевского кружка (опубликованной позднее). С середины XIX в. оно вошло в палеографические пособия, курсы и, наконец, в историографические работы⁵⁾. Заметки о продаже собрания И. П. Лаптева и отдельных рукописях из него встречаются в публикациях историков, прежде всего М. П. Погодина и многотомном труде его биографа Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина» (СПб., 1888–1910. Кн. 1–22. См. имен. указ.). В конце XIX — начале XX в. библиофильской деятельностью Лаптева заинтересовались книговеды, археографы. Биографические статьи о нем были помещены в энциклопедиях конца XIX — начала XX в.⁶⁾ В них, как и в других справочниках, фигурируют скупые данные о нем (фамилия, имя, отчество (не всегда), сословие, название его книги). Однако даже о главном — изучении И. П. Лаптевым бумажных водяных знаков — после оценок в работах К. Я. Тромонина (1844) и Н. П. Лихачева (1891, 1899) вплоть до 80-х годов XX в. исследований не было, хотя его книгу по-прежнему называют во всех курсах отечественной палеографии и других специальных работах, в том числе за рубежом. Это можно объяснить недостаточным изучением филиграней нашими специалистами в первые десятилетия после 1917 г., вплоть до 50-х годов, а также недооценкой разработки персоналий в советское время. Статья об И. П. Лаптеве отсутствовала в советских энциклопедиях. Впервые после 1917 г. она восстановлена во всероссийской энциклопедии «Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.» (В 5 томах. М., 2000. Т. 3), благодаря написанной мной справке, дополненной и уточненной

⁵⁾ Об И. П. Лаптеве в дореволюционной литературе см.: Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Пг., 1914. Т. III. С. 393; Дилакторский П. А. Вологжане-писатели: Материалы для словаря писателей, уроженцев Вологодской губернии. Вологда, 1900. С. 62.

⁶⁾ Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 33 (XVII); Русская энциклопедия. СПб., [1914]. Т. 11.

по сравнению с дореволюционными изданиями. Отметим переиздание в числе других персоналий статьи об И. П. Лаптеве в справочнике «Энциклопедический словарь: Биографии». В 12 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон (М., 1998. Т. 6. Репринт).

До выхода в 80–90-х годах XX в. статей болгарского ученого К. И. Ивановой и филолога М. С. Крутовой⁷⁾, которые привели данные о И. П. Лаптеве — палеографе и библиофиле, о его деятельности было известно мало, и даже имеющиеся в литературе факты не были обобщены. Исключение составляют глубокие выводы о Лаптеве — исследователе Кормчих книг, сделанные историком В. П. Любимовым в статье «О Лаптевском списке Правды Русской»⁸⁾. Ценные извлечения из документов и наблюдения о Лаптеве — владельце и знатоке рукописей имеются в статье Б. М. Клосса, об оценке книги И. П. Лаптева К. Ф. Калайдовичем — у В. П. Козлова⁹⁾.

В литературе по истории Вологодского края до 1993 г. упоминаний И. П. Лаптева, кроме как в словаре П. А. Дилакторского (1900), нет. Не удивительно, что книга И. П. Лаптева как библиографическая редкость в Вологодской областной библиотеке отсутствует. Но после наших исследований имя И. П. Лаптева вошло в картотеку отдела краеведения этой библиотеки. Впервые краткая (и неточная) справка о нем появилась в 1993 г. в краеведческом словаре «Вологда». Уже после выхода наших статей собрание материалов об И. П. Лаптеве, «который проявил себя публикацией первой в России книги о бумажных водяных знаках, чем прославил Вологду как микрородину науки филиграноведения в России», отметил историк Русского Севера П. А. Колесников¹⁰⁾, но без обоснования этого положения. Наша аргументация впервые была дана в статье «Вологодский купец И. П. Лаптев — филиграновед, библиофил, нумизмат»¹¹⁾, подробнее — в данной книге.

⁷⁾ *Иванова К. И.* Рукописи И. П. Лаптева в собрании М. П. Погодина // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 188–192; Заметки об отдельных рукописях из собрания Лаптева см. в работах того же автора: *Иванова-Константинова Кл.* Об одной рукописи XIV в. в Погодинском собрании // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 295, 304, 307–308; *Иванова Климентина.* Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. С. 10, 29, 203–204, 325, 350, 427; *Крутова М. С.* О книжной коллекции И. П. Лаптева и Златой цепи в ее составе // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 133–138.

⁸⁾ Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. II. С. 832–839.

⁹⁾ *Клосс Б. М.* Об истории томов Лицевого свода, хранящихся в Публичной библиотеке // Исследования по источниковедению дооктябрьского периода. М., 1985. С. 109–113; *Козлов В. П.* Малоизвестные письма К. Ф. Калайдовича к Н. П. Румянцеву // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 225.

¹⁰⁾ *Коновалов Ф. Я., Панов Л. С., Уваров Н. В.* Вологда. XII – начало XX в.: Краевед. словарь. Архангельск, 1993. С. 196; *Колесников П. А.* Сказы о граде Вологде // Вологда: Историко-краевед. альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 13.

¹¹⁾ Послужить Северу... Историко-худ. и краевед. сб. Вологда, 1995. С. 91. Этому вопросу было посвящено мое сообщение «Вологда — малая родина российского фи-

В результате интенсивного развития краеведения в последнее время начала разрабатываться история вологодского купечества. Важный материал об участии купеческого капитала в развитии промышленности опубликовала Г. Н. Козина¹²⁾. Для освещения истории собраний древней рукописной и старопечатной книги Вологодского края среди последних работ большое значение имеет каталог-путеводитель «Памятники письменности в музеях Вологодской области» (Вологда, 1982–1998. Ч. 1–4. 13 выпусков). Это — первое в России такого рода издание в масштабе целой области, причем области с богатыми культурными традициями. Оно подготовлено коллективом историков, музейных работников Москвы, Ленинграда и Вологодской области под общей редакцией профессора П. А. Колесникова. Много ценных новых данных по истории и культуре Вологды и края рассматриваемого периода находим в выпусках альманаха «Вологда» (1994, 1997).

Биографические, как и большинство других данных об И. П. Лаптеве, пришлось разыскивать в архивах. Некоторые важные сведения (о составе его семьи, аукционе имущества, в том числе рукописей и книг) можно найти в «Прибавлениях» к газете «Санктпетербургские ведомости». Недостаточность сохранившихся источников и их распыленность — главная трудность в исследовании темы. Личного фонда нет, части собраний рукописей, книг, филиграней и нумизматической коллекции Лаптева оказались в разных фондах и хранилищах. Поиск биографических материалов затруднялся и тем, что плохо сохранились фонды купеческих управ за исследуемый период как в центральных архивах, так и в Вологде (гибель от пожаров, уничтожение документов после 1917 г.). Лишь отдельные сведения о Лаптеве обнаружены в Государственном архиве Вологодской области. Больше данных о нем, даже по периоду жизни в Вологде, содержат центральные архивы. Так, ценнейшие документы о занятиях Лаптева торговлей лесом, о его проекте очищения гаваней Кронштадтского порта и последовавших наградах удалось выявить в фондах РГИА и РГА ВМФ. Большой комплекс материалов о дарении Лаптевым тома Лицевого летописного свода XVI в. в Публичную библиотеку Петербурга обнаружен в фондах ОР РНБ, Архива РНБ и РГИА. И, наконец, самое важное: мною выявлены черновая рукопись книги Лаптева, коллекция его бумажных водяных знаков (ОР РНБ), лаптевское описание списка Номоканона Иоанна Постника (ОР РГБ), отдельные документы, написанные им самим (ГАВО) или другими лицами (чаще его детьми), и новые документы о нем. Отдельные сведения о Лаптеве — библиофиле и филиграноведе — почерпнуты из фондов М. П. Погодина (из его автобиографических заметок,

лиграноведения» на первых научных чтениях памяти П. А. Колесникова («Красный Север» (Вологда). 1997. 29 окт.).

¹²⁾ Козина Г. Н. Вологодские купцы — фабриканты и заводчики (XVIII — начало XX в.) // Вологда: Краевед. альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 85–148.

Дневника, писем А. Ф. Бычкова, Н. А. Загряжского, И. П. Сахарова), П. М. Строева, Кошелевых, В. М. Ундольского (ОР РГБ), Олениных, Г. А. Розенкампа, Н. М. Михайловского (ОР РНБ).

Необходимо обратить особое внимание на такой комплекс источников, как коллекции водяных знаков, который до сих пор интересовал только исследователей филиграней и использовался по прямому назначению — для публикации водяных знаков (М. В. Кукушкина, Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина). Изучение вопроса о формировании источниковой базы отечественного филиграноведения, предпринятое мною в связи с подготовкой к первому всесоюзному совещанию филиграноведов (Москва, май 1987 г.), позволило обнаружить несколько таких коллекций более раннего времени — первой трети XIX в. Их анализ дал возможность впервые осветить начальный период собирания и изучения водяных знаков в России еще до выхода книги Лаптева, продолжение его работы над филигранями после ее издания и дальнейшую разработку вопросов филиграноведения в конце 30-х — начале 40-х годов XIX в. Таким образом, изучение архивных коллекций водяных знаков имеет не только практический (для публикации филиграней), но и большой историографический интерес¹³⁾, позволяет выявить новые факты в истории культуры.

Ценным первоисточником по данной теме являются многочисленные записи Лаптева и его помощников на рукописях из его собрания, встречающихся в разных хранилищах. Хотя такого рода записи изучаются давно, но для выявления собраний и круга чтения представителей купечества они привлекаются недавно. В нашей монографии записи использованы как источник не только по вопросу об изучении Лаптевым исторических трудов и публикаций, но и о научных занятиях этого купца. Целый ряд записей представляют собой фрагменты исследования им древних рукописей и книг, их описания. Благодаря записям удалось выяснить имена его помощников в работе — троих детей и постороннего лица.

Новые архивные источники (из фондов ГАВО, ВГИАХМЗ, РГА-ДА, РГИА, ЦГИА СПб., РГА ВМФ, СПб. ФА РАН, Архив РНБ, ОР РНБ, ОР БАН, ОР РГБ) и обобщение опубликованных данных позволяют впервые всесторонне охарактеризовать деятельность этого интересного человека, внесшего важный вклад в историю русской культуры и становление отечественного филиграноведения.

Отсутствие обобщающей работы о Лаптеве, а также по истории возникновения отечественного филиграноведения привело к тому, что, несмотря на канонизацию его имени в палеографических курсах, он и его книга по филиграням оставались вне окружения, как бы в вакууме, вызывая удивление своим появлением. Такое же положение

¹³⁾ См. об этом в нашей статье: Основные итоги развития советского филиграноведения в 50-х — начале 80-х годов // Филигранологические исследования: Теория, методика, практика: Сб. науч. трудов. Л., 1990. С. 17–20.

с освещением деятельности других знатоков-любителей, самородков из так называемого третьего сословия в России XIX в., о которых только начинают писать наши историки, восстанавливая дореволюционную традицию.

Поэтому прежде всего необходимо выяснить условия, предпосылки и первые попытки собирания и изучения водяных знаков в России в первой четверти XIX в., чему и посвящена I глава книги. II глава содержит биографический очерк И. П. Лаптева. В III главе раскрывается подготовка Лаптевым книги о бумажных водяных знаках, ее издание, оценка современниками и нынешними учеными. В IV главе анализируется его палеографическая деятельность во второй половине 20-х – в 30-х годах XIX в. (пополнение коллекции филигранных и ее судьба, изучение Кормчих книг, характеризуется его собрание рукописей и старопечатных книг).

* * *

Выражаю глубокую благодарность работникам архивов и отделов рукописей, историкам, оказавшим помощь в поиске материалов по данной теме в наше трудное переходное время: Б. А. Градовой и В. М. Загребину (ОР РНБ), М. В. Кукушкиной (ОР БАН), Л. Б. Вольфун (Архив РНБ), С. И. Вареховой (РГИА), Е. И. Серебряковой и Л. М. Костюхиной (ОР ГИМ), профессору Ю. И. Чайкиной (ВГПУ), Г. Н. Козиной, Н. Н. Малининой (ВГИАХМЗ), М. Д. Уховой (ГАВО). Особая благодарность ведущему научному сотруднику ОР ГИМ Т. В. Диановой, по инициативе которой я, будучи сотрудником Археографической комиссии РАН, сделала перевод на русский язык I т. труда Э. Т. Лауцявичюса «Бумага в Литве в XV–XVIII вв.» (Вильнюс, 1979), что вовлекло меня в изучение филигранологии и заставило обратиться к ее истокам в России. Признательна членам-корреспондентам РАН С. М. Каштанову и Я. Н. Щапову, а также Е. В. Беляковой (ИРИ РАН) за ценную информацию о труднодоступной специальной литературе и консультации по спорным проблемам. Созданию книги способствовала творческая атмосфера Археографической комиссии, позволявшая квалифицированно обсуждать возникавшие вопросы, и постоянная поддержка ее председателя академика Российской академии образования С. О. Шмидта. Очень признательна моим близким, поддерживавшим меня, особенно мужу Е. З. Майминасу — первому взыскательному читателю книги и помощнику при подготовке ее к печати.

Работа выполнена и издана при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, гранты № 97-01-00482, 99-01-16143.

Глава I

Палеографическое изучение бумажных водяных знаков в России первой четверти XIX в.*

1. Исторические условия и предпосылки

Конец XVIII – первая половина XIX в. — период становления историче­ского источника и вспомогательных исторических дисциплин в связи с развитием исторической науки в России. Истории палеографии, дипломатики, геральдики, археографии и других такого рода дисциплин посвящена большая научная литература, учебные пособия, библиографии. Большинство исследований касается их развития во второй половине XIX–XX в. и превращения из вспомогательных в специальные. В последние десятилетия осуществлены успешные попытки углубить исследования, проанализировать самые истоки появления этих областей знания в России¹⁾.

Особо важное значение имеют изыскания, обобщающие и по­новому осмысливающие деятельность «колумбов российских древностей» — крупнейших русских ученых историков, палеографов, археографов, которые в первой трети XIX в. собрали, изучили и издали огромное количество источников по отечественной истории²⁾.

* Материалы этой главы см. в наших статьях в АЕ за 1993 год (М., 1995) и в АЕ за 1994 год (М., 1996), а также: У истоков отечественной филигранологии // Русь и южные славяне: Сб. статей к 100-летию со дня рождения В. А. Мошина (1894–1987). СПб., 1998. С. 449–458; Die Besonderheiten der Entwicklung der Filigranologie in Rußland // Papiergeschichte als Hilfswissenschaft. 23. Kongreß der Internationalen Arbeitsgemeinschaft der Papierhistoriker (Zusammenfass.). Leipzig, 1996.

¹⁾ Жуковская Л. П. Развитие славяно-русской палеографии: (В дореволюционной России и в СССР). М., 1963; Николаева А. Т. Русское источниковедение XVIII в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1968; Она же. Основные этапы развития отечественного источниковедения: Учеб. пособие. М., 1976; Каменцева Е. И. История вспомогательных исторических дисциплин: Учеб. пособие. М., 1979; Библиография трудов по отечественному источниковедению и специальным историческим дисциплинам, изданных в XVIII в. / Сост.: А. И. Аксенов, В. П. Козлов, М. Б. Северова, Н. А. Соболева. М., 1981. Ротапр.; Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». М., 1988; Аксенов А. И. С любовью к отечеству и просвещению: А. И. Мусин-Пушкин. Рыбинск, 1994; и др.

²⁾ Козлов В. П. К. Ф. Калайдович и развитие источниковедения и вспомогательных (специальных) исторических дисциплин в первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1976; Она же. Колумбы российских древностей. М., 1981;

Много нового материала дает изучение истории коллекционирования рукописей и книг, в том числе знатоками-любителями³⁾. Анализируя ее, В. П. Козлов пришел к выводу, что в 10–20-х годах XIX в. «основная масса рукописных книг находилась в среде низшего и среднего слоев русского общества. Вместе с тем к ним повысился интерес как к предмету собирания у высшего привилегированного класса»⁴⁾. Издание первых описаний этих коллекций, помимо научных работ, связанных с их изучением, позволило ввести в научный оборот ценнейшие исторические источники, а в ходе составления описаний рукописей и подготовки к изданию важнейших источников закладывались основы вспомогательных исторических знаний.

Одной из наименее разработанных областей этих знаний, как за рубежом, так и в России в первой трети XIX в., было изучение бумажных водяных знаков. В нашей историографической литературе специально указанный вопрос не рассматривался. Обычно при изложении истории отечественного филиграноведения выделяются «пики» таких разработок: первая работа о бумажных водяных знаках И. П. Лаптева «Опыт в старинной русской дипломатике...» (СПб., 1824); первый крупнейший не только в России, но и в мире сводный альбом филиграней К. Я. Тромонина «Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать, когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов» (М., 1844). И наконец, труды Н. П. Лихачева — классика русской палеографии и филиграноведения: «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (СПб., 1891); «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (СПб., 1899. Ч. I–III).

Но между этими вершинами в историографии русского филиграноведения как бы пустота, частично заполненная упоминаниями описаний и изданий отдельных рукописей, при подготовке которых исследовались и использовались для датировки водяные знаки их бумаги. Однако обобщения материала не проводилось, кроме краткого обзора у Н. П. Лихачева⁵⁾. И совсем не изучался вопрос о собирании

Он же. Русская археография конца XVIII – первой четверти XIX в.: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1989; *Он же.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX в. М., 1999; *Поле Т. А.* Румянцевский кружок и развитие славяно-русской палеографии: Автореф. дис. ... канд. ист. наук, М., 1980; *Андреева Т. В.* П. М. Строев и развитие русской исторической науки в первой трети XIX в.: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986; и др.

³⁾ *Никифоров Е. Г.* Частное собирательство документальных материалов в России в первой половине XIX в. // Сов. архивы. М., 1972. № 3; *Козлов В. П.* Направления и формы собирания письменных источников в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. // АЕ за 1987 год. М., 1988; и др.

⁴⁾ *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. С. 80.

⁵⁾ *Лихачев Н. П.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. I. Исследование и описание филиграней. С. CLXXXVIII–CXCI.

коллекций филигранных в тот период, имеющий большое значение не только для выявления конкретных фактов истории культуры, но и для того, чтобы показать подготовку первых специальных пособий по филиграммам, их источниковую базу, а также взаимосвязь деятельности знатоков-любителей и ученых в данной области. Здесь важно проследить накопление количественных знаний по изучению водяных знаков как основы возникновения филиграноведения.

Современные специалисты считают, что филигранология как научная дисциплина сформировалась в конце XIX – начале XX в. с появлением капитальных трудов Н. П. Лихачева и Ш.-М. Брике.

По аналогии с ее развитием в Западной Европе, где работы с использованием филигранных известны еще с 1737 г. (а первое их упоминание даже в XVI в.)⁶⁾, в России также работы с привлечением водяных знаков появились задолго до того, как сложилось филиграноведение. Но у нас этот процесс начался позже и занял несколько меньший период, а именно около 100 лет. Во всяком случае, более ранние сведения о нем неизвестны.

По указанному вопросу важное наблюдение высказал А. А. Турилов еще на первом всесоюзном совещании филиграноведов в Москве в 1987 г., а затем изложил его в статье. Он писал: «Развитию филигранологии как научной дисциплины предшествовал этап, который, пользуясь искусствоведческой терминологией, можно назвать знаточеским. В России он охватывает время от первой четверти до конца XIX в. Для него характерно формирование убеждения о важности филигранологии для датировки (даже с известным преувеличением ее возможной точности), идущее параллельно с накоплением материала без четкой систематизации. В научной литературе этот период отечественного филиграноведения практически не изучен (за исключением деятельности И. П. Лаптева и К. Я. Тромонина, оставивших печатные труды) из-за распыленности источниковой базы. Большинство знатоков в этот период фиксировало свои наблюдения непосредственно на рукописях (здесь можно упомянуть дочерей И. П. Лаптева — “девиц” Ольгу и Елизавету, помещавших тщательные копии “фабричных клейм” (филигранных) на защитных листах рукописей; многие же другие знатоки остаются пока, да, вероятно, останутся и в будущем, неизвестными)»⁷⁾.

Столь большая цитата приведена здесь потому, что она содержит важные положения, непосредственно связанные с нашим исследованием, и, кроме того, является фактически единственной в современной

⁶⁾ Mošin V. Die Filigranologie als historische Hilfswissenschaft // *Papiergeschichte*. Jg. 23 (1973). H. 5/6. Mainz, Juni 1974. S. 30.

⁷⁾ Турилов А. А. Об опасности абсолютизации филигранологического метода датировки рукописей // *Филигранологические исследования: Теория, методика, практика: Сб. науч. трудов*. Л., 1990. С. 124–125.

литературе обобщающей характеристикой периода, подготовившего создание отечественного филиграноведения.

Соглашаясь с этой характеристикой в основном, отметим некоторые нюансы. Филиграноведческое «знаточество», на наш взгляд, фактически совпадало с понятием «практической палеографии», понятием, распространенным в среде историков первой половины XIX в., поскольку развитие исторической науки требовало широкого выявления и тщательного внешнего и внутреннего анализа письменных источников. Поэтому столь велико значение деятельности А. Н. Оленина, К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева, А. Х. Востокова, А. И. Ермолаева и других ученых, закладывавших основы отечественной палеографии. В практической палеографии, в том числе в ее филиграноведческой части, работа знатоков-любителей по сути смыкалась с деятельностью ученых. Последние, как правило, вводили новые данные в научный оборот.

Исключение относительно освещенности деятельности Лаптева и Тромонина, которое допускает Турилов, кажется верным лишь отчасти, так как деятельность Лаптева, кроме упоминания его книги и публикации отдельных записей, сегодня фактически только начинают изучать. Что касается Тромонина, то его альбом водяных знаков широко используется и с дополнениями переиздан за рубежом, однако о подготовке труда имеются лишь отрывочные сведения. Эти два филиграноведа, выйдя из среды любителей, приблизились в филиграноведческой области к деятельности ученых, опубликовали результаты (хотя еще несовершенные) своих разработок.

В то же время прав Турилов, что многие другие знатоки остаются пока неизвестными. Однако последние работы и наши изыскания показывают, что при кропотливых поисках часть имен крупнейших знатоков-любителей филиграней можно вывести из забвения, сократив тем самым число неизвестных, «протянув нити» от них к ученым. Как часто происходит и в других областях знаний, разработки филиграней учеными и знатоками-любителями в подготовительный период шли как бы параллельно. В отдельных случаях они соприкасались, влияли друг на друга.

Какое наследие оставил XVIII в. в качестве предпосылок изучения бумаги и ее водяных знаков?

Учитывая, что мы исследуем подготовительный период отечественного филиграноведения, важно отметить факторы, способствовавшие включению в этот процесс представителей так называемого «третьего сословия». Прежде всего нужно вспомнить, что XVIII в. — время становления и бурного развития русского бумажного производства. Наряду с иностранной на российский рынок стала поступать и русская бумага. К концу века работало более 70 бумажных мануфактур под Москвой, Петербургом, Калугой, в Воронежском,

Вологодском, Костромском и других уездах⁸⁾. В основании многих из них участвовали своими капиталами купцы.

Таким образом, в конце XVIII – начале XIX в. увеличилось число людей, втянутых не только в производство, но и в потребление бумаги, ее покупку-продажу, использование для письма и книгопечатания. Острее стала необходимость разбираться в ее названиях, сортах и т. п. Еще в 1719 г. Адмиралтейств-коллегия издала реестр сортам бумаги, находящимся в продаже⁹⁾. Указ 18 октября 1778 г. обязывал всех владельцев бумажных мануфактур «в делаемой всякого сорта бумаге класть свои особые от других клейма, а равно изображать на оной тот год, когда делана»¹⁰⁾. В XVIII в. употреблялась гербовая бумага со своими «клеймами» и водяными знаками¹¹⁾.

Научному изучению в России того периода история бумаги еще не подвергалась. Она интересовала преимущественно практиков — фабрикантов, купцов, издателей, имевших дело как с русской, так и с иностранной бумагой. Они пользовались иностранными справочниками по писчебумажному производству, которые включали и материал по истории бумаги¹²⁾. Отечественная литература была малочисленна даже в середине XIX в.¹³⁾ Сорта и форматы иностранной бумаги, более ранние образцы которой служили материалом для написания старинных русских рукописей, были известны русским потребителям под своими коммерческими названиями на языке оригинала. Передача этих названий на русский язык имела место прежде всего в деловых документах (реестры товаров, таможенные тарифы и т. п.). Использование такого рода источников, особенно за период до XVIII в., может помочь историкам и палеографам, как они послужили в свое время Н. А. Резцову в деле изучения бумаги в России¹⁴⁾.

Во второй половине XVIII в., когда расширилась практика издания разного рода словарей, появились русские переводы иностран-

⁸⁾ Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве: Историко-археографический очерк. СПб., 1891. С. 91–92; Учаскина З. В. Русская техника в производстве бумаги. М., 1948. С. 14; Она же. Развитие бумажного производства в России. М., 1972; Uchastkina Z. V. A History of Russian Hand Paper-Mills and their Watermarks. Hilversum, 1862 (Monumenta... Vol. IX); Кукушкина М. В. Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII – начала XIX в. // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. II: XIX–XX века. С. 288; и др.

⁹⁾ Полное собрание законов Российской империи. СПб., 1830. Т. V. С. 756–757. № 3457.

¹⁰⁾ Там же. Т. XX. С. 755. № 14810.

¹¹⁾ Картавов П. А. Исторические сведения о гербовой бумаге в России. СПб., 1900. Вып. I. С. 14–15.

¹²⁾ См. об этом: Рейхель А. Обзор литературы писчебумажного производства. 2-е изд. СПб., 1860.

¹³⁾ Там же. С. 41.

¹⁴⁾ Полезно было бы собрать сведения об иностранной бумаге в торговле России по указанным документам, обработать и опубликовать в виде справочника.

ных коммерческих словарей. В них перечислялись сорта и форматы иностранной бумаги, многие из которых были связаны с названиями филиграней. В качестве примеров таких справочников укажем «Экстракт Савариева лексикона о коммерции» (пер. с фр. по поручению коммерц-коллегии секретарь Академии наук С. Волчков. СПб., 1747) и «Словарь коммерческий...» (пер. с фр. В. Левшиным. М., 1787. Ч. 1).

В русской литературе второй половины XVIII в. преобладают переводы с французского, как и французские заимствования в русском языке с 60-х годов XVIII в.¹⁵⁾

В XVIII в. в русском языке закладываются основы многих специальных терминологических систем¹⁶⁾. Это положение можно отнести и к бумаговедению. В формирующемся языке специалистов бумажной отрасли промышленности, торговцев бумагой, книгами господствовали русские термины (из интересующих нас — клеймо, знак, бумага разных рук, или доброты и др.), что способствовало его усвоению и распространению. Последнее, по-видимому, можно объяснить двумя обстоятельствами. Формирование основ бумажной терминологии проходило в период бурного развития русской бумажной промышленности и совпало со временем складывания общенационального литературного языка, когда «усиливаются пуристические тенденции, охрана “чистоты” общего типа языка, его славяно-русского ядра и одновременно наблюдается активный приток иноязычных слов»¹⁷⁾.

Однако главный для русского филиграноведения термин «бумажный водяной знак» еще не сложился, о чем свидетельствуют и материалы «Словаря русского языка XVIII в.»¹⁸⁾. Отдельно встречаются все составляющие его слова — знак, водяной, бумажный (относящийся к бумаге и ткани), но употребления целого термина еще нет. Хотя описания полной филигранны в литературе имелись, например, в переводном с французского «Словаре коммерческом»: «Посредине каждого полулиста кладется на одной половине знак всякой фабрики, а на другой — знак, определяющий свойство бумаги, как-то виноградной гроздь, лилия и тому подобное. И как знаки сии делаются из проволоки же и устанавливаются несколько повыше сетки, дно составляющей, изображаются оные на бумаге, и против свету на оной кажутся прозрачнее»¹⁹⁾. Мы видим здесь пояснение основного водяного знака и контрамарки. В официальных указах и других

¹⁵⁾ История лексики литературного языка конца XVII — начала XIX в. М., 1981. С. 167–168.

¹⁶⁾ Словарь русского языка XVIII в.: Проект. Л., 1977. С. 10.

¹⁷⁾ История лексики... С. 27.

¹⁸⁾ Словарь русского языка XVIII в. Л., 1985. Вып. 2; 1987. Вып. 3.

¹⁹⁾ Словарь коммерческий, содержащий познание о товарах всех стран и названиях вещей... М., 1787. Ч. 1. С. 246. О русской терминологии бумажного производства XVIII в. см.: *Участкина З. В.* Русская техника в производстве бумаги; и др.

документах, связанных с бумажным производством, применительно к водяному знаку чаще употреблялось слово «клеймо», но иногда — «изображение», «герб». Как и слово «знак», они использовались и в других случаях, с иным содержанием.

Примечательно, что, хотя на рынке второй половины XVII и даже первой четверти XVIII в. из иностранной бумаги сохраняла преимущества голландская бумага, голландская терминология в русском бумагоделании закрепилась лишь в ряде названий сортов бумаги, в том числе в переводах²⁰. Очевидно, длительный период ввоза французской бумаги, предшествовавший голландскому, пустил глубокие корни, укрепленные тесными связями России с Францией во второй половине XVIII в., и это несмотря на создание с начала XVIII в. постоянного производства русской бумаги.

Уже со второго десятилетия XVIII в. входит в русский язык слово «сорт» непосредственно от фр. *sorte* (или через голл. *soorte* и нем. *Sorte*), «ранее всего как торговое слово в значении: класс доброты, качество товара или его вид, ассортимент»²¹. Но чаще употребляется русское его соответствие «рука», в том числе преимущественно к сортам бумаги. В упомянутых переводных словарях XVIII в. фигурирует слово «формат» применительно к размерам бумажного листа, в данном случае французского происхождения, хотя в других случаях — немецкого. Со временем в XIX в. в русском филологическом употреблении постепенно закрепились в качестве основных терминов заимствования из французского языка названия элементов сетки формы для отлива бумаги — «филигрань» («филигран») (*filigrane*), «понтюзо» (*pontuseaux*), «вержеры» (*vergeures*), часть названий сортов и форматов бумаги.

Обращаясь в связи с изучаемым вопросом к текстам официальных указов и словарей XVIII в., нужно учитывать наблюдения лингвистов о том, что «состояние русского языка в это время следует определить как переходное»²². Одна из характерных особенностей его — «отсутствие во многих случаях общих норм употребления, нередкое отсутствие нормативной регламентации даже в пределах одного речевого контекста, а как следствие этого — слабая семантико-стили-

²⁰ См.: Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы... С. 78–82. Табл. 52–67; Черепнин Л. В. Русская палеография. М., 1956. С. 338, 458–459; и др. Обобщающий материал об использовании голландской бумаги этого периода в русских источниках см. в предисловии к альбому Т. В. Диановой: Филлиграния XVII–XVIII вв. «Голова шута»: Каталог. М., 1997; Филлиграния XVII–XVIII вв. «Герб города Амстердама». М., 1998.

²¹ Биржакова Е. Э., Войнова Л. Л., Кутина Л. Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII в.: Языковые контакты и заимствования. Л., 1972. С. 141. См.: Новый лексикон на французском, немецком, латинском и на российском языках / Пер. ассессора С. Волчкова. СПб., 1762. Ч. 2.

²² Словарь русского языка XVIII в.: Проект. С. 5.

стическая дифференциация близких по смыслу слов и сочетаний»²³⁾, порой возврат к архаизмам.

Остановливаясь на вопросах развития бумажного производства и бумаговедения в России XVIII в., мы учитывали недостаточную их связь с вопросами изучения бумажных водяных знаков в историографии отечественного филиграноведения, которая сама не имеет обобщающего труда. Конкретное проявление этой связи с практикой бумажного производства можно проследить еще в работах Н. П. Лихачева, а позднее З. В. Участкиной, С. А. Клепикова, М. В. Кукушкиной при изучении водяных знаков русского происхождения, а также в работах специалистов Украины, Литвы, Латвии, Грузии. Хотя и в них больше рассматривалась связь тех или иных филиграней с отдельными фабриками, но не историографический аспект влияния бумаговедения на возникновение филиграноведения. Между тем Клепиков в одной из первых своих работ рассматривает филиграноведение даже как раздел бумаговедения²⁴⁾, что справедливо, особенно на ранней стадии его развития. Филиграноведение как научная дисциплина формируется на стыке бумаговедения и палеографии, преследующих разные цели в изучении филиграней. Исследуемая тема, ее хронологический период без этого вопроса обойтись не могут.

Гораздо больше изучено наследие XVIII в. в научном плане, с точки зрения развития исторической науки и особенно вспомогательных исторических дисциплин. Не повторяя сказанного в начале главы, отметим важнейшие положения для нашей темы. Прежде всего выделение исторических сочинений XVIII в. из литературной публицистики в специальную категорию работ научного характера, т. е. становление и развитие русской исторической науки. С ним тесно связан вопрос о создании ее источниковой базы, выявлении и публикации исторических источников, который глубоко проанализирован в докторской диссертации В. П. Козлова.

Естественно, в XVIII в. уже накапливаются знания по источниковедению и вспомогательным историческим дисциплинам, в первую очередь — дипломатике, археографии, палеографии. Для понимания вопросов изучения филиграней особое значение имеет палеография. Ее развитию в XVIII — первой четверти XIX в. среди работ последних десятилетий специальное внимание уделила Т. А. Поле²⁵⁾, рассмотревшая исследование внешних признаков рукописных источников,

²³⁾ Словарь русского языка XVIII в.: Проект. С. 7.

²⁴⁾ Клепиков С. А. Филигрны и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII—XX века. М., 1959. С. 5.

²⁵⁾ Поле Т. А. Румянцевский кружок и развитие славяно-русской палеографии: Автореф. С. 13–14; Она же. Вопросы палеографии в трудах дворянских историков XVIII — первой четверти XIX в. // Вопросы историографии и источниковедения. Днепропетровск, 1975. Вып. 2. С. 67–76.

в частности, материала для письма. Последний, считает она, в описаниях XVIII в. еще не стал обязательным элементом.

Наконец, для создания коллекций филиграней важно отметить факт коллекционного бума, который зародился еще в XVIII в. и был вызван обостренным вниманием к национальной истории и ее «остаткам». Как подсчитал В. П. Козлов, в России в конце XVIII – начале XIX в. было около 150–160 частных рукописных коллекций²⁶⁾. В их комплектовании участвовали купцы, чиновники, представители духовенства, а также привилегированных сословий, среди которых были государственные и общественные деятели, ученые.

Таковы основные предпосылки изучения и коллекционирования бумажных водяных знаков в XIX в.

В первой четверти XIX в. при изучении древнейших рукописей и их описании материал для письма становится уже обязательным элементом. Но у большинства исследователей подход был только, так сказать, общепумаговедческим, без учета филиграней. В целом ученые — историки и филологи — разделяли материал для письма на пергамен и бумагу, затем начали упоминать и бересту.

Архаизм терминологии даже в первые десятилетия XIX в. проявлялся в том, что часто любой материал для письма называли «бумагой». Характерны в этом отношении работы и письма Евгения (Евфимия Алексеевича Болховитинова) (1767–1837), формирование которого как ученого в значительной мере приходится на конец XVIII – начало XIX в. Наиболее концентрированно эта терминология выражена в его работе «Примечания на граммату великого князя Мстислава Володимировича и сына его Всеволода Мстиславича, удельного князя Новгородского, пожалованную новгородскому Юрьеву монастырю»²⁷⁾. III раздел «Примечаний» назван «О бумаге и чернилах сей грамматы», а первая фраза гласит: «Бумага сей грамматы есть лист пергаменный». Суммируя наблюдения западноевропейской дипломатики по И. Хр. Гатгереру, автор перечисляет «разные роды бумаг»: «папирусовую» — с V до XI в.; «пергаменную» — с VI в.; «хлопчатую, делавшуюся из хлопчатой бумаги» — в IX–X вв.; «шелковую, делавшуюся из шелку»; «холстинную, появившуюся с XIII или XIV в. и оставшуюся в употреблении донныне» (с. 220). В России же, по его мнению, употреблялись «три рода бумаги»: «пергаменная» — «до XV почти века, а некоторые грамматы и после того»; «хлопчатая»; «холстинная тонкая, появившаяся у нас с XIV в.» (с. 221).

²⁶⁾ Козлов В. П. Кружок А. И. Мусина-Пушкина и «Слово о полку Игореве». С. 65; *Он же*. Направления и формы собирания письменных источников в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. С. 61, указано 160 коллекций.

²⁷⁾ Вестник Европы. М., 1818. Ч. 100. № 15/16. С. 201–205. Эту особенность отметила Л. П. Жуковская (Указ. соч. С. 32).

Т. А. Поле рассматривает эти определения как характерную ошибку ученого²⁸⁾. Думается, что тут не ошибка, а традиционное использование старых терминов, как, например, *charta pergamena*, *charta bombicisuna*. Кстати, то же самое относится и к употреблению термина «чернила» Болховитиновым. В терминологии в то время царил разноречивой даже в употреблении основных понятий. Применение таких терминов, конечно, не означало смешения в исследовании самих материалов письма (иногда в практике оно случается). Болховитинов часто использует эти слова не только как прилагательные, но и как существительные. Он и другие специалисты различали пергамен от бумаги, а также «роды» бумаг (хлопчатую, тряпичную). Относительно хронологического рубежа для России определенно назывался лишь период смены пергамена бумагой — XIV в. Точной границы смены хлопчатой бумаги тряпичной (льняной) еще не было установлено. Причем здесь русские ученые, естественно, шли за западноевропейскими. А новаторство порой приводило к ошибкам по причине неразработанности вопроса. Так, В. С. Сопиков в предисловии к первому тому своего известного библиографического труда писал о русских рукописях на бумаге начала XIII в.²⁹⁾ В рецензии на этот том, посланной Сопикову в январе 1814 г., Болховитинов аргументировал свое несогласие с ним: «По замечанию Гаттерера в его дипломатике хлопчатая бумага и у греков появилась только изредка с XI в., а холстинная уже с XIV в. Шлёцер полагает употребление бумаги в России также с конца XIII или начала XIV в. Следовательно, есть ли в России были какие бумажные книги, то разве писанные не у нас»³⁰⁾.

Приведенные исследования ценны не только по сути вопроса для определения точки зрения и терминологии одного из известных ученых того времени, дипломатиста, палеографа, археографа, но и как источник для установления работ зарубежных дипломатистов, использованных в его аргументации. И это естественно, поскольку к тому времени дипломатика из всех вспомогательных дисциплин получила наибольшее развитие. «Дипломатика, — пишет С. М. Каштанов, — возникшая как наука о подлинности документальных источников, первоначально включала в себя ряд других дисциплин, занимающихся изучением подлинности: палеографию, хронологию, сфрагистику и др. Такое понимание объема дипломатики характерно не только для исследователей XVII в., но и для некоторых дипломатистов XX в.»³¹⁾

²⁸⁾ Поле Т. А. К вопросу о развитии русской палеографии в первой четверти XIX в. // Некоторые проблемы отечественной историографии и источниковедения: Сб. науч. статей. Днепропетровск, 1972. С. 100; Она же. Румянцевский кружок и развитие славяно-русской палеографии. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1980. С. 123.

²⁹⁾ Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. СПб., 1813. Ч. 1. С. 46.

³⁰⁾ Замечания митрополита Евгения на «Опыт российской библиографии» Сопикова. Ч. 1 // Библиограф. 1889. СПб., 1890. № 4/5. С. 105.

³¹⁾ Каштанов С. М. Очерки русской дипломатики. М., 1970. С. 12,

Не случайно Болховитинов оценивал свои «Примечания» к Мстиславовой грамоте как попытку «составить хотя краткое начертание русской дипломатики, применяясь к общей Гатгереровой»³²⁾. А все последующие исследователи справедливо определяют значение его работы как в области дипломатики, так и палеографии.

Это положение важно иметь в виду не только для характеристики ситуации с развитием вспомогательных исторических дисциплин в исследуемый период, но и при анализе книги И. П. Лаптева.

Архаизм в употреблении бумаговедческой терминологии встречается и у более молодого по времени формирования ученого — Константина Федоровича Калайдовича (1792–1832). В письме от 13 ноября 1813 г. к ученому-архивисту Николаю Николаевичу Бантыш-Каменскому по поводу первого тома «Собрания государственных грамот и договоров» (М., 1813) он отмечал необходимость такого элемента описания, как материал для письма: «означено на пергаминах, хлопчатой или тряпичной бумаге они написаны»³³⁾, хотя в своих работах он отделял указанные определения применительно к конкретным источникам. Палеографический анализ этих работ дан Л. П. Жуковской, В. П. Козловым, Т. А. Поле и другими современными учеными.

Довольно подробные рассуждения о материале для письма, основанные на тех же работах западноевропейских дипломатистов и опубликованные даже раньше приведенных замечаний Болховитинова и Калайдовича, мы находим в работах известного историка первой половины XIX в. Михаила Трофимовича Каченовского (1775–1842). Наиболее полно они изложены в его программной статье «Об источниках для русской истории» (1809). Здесь он называет «египетский папир», «пергамент» и «бумагу», оговаривая, что первый материал в России не употреблялся; сомневался он и в использовании бересты («едва ли была у нас в употреблении и кора древесная»)³⁴⁾. Бумагу он делит на «хлопчатую» и «тряпичную», считая, что на Руси использовали для письма оба вида. Появление тряпичной бумаги, «которая и в южной Европѣ показалась не ранее четырнадцатого века», в России он тоже относит к этому времени³⁵⁾. Рассматривает он и восточное происхождение слова «бумага»; обращает внимание на ее качество, формат в русских летописях. Предлагает начать «упражняться в славянской палеографии», издавать таблицы снимков букв по векам, руководствуясь работами И. Гаттерера и Г. Шёнемана.

³²⁾ Переписка митрополита Киевского Евгения с государственным канцлером графом Н. П. Румянцевым и некоторыми другими современниками, с 1813 по 1825 год включительно. Воронеж, 1868. Вып. 1. С. 4. (Письмо к А. Н. Оленину в январе 1816 г.) (Далее: Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым.)

³³⁾ Цит. по: Шмидт С. О. Малоизвестное письмо К. Ф. Калайдовича: (Из истории вспомогательных исторических дисциплин) // ТМГИАИ. М., 1954. Т. 7. С. 225.

³⁴⁾ Вестник Европы. М., 1809. Ч. 44. № 5. С. 100.

³⁵⁾ Там же.

Архаизмов, отмеченных в терминологии Болховитинова и Калайдовича, у Каченовского нет. Любопытно следующее его наблюдение: «В церковных книгах наших встречаются слова дщица (дощечка. — Ю. А.) и хартия. Последнее слово принято с греческого и древние наши рукописи, не на пергаменте писанные, до ныне именовются харатейными»³⁶⁾. В связи с приведенным термином несколько позже мы рассмотрим полемику Н. М. Карамзина.

Отметим, что в «Вестнике Европы» № 1 того же, 1809 г., в разделе «Смесь» помещена без названия и подписи заметка о бумаге. По своему содержанию и терминологии она прямо перекликается с рассмотренной статьей Каченовского, и думается, также ему принадлежит (в указателе М. Полубенского³⁷⁾ материал раздела не расписан). Автор ссылался также на работы А. Шлёцера, Г. Шёнемана, Ф. И. Круга.

Обязательным элементом при характеристике рукописей являлся материал для письма в «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Проследить это позволяет «Ключ, или Алфавитный указатель» (СПб., 1836), составленный к ней Павлом Михайловичем Строевым (1796–1876). На слово «Пергамина (харатья)» отнесены три примечания в «Истории» (Т. IV. Примеч. 187, 373; Т. V. Примеч. 423). На слово «Бумага» — 13 упоминаний в т. IV, V, VIII, X. Они касаются истории и путей появления бумаги на Руси, ее названия, цен и материала конкретных грамот. Кроме того, 9 упоминаний на слова «Бумаги (Акты) государственные: важные для Истории», «Архив Иностранной коллегии» и много скрытых упоминаний. Как явствует из примечаний, Карамзин не только разделял материал для письма на «пергамен» и «бумагу», но и различал «хлопчатую» и «тряпичную, или ветошную» бумагу. Рассматривал он специально и вопрос о смене материалов для письма, указывая, как и другие историки, что в России до XIV «и даже до XV столетия писали обыкновенно на пергамене»³⁸⁾. Более сложным оказалось определить смену видов бумаги. Опираясь на иностранные источники, Карамзин пишет о тряпичной бумаге: «Мы не знаем подлинно, где и когда изобретена она... знаем только, что не ранее XIII в.», и приводит конкретные примеры иностранного употребления этой бумаги в XIV в.³⁹⁾ Использование хлопчатой бумаги на Руси он считал возможным, «когда Славяне Российские и ветошную назвали ее именем. Сии две бумаги не легко различать». И с осторожностью предполагал: «Некоторые Архивские грамоты и даже Летописцы (на пример (так в тексте. —

³⁶⁾ Вестник Европы. М., 1809. Ч. 44. № 5. С. 100.

³⁷⁾ Полубенский М. Указатель статей по русской истории, географии, статистике, русскому праву и библиографии, помещенных в «Вестнике Европы», 1802–1830. Б. м., б. г.

³⁸⁾ Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб., 1817. Т. IV. Примеч. 373.

³⁹⁾ Там же.

Ю. А.), Академический *Ипатьевский*) писаны, кажется, на бумаге, сделанной из хлопчатой».

С гордостью пишет он здесь о таких источниках, как договор великого князя Семена Ивановича с братьями и его духовная: «Сии две грамоты принадлежат к числу самых древнейших *бумажных* рукописей, донныне известных в Европе»⁴⁰). Можно было бы счесть это преувеличением, если бы далее не следовал ряд примеров употребления тряпичной бумаги для письма в европейских странах в начале XIV в. Значит, Карамзин, включая указанные грамоты в число древнейших документов на тряпичной бумаге, выразил это с присущей ему эмоциональностью, не отметив более ранних западноевропейских документов на бумаге XIII в.

О договоре Семена Ивановича с братьями читаем в примечании 331 к IV т. «Истории»: грамота «хранится в Архиве под № 3, но так истлела, что не лъзя (так в тексте. — Ю. А.) разобрать многих слов, особенно в середине», и дана отсылка к ее публикации в «Собрании государственных грамот и договоров» (Т. I. С. 35). А ниже он вновь повторяет: «Сия грамота есть древнейшая из писанных на *бумаге*», но на какой, не уточняет. В то же время Болховитинов в «Примечаниях» к Мстиславовой грамоте утверждал, что «древнейшая русская грамота донныне известная на бумаге (и конечно, на хлопчатой) писана около 1341 г. или между 1341 и 1353 г. при великом князе Симеоне Иоанновиче Гордом»⁴¹). Видимо, эти расхождения в определении «рода» бумаги грамот были порождены невозможностью ее досконального исследования по причине ветхости материала.

Н. М. Карамзин уточнил материал для письма двух грамот, опубликованных в СГГД (Т. I. С. 5), тверского князя Михаила к архиепископу Новгородскому... и от Новгорода к Михаилу: «Обе грамоты писаны не на *бумаге*, как думал кн. Щербатов, а на тонком пергамене» («История». Т. IV. Примеч. 187).

В связи с рассмотренными ранее вопросами терминологии обратим внимание на критику, которой подверг Карамзин составителей академического словаря. В V т. «Истории» (2-е изд. С. 400) он писал: «В XV в. мы уже перестали употреблять хартию или пергамен, заменив его гораздо дешевлею тряпичною бумагою...» Далее, в примечании 423 он с гневом отметил: «В *Словаре Академическом*⁴² несправедливо *хартия* названа *бумагою*. Греки называли Египетский *папир Хартов*, а Римляне *charta*; но древний *папир* не бумага; у нас же

⁴⁰ Карамзин Н. М. История... СПб., 1817. Т. IV. Примеч. 373, 331.

⁴¹ Вестник Европы. 1818. № 15/16. С. 221. Позднее Л. В. Черепнин датировал ее 1350–1351 гг. (Русская палеография. С. 200, 218). В путеводителе по ШГАДА (М., 1991. Т. I. С. 35–36. Ф. 135) — 1348 г.

⁴² Словарь Академии Российской. СПб., 1794. Ч. VI. Карамзин использовал в данном случае первое издание словаря, так как ч. VI 2-го изд. вышла в 1822 г., т. е. после появления первого и второго изданий «Истории».

под именем *хартии* всегда разумелся пергамент (*Хартон Пергацов*): от того название *харатейный*, или на *пергамене писанный*.

Вспомним приведенные выше определения Болховитинова, Калайдовича и особенно Каченовского, толковавшего слово «харатейные» совершенно противоположно. Видимо, причина такого словосмещения кроется в расширительном понимании слов «хартия», и «бумага». Это хорошо показал позднее в своем словаре В. И. Даль: «Харатья, хартия стар. папирус, пергамент, все, на чем встарь писали, и самая рукопись...», но «харатейная рукопись, пергаментная»⁴³. Любопытно, что и во втором издании Словаря Академического формулировки статей «хартия» — «бумага писчая» и «харатейный» — «рукописный на бумаге» — сохранились. Не читать критики Карамзина его составители не могли. Видимо, остались на своей позиции толкования слов. Это тем более странно, что как в первом, так и во втором издании словаря «бумага писчая» рассматривается только как тряпичная. Термин «бумага хлопчатая» относится к хлопку. Слово «харатья» отсутствует. Но во втором издании (1822. Ч. IV) появились слова «паргамин», «пергамин», «паргаминный».

Отметим попутно, как близко подошел Карамзин к вопросу о филигранях. Он не только постоянно отмечает материал для письма (не без влияния А. И. Ермолаева и К. Ф. Калайдовича), но и излагает факты о первом употреблении тряпичной бумаги в России в подразделе «Художества в России» (Т. IV. Гл. X). Более того, он один из немногих, а может быть, и первый в России использовал в рассмотренном примечании 373 зарубежные работы, включающие вопросы о бумаге и ее водяных знаках, Х. Янсена (H. Jansen) «Essai sur l'origine de la gravure...» (Paris, 1808. Т. 1. С. 332) и немецкого автора Георга-Фридриха Верса⁴⁴ «Vom Papier und den vor der Erfindung desselben üblich gewesenenen Schreibmassen» (Hannover, 1788. Т. 1). Факт упоминания в IV т. «Истории» книги Янсена 1808 г. свидетельствует о том, что Карамзин возвращался к рукописи и дополнял ее. Дело в том, что IV т. был завершен в мае 1808 г.⁴⁵, когда этой книги он еще не мог видеть, но знал и имел в своей библиотеке работу Верса XVIII в.⁴⁶ Значит, книгу Янсена Карамзин включил позже, как новейшую крупную работу о бумаге с приложением 287 рисунков филиграней. На с. 332 из ее XII главы «Появление бумаги хлопчатой

⁴³ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. IV. С. 542. Факсим. 2-го изд. 1880–1882 гг.

⁴⁴ Отсылка к немецкой книге в примеч. 373 краткая: «Wehrs vom Papier. Т. 1. С. 173–320». Но книга имела два издания под несколько измененным названием. Судя по указанным страницам, Карамзин использовал первое издание — 1788 г.

⁴⁵ Письмо Н. М. Карамзина к статс-секретарю Н. Н. Новосильцеву // Москвитянин. 1847. Ч. 1/2. С. 139–140.

⁴⁶ Карамзин Н. М. История... М., 1992. Т. IV. Примеч. 373. Комментарий. С. 377. № 182.

и льняной, или тряпичной» и ссылается Карамзин в примечании 373 к IV т., перечисляя даты наиболее ранних рукописей на бумаге в ряде стран. Конкретных данных из книги Верса у него нет.

В «Ключе» Строева к «Истории» нет слов, связанных с водяными знаками. Но Карамзин знал и назвал исследования А. И. Мусина-Пушкина и А. Н. Оленина о надписи на Тмутараканском камне (Т. II. Примеч. 120). А работа Оленина, как известно, была первой в России, в которой использовались водяные знаки и были опубликованы их воспроизведения. Тем не менее Карамзин, изучавший древние источники с помощью историков, работавших с филигранями, знавший новейшую иностранную литературу по этому вопросу, с его тонким художественным чутьем все же не отметил значения филиграней. Слишком много было нерешенных вопросов первостепенной важности, вставших перед ним при написании фундаментального труда.

В то же время, на наш взгляд, именно благодаря «Истории» Карамзина смог узнать о книге Янсена И. П. Лаптев (см. гл. III, разд. 1).

Суммируя, следует сказать, что в отношении истории и терминологии бумаги как материала для письма Карамзин внес большой вклад своими «Примечаниями», обобщив знания того времени, опередив в точности терминов многих историков, еще не освободившихся от архаизмов, введя в научный оборот последние зарубежные работы о бумаге и филигранях.

Рассмотрим анализируемый вопрос на примерах крупнейших сборников документов и описаний собраний рукописей.

Как образец фундаментального документального издания и археографического оформления источников среди публикаций первой трети XIX в. историки называют «Собрание государственных грамот и договоров» (М., 1813–1828. Т. I–IV), осуществленное по проекту и на средства Н. П. Румянцева. В его подготовке участвовали историки Н. Н. Бантыш-Каменский, А. Ф. Малиновский, П. М. Строев и К. Ф. Калайдович. Общую характеристику материала грамот находим в предисловии А. Ф. Малиновского ко II т.: «Помещенные здесь подлинники писаны большей частью на бумаге, кроме весьма немногих пергаминах»⁴⁷⁾. В конкретных описаниях отмечены поэтому, как правило, грамоты на пергамене и лишь в отдельных случаях — на бумаге. Например, под № 8 «Договорная (в списке) грамота Смоленского князя Ивана Александровича... писана между 1330 и 1359 годами» — «на тряпичной бумаге»⁴⁸⁾. Указанный хронологический период ставил вопрос о наличии более раннего документа на бумаге, чем договорная Семена Ивановича с братьями (1341 г. — СГД. Т. I. № 23) и его завещание (1353 г. — Там же. № 24). Кстати,

⁴⁷⁾ СГД. М., 1819. Т. II. С. IV.

⁴⁸⁾ Там же. С. 10–11. Новейшая публикация в кн.: Смоленские грамоты XIII–XIV вв. М., 1963. С. 69–70.

этот же вопрос возникает относительно грамоты ярославского князя Василия Давыдовича Спасскому монастырю (до 1345 г. — по времени княжения), опубликованной Амвросием. После текста грамоты читаем: «Подлинная грамота писана на бумаге...»⁴⁹⁾ Оказывается, публикатор неправильно истолковал слово «хартия». Уже в 1817 г. Н. М. Карамзин («История». Т. IV. Примеч. 348) определил ее «хартейной», т. е. написанной на пергамене. Современные ученые относят грамоту к 20-м годам XIV в. (см.: Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. М., 1964. Т. III. № 204; и др.). Ответа на вопросы о древнейших русских грамотах и рукописях на бумаге ученые ищут до сих пор⁵⁰⁾.

Водяные знаки в СГГД не описаны.

Ценные наблюдения об изучении бумаги и отчасти водяных знаков в этот период дает «Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии, собранным и объясненным Петром Кеппенем» (М., 1822). Он был подготовлен к изданию К. Ф. Калайдовичем на средства графа Ф. А. Толстого. Из 174 названий 106 — памятники письменности X–XVII вв. Как известно, Кеппен собирался сопроводить «Список» палеографическими снимками, но не успел. В описаниях источников часто упоминаются снимки текста. В каждом указан материал письма («пергамен», «хартейный список», «бумага»), в № 79, 117 — водяной знак. Так, в № 79 характеризуется упомянутая выше договорная грамота смоленского князя Ивана Александровича, между 1330 и 1359 гг., «на холстинной, или тряпичной бумаге», и добавлено: «При сем изображение печати и знак, находящийся в бумаге, на коей писана сия грамота. Последний не изображен в Собрании государственных грамот». Тут же Кеппен ставил вопрос о точной дате этой грамоты. Сравнивая ее с договором Семена Ивановича с братьями, он считал: «Могло бы стать, что грамота Рижского архива древнее сей Симеоновой».

⁴⁹⁾ История Российской иерархии, собранная... Московским первого класса Новоспасского монастыря архимандритом Амвросием. М., 1815. Ч. VI. С. 231.

⁵⁰⁾ Черепнин Л. В. Русская палеография. С. 218; Кучкин В. А. Договор Калитовичей: (К датировке древнейших документов Московского великокняжеского архива) // Проблемы источниковедения истории СССР и специальных исторических дисциплин. Ст. и мат.-лы. М., 1984. С. 16–30; Он же. К датировке завещания Симеона Гордого // Древнейшие государства на территории СССР. Мат.-лы и исследования, 1987 г. М., 1989. С. 99–106; Kachtanov S. M. Le papier occidental en Russie du XIVe au XVIe siècle: Les voies de pénétration et sa typologie // Produzione e commercio della carta e del libro secc. XIII–XVIII. Atti della «Ventitresima Settimana di Studi», 15–20 aprile 1991. Prato; Firenze, 1992. P. 251–267. Новые данные об Архивской лестнице XIII в. см.: Князевская О. А., Мошкова Л. В. Древние славянские рукописи в Центральном государственном архиве древних актов СССР // Russian linguistics. 1987. XI. № 2–3. С. 201–203; Гальченко М. Г. О датировке и особенностях орнамента Архивской лестницы — древнейшей восточнославянской рукописи, написанной на бумаге и пергамене (в прокладку) // Книга: Исследования и материалы. М., 1994. Сб. 68. С. 292–297.

Можно предположить на основании приведенного здесь указания о снимках, которые должны были сопровождать № 79, что при подготовке «Списка» Кеппен собирался дать в числе других и снимки водяных знаков. Не случайно за отсутствие последних он упрекал публикаторов столь уважаемого издания, как СГГД.

Однако в «Списке» отмечены не все филигранные, изданные к тому времени, а только из бумаги рукописей, фигурирующих в нем (№ 79, 117). Кеппен отдает должное качеству снимков «почерков писем и знаков в бумаге» гравера А. А. Флорова в издании П. М. Строева «Софийский временник». В № 117, описав «снимок с рукописи царя Иоанна Васильевича», он с сожалением подытожил: «Если присовокупить к сему почерки писем, приложенные А. Н. Олениным к Письму о камне Тмутороканском, то это будет все, что у нас поныне в сем роде издано». Как видим, первую публикацию филигранных в «Письме» он не отметил (видимо, потому, что они не относятся к источнику — надписи на камне), хотя в № 21, описывая работу Оленина о надписи, указал, что она издана «с разными изображениями» (среди них были и филигранные). Кстати, в материалах Кеппена среди палеографических снимков древних рукописей к этому и другим изданиям обнаружены и воспроизведения водяных знаков, полученные в 1821 г. от А. И. Ермолаева с выпиской из «Письма» А. Н. Оленина, характеризующей водяные знаки и миниатюры⁵¹. Тут же (л. 3, 4) значится «снимок с рукописи графа Толстова и знаки в бумаге» (4 знака) с записью Кеппена: «Получил от Строева 12 ноября 1821 г.». От Строева же, издавшего в 1820–1821 гг. «Софийский временник», получены снимок с «Архивской рукописи» и калька водяного знака бумаги Воскресенского списка летописи. Аналогичные снимки находятся и в другом фонде Кеппена: снимки с рукописи Синодальной кормчей XIII в. и с «рукописи графа Толстова» получены «от К. Ф. Калайдовича в Москве 6 ноября 1821 г.», а «знаки в бумаге Архивской рукописи» — «от П. М. Строева в Москве 6 ноября 1821 г.», причем, воспроизведения знаков имеют подпись гравера А. Флорова⁵². Так происходил обмен снимками филигранных между членами Румянцевского кружка в Петербурге и Москве.

Естественно, что на первом месте для Кеппена, как и для других ученых, были снимки текста. Но важно, что он обратил внимание и на филигранные.

Чрезвычайный интерес для изучения того, как отражены в работах историков первой четверти XIX в. материал для письма и соответствующая терминология, представляют описания рукописей библиотек и крупнейших частных собраний. Первое изданное описание частного собрания — рукописей библиотеки графа Ф. А. Толстого —

⁵¹ СПб. ФА РАН. Ф. 30 (П. И. Кеппен). Оп. 1. Д. 49. Л. 1–2.

⁵² ОР РНБ. Ф. 347 (П. И. и Ф. П. Кеппены). Оп. 1. Д. 19.

осуществлено К. Ф. Калайдовичем и П. М. Строевым с 1818 по 1825 г. Как сказано в предисловии, в собрании 1093 рукописи XI(XII)–XVIII вв., из которых, судя по «Хронологическому указанию рукописей, коих эпохи описания известны», только 113 имели дату. Остальные датированы описателями по палеографическим и другим признакам⁵³⁾. При этом «многие рукописи по их содержанию и в отношении палеографическом, заслуживают отдельных и подробнейших розысканий»⁵⁴⁾.

Излагая принципы описания, авторы первым называют материал для письма: «При каждой рукописи означено: А. *Вещество*, на чем она написана: пергамина и бумага хлопчатобумажная (*charta bombucina*); об обыкновенной или тряпичной умолчано»⁵⁵⁾. Здесь же дана характеристика внешнего вида ранней бумаги: «Хлопчатобумажная толще и пухлее обыкновенной, ломается в сгибах и удобно истлевет; ее употребляли до исхода XV столетия» (!). См. отдел. I, № 59: «Рукопись на хлопчатой бумаге, вероятно, болгарская начала XV в.». В Примечании на с. LV подсчитан состав источников по их материалу: «рукописей пергамина 37, хлопчатобумажных — 11, на обыкновенной бумаге — 1045» (т. е. большинство). При этом указаны и смешанные по материалу рукописи, например, отдел. I, № 10: «Евангелие на пергамене... XIV в.», утерянные листы «вставлены после на бумаге полууставным почерком XVII в.» За «веществом» в предисловии следуют такие обязательные элементы описания, как *почерк* и «*эпоха* написания». Устанавливаются два характера датировки: «*положительно*», если дата указана в рукописи, и «*гадательно*» (век, полвека, десятилетие) по какому-либо событию (вклад, покупка, передача, продажа) или собственно по признакам почерка»⁵⁶⁾. При этом составители (как и другие историки) замечают, что не всегда по почерку можно датировать рукопись.

Водяные знаки не указаны, хотя составители уже использовали их в своих публикациях, и при датировке такого большого числа рукописей собрания, надо полагать, тоже. Значит, этот признак датировки в описании еще не устоялся, а при отсутствии альбомов филиграней не мог применяться постоянно и надежно. К тому же авторы были сторонниками краткого описания.

⁵³⁾ *Калайдович К., Строев П.* обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстова. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. М., 1825. С. VI. Еще 15 рукописей содержит «Первое прибавление к описанию славяно-российских рукописей, хранящихся в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстова» (СПб., 1825), составленное Строевым; 192 — «Второе прибавление...» (1827). О третьем дополнении к описанию см.: *Уо Д. К.* Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстого: Материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров. Л., 1980. С. 6–7.

⁵⁴⁾ *Калайдович К., Строев П.* Указ. соч. С. LIV.

⁵⁵⁾ Там же. С. LIV–LV.

⁵⁶⁾ Там же. С. LVI.

Отметим, что в описании имеются случаи, когда довольно поздняя рукопись датируется весьма приблизительно. Например, отдел I, № 212: «Родословная книга князей и дворян с выписками из разрядов. Писана скорописью, кажется в начале XVIII в.». Данный пример еще раз показывает недостаточность почерка как признака датировки, о чем говорится в предисловии: «В каждом столетии свой общий характер письма, который в последних годах предыдущего и первых последующего имеет столь незаметные оттенки, что нет возможности угадать, тому или другому из них рукопись принадлежит. Посему издатели решились допустить сей тридцатилетний прибавок (до 30-х годов XVIII в. — Ю. А.) к первым трем отделениям, кои надлежало заключить концом XVII в.»⁵⁷⁾

В рецензии П. И. Кеппена на описание рукописей собрания Ф. А. Толстого дана высокая оценка палеографических характеристик источников: «Опытность издателей по части словено-русской палеографии позволяет нам смело полагаться на точность сделанных ими показаний», и далее: «доводы палеографические принадлежат к самым убедительным из всех тех, которые служат к определению времени, когда какая-либо книга написана»⁵⁸⁾. Кстати, тут же анализируя характер датировки рукописей, Кеппен детализировал ее; введя между степенями «положительно» и «гадательно» степень «приблизленно, смотря по собственным словам или по содержанию рукописи».

С появлением этого описания связано одно важное обстоятельство. Владелец собрания Ф. А. Толстой разрешил доступ к его рукописям «всем любителям и ученым». Об этом оповестил П. М. Строев в «Северной пчеле» (1825. № 41). В то время разрешение заниматься с рукописями в архивах и библиотеках получали специально и немногие.

Один из составителей описания, П. М. Строев, еще в 1817–1820 гг. подготовил краткое описание рукописей монастырей, оставшееся в его архиве до конца XIX в. Отмечая материал письма, он назвал и рукописи на хлопчатой бумаге XV–XVI вв.⁵⁹⁾ Скорее всего, на такой вывод натолкнула плохая сохранность источников. Никаких признаков датировки в этих описаниях не указано. О бумаге иногда отмечается: тонкая, лощеная.

Следующее крупное описание — рукописного собрания Н. П. Румянцева А. Х. Востоковым — появилось уже в начале 40-х годов XIX в. Оно свидетельствует как о различиях в составе собраний, так и о росте уровня палеографических знаний, отразившегося в детальной харак-

⁵⁷⁾ *Калайдович К., Строев П.* Указ. соч. С. VII. Примеч. *

⁵⁸⁾ Библиографические листы 1825 г. № 19. Стб. 274, 275 // *Кеппен П.* Материалы для просвещения России. СПб., 1826. № 2.

⁵⁹⁾ *Строев П.* Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутиево-Боровского. СПб., 1891. С. 1–2; Частично опубли. в 1823 г. (Отечеств. записки. № 33, 35, 39).

теристике рукописей. В предисловии сказано, что материал отмечен только у пергаменных рукописей. «На бомбичине же (т. е. хлопчатой бумаге) нет ни одной рукописи в Румянцевском музее»⁶⁰. Тем не менее иногда в описании (см. с. 188) характеризуются тряпичная бумага и водяные знаки.

Учитывая, что очерки по истории бумаги в первой трети XIX в. появлялись редко, укажем в заключение известный справочник — «Энциклопедический лексикон» А. Плюшара. В нем автор большой статьи исторического плана «Бумага» О. И. С. (Осип Иванович Сенковский, выступал под псевдонимом «Барон Брамбеус») также широко трактовал термин «бумага» (как писчий материал). Он писал: «Первая бумага... делана была, как известно, из болотного растения *paper* или *paperus*...»⁶¹ Далее употребляется определение, как и у Болховитинова, «папировая бумага», «шелковая бумага». Последнюю он разъяснял следующим образом: «Китайская бумага так похожа на шелковое изделие, что в Европе долго давали ей имя шелковой бумаги, *papier de soie*. В ней, однако же, нет ни частицы шелку»⁶². Он подробно описал изготовление «хлопчатой бумаги»⁶³ из растительных волокон, или «бумажной бумаги», а затем «льняной бумаги» не ранее конца XIII в. Заканчивая статью описанием производства тряпичной бумаги, автор рассказывает о «сите» черпальной формы, «в середине которого выплетены проволокою число года, имя фабрики, герб, особенная надпись или отличительный знак сорта (от этих надписей и знаков произошли большею частию и названия сортов)...»⁶⁴, и дает примеры названий сортов иностранной бумаги. То есть он описал металлическую филигрань, но не назвал ее и, кроме «знака сорта», не связал ее с изображением в бумаге в отличие от составителей «Словаря коммерческого» (на который автор в других местах ссылается, как и на работы французского исследователя Ж.-Ж. Лаланда). Понятно, что цель статьи была другая. Но пример этой статьи, терминология автора, не говоря о его путаных исторических рассуждениях, вызвавших резко отрицательную оценку А. Рейхеля, Н. П. Лихачева⁶⁵,

⁶⁰ Восток А. Описание русских и словенских рукописей Румянцевского музея. СПб., 1842. С. 11. Ранее, в 1821 г., Восток составил реестр «редких и любопытных манускриптов как на русском, так и на других известных» ему языках, в отделе рукописей Публичной библиотеки. В нем указаны дата написания рукописи, почерк, материал, миниатюры и другие внешние признаки. Водяные знаки не отмечены. См.: Голубева О. Д. Хранители мудрости. М., 1988. С. 221; ОР РНБ. Ф. 550. F. XVIII. 28. Л. 29–30.

⁶¹ Энциклопедический лексикон. СПб., 1836. Т. 7. С. 333.

⁶² Там же. С. 335.

⁶³ В этом же словаре статья за подписью С. М. У. (Степан Михайлович Усов) «Бумага хлопчатая» посвящена тканям из хлопка.

⁶⁴ Там же. С. 340

⁶⁵ Рейхель А. Указ. соч. С. 41; Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. I. С. VII. Рассмотренная статья, как и статья Сенковского «Бумажная мануфактура»

свидетельствует о том, что даже в конце 30-х годов XIX в. вопрос и по сути, и терминологически был еще недостаточно разработан.

Представленный обзор данных из работ известных русских историков первой четверти XIX в. показывает, что в описаниях и публикациях рукописей при перечислении внешних признаков указание на материал для письма становится обязательным элементом в отличие от работ XVIII в. В связи с вовлечением в научный оборот огромного числа новых источников, в том числе более позднего времени, все большее внимание привлекает такой материал, как бумага. Изучаются первые грамоты на бумаге, хотя единства мнений в их датировке нет. Сведения по истории материала для письма, в том числе бумага, черпаются из работ зарубежных историков, дипломатистов, палеографов и других специалистов, в частности и по истории бумажных фабрик. Краткие очерки о бумаге появляются и на русском языке. Однако в целом вопрос истории бумаги и ее распространения в России в русской исторической и справочной литературе был еще слабо освещен, терминология бумаги не была свободна от архаизмов, что, безусловно, сдерживало и изучение бумажных водяных знаков.

Не содержат указаний на водяные знаки и первые изданные в 20-е годы описания рукописных собраний, как и большинство оставшихся тогда неопубликованными описаний.

И тем не менее именно в первой четверти XIX в. в исследованиях рукописей в России выявляется важная особенность — углубление общего бумаговедческого подхода и переход к филиграноведческому. Чтобы показать эти изменения, обобщим накопленные в литературе сведения, дополняя их архивными находками.

2. Водяные знаки бумаги — новое средство для датировки рукописей

В рассматриваемый период явно прослеживаются следующие проявления нового, филиграноведческого подхода в палеографии и археографии: 1) формируется понимание важности филиграней для датировки рукописей; 2) появляются первые публикации бумажных водяных знаков; 3) создаются коллекции филиграней.

Лишь в единичных случаях в деятельности ученых и любителей они сочетались. Чаще дело ограничивалось отдельными наблюдениями над отдельными рукописями. Обобщенные сведения по истории изучения и издания филиграней за рубежом и в России впервые находим в конце XIX в. у Н. П. Лихачева. По его словам, уже в монографии «Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве» (СПб., 1891) «была сделана попытка проследить

в лексиконе, написаны на основе его статьи «Фабрикация бумаги». См.: Библиотека для чтения. СПб., 1835. Т. XI.

историю бумаги и решить вопрос о соотношениях стран производства со странами потребления»⁶⁶). Более подробно он писал об этом в труде 1899 г. Сначала Лихачев кратко охарактеризовал публикации филиграней на Западе, указав, что «едва ли не первыми по времени появления в ученой литературе снимками с филиграней надо считать» рисунки в статье 1777 г. «Versuch einer Nurembergischen Handwerks-geschichte» Х.-Г. фон Мурра⁶⁷). Видимо, ему, как и другим специалистам того времени, не была известна более ранняя работа — Дж. Левиса⁶⁸), который определял по филиграням принадлежность книг английского первопечатника В. Кокстона и опубликовал воспроизведения 20 знаков. Не случайно Лихачев еще в труде 1891 г. (с. 16) отметил трудности поиска соответствующей зарубежной литературы и неполноту ее обзора.

Первым научным этюдом о филигранях он считал статью Г. Фишера «Versuch die Papierzeichen als Kennzeichen der Altertumskunden anzuwenden»⁶⁹). По интересующему нас периоду первой трети XIX в. Н. П. Лихачев выделил работы библиографа М. С. Серна-Сантандера (1803) и книговеда Х. Янсена (1808), в которых рисунки филиграней были даны в приложениях. Наиболее крупным было приложение к работе Янсена — 287 филиграней.

Что касается России, то Лихачев писал, что в области изучения бумаги сделано мало, но «нельзя сказать, чтобы русские палеографы пренебрегали бумажными знаками»⁷⁰). В книгах 1891 и 1899 гг. он перечислил некоторые работы с их публикациями. Из первой трети XIX в. он отметил сборник судебных книг XV–XVI вв., изданный П. М. Строевым в 1819 г., «Сборник Муханова» (1836), «Рукопись Филарета» (1837), а также описание К. Ф. Калайдовичем рукописей Московского Синодального собрания и попытки А. Х. Востокова воспроизводить и изучать филигранные.

В итоге он сделал вывод о том, что больших результатов достигли любители, и подчеркнул: «Россия может не без гордости указать на двух дилетантов, которые в очень раннее время думали сделать то,

⁶⁶) Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. I. С. I.

⁶⁷) Там же. С. CLXXXII.

⁶⁸) Lewis John. The Life of mayster Wylliam Caxton of the Weald of Kent: The first printer in England... Collected by John Lewis... London, 1737. К сожалению, в новом переработанном издании труда Н. П. Лихачева («Likhachev's watermarks: An English-Language version». Vol. 1–2) с. I–CCXII из ч. I издания 1899 г., включающие и историографию, опущены. См. об этом: Шмидт С. О. Новое издание труда Н. П. Лихачева «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» // Отеч. архивы. М., 1994. № 6. С. 111–112; Андрушайтите Ю. А., Лившиц А. Л., Мироненко М. П. Новые английские справочные издания по славяно-русской палеографии и росписке // АЕ за 1993 год. М., 1995. С. 311–312.

⁶⁹) In: Beschreibung einiger typographischen Seltenheiten nebst Beyträgen zur Erfindungsgeschichte der Buchdruckerkunst. Mainz und Nuremberg, 1804. Lfg. VI; Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. I. С. CLXXXIII.

⁷⁰) Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. I. С. СХС.

чего не было сделано и в Западной Европе»⁷¹). Речь шла о работах И. П. Лаптева (1824) и К. Я. Тромонина (1844).

Краткость характеристики Лихачевым рассматриваемого периода и высокая оценка первых русских работ о филигранях даст нам основание углубленно рассмотреть начала отечественного филиграноведения, для чего важно установить не только число публикаций филиграней, но прежде всего понимание необходимости их использования при датировке.

Выдвинутый Лихачевым в книге 1891 г. тезис о том, что начало изучения филиграней в Западной Европе связано с первопечатными изданиями, подтвержден и в труде 1899 г. «Если западные палеографы и дипломатисты, — писал он, — погруженные в море пергаменных рукописей и фактов, не обращали достаточного внимания (курсив мой. — Ю. А.) на материал, знаменовавший для них эпоху сравнительно позднюю, то наоборот, как исследователи старопечатных книг, так за ними и простые книголюбцы, неуклонно сличали бумагу, отмечали знаки ее и на этих наблюдениях основывали свои выводы о происхождении недатированных памятников»⁷²). Лишь в отдельных иностранных работах конца XVIII — первой половины XIX в. (Р. С. Денне, Дж. Фенна, Х.-Г. Мурра) филигранные знаки использовались при датировке писем и документов.

Установленная на западноевропейском материале закономерность в России не проявляется.

В России первой известной работой, в которой водяные знаки использовались при изучении недатированных источников, историки считают «Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмуророканском, найденном на острове Тамане в 1792 г.» (СПб., 1806) Алексея Николаевича Оленина⁷³. Доказывая подлинность надписи XI в. на камне, автор использовал тексты памятников письменности XI—XV вв., приложив факсимильные воспроизведения отрывков Изборника Святослава 1076 г., Лаврентьевского (1377) и Кёнигсбергского (Радзивиловского) списков летописи и др.

⁷¹ Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. I. С. CLXXXVIII.

⁷² Там же. С. CLXXXIII; *Он же*. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. С. 1. Последний обзор иностранных работ на русском языке, подтверждающий тезис Н. П. Лихачева, см. в указанной выше книге А. П. Богданова.

⁷³ См. об этом: *Срезневский И. И.* Славяно-русская палеография XI—XIV вв. СПб., 1885. С. 8; *Черетин Л. В.* Русская палеография. С. 39; *Жуковская Л. П.* Указ. соч. С. 24; и др. Отсутствие более ранних работ с использованием бумажных водяных знаков не означает, что филигранные знаки не привлекались к датировке источников другими учеными. Например, в 1813 г. на вопрос К. Ф. Калайдовича «О песне Игоревой» («На чем и когда она писана?») бывший владетель, исследователь и публикатор в 1800 г. «Слова о полку Игореве» А. И. Мусин-Пушкин ответил: «Писана на лощеной бумаге в конце летописи довольно чистым письмом. По почерку письма и по бумаге должно отнести оную переписку к концу XIV или к началу XV в.» (*Аксенов А. И.* Указ. соч. С. 194).

Современные ученые, характеризуя работу Оленина как первое палеографическое исследование в России XIX в., в филигранологическом плане ограничились (кроме Л. П. Жуковской и Т. А. Поле) констатацией факта о первом в русской научной литературе применении водяных знаков в палеографическом анализе. Факта очень важного, свидетельствующего о зарождении в научной среде понимания возможностей филиграней в датировке рукописей.

Что же, кроме того, дает «Письмо» Оленина для истории отечественного филиграноведения?

Мы видим, что начало использования филиграней в отечественной палеографии было подчинено доказательству датировки и подлинности надписи на камне, т. е. материала «вещевой палеографии», и входило составной частью в комплексный (исторический, географический, лингвистический, палеографический) анализ вопроса, а не являлось самоцелью. Но впервые привлеченные для датировки водяные знаки принадлежали бумаге рукописи, а не старопечатным книгам, как в ранних западноевропейских работах.

Попутно Оленин пытался доказать, в частности, с помощью миниатюр и водяных знаков, дату составления Кёнигсбергского списка летописи. «Картина мною здесь в примере приведенная, и знак бумаги показывают, — писал он, — что сей список в поздних уже временах писан, уповательно в конце XV в. Ибо в первом изображении представлены пушка и ядро, убивающее лошадь. К сему предположению доказательством может послужить один из знаков в бумаге, находящихся во многих местах Кёнигсбергского списка...»⁷⁴⁾

Отметим, что Кёнигсбергская летопись — единственный из привлеченных — источник на бумаге, остальные рукописи — на пергамене. Он был изучен в подлиннике и сверен с первым печатным ее изданием 1767 г. В табл. IX наряду со снимками текстов и миниатюры впервые в отечественной научной литературе опубликованы рисунки двух водяных знаков. Один — из бумаги Кёнигсбергской летописи типа «голова быка», причем в натуральную величину. Об этом свидетельствует текст на с. 42 «Письма»: «№ 12. Под литерою А — образец заводского знака, которой в писчей бумаге обыкновенно бывает, точно так срисованный, как он в означенном Кёнигсбергском

⁷⁴⁾ Оленин А. [Н.] Письмо к графу Алексею Ивановичу Мусину-Пушкину о камне Тмутороканском, найденном на острове Тамане в 1792 г. СПб., 1806. С. 44. Т. А. Поле ошибочно отнесла слова «ядро, убивающее лошадь», к рисунку филигранны (К вопросу о развитии русской палеографии в первой четверти XIX в. С. 99). На с. 42 «Письма» Оленин прямо указал под № II: «Картина из того списка, в точности срисованная» (См. фотомеханическое воспроизведение Радзивилловского списка (СПб., 1902. Т. 1. Л. 209 об.), где видно, что эта миниатюра в издании Оленина воспроизведена лишь наполовину). Поле также отметила, что по филиграням Оленин датировал Кёнигсбергскую летопись второй половиной XV в. (Румянцевский кружок и развитие славяно-русской палеографии: Дис. ... С. 89). Как явствует из приведенной цитаты Оленина — концом XV в., при этом учитывался и сюжет миниатюры.

списке во многих местах имеется». Не ограничиваясь публикацией рисунка знака, автор поместил описание его разновидностей, объединив их в группы по основным особенностям изображений (с. 45): «Сих знаков в Кёнигсбергском списке имеется три рода. 1. Бычья голова с крестом и змеей (А). 2. Та же голова с одним крестом. 3. Та же без креста». Позднее по такому принципу группировали варианты этого знака другие специалисты, а наиболее точно — Г. Пиккар⁷⁵⁾.

Полное исследование филиграней бумаги этого списка летописи, проведенное Н. П. Лихачевым почти через 100 лет после выхода «Письма» Оленина, как и последующие описания списка с проверкой филиграней по альбомам Г. Пиккара, подтвердили и детализировали вывод относительно датировки — последнее десятилетие XV в.⁷⁶⁾ Правда, опыта первого исследования бумаги Кёнигсбергского списка еще не хватало, чтобы определить все 14 разновидностей знака, как это сделал позднее Лихачев⁷⁷⁾. Но такая цель и не ставилась, еще не было полного понимания значения подобного анализа, как и его методики. Именно характеризуя воспроизведение миниатюры и водяных знаков летописи, Оленин на с. 45 записал: «Мне кажется, что при описании последней картины я слишком долго заговорился, *от избытка сердца уста глаголют*. Мне казалось, что я уже пишу славено-русскую палеографию». Таким образом, Оленин совершенно четко рассматривал филигранные знаки как средство внешней критики источника в палеографическом анализе.

Чрезвычайно интересно выяснить, с чем сравнивались водяные знаки бумаги Кёнигсбергского списка. На этот вопрос частичный ответ находим на с. 44–45, где указано, что один из знаков бумаги «большое сходство имеет с таким же знаком, отысканным в немецкой книге, печатанной в Бамберге в 1462 г.» О публикации последнего читаем на с. 42: «Под литерою В (опечатка, должно быть Б, согласно табл. IX. — Ю. А.) таковой же знак, в половину против подлинника срисованный из описания книги, печатанной в немецком г. Бамберге в 1462 г.», т. е. для определения водяного знака недатированной рукописи привлечены опубликованные рисунки филиграней бумаги точно датированной печатной книги⁷⁸⁾. Поэтому второй знак в табл. IX

⁷⁵⁾ Piccard G. Die Ochsenkopf-Wasserzeichen. Stuttgart, 1966. 3 Teile.

⁷⁶⁾ Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. I. С. 455, 456; Описание Рукописного отдела Библиотеки Академии наук СССР. 2-е изд., доп. М.; Л, 1959. Т. 3. Вып. I. С. 293–295; ПСРЛ. Л., 1989. Т. 38. Радзивилловская летопись. С. 3; Радзивилловская летопись. СПб.; М., 1994. [Т. 2]. С. 5. На с. 12 воспроизведены две разновидности знака «голова быка»; Кукушкина М. В. К вопросу о месте происхождения Радзивилловской летописи в списке XV в. // ТОДРЛ. СПб., 1997. Т. 50. С. 379–382.

⁷⁷⁾ Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. III. № 3893–3906. Воспроизведенный в «Письме» знак сходен у Лихачева с № 3900, 3902.

⁷⁸⁾ Camus A. G. Notice d'un livre imprimé a Bamberg en 1462 // Mémoires de l'institut National & littérature et beaux arts. Paris, An. VII (1799). Т. 2. P. 36, 38.

дан в уменьшенном виде. По описанию на с. 45 названы три группы этого типа знака («В Бамбергской печатной книге сии знаки равным образом на три рода разделены») для сравнения с делением на «три рода» знаков бумаги Кёнигсбергского списка. Это сравнение выглядит не корректно, так как существенны различия в изображениях даже по описанию, не говоря о рисунках в табл. IX. Но поскольку в качестве даты взят конец XV в., а не конкретное десятилетие, то результат все же достигался. Привлеченные в приложении к «Письму» рисунки — разновидности одного из самых распространенных в Европе типа знаков бумаги XV–XVI вв. «голова быка». Эта бумага часто употреблялась и в русских рукописях.

Вопрос о месте производства бумаги Кёнигсбергского списка в «Письме» не ставился, хотя ссылка на сходство филиграней летописи и немецкой книги уже содержит такой намёк. Н. П. Лихачев в труде 1891 г. даже не привел воспроизведения разновидности «головой быка», наиболее часто встречающейся в русских рукописях (в том числе и в рассматриваемом списке). В книге 1899 г. филигранные Радзивилловской летописи он отнес к продуктам польских бумажных мельниц, хотя и не был полностью в этом уверен, так как немецкая бумага с конца XV в. вывозилась за границу, особенно в Польшу.

Отметим особенности русской терминологии филиграней, которая только еще складывалась. В «Письме» фигурирует основное название изображения — «знак» или «заводской знак», что становилось общепринятым; «три рода» знаков, их «сходство». Слова, относящиеся к знаку, который «в пиццей бумаге обыкновенно бывает», свидетельствуют, что это знание о филигранных давно присутствовало у знатоков рукописей и книг (как ученых, так и любителей).

Известно, что помогал А. Н. Оленину в его исследованиях Александр Иванович Ермолаев (1779–1828) — разносторонне одаренный человек, «художник по образованию и археолог по страсти»⁷⁹⁾, владевший несколькими иностранными языками. Он активно участвовал в собирании рукописей, а с 1811 г. был сначала помощником хранителя, затем хранителем Депо манускриптов Императорской Публичной библиотеки в Петербурге.

Хотя он не имел печатных научных трудов, современники уважали его как блестящего знатока рукописей. Именно А. И. Ермолаева наряду с А. Х. Востоковым прочил граф Н. П. Румянцев в создатели руководства по русской палеографии⁸⁰⁾. Своим трудом, помощью

Видимо, Оленин не имел самой инкунабулы, но был знаком с ее описанием, включавшем и рисунки бумажных водяных знаков (Наличие такого приложения с тремя рисунками отмечал Н. П. Лихачев в своем труде 1891 г., с. 16). Как писал И. И. Срезневский, «французские труды были Оленину и всем образованным людям того времени более знакомы и стоили предпочтения» (Указ. соч. С. 9).

⁷⁹⁾ Срезневский И. И. Указ. соч. С. 10.

⁸⁰⁾ Переписка Евгения с Н. П. Румянцевым... Вып. 1. С. 56.

и советами в изучении рукописей он фактически создал русскую «школу практических палеографов»⁸¹⁾.

А. Н. Оленин не раз отмечал, что прочтение использованных им рукописей, в частности, Кёнигсбергской летописи, сравнение их с печатными изданиями, изучение начертаний древнерусских букв и, наконец, снятие рисунков с подлинников и их гравирование производил А. И. Ермолаев⁸²⁾. О том же свидетельствует и подпись под табл. IX: «Рис. и грав. А. Ермолаев». Это относится к факсимиле не только текстов, миниатюр, но и двух рисунков водяных знаков. Следовательно, отмечая значение работы Оленина, можно утверждать, что изучение и воспроизведение водяных знаков в нем, бесспорно, принадлежит Ермолаеву. Он же является и первым их публикатором. Учитывая же постоянную помощь Ермолаева как специалистам, так и любителям в исследовании и датировке рукописей, думается, смело можно поставить его имя у истоков отечественного филиграноведения. Отсутствие цельного его архива⁸³⁾, к сожалению, не позволяет привести многочисленные доказательства этому. Главным подтверждением является его палеографическая деятельность, хорошо показанная в вышеупомянутых работах. Ермолаев оказывал большую помощь в выявлении и изучении рукописей работавшему над «Историей государства Российского» Н. М. Карамзину, будущему крупнейшему специалисту в области славянских языков А. Х. Востокову, известному исследователю и коллекционеру древних рукописей П. К. Фролову и другим ученым. Деятельность Ермолаева — ярчайший пример того, как из любителя древностей, не имевшего исторического или филологического образования, он уже по оценкам современников стал одним из лучших знатоков старой письменности.

Таким образом, первая попытка выявления и публикации бумажных водяных знаков в начале XIX в. в России связана с именами А. Н. Оленина и А. И. Ермолаева. Причем, как показано выше, это было серьезное для того времени исследование филиграней рукописи с четким представлением об их значении.

⁸¹⁾ *Срезневский И. И.* Указ. соч. С. 10. См. также: *Черетин Л. В.* Русская палеография. С. 39; *Жуковская Л. П.* Указ. соч. С. 29–30; *Прйма Ф. Я.* «Слово о полку Игореве» в русском историко-литературном процессе первой трети XIX в. Л., 1980. С. 74 и др.; *Поле Т. А.* Румянцевский кружок и развитие славяно-русской палеографии. Дис. ... С. 59; *Голубева О. Д.* Указ. соч. С. 196–213.

⁸²⁾ *Оленин А. Н.* Указ. соч. С. 3, 4, 44. Т. А. Поле в диссертации (с. 87) сделала общий вывод о том, что «палеографическая часть работы здесь принадлежит Ермолаеву...».

⁸³⁾ В указанной книге О. Д. Голубевой ссылки даны на дела из коллекции «Бумаги А. И. Ермолаева», значащейся в картотеке ОР РНБ, однако номер ее не указан. Т. А. Поле в своей диссертации ссылается на «фонд А. И. Ермолаева», но также без номера. Благодаря А. С. Мыльникову, изучавшему деятельность А. И. Ермолаева и предложившему в свое время создать коллекцию его автографов, нам удалось выяснить в ОР РНБ, что ей присвоен № 1381.

Однако продолжения публикаций знаков пришлось ждать долго. Причины, на наш взгляд, следующие. Во-первых, изучение водяных знаков являлось составной частью палеографии, которая сама еще находилась в стадии становления. Причем понятие этой вспомогательной дисциплины трактовалось многими очень широко и требовало разработки большого круга вопросов, а квалифицированных специалистов было недостаточно. Во-вторых, развернувшееся широкое выявление памятников древней письменности, их описание и издание в первой четверти XIX в., безусловно, способствовало привлечению внимания к роли водяных знаков в датировке рукописей и старопечатных книг. Но оно же не позволяло углубиться в собирание филиграней и создать их альбом, так как нужно было скорее ввести в научный оборот найденные исторические источники.

Следующая публикация бумажных водяных знаков появилась лишь через 13 лет и принадлежала членам Румянцевского кружка, уже известным к тому времени палеографам и археографам К. Ф. Калайдовичу и П. М. Строеву⁸⁴). Оба активно участвовали в поиске древних рукописных текстов, были связаны с купцами-книготорговцами, помогали пополнять находками не только Московский архив Коллегии иностранных дел, но и крупнейшие собрания Н. П. Румянцева, Ф. А. Толстого. Т. В. Андреева, специально изучившая деятельность П. М. Строева, считает, что «в работах Строева, как и других историков конца XVIII – начала XIX в., вопросы палеографии занимали незначительное место»⁸⁵). Наибольший вклад Строева она отметила в области дипломатики и археографии. Но практическая деятельность этих ученых подготовила материал для создания основ русской палеографии. А что касается публикации филиграней, то именно Строев и Калайдович продолжили начинание Оленина—Ермолаева, утвердив дело издания разных палеографических снимков.

Правда, публикация 1819 г. содержит (наряду со снимками почерков) воспроизведение только одного знака филигрании бумаги списка Судебника Ивана III, который ранее был известен по книге С. Герберштейна в извлечениях по-латыни, и до сих пор остается единственным сохранившимся списком. В 1817 г. его нашел Строев и совместно с Калайдовичем опубликовал, присоединив к списку Судебника 1550 г., принадлежавшему последнему. В предисловии сборника публикаторы рассказали о способах датировки списка Судебника 1497 г.: «Судя по полууставному почерку, плотной лощеной бумаге и находящемуся в ней знаку, принадлежит к началу XVI в.». А в конце предисловия читаем: «Для показания же древности списков, мы почли за нужное

⁸⁴) Эта и другие публикации водяных знаков упоминаются в работах В. П. Козлова, Т. А. Поле, Т. В. Андреевой при анализе состояния палеографии, дипломатики, археографии и конкретных изданий, но углубленно не рассматриваются.

⁸⁵) Андреева Т. В. П. М. Строев и развитие русской исторической науки в первой трети XIX в.: Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 140.

приложить при сем точные изображения их почерков и знака державы в бумаге, на коей написаны законы Иоанна, искусно выгравированные г. Флоровым»⁸⁶⁾. То есть вновь, как и в «Письме» Оленина, использован комплексный подход.

В переиздании судебныхников И. И. Григоровичем (Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб., 1841. Т. 1) снимков нет. При переиздании сборника 1819 г. Комиссией печатания государственных грамот и договоров в 1878 г. тексты законов были сверены с подлинниками и вновь снабжены палеографическими снимками «с доски, подаренной графом Румянцевым» Московскому главному архиву МИД. Н. П. Лихачев (1899. Ч. I. С. СХС, сн. *) отметил курьез, случившийся в новом предисловии, автором которого значится директор МГАМИД и Комиссии барон Ф. А. Бюлер. На с. VI написано, что издание 1819 г. сопровождалось «снимками заголовков старинных списков законов Иоанна III и Судебника Иоанна IV. На них видно изображение державы, служившей тогда меткою для гербовой бумаги». Это замечание Лихачев сравнил с непрофессиональным истолкованием филиграней в начале века К. Мясниковым (о нем см. ниже).

Новейшая перепроверка Судебника 1497 г. Л. В. Черепниным показала неточность характеристики почерков (их оказалось, по меньшей мере, три, из которых два — скорописных), но большую точность в определении филиграней: «Водяной знак рукописи (сфера) близок по своему характеру к филиграням, изображения которых приведены у Н. П. Лихачева и Ш.-М. Брике и относятся ко второй половине 90-х годов XV в. — началу XVI в.»⁸⁷⁾ ...единственный известный нам список духовной грамоты Ивана III, написан на бумаге, имеющей в качестве водяного знака несколько иной вариант того же самого изображения сферы, что и список Судебника»⁸⁸⁾. Поэтому Черепнин предположил, что список Судебника был изготовлен в 1504 г. в связи с составлением Иваном III своего завещания.

Вслед за совместным изданием Калайдовича и Строева в 1820–1821 гг. появилась публикация Строева — первое сводное издание Софийской летописи по четырем спискам, в их числе и выявленный Строевым в 1817 г. в библиотеке Воскресенского монастыря. Причем, один из них, хранящийся в Библиотеке Академии наук, сличался

⁸⁶⁾ Законы великого князя Иоанна Васильевича и Судебник царя и великого князя Иоанна Васильевича, с дополнительными указами, изданные Константином Калайдовичем и Павлом Строевым. М., 1819. С. XXVI, XXIX.

⁸⁷⁾ См. об этом: *Лихачев Н. П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Табл. 38. Подобные знаки № 344, 345; *Briquet Ch.-M.* Les filigranes: Dictionnaire historique des marques du papier des leur apparition vers 1282 jusqu' en 1600: Avec 39 figures dans le tekste et 16112 facsimilés de filigranes. 2-d ed. Leipzig, 1923. T. I. № 994.

⁸⁸⁾ *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы XIV–XV вв. М., 1951. Ч. 2. С. 279. 280; Судебники XV–XVI веков. М.; Л., 1952. С. 15.

с его печатным изданием 1795 г. В предисловии они подробно описаны, а в таблицах — «для любителей отечественной палеографии приложены за сим вернейшие изображения (facsimile) почерков всех трех рукописей... и восьми знаков в бумаге, на коей они писаны»⁸⁹.

Первая рукопись — «Несторова летопись с продолжателями» по 1418 г. из библиотеки графа Ф. А. Толстого (отдел. I. № 36) «писана, кажется, в начале XVI в.»⁹⁰, дала 4 водяных знака (табл. I): «голова быка с крестом», «петух», две разновидности знака «гроздь винограда» в растительном обрамлении. Вторая, «Архивская рукопись», содержащая летопись с 1397 по 1518 г. (МАКИД. № 187), датирована «около половины XVI в.»⁹¹ и представлена тремя водяными знаками: «крест двойной», «голова быка с крестом и змеей», «тиара» (табл. III). Третья — «Воскресенская» (по названию монастыря), как указано в предисловии, написана «в начале XVII в.»⁹², представлена одним знаком: «кувшин» одноручный на подставке, с перевязью и буквами PR на тулове (табл. II).

Таким образом, в этой публикации воспроизведено самое большое число водяных знаков. В предисловии не указано, что послужило определяющим признаком при датировке, но можно вновь предположить комплексный подход. К сожалению, нет и названий знаков (здесь они даны нами), поэтому нельзя выяснить терминологию Строева, как не названы и источники, по которым они определены. Единственно, что можно установить — общий термин филиграния — «знак на бумаге», как и в публикации с Калайдовичем. Знаки воспроизведены очень точно гравером А. Флоровым. К стати, они были отмечены среди других палеографических снимков в аннотации издания, помещенной в журнале «Сын Отечества» (СПб., 1823. Ч. 83. № 2. С. 87).

Софийская первая и вторая летописи с привлечением большого количества списков были дважды переизданы Археографической комиссией⁹³. Однако среди немногих палеографических снимков, воспроизведений водяных знаков издания Строева или новых нет. Видимо, новый материал не позволил углубиться в их изучение. Что касается датировки рукописей, то они сохранены по изданию Строева. Только Толстовская рукопись датируется (без объяснений) концом XV или началом XVI в.⁹⁴

⁸⁹ Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 г. М., 1820. Ч. I. С. XXIV.

⁹⁰ Там же. С. XXV. В изданном через пять лет труде Калайдовича и Строева «Обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстова» (с. 21) датировка сохранена: «вероятно, в начале XVI в.».

⁹¹ Софийский временник... Ч. I. С. XXV.

⁹² Там же.

⁹³ ПСРЛ. СПб., 1851, 1853. Т. 5, 6; Л., 1925. Т. 5.

⁹⁴ ПСРЛ. СПб., 1851. Т. 5. С. 77.

Наряду с рассмотренными изданиями в это же время (даже с 1813 г.) К. Ф. Калайдович готовил самое значительное свое исследование, которое смог выпустить только в 1824 г. благодаря Н. П. Румянцеву. Калайдович открыл ученым писателя Иоанна, экзарха болгарского, современника Кирилла и Мефодия, опубликовав и глубоко проанализировав найденные им две пергаменные рукописи: список конца XII — начала XIII в. перевода экзархом Богословия Дамаскина (ГИМ. Син. № 108) и список 1263 г. сочинения экзарха Шестоднев (ГИМ. Син. № 345)⁹⁵. Датировка Богословия осуществлена по языку с использованием палеографических признаков. Для аргументации привлечены многие рукописи XV–XVI вв. При их анализе в примечаниях дается подробное описание бумаги как материала письма с указанием водяных знаков. Так, в примеч. 29 охарактеризована бумага греческого списка XV в. Диоптры; в примеч. 34 — бумага двух полных списков Библии 1499 и 1558 гг. из Синодальной библиотеки. О первом сказано: «Писан в лист полууставом, переходящим в скоропись, на Александрийской бумаге; в ней видны фабрикантские знаки бычьей головы, такой же головы с крестом, кувшина с крестом и др.»

Несколько иначе характеризовал он бумагу этого списка уже после выхода книги об экзархе Иоанне. 20 января 1825 г. Калайдович оформил обязательство Н. П. Румянцеву об описании Московского Синодального собрания. В архиве к этому документу приложены «Библиографические известия о трех рукописных славянских библиях, хранящихся в Московской патриаршей библиотеке». Здесь о списке Библии 1499 г. читаем: «На лощеной полуалександрийской бумаге», и названы те же водяные знаки, что и в книге⁹⁶. Выражение «полуалександрийская бумага» в отличие от «Александрийской», видимо, отражает сомнение Калайдовича в определении формата бумаги списка при первом его описании и вносит уточнение в результате позднейшего исследования рукописи.

Описание Калайдовичем в книге списка Библии 1558 г. («в большой лист, полууставом, подходящим к скорописи, на лощеной Александрийской бумаге») не содержит указания на водяные знаки. Что же касается формата бумаги, то в позднейшем описании А. В. Горского и К. И. Невоструева⁹⁷ он определен «в большой Александрийский лист». Эту ошибку исправил Н. П. Лихачев, указав в труде 1899 г.

⁹⁵ Калайдович К. Иоанн, екзарх болгарский. Исследование, объясняющее историю словенского языка и литературы IX и X столетий. М., 1824. Современное описание рукописей и список литературы о них см.: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. (Далее: СК). М., 1984. № 141, 178.

⁹⁶ РГАДА. Ф. 17. Д. 50 доп. Ч. 4. Л. 212–213.

⁹⁷ Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1855. Вып. 1. С. 1.

(Ч. I. С. XXXII), что «бумага тут самая обыкновенная и по формату и по добротности, но лист оставлен развернутым».

Следующие примеры из этой книги свидетельствуют об использовании филигранных в комплексе датирующих признаков: в примеч. 40 — рукопись из Синодальной библиотеки № 20 «писана... в XV в., судя по почерку и бамбергскому знаку бычачьей головы в бумаге»; в примеч. 42 о болгарском переводе иеромонаха Григория — «рукопись писана... на лощеной бумаге... мелким полууставом, переходящим в скоропись во второй половине XV в.: в бумаге видны бамбергские знаки бычачьей головы» (т. е. не позднее 1462. — Ю. А.).

В приложении (с. 56) среди 16 палеографических снимков даны четыре «фабрикантских знака» бумаги рукописи XVI в.: «а) кувшин, б) щит с короною, в) неизвестный знак, г) рука с короною». И подчеркнута: «Изображения награвированы с подлинников с особенным искусством и точностью А. А. Флоровым». По его расчетам цена гравирования одного водяного знака в этой работе составила 15 руб.⁹⁸⁾

К сожалению, снимки, в том числе воспроизведения филигранных не комментированы. «Неизвестный знак» — это готическая литера Р необычной формы с трилистником (близкий знак 1544 г. см.: Лихачев (1899 г.), № 1708).

Таким образом, в этом исследовании содержится богатый материал о филигранных и бумаге. Филигранные использованы и как внешние признаки датированных рукописей, и как средство в комплексном методе датировки, опубликовано четыре их воспроизведения. Невозможность определить знак — литеру Р свидетельствует об ограниченности имеющихся у автора воспроизведений филигранных. Наиболее известным, как свидетельствует и эта работа, был знак «бычачьей головы» из бамбергской книги, т. е. вновь, как и в «Письме» Оленина, узнаем об источнике определения, сравнения знаков. Получаем мы сведения и о русской терминологии основного названия филигранных и отдельных сюжетов знаков. И хотя опубликовано здесь знаков в два раза меньше, чем в «Софийском временнике», все же к этим четырём присоединяется еще описание четырех знаков бумаги рукописей.

В целом, публикаций снимков водяных знаков до появления книги И. П. Лаптева было очень мало — всего (2+1+8+4) 15. Еще примерно восемь знаков в работах 1806 и 1824 гг. даны в описании. Это — филигранные XV–XVI вв. (лишь один — начала XVII в.) иностранной (итальянской, французской, немецкой, польской) бумаги. Чаще встречался исследователям и более знакомым оказался знак «голова быка» в его разновидностях, что естественно связано с распространенностью немецкой бумаги XV–XVI вв. в Европе. Фигурируют среди

⁹⁸⁾ Переписка государственного канцлера графа Н. П. Румянцева с московскими учеными / С предисловием, примечаниями и указателем Е. В. Барсова // ЧОИДР. М., 1882. Кн. 2. Отд. 1. С. 358–359. (Далее: Переписка Н. П. Румянцева.)

опубликованных и другие характерные для бумаги русских рукописей тех веков филигранны («кувшин», «гроздь винограда», «тиара», «крест», «петух», готическая буква P).

Все воспроизведения знаков даны из бумаги важнейших русских или славянских рукописей, кроме одного (в «Письме» Оленина) — из книги 1462 г., изданной в г. Бамберге. Эта книга — единственный источник для сравнения филигранных, названный в рассмотренных публикациях. О других можно только гадать, учитывая западноевропейские труды по дипломатике, палеографии и др.

Воспроизведения водяных знаков в указанных публикациях усилиями Ермолаева и Флорова давались точные, в натуральную величину, кроме одного уменьшенного — из бамбергской книги. Как ни странно, именно в первом палеографическом исследовании — «Письме» А. Н. Оленина — не только привлечены знаки к датировке рукописи, опубликованы их первые рисунки, но и наиболее полно даны описания других филигранных, а также сделана попытка их систематизации. Это, безусловно, заслуга А. И. Ермолаева. В более поздних работах такой полноты нет, хотя интенсивность собирания и изучения водяных знаков по русским рукописям возрастала.

Степень датированности рукописей в рассмотренных работах была, конечно, приближенной: век, начало, конец, первая, вторая половина века, и это естественно при том уровне палеографических знаний. Однако надо подчеркнуть, что последующие исследования, в частности, Н. П. Лихачева, а также крупных современных палеографов, хотя и углубили анализ разновидностей филигранных рукописей, опубликованных в первой четверти XIX в., и уточнили появление списков некоторых из них до года, но не опровергли первоначальной приближенной датировки. И это делает честь первым филиграноведам. Следует отметить, что все публикации рисунков знаков после «Письма» Оленина до выхода книги Лаптева принадлежали ученым Румянцевского кружка.

Безусловно, по своему количеству русские публикации водяных знаков значительно уступали тем приложениям снимков филигранных — от двух десятков до 287, которые принадлежали библиографическим, книговедческим и другим западноевропейским работам. Но в отличие от западноевропейских русские палеографы начали изучение водяных знаков по бумаге рукописей.

Публикация бумажных водяных знаков и их описаний — наиболее очевидное проявление использования филигранных русскими учеными. Но это лишь конечный результат работы по датировке рукописей, данные же о самом процессе, зачастую остаются неизвестными, поскольку погребены в архивах ученых, собраниях рукописей или вообще не фиксировались. Однако в ряде случаев поиск приносит новые доказательства.

В. П. Козлов, специально исследовавший деятельность К. Ф. Калайдовича, убедительно подтвердил вывод дореволюционных палеографов о том, что в комплексе привлеченных средств для датировки рукописей главным для него (как и для многих других ученых) был почерк. Среди остальных внешних признаков бумажных рукописей он выделял водяные знаки, о чем свидетельствуют его архивные материалы, особенно Каталог рукописей Московской Синодальной библиотеки, ч. I, отдел. 1, № 1–101 (на этом, как написано в примечании к с. 62 его корректуры, «заканчивается подробное описание рукописей» Калайдовичем. — ОР РГБ. Ф. 704. К. 18. Ед. хр. 14). У нескольких рукописей XV–XVI вв. указаны и филигранные бумаги, чаще «бычачья голова». Тем самым Калайдович стал первым русским палеографом, включавшим филигранные в число элементов описания рукописей собрания, как то сделал в Англии в 1787–1823 гг. Дж. Фенн при описании документов личного фонда. Калайдович не успел закончить это описание, которое продолжил В. М. Ундольский, пытавшийся его издать.

Ранее уже было высказано предположение о том, что Калайдович вместе со Строевым использовали водяные знаки при датировке огромного числа рукописей библиотеки графа Ф. А. Толстого, хотя в изданном описании не отразили.

Отдельные упоминания об использовании бумаги и филигранных при датировке источников имеются в опубликованных работах Калайдовича. Так, характеризуя «неизвестными письменами начертанную книгу» (свыше 1000 листов), которую профессор Московского университета Ф. Г. Баузе получил от старейшего московского книготорговца И. Ф. Ферাপонтова, он применил несколько средств для датировки: «Судя по бумаге и литерам, можно смело положить, что ей ежели не более, то наверное около 200 лет»⁹⁹). Окончательно убедило его в этом наличие в книге логарифмов, изобретенных в 1618 г.

Калайдович применял водяные знаки и в изучении бумаги старопечатных книг, по мнению В. П. Козлова, «первым выделив основные признаки, характерные для определенного места и времени их издания, а в ряде случаев и для отдельных типографий (форма шрифта, расположение заголовков, предисловий, качество и формат бумаги, филигранные)»¹⁰⁰). В частности, сравнив по этим признакам Триодь постную с известными изданиями славянского первопечатника Швайпольта Фиоля Октоихом, Часословом, Триодью цветной, Калайдович установил, что и она принадлежала к его изданиям¹⁰¹).

⁹⁹ Калайдович К. Ф. Известие о древностях славяно-русских и об Игнатии Ферাপонтовиче Ферапонтове — первом собирателе оных. М., 1811. С. 17.

¹⁰⁰ Козлов В. П. К. Ф. Калайдович и развитие источниковедения и вспомогательных (специальных) исторических дисциплин в первой трети XIX в.: Автореф. С. 15.

¹⁰¹ Козлов В. П. То же: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1976. С. 126; Немировский Е. Л. Очерки историографии русского первопечатания // Книга: Исследования и материалы. М., 1963. Сб. 8. С. 28–29.

Калайдович в числе немногих ученых при описании рукописей и старопечатных книг не только указывал бумагу как материал письма, но и определял ее качество, а иногда и страну производства. Например, по поводу Евангелия, напечатанного в Вильно в 1575 г. П. Т. Мстиславцем — «на белой голландской бумаге»¹⁰²⁾. Отметим и уже приведенные упоминания бумаги в публикациях филиграней и описаниях рукописей.

Будучи профессиональным историком, Калайдович на основе известных в то время источников рассуждает об истории русской бумаги. В письме к Н. П. Румянцеву от 19 февраля 1825 г. он писал: «До времени Петра Великого мы едва ли имели свою бумагу. При сем государе заведена была близ Петербурга первая, сколько известно, бумажная (Дудергофская. — Ю. А.) фабрика»¹⁰³⁾. Последнее бесспорно. Что касается производства русской бумаги в XVI–XVII вв., отдельные сведения о которых были известны, то либо Калайдович их не знал, либо, не имея в качестве доказательства образцов этой бумаги, он не считал возможным утверждать факт ее раннего производства. В то же время, располагая листком бумаги с водяным знаком, где изображены два лица, стоящие по бокам креста, и слова «Иоанн Мазепа гетман», он с полным основанием предположил, что, «может быть, это один из первых образцов бумаги, деланной в Малороссии»¹⁰⁴⁾.

Приведенные положения свидетельствуют о большом опыте Калайдовича как историка и палеографа, о продуманности им многих вопросов филиграноведения. Можно безусловно согласиться с выводом историков о расширении круга вопросов палеографии в Румянцевском кружке. В частности, Т. А. Поле пишет: «Палеографами кружка было осознано также датирующее значение бумажных водяных знаков и необходимость для славяно-русской палеографии изучения филиграней»¹⁰⁵⁾. Она утверждает также, что изучением водяных знаков занимались все члены Румянцевского кружка¹⁰⁶⁾. Возможно, так и было. Но в их опубликованных работах и ученой переписке сведения о водяных знаках чрезвычайно редки.

Сегодня в результате выхода обширной литературы понятие «Румянцевский кружок» уже не ограничивается именами нескольких ученых. В. П. Козлов только ядро объединения исчисляет в 55 человек, но лишь небольшую группу из них составляли профессиональные ученые¹⁰⁷⁾. Среди них были ученые разных областей знаний. Конечно,

¹⁰²⁾ Козлов В. П. Малоизвестные письма К. Ф. Калайдовича к Н. П. Румянцеву. С. 225.

¹⁰³⁾ Там же.

¹⁰⁴⁾ Там же.

¹⁰⁵⁾ Поле Т. А. Румянцевский кружок и развитие славяно-русской палеографии. Дис. С. 175.

¹⁰⁶⁾ Там же. С. 49.

¹⁰⁷⁾ Козлов В. П. Колумбы российских древностей. С. 40, 41 и др.

утверждение Поле относится в первую очередь к историкам и филологам. Но опубликованные в первой четверти XIX в. и выявленные архивные свидетельства позволяют бесспорно назвать из «дружины» Румянцева в Москве и Петербурге К. Ф. Калайдовича, П. М. Строева, П. И. Кеппена, А. Х. Востокова, А. Ф. Малиновского. Правда, следует иметь в виду, что результатами палеографической работы пользовались все члены кружка. (Об Оленине и Ермолаеве речь шла в начале главы.) Уровень знаний и глубина занятий этим предметом у них были, конечно, разными. Только Калайдович и Востоков систематически и глубоко изучали водяные знаки бумаги.

Что касается терминологии филиграней, то члены Румянцевского кружка употребляли разные определения. Дилетант в данном вопросе Румянцев называл «знаки», «гербы бумаги» (в письме к А. Х. Востокову от 9 января 1825 г.). В ответном письме Востоков употребляет термин «герб», может быть, чтобы было понятно графу, связывая это изображение в бумаге с фабриками (или городами), где она производилась. Здесь и в других письмах он называл филигрань «изображениями знаков на бумаге». К. Ф. Калайдович больше использовал определение «знак» и «бумажный знак», но иногда и слово «клеймо», а в одном случае «сквозной знак»¹⁰⁸). У П. И. Кеппена, издателя «Библиографических листов», в «Азбучном указателе предметов» фигурируют названия «заводские знаки в бумаге» («знаки заводские в бумаге») из статьи Востокова.

Подводя итоги изложенному, можно сделать следующие выводы. Привлечение бумажных водяных знаков в палеографических исследованиях в рассматриваемый период не только увеличило число используемых внешних признаков при датировке рукописи, но и привело к переходу от общего бумаговедческого к более углубленному, филиграноведческому изучению материала для письма. Однако теоретически, как и методически, этот вопрос еще не был разработан, отсутствовали специальные работы. Он находил свое выражение преимущественно в практическом изучении отдельных филиграней в отдельных рукописях, а также переписке ученых. Шло накопление материала — воспроизведений водяных знаков.

Для дальнейшего изучения филиграней как датирующего признака важно было уяснить (особенно благодаря трудам А. Х. Востокова) вопрос о том, что недостаточно использовать только данные языка, почерка, необходимо привлекать и другие внешние признаки источника. Понимание этого выразилось и в распространении публикаций палеографических снимков текста, отдельных букв, миниатюр, печатей и водяных знаков рукописей. Причем, уже готовилось пособие по палеографии, т. е. систематизировался материал для издания таких

¹⁰⁸) Козлов В. П. Малоизвестные письма К. Ф. Калайдовича к Н. П. Румянцеву. С. 225.

снимков в 20-х годах Кепшеном и Востоковым, что осуществить в то время, к сожалению, не удалось.

До сих пор мы рассматривали зарождение понимания учеными роли водяных знаков в датировке рукописей и первые их описания и публикации, т. е. *филигранографию*. Указанный термин впервые встречается только в конце XIX в. у Н. П. Лихачева¹⁰⁹), а затем был воспринят позднейшими нашими филиграноведами, хотя широко не употреблялся в литературе. Вплоть до появления книги И. П. Лаптева в России описывались и публиковались лишь отдельные знаки. Это свидетельствовало о слабом собирательстве водяных знаков в то время, или, как можно подумать, даже вообще об отсутствии такового. Однако исследования Т. А. Поле и наши архивные изыскания позволяют отвергнуть последнее предположение. Перейдем теперь к вопросу о формировании архивной источниковой базы отечественного филиграноведения — собиранию коллекций бумажных водяных знаков в России первой четверти XIX в.

Памятуя особенности рассматриваемого периода относительно коллекционного бума, отметим еще одну, указанную известным палеографом и лингвистом И. И. Срезневским. Он писал, что любовь к древностям в России существовала издавна, но ограничивалась лишь сбережением ценностей, что характерно для XVIII в.: «...и во время Екатерины II и даже после нее эта любовь шла отдельно от науки»¹¹⁰). Поэтому коллекционеры часто ошибались в своих оценках.

Но в конце XVIII — первые десятилетия XIX в. происходит сближение и переплетение знаточества с научными исследованиями, завязываются прочные контакты между любителями и учеными именно на почве собирательства рукописей, книг и других древностей.

Имя одного из первых любителей водяных знаков назвал Н. П. Лихачев. Анализируя водяные знаки Кормчей «по каталогу XIV в.» из Императорской Публичной библиотеки (Ф. П. 119), Лихачев записал, что в *начале XIX в.* (выделено мной. — Ю. А.) рукописью владел купец Кондратий Мясников, «он был одним из немногих тогда книголюбцев, обращавших внимание на бумажные знаки». Владелец нарисовал на листе переплета филигрании «бубенчик», «ангел с крестом» и попытался их объяснить: 1) «У сия Кормчия книги на бумаги вензель дванадесятаго ста лет М. К. Д. П. глокусь Спасителя»; 2) «И се на бумаги истолковано яко архангела толкование, егда святой Андрей водрузил крест в Роси[йской] земли, а крыле скоро благодатию Бжїю овтече вселенную благовестием Бжіем»¹¹¹). Мы видим, что Мясников не связывал водяные знаки с датировкой

¹⁰⁹) Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. I. С. LVIII.

¹¹⁰) Срезневский И. И. Указ соч. С. 5.

¹¹¹) Цит. по: Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. I. С. 255–256; С. 254–255, ВЗ № 2405–2411. См. также с. СХС, сн. *

рукописи, а рассматривал их лишь как символы. Лихачев не только описал и воспроизвел водяные знаки бумаги рукописи, но и уточнил по ним ее датировку — начало XV в.

Сведения о других любителях-коллекционерах из Петербурга нам удалось обнаружить в ОР РНБ, ведя поиски архивного наследия И. П. Лаптева. В фонде чиновника Департамента народного просвещения Н. М. Михайловского (Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 48) хранится рабочая тетрадь с рисунками водяных знаков (около 200 за XIV–XVI вв.). Рисунки неточные, сделаны карандашом и чернилами. Многие пронумерованы и датированы по старому стилю, имеют краткие подписи с указанием на источник. Записи в тетради позволяют проследить ее судьбу в руках четырех человек¹¹²⁾.

Первым известным нам владельцем тетради, вероятно, и снявшим многие рисунки знаков, был Алексей Васильевич Беляев, старый коллекционер-нумизмат. О нем рассказал С. А. Еремеев: «...знакомец мой Петров свел меня с А. В. Беляевым. После князя Щербатова он один из тогдашних любителей печатно говорил о русской нумизматике. Старик летами, но юноша по страсти, он мне пришелся по сердцу. В его умной поучительной беседе я почерпал настоящие сведения о русской нумизматике... От Беляева сумел я приобрести довольно порядочное собрание»¹¹³⁾. Судя по филиграммам в бумаге тетради, Беляев завел ее не ранее 1817 г. Он, в свою очередь, эту тетрадь передал (продал?) другому владельцу — Ефиму Савичу Петрову в 20-е годы XIX в. Е. С. Петров был также хорошо знаком коллекционерам Петербурга, о чем свидетельствует тот же Е. С. Еремеев: «Узнал я, что в Перинной линии есть чудесный человек, у которого собраны монеты всех государств и всего мира! Это был Е. С. Петров, знакомый со всеми любителями нумизматики, который торговал сначала из выгоды древностями, а потом, пристрастившись к ним, кончил с ними и свое благосостояние и свою жизнь. В нумизматическом разгаре он торговал и старыми монетами, и харатейными рукописями, и старопечатными книгами. Охотники гонялись за Петровым; да и как было не гоняться за ним: он как будто из воды. каждый день является с редкостями; он по духу чуял, где есть нумизматические сокровища... Ласковый и приветливый он всегда был окружен нумизматами и библиофилами»¹¹⁴⁾.

Подчеркнем важный для нас момент: Петров имел у себя древние рукописи и старопечатные книги, а не только монеты, и был знаком с библиофилами. В указанной нашей статье Е. С. Петров, согласно

¹¹²⁾ Подробнее в моей статье: Материалы о собирании коллекций водяных знаков И. П. Лаптевым и Н. М. Михайловским // АЕ за 1990 год. М., 1992. С. 76–78.

¹¹³⁾ Еремеев С. А. Материалы для истории русской нумизматики // Записки Санкт-Петерб. археол.-нумизматического общества. СПб., 1849. Т. I. С. 426.

¹¹⁴⁾ Там же. С. 424.

архивному заголовку рассматриваемой тетради, назывался комиссионером графа Ф. П. Толстого, знаменитого скульптора, медальера. Однако проведенные изыскания заставили усомниться в этом, поскольку есть целый ряд свидетельств за то, что Ефим Петрович был комиссионером графа Ф. А. Толстого, известного владельца крупнейшего собрания рукописей и книг (см. об этом в гл. IV, разд. 2).

Более высокая квалификация любителей древностей первых двух владельцев описанной тетради обеспечила и другой, чем у К. Мясникова, подход к филиграням. Знаки срисованы хотя и неточно, но с указанием на источник и дату, т. е. налицо попытка собрания с определенной целью — изучения рукописей. 14 июля 1831 г. Е. С. Петров продал тетрадь с филигранями И. П. Лаптеву — автору первой русской работы о водяных знаках. И лишь позже она попала к Н. М. Михайловскому, в фонде которого и хранится. И. П. Лаптев начал собирать коллекцию филиграней еще в Вологде и на ее основе смог издать в 1824 г. книгу.

Теперь можно утверждать, что коллекции водяных знаков, как и коллекции других раритетов, ценились и покупались любителями еще в первые десятилетия XIX в., и при отсутствии печатных альбомов филиграней, использовались ими как таковые.

Приведем материалы о такого рода коллекциях, собиравшихся в это же время учеными.

Впервые в нашей историографической литературе о собирании А. Х. Востоковым разного рода снимков с рукописей, в том числе и копий филиграней, написал И. И. Срезневский¹¹⁵⁾, специально и глубоко изучавший его деятельность. Но здесь он еще не говорил о коллекции. В 1873 г. Срезневский опубликовал его переписку с комментариями. Личное свидетельство Востокова о своем собирательстве мы находим в его письме графу Румянцеву от 31 января 1825 г. В примечании к письму Срезневский кратко охарактеризовал собрание как очевидец: «Что Востоков действительно занимался собиранием отливных знаков бумаги старинной, это доказывает его собрание, сохранившееся в его бумагах, состоящее из клочков старинной бумаги, со знаками и замечаний, к каким годам относятся какие знаки»¹¹⁶⁾. То есть можно понять, что это были не воспроизведения знаков, а оригиналы бумаги, хотя в книге 1865 г. он прямо писал о снимках знаков.

Т. А. Поле, изучившая фонд А. Х. Востокова, среди снимков текстов рукописей обнаружила 116 рисунков водяных знаков (СПб. ФА

¹¹⁵⁾ *Срезневский И. И.* Обзорение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных. СПб., 1865. С. 20. См. также: Филологические наблюдения А. Х. Востокова: Издал по поручению 2-го отделения Академии наук И. Срезневский. СПб., 1865. С. XXXI.

¹¹⁶⁾ Переписка А. Х. Востокова в повременном порядке с объяснительными примечаниями И. Срезневского // Сборник статей, читанных в ОРЯС Имп. Академии наук. СПб., 1873. Т. 5. Вып. 2. С. 438 (далее: Переписка А. Х. Востокова).

РАН. Ф. 108. Оп. 1. Д. 53 — «Материалы по истории филигрании XIV–XVII вв.»¹¹⁷⁾. Наш просмотр этого дела позволяет добавить следующее. С учетом незаконченных рисунков филиграний, их число увеличивается до 134. Но в большинстве своем они представляют листки бумаги с филигранями (часто неполными, без контрамарок), т. е. не была еще проделана работа по их воспроизведению. Все водяные знаки — с иностранной бумаги и преимущественно из иностранных источников (латинских, немецких, польских и других). Везде указаны дата и название источника знаков. Преобладают филигрании XV–XVI вв. На л. 1 есть записи даже о филигранях конца XIII в., но без рисунков. Т. А. Поле предположила, что собирание филиграний связано было с подготовкой пособия, оставшегося незавершенным (Там же. Д. 52 — «Материалы для славяно-русской палеографии»), и отнесла его к середине 20-х годов XIX в. Думается, что возникновению коллекции способствовала систематическая кропотливая работа над рукописями, начатая десятилетием раньше, когда Востоков стал работать в Депо манускриптов. Известно, что Востоков часто делал различные снимки текстов не только для себя, но и по просьбе других ученых. Начало этой работы Востокова Срезневский датировал 1814–1815 гг.

Рисунки были очень точными благодаря опыту, приобретенному Востоковым в Академии художеств (совместно с Ермолаевым, который и увлек его занятиями историей). Среди ученых, которым Востоков посылал эти снимки, Срезневский назвал Евгения (Болховитинова), К. Ф. Калайдовича, П. И. Кеппена¹¹⁸⁾, М. П. Погодина, иностранных ученых Й. Добровского, П. Шафарика, В. В. Ганку, В. Копитара и др. «У него самого, — добавлял Срезневский, — оставались, или по крайней мере, под конец остались только бедные отрывки из значительного количества снимков, им сделанных из разных рукописей. Сохранились только снимки со знаков бумаги, при которых обозначено и время, когда бумага с тем или иным знаком была вылита»¹¹⁹⁾. Последнее понятно, поскольку воспроизведения филиграний использовались пока еще небольшим числом ученых.

Т. А. Поле считает, что, если бы Румянцевский кружок не прекратил свою деятельность во второй половине 20-х годов, Востоков смог бы завершить работу по созданию палеографического пособия, в том числе и альбома филиграний¹²⁰⁾. По ее мнению, именно

¹¹⁷⁾ Поле Т. А. Румянцевский кружок и развитие славяно-русской палеографии: Автореф. С. 22.

¹¹⁸⁾ Как отмечал И. И. Срезневский, особенно много палеографических снимков А. Х. Востоков передал П. И. Кеппену (Филологические наблюдения А. Х. Востокова. С. XXXI). В фонде А. Х. Востокова (ОР РНБ. Ф. 108. Оп. 1. Д. 148) имеется собственноручный «Список сообщенных мне снимков» Кеппена (1820 г.). В нем перечень книг XI–XVII вв., из которых, видимо, для него были сделаны снимки.

¹¹⁹⁾ Срезневский И. И. Обзорные научных трудов А. Х. Востокова... С. 20. См. также: Голубева О. Д. Указ. соч. С. 223, 224.

¹²⁰⁾ Поле Т. А. Румянцевский кружок... Автореф. С. 23.

материал для письма и филиграни были теми вопросами, по которым Востоков и Кеппен «могли дать информацию, вполне достойную пособия»¹²¹⁾. Действительно, Востоков прожил до 1864 г., но, работая над описанием рукописей собрания Н. П. Румянцева, в котором были использованы и филиграни, основное внимание уделял вопросам славянского языкознания. К концу же 20-х годов еще не были собраны все необходимые сведения для пособия.

На наш взгляд, тезис Поле справедлив только в том отношении, что по этим вопросам собранные данные были более представительны (учитывая уровень их изучения в первой четверти XIX в.), чем по остальным. Однако судя по сохранившимся высказываниям ученых Румянцевского кружка о филиграниях, объему и состоянию коллекции водяных знаков А. Х. Востокова, материала было недостаточно для создания пособия. Кстати, так считали и сами ученые, проводившие подготовку пособия по палеографии под давлением Евгения (Болховитинова) и Н. П. Румянцева.

Член Румянцевского кружка, ученый-палеограф К. Ф. Калайдович, много и тщательно работавший с рукописями, больше других использовавший водяные знаки в их датировке, как известно, имел большое собрание рукописей, старопечатных книг, монет, медалей и т. п. Тем не менее коллекции филиграней Калайдович не составил. В его архивном фонде (ОР РНБ. Ф. 328) сохранились лишь отдельные воспроизведения знаков.

О коллекционировании водяных знаков среди представителей технических наук свидетельствует собрание филиграней Петра Козьмича Фролова (1775–1839), известного горного инженера, изобретателя, построившего первую конно-чугунную дорогу в России (1809), осуществившего ряд усовершенствований в области металлургического производства, основавшего краеведческий музей в Барнауле (1827)¹²²⁾. Учился он в Петербурге, начал службу на заводах Сибири. Видимо, еще в Сибири Фролов стал собирать старинные рукописи, книги, предметы искусства. К моменту его переезда в Петербург в 1811 г. коллекция столь разрослась и приобрела такую ценность, что Фролов сдал ее на хранение в Публичную библиотеку. В 1812 г. в связи с опасностью наполеоновского нашествия она была эвакуирована вместе с другими библиотечными ценностями. После эвакуации коллекция продолжала пополняться. Уезжая в 1817 г. в Сибирь, Фролов по совету А. Н. Оленина продал ее Публичной библиотеке. Как показывает

¹²¹⁾ Поле Т. А. Румянцевский кружок... Автореф. С. 26.

¹²²⁾ Русский биографический словарь. СПб., 1901. Т. 21. С. 239–240; Розов Н. Н. Горный инженер П. К. Фролов — собиратель русской рукописной книги // Труды Ленинградского государственного института культуры им. Н. К. Крупской. Л., 1981; Голубева О. Д. Указ. соч. С. 15, 20, 75, 81, 96, 203; Сотрудники Российской национальной библиотеки — деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 1. Императорская публичная библиотека. 1795–1917. СПб., 1995. С. 553–554.

перечень из «Отчета в управлении Императорскою Публичною библиотекою... за 1817 г.» (СПб., 1818. С. 47–75), большинство из 208 старинных рукописей — на русском и других славянских языках. 160 рукописей — на бумаге, «две книги, писанные на бомбицине», а о рукописи «Словарь на китайском, манжурском, монгольском и (русском) языках» отмечено: «Здесь бумага, кажется, не европейская». Часто рукописи датированы «по почерку». Указан и архивный материал в виде отдельных листов¹²³⁾.

П. К. Фролов, как известно, не только коллекционировал, но и изучал рукописи вместе с хранителем Депо манускриптов Библиотеки А. И. Ермолаевым (или под его руководством). Думается, что советы такого палеографа, как Ермолаев, натолкнули Фролова на мысль собрать и филигрانی. Хотя в «Отчете... за 1817 г.» коллекция филиграний не упоминается, но возможно она проходила среди «прочих любопытных письмен», среди архивного листового материала.

Коллекция из 155 филиграний хранится в деле с названием на старой обложке «Знаки бумажных фабрик XVI в., собранные П. К. Фроловым»¹²⁴⁾. Рисунки точные, аккуратные, сделаны чернилами, расположены на листе по 2–3, а на л. 33–47 — группами. Причем, знаки описаны, даже с попыткой сведения в таблицу:

Под сим знаком бумага	Век
←	XVI

». Описаны источники воспроизведения:

название, автор, дата составления или издания. Поэтому можно уточнить датировку филиграний внутри века. Примечателен сам факт отбора знаков одного века, а не копирование подряд всех филиграний бумаги рукописей владельца. Почему намечен именно XVI в., можно только гадать. Возможно потому, что более ранние рукописи на бумаге были редкостью, а выбранный век, учитывая старопечатные книги, давал уже больше материала, в том числе и из коллекции владельца.

Но большинство рисунков — 112 (расположены группами) — XV в. взяты из приложения к брюссельскому изданию каталога книг Серна-Сантандера 1803 г. Остальные 43 знака воспроизведены из рукописей, старопечатных книг (в том числе иностранных) и грамот XVI в. Руководствуясь «Каталогом собраний... Фролова», можно составить перечень использованных источников. Преобладают источники русского происхождения. Среди иностранных — издания латыни, на английском и других языках.

Важное значение имеют записи под некоторыми рисунками: «На другой половине листа знака нет». Они показывают, что Фролов знал о наличии основного знака и контрамарки, и следовательно,

¹²³⁾ См.: Каталог собраний рукописей и книг на русском и иностранных языках и предметов материальной культуры Петра Козьмича Фролова. После 1817 г. (ОР РНБ. Ф. 1000. Собрание отдельных поступлений. Оп. 3. № 1000.)

¹²⁴⁾ ОР РНБ. ОСПК. Ф. 550. Q. IV. 127. Л. 1–47.

о необходимости искать для точного воспроизведения знаков полные листы. Это — показатель высокого уровня понимания процесса производства бумаги и филиграний (сказывалась техническая подготовка Фролова).

Привлечение знаков из иностранных изданий говорит о том, что составитель предполагал сделать сводный альбом филиграний, как опубликованных за рубежом, так и выявленных по отечественным источникам. Отсутствие у него знаков из упоминавшейся книги Х. Янсена 1808 г. можно объяснить двояко: либо он ее не знал (что маловероятно), либо еще не успел скопировать их для своей коллекции до отъезда из Петербурга в 1817 г. Продав собрание в Публичную библиотеку, он, видимо, больше филигранями не занимался.

Таким образом, коллекцию филиграний П. К. Фролова можно считать одной из самых ранних и квалифицированных попыток подготовки сводного альбома филиграний в России.

Здесь охарактеризовано лишь несколько коллекций бумажных водяных знаков, выявленных в архивах Петербурга. Хронологически они формировались еще до или одновременно с аналогичной коллекцией вологодского купца И. П. Лаптева, о которой будет рассказано далее. И если бы не деятельность Лаптева, то можно было бы утверждать, что подобным собирательством в тот период занимались только в Петербурге, Москве. Думается, что приведенные факты позволяют предполагать собирательство такого рода и в других культурных центрах России. Так что поиски стоит продолжать.

Хотя число выявленных коллекций невелико, но наличие среди их владельцев — известных современникам любителей и исследователей древних рукописей все же дает основание для некоторых выводов. Коллекционный бум конца XVIII — первой четверти XIX в. привел к созданию большого числа коллекций рукописей и книг, и других предметов старины, на базе которых, как правило и складывались собрания водяных знаков. Их владельцы — книголюбы, книготорговцы, нумизматы, ученые гуманитарного и технического профиля.

Нельзя сказать, что крупнейшие коллекционеры рукописей и книг обязательно становились и создателями собраний филиграний. Для появления последних у владельца должен был возникнуть специальный интерес к водяным знакам бумаги. У некоторых из них этот интерес мог появиться от увлечения монетами, медалями, разными ювелирными изделиями (как у Е. С. Петрова).

В то же время, даже наличие коллекции филиграний не обязательно вело к их изучению. Первые коллекционеры водяных знаков ограничивались их собиранием, хранением и, возможно, использованием для познания рукописей и книг только своих собраний. И наоборот, понимание роли водяных знаков, их первое использование и публикация в «Письме» А. Н. Оленина не было связано с наличием коллекции филиграний. Оно возникло из необходимости

исследования конкретных источников, т. е. из практической палеографии, как и позднее у членов Румянцевского кружка. Для Востокова, скажем, дополнительным стимулом в собирании снимков, в том числе филиграней, стала подготовка материалов пособия по палеографии.

В накоплении корпуса воспроизведений филиграней важную роль играла и играет техническая сторона дела — умение точно срисовать, скопировать знак бумаги. Среди первых специалистов водяных знаков это хорошо удавалось А. И. Ермолаеву, А. Х. Востокову (учились в Академии художеств), П. К. Фролову (владел ремеслом черчения), а позднее К. Я. Тромонину (литограф).

Но одно бесспорно, создание альбома филиграней без их собрания было невозможно. Это осуществил И. П. Лаптев.

Глава II

«БЫВШИЙ ВОЛОГОДСКИЙ, а ныне санктпетербургский купец Иван Лаптев» (1774–1838): Биографический очерк

1. Вологодский период

Иван Петрович Лаптев родился 226 лет назад, 28 августа 1774 г.¹⁾ Место рождения точно неизвестно. Но если следовать справочнику П. А. Дилакторского²⁾, оно связано с Вологодской губернией, точнее — тогда еще провинцией³⁾. Поиски в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) документов о его происхождении пока точных результатов не дали, хотя о многих других, особенно богатых, купцах г. Вологды конца XVIII – начала XIX в. имеются подробные данные.

В отличие от истории крестьянства история вологодского купечества, к сожалению, еще по-настоящему не изучена, предприняты только отдельные попытки по материалам XVIII в., отчасти XIX – начала XX в., особенно в связи с участием купцов в промышленном предпринимательстве⁴⁾. Наш поиск осложняется еще и тем, что в архивных фондах Вологодской губернии встречаются сведения об однофамильцах или возможных родственниках И. П. Лаптева. Но фамилия «Ляптев» в Вологодской губернии не исследована и филологами, по крайней мере, не включена в словарь учебного пособия «История вологодских фамилий» (Вологда, 1989) из-за нехватки

¹⁾ Петербургский некрополь / Сост. В. И. Саитов. СПб., 1912. Т. 2. С. 611.

²⁾ Дилакторский П. А. Вологжане-писатели: Материалы для словаря писателей, уроженцев Вологодской губернии. Вологда, 1900. С. 62.

³⁾ Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. П. П. Семенов и др. СПб., 1885. Т. 1. С. 521.

⁴⁾ Последний материал и литературу об этом см.: Козина Г. Н. Вологодские купцы — фабриканты и заводчики (XVIII – начало XX в.) // Вологда: Краевед. альманах. 1997. Вып. 2; Отдельные данные встречаются и в других статьях альманаха, сборника «Послужить Северу...» Сведения о внешнеторговых связях обобщены в статье Н. Н. Репина «Купцы-капиталисты и внешняя торговля России в XVIII в.» (Купечество в России. XV – первая половина XIX в. Сб. статей в честь профессора А. А. Преображенского. М., 1997); и др.

листажа как этимологически менее интересная, хотя отдельные сведения о ней собраны⁵⁾.

Учитывая выявленные на сегодня данные, в поисках родителей Ивана Петровича можно назвать трех Лаптевых, живших в одно время и имевших имя-отчество «Петр Федорович», один из которых мог быть его отцом. В частности, по ревизии 1795 г. в г. Вологде значился «мещанин Петр Федоров сын Лаптев», умер в 1787 г. 66-ти лет; его жена Дарья Степановна, «города Вологды посадская», умерла в 1792 г. в возрасте 76-ти лет⁶⁾. В документах дети при них не записаны. В метрической книге проходит другой Петр Федорович Лаптев, вологодский купец в 1766 г., который женился на купеческой дочери Гликерии Стефановне Бечевниковой⁷⁾, умер в 1785 г. в возрасте 65 лет⁸⁾. В расходных книгах денежной казны Вологодского архиерейского дома записаны: в 1773 г. — вологодский купец Петр Лаптев, поставивший байку, а в 1774 г. — вологодский купец Петр Федорович «мншней» Лаптев, который поставил более дорогие товары (тафту, бахрому, подушку бархатную персидскую)⁹⁾. Возможно, речь идет об одном и том же человеке, отчество которого сначала не записали, или запись 1774 г. свидетельствует о существовании в то же время третьего Петра Федоровича Лаптева — «мншего». Какой из них приходился отцом Ивану Петровичу, определенно ответить нельзя, но более вероятно тот, который женился на Гликерии Стефановне (Степановне; в документах варьируется написание отчества), поскольку позднее дважды — в 1781 г. и 1795 г. — при ней приписан сын Иван.

В 1781 г. они с матерью еще остро не нуждались, так как вдова-Гликерия Степановна Лаптева с малолетним сыном Иваном записана в вологодской ведомости о «купеческих, мещанских и цеховых вдовах и сиротах, у которых никаких опекунов по нетребованию ими не определено, ... а одни даже имеют от детей их (Иван помогать не мог, ему еще не было семи лет. — Ю. А.), а другие от родственников и свойственников, и прочих...»¹⁰⁾. Позднее, видимо, материальное

⁵⁾ Выражаю глубокую благодарность руководителю работ профессору ВГПУ Ю. И. Чайкиной за предоставленные сведения о двух фамилиях Лаптевых из ее картотеки, что стимулировало дальнейший поиск.

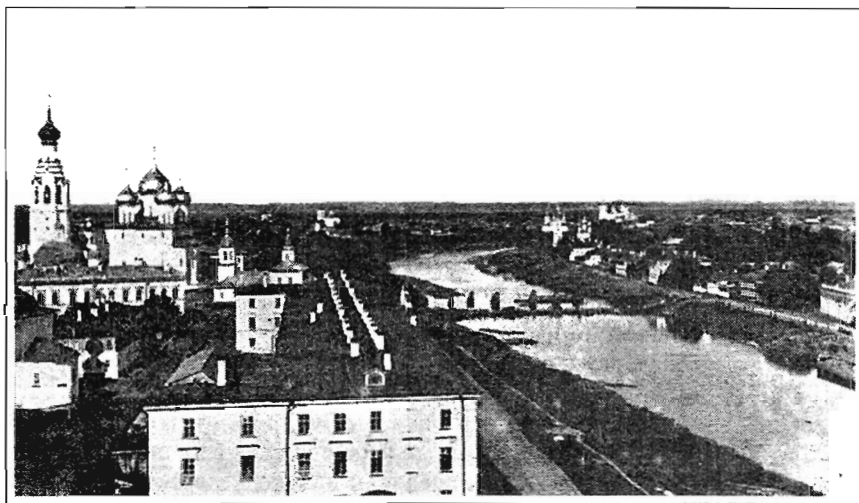
⁶⁾ ГАВО. Ф. 496 (Вологодская духовная консистория). Оп. 1. Д. 4369. Л. 301.

⁷⁾ Там же. Оп. 8. Д. 2. Л. 565. Благодарю Г. Н. Козину за любезное сообщение указанных данных.

⁸⁾ Там же. Д. 42. Л. 31. Судя по тому, что бракосочетание и смерть его записаны в метрических книгах одного и того же прихода — «церкви Вознесения, что у плувучего моста» (ныне не существует), можно считать, что речь идет об одном и том же лице.

⁹⁾ Вологодский государственный историко-архитектурный и художественный музей-заповедник (ВГИАХМЗ). Сектор письменных источников. Ф. 1 (Вологодский архиерейский дом). Оп. 2. Д. 147. Л. 33 об.; Д. 149. Л. 13. Указанные цифры сообщены Г. Н. Козиной.

¹⁰⁾ ГАВО. Ф. 833 (Вологодский губернский магистрат). Оп. 1. Д. 31. Л. 20.

Вид Вологды: здание «присутственных мест», Собор, Соборная и Златоустинская набережные. (Фото из книги И. К. Степановского «Вологодская старина». Вологда, 1890)

положение ухудшилось, что вынудило мать пойти работать. По ревизии 1795 г., в списке, озаглавленном «Приписные, показанные и в четвертую ревизию (т. с. и в 1782 г. — Ю. А.), вологодские мещане», читаем: «Умершаго Петра Федорова сына Лаптева жена вдова Гликерия Степанова дочь из вологодскаго прядильнаго цеха» (по ревизии 1782 г. — 27 лет, а по данной — 40 лет). «У нсе сын, написанный в последнюю перед сей ревизию, Иван»: в 1782 г. — 7 1/2 лет, в 1795 г. — 20 1/2 лет¹¹⁾. Вспомнив, что Иван Петрович родился 28 августа 1774 г., можно считать на основании вышесприведенных данных о возрасте, что это именно он, возраст совпадает до месяцев. Но вопросы возникают в связи с датой смерти его отца (раньше он значится умершим в 1785 г., а Гликерия Степановна — вдова с 1781 г.) и положением матери (была купчихой, а в 1781 г. — мещанка, в 1795 г. — в прядильном цехе). Кроме того, если ей в 1795 г. 40 лет, то в 1766 г. — 11 (!), в таком возрасте церковное бракосочетание не могло состояться, но поразительно указанное совпадение в возрасте сына. Возможно существование и другой Гликерии Степановны, нё купчихи. А может быть, вкралась где-то в дате ошибка писца? Оставляя этот вопрос для будущих исследователей, я все же не отбрасываю версию о Гликерии Степановне — матери Ивана Петровича потому, что она много проясняет в его вологодском периоде жизни, стыкуясь с другими биографическими фактами. Так, кто бы из трех вышеназванных лиц ни был отцом Ивана Петровича, все они

¹¹⁾ ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 4369. Л. 310.

умерли в 80-х годах¹²⁾, значит, с 6,5 лет сына растила мать, т. е. ребенок рос в неполной, как ныне выражаются, семье. В данную версию укладывается и такой важный факт: когда Иван Петрович стал купцом (не ранее 1796 г., так как по существовавшему положению вступление в купечество разрешалось после 21 года), капитал его был «собственным», не наследованным, т. е. он сам его заработал. Видимо, с этим обстоятельством связаны его частые отъезды из Вологды, поэтому так трудно обнаружить в ранний период сведения о его капитале и др.

Среди однофамильцев, не имеющих родственных отношений с И. П. Лаптевым, упоминаются Лаптевы — дворяне, одни из крупнейших землевладельцев в Устюженском уезде Вологодской губернии¹³⁾. Можно поддержать заключение М. С. Крутовой о том, что к дворянскому роду Лаптевых он не принадлежал¹⁴⁾.

В Вологде, где жил Иван Петрович, кроме упомянутых, было еще несколько купцов Лаптевых, которые именовались Иванами, а отчество в архивных документах указывалось далеко не всегда. Полные данные имеются о двух купцах-вологоджанах Лаптевых конца XVIII — начала XIX в. Оба — Иваны Аврамовичи, по происхождению — из крестьян. Различаются они в официальных списках, как «большей» и «меньшей» (разница в возрасте 9 лет), и, как свидетельствуют документы (РГИА. Ф. 14. Оп. 1 Д. 24. Л. 17), были братьями.

«Иван Аврамов сын большей Лаптев» (1752 г. рожд.) в 1790 г. купец 1-й гильдии с собственным капиталом в 20 тыс. руб., к которому приписаны дети Николай, Аврам и Павел (позднее Аврам не упоминается, но появляется Яков, была еще дочь Пелагея)¹⁵⁾. По списку обывателей 1792 г. он «природной г. Вологды сторожил, 37 лет в декабре 22 дня 1789 г. Женат на с.-п[е]т[ер]бург[ской] купецкой дочери Анне Сергееве». Проживал в основном в Петербурге, так как вел оптовую торговлю через порт «разными товарами, российскими и иностранными». С 1787 г. числился среди именитых граждан города Вологды¹⁶⁾.

¹²⁾ Безусловно, не мог быть отцом вологодский купец Петр Федорович Лаптев, у которого в декабре 1774 г., согласно записи в метрической книге «церкви Сретения Господня, что у реки Вологды», «родился сын Е[в]харест» (в то время как Иван Петрович родился в августе 1774 г., но в этой метрической книге записи о нем нет) (ГАВО. Ф. 496. Оп. 8. Д. 20. Л. 19).

¹³⁾ ППМВО. Вологда, 1985. Ч. 4. Вып. 1. Документы дореволюционного периода. С. 100–101.

¹⁴⁾ Крутова М. С. О книжной коллекции И. П. Лаптева и Златой цепи в ее составе // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 133.

¹⁵⁾ ГАВО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 364. Л. 2, 7. Данные на 1792 г. — Д. 443. Л. 17; Ф. 476 (Вологодская городская дума). Оп. 2. Д. 17. Л. 283 об. Данные на 1797 г. — Ф. 476. Оп. 1. Д. 21. Л. 3 об., 4.

¹⁶⁾ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Т. 2. Ч. 2. Св. 300. Д. 4211. Л. 1442, 1609, 1610; Ф. 476. Оп. 1. Д. 41. Л. 523 об. См. о нем: Путешествие по Северу России в 1791 г. Дневник П. И. Челищева. СПб., 1886. С. 214; Внешняя торговля России через Петербургский порт во второй половине XVIII — начале XIX в.: Ведомости о составе купцов и их

Для нас важно отметить, что в 1807–1808 гг., когда Иван Петрович был уже купцом, в тех же списках Иван Аврамович Лаптев «большей» значится умершим (в чине коллежского советника)¹⁷⁾, т. е. в позднейших списках не может фигурировать. Двое его сыновей поступили на военную службу (в Гродненский и Волынский полки), а третий (Николай) в 1816 г. ушел в монастырь. Нелишне запомнить и торговые связи И. А. Лаптева «большого» с Петербургом и зарубежьем.

В те же годы по тем же спискам и книгам проходит купец 2-й гильдии Лаптев «Иван Аврамов сын меньшей, сторожил г. Вологды, 28 лет по сие декабря 22 дня 1789 г. Женат на вологодской купечкой дочери Наталье Федоровне»¹⁸⁾. В 1790 г. имел собственный капитал 7 тыс. руб., при котором приписаны сыновья Александр и Алексей (была еще дочь Елизавета); в 1797 г. — уже 16 тыс. 10 руб. Торговал разными товарами, в том числе лесом, по России, а через Петербург с иностранцами. В 1799 г. — купец 1-й гильдии¹⁹⁾. Он проходит по документам РГИА и в начале XIX в. в связи с тяжбой из-за невыплаты ему денег Адмиралтейств-коллегией за поставку мачтового леса. Ясно, что оба охарактеризованных купца — исконно вологодские жители.

Об И. П. Лаптеве с уверенностью этого пока сказать нельзя. В официальных документах (ревизских сказках, метрических, исповедных, окладных книгах по г. Вологде) до начала XIX в. его имя среди купцов не обнаружено. Возможно, данные о его происхождении следует искать в архивных материалах Вологодского уезда.

Самые ранние документы о купце И. П. Лаптеве относятся к 1803 г. и выявлены мною в разных архивах. Они рассказали о событиях необычных, которыми молодой купец сразу выделился среди своих соотечественников по гильдейскому купечеству. 16 февраля 1803 г. вологодский купец 2-й гильдии Иван Лаптев подал прошение с просьбой рассмотреть его проект об очищении Кронштадтской гавани в канцелярию действительного камергера Николая Николаевича Новосильцева²⁰⁾, которой было поручено собирать все записки об изобретениях, совершенствованиях и представлять их на рассмотрение Александру I. Император повелел рассмотреть проект. И завертелась бюрократическая машина. Н. Н. Новосильцев запросил мнения товарища морского министра вице-адмирала Павла Васильевича Чичагова, а также министров финансов и коммерции. Кстати, последним был в то время

торговых оборотах / Сост. А. И. Комиссаренко, И. С. Шаркова. М., 1981. С. 130, 140, 158.

¹⁷⁾ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 41. Л. 162.; Д. 49. Л. 41 об., 42; и др. И. А. Лаптев умер в июне 1804 г. (см.: РГИА. Ф. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 17).

¹⁸⁾ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 17. Л. 238.

¹⁹⁾ Там же. Ф. 496. Оп. 1. Т. 2. Ч. 2. Св. 300. Д. 4211. Л. 1424 об.; РГИА. Ф. 1374 (Сенатская канцелярия Генерального прокурора). Оп. 3. Д. 1859. Л. 1–4.

²⁰⁾ РГИА. Ф. 14 (Канцелярия Н. Н. Новосильцева). Д. 24. Л. 9–11 об. Автограф. Глубоко признательна Л. Б. Вольфцун за помощь в поиске этих документов.

известный деятель граф Николай Петрович Румянцев, с которым судьба впервые столкнула И. П. Лаптева (второй раз это произойдет после издания книги Ивана Петровича). Поскольку переписка по этому вопросу полнее сохранилась в РГА ВМФ (Ф. 166 — Департамент морского министра. Оп. 1. Д. 708. Далее в тексте указаны только листы), то возьмем ее за основу повествования, привлекая по мере надобности документы из других архивов. Содержание проекта И. П. Лаптев изложил в двух письмах: вышеуказанном февральском (оно в д. 708 отсутствует, так как было возвращено с письмом Чичагова Новосильцеву) и июльском. Суть проекта такова. Пригоняемый в Кронштадтский порт лес в коре засоряет гавани, мешает проходу судов, в том числе военных. Лаптев предложил очищать бревна от коры до их поступления в гавани. Кроме того, создать «лесную гавань» у Цитадельной пристани, куда собирать бревна, а до тех пор углубить широкий канал и вводить их в него, выкатывая на берег, «но только за несколько сажен от крепости и канавы» (л. 16 об.). Необходимо также укрепить и осыпающиеся берега. «А от коры и от неукрепления берегов не токмо гавани уже засорились, но фарватер сему удобно может подвергнуться, и во оном в виду оказывается для военных кораблей мелководье» (л. 17). «Нахожу предмет в виду к пользе государственной, городу и коммерции», — писал он. Подробно обосновывая экономическую выгоду от проекта не только для Кронштадта, Петербурга, но и для других портов, Иван Петрович показал и знание истории вопроса. При «Государе Петре Великом за усмотрением даже одной лопатки, кто бросит в гавань земли, положен [был] штраф ефимками; и весьма сие от сору наблюдение о гаванях положено строго», — писал он в февральском письме²¹⁾.

В этом письме, кроме существа самого проекта, мы впервые находим важные для лаптевской биографии сведения о том, чем он торговал и с какого времени. «В Кронштате по купецкой комерци[и] подрядов и заготовкою товаров для заморского отпуску нахожусь более осми лет», — сообщает Иван Петрович²²⁾. Поскольку письмо относится к 1803 г., значит торговать там он начал в 1796 г. Что он занимался торговлей лесом, в том числе и с «заморскими» клиентами, свидетельствует не только профессионализм его рассуждений о сплаве леса, но и прямые высказывания о выполняемой им работе в июльском письме того же года, а именно: «...и всяких дерев я сам большим количеством в оную канаву (канал у бастиона. — Ю. А.) загонял и в штабеля выкатывал для заморского отпуску обрабатывать...» (л. 16 об.). «А из Санкт Петербурга все удобнее гонять в здешний порт очищенные от коры бревна, как я и сам ныне порядил гнать из Санкт Петербурга до трех тысяч бревен по обязательствам моим

²¹⁾ РГИА. Ф. 14 (Канцелярия Н. Н. Новосильцева). Д. 24. Л. 9 об.

²²⁾ Там же. Л. 9.

в Кронштадтском порте на мель приплыть в морскую гонку, оскоблить, а излишняя издержка ничего не чувствительна, заплатил по 2 копейки з дерева» (л. 17). Не случайно он предлагал на месте показать, что нужно сделать по проекту.

Мнения о проекте были разные. П. В. Чичагов уже 4 апреля одобрил проект и поручил капитану над Кронштадтским портом контр-адмиралу А. Е. Мясоедову высказать свое мнение и принять меры к его осуществлению. Последний 11 августа подтвердил самостоятельность предложений Лаптева: «изысканный им самим и изведанный самим опытом способ» (л. 15). И хотя он отверг выбор Цитадельной пристани для собирания бревен, но остальные меры признал, сообщил о планах Кронштадтского собрания по этому поводу и просил оповестить и в Петербурге «о недоставлении в коре лесов» (л. 15 об.). Интересно, что самым консервативным оказался министр коммерции Н. П. Румянцев. 29 августа в письме Чичагову он писал, что в марте ознакомился с предложениями Лаптева и мнение Департамента водяных коммуникаций (главным директором которого он также являлся) послал Новосильцеву. Ссылаясь на указ от 24 мая 1783 г., дававший купцам право выбора — пригонять лес в Петербург в коре или без нее и запрещавший очищать от коры лес в тамошних каналах и речках, а также на принимавшиеся ранее правительственные распоряжения, которые были «отяготительными для купечества», он считал невозможным предпринимать что-либо до изменения упомянутого указа (хотя, заметим, его действие не распространялось на Кронштадтский порт). И все объяснял защитой закона и интересов купечества. Получалось, что предложения Лаптева противоречили им, хотя и исходили из «общей пользы». Это был один из первых актов назначенного в 1802 г. министром коммерции Н. П. Румянцева. Справедливости ради отметим, что впоследствии под его руководством проводился ряд работ по улучшению судоходства и строительству каналов. В конце концов в деле возобладало положительное суждение П. В. Чичагова. 5 января 1804 г. И. П. Лаптеву было выдано свидетельство «от конторы главного командира Кронштадтского порта» с восхвалением его за гражданские поступки — пожертвование денег на реставрацию дворца Петра I и указанный проект. Не мешкая, Лаптев обратился к Новосильцеву с просьбой представить государю это свидетельство вместе с нижайшим к нему обращением. «Не требуя себе воздаяния», он признался, что было бы приятно получить «Монаршее отличие» по примеру находившегося при контрольной экспедиции кронштадтского порта купца Непейцына, который был награжден золотой медалью²³⁾. В бумагах Кабинета е. и. в. сохранился «Реестр вещам, Всемиловнейше пожалованным в апреле месяце 1804 г.». В нем за 22 апреля читаем: «Вологодскому 2-й гильдии купцу Ивану Лаптеву за полезный проект

²³⁾ РГИА. Ф. 14 (Канцелярия Н. Н. Новосильцева). Д. 24. Л. 5–7 об.

Свидетельство

№ 15. 6. 3.

Дано сие свидетельство Отъ Конторы Главнаго
 Командира Кронштадтскаго порта вологодскому
 Второи Гильдии купцу Ивану Петрову сыну Липову
 въ томъ что онъ обзавшись возобновитъ исправъ
 Кронштадтскомъ дворецъ Восхода Императора
 Петра Великаго: не только что окончитъ сие
 строение исправно, и материалы къ тому поимен-
 нымъ Особливо Леса употребитъ добромъ, лучше
 несравненно, нежели подметет иттригорскыя,
 казнагаго: какъ отътомъ архитектору или
 но репорталъ свидетелствующъ, описавъ
 того материала все что сего въ видѣ небыло
 а судя по виду въ каковомъ томъ дворецъ построитъ
 обиль первоначалькы зрѣлствъ или возобновитъ над-
 лежало, то покое сии купецъ Липовъ исправитъ
 иотрѣка: За что ему хотя иттригорскыя во-
 платитъ въ казны. Именемъ двухъ пѣнагъ рубля
 ною не прѣдудитъ ихъ иотговзвляя. Егда сие зделано
 иль иже добрата усердн ихититаетъ Заключимое
 себе ш, а сиие, что дого пожертвоватъ трудомъ
 ичастнѣекою именѣ своею какъаковою останамъ
 нос оло въ коемъ заключитѣя всеобщая придка-
 тельность къ славному царствъ Императора
 Восхода Императора. Просвѣтитъ росію.
 итемъ озащитлившаго насъ и все любовно еде-
 тество. и сие; каковое усердіе ихуствованія

Ево Лоптева будучи пашвадши делюпѣ Ему ого
 бенидъ гестѣ, — Асверѣ того окѣ Лоптева отъ
 Завѣ немаловажную приличу подагю мѣсели
 своей, дабы все леса сосновыя мѣсели уолавляли
 Стѣи пѣ сручя мѣста безъ коры ирѣдѣ, по ка
 нѣмъ мѣсели кѣмелибы вреднаго засореня. Кѣм
 бое Ево Лоптева прѣставленіе разсматривая
 болѣ Господями Министрами прилежно икаждѣ
 достоинствѣ уваженія иотробащю како сего отъ
 того засореня заваяи уже ипотребныя мѣрѣ
 прикнати, для всего таково Ево Лоптева усудѣ
 ирѣдѣ напользу отпущю Кекторѣ Главнаго
 Командира похвала прѣкомѣдую Ево Лоптева
 состояннѣмъ всякои милости иуваженія. Отрѣ
 овина остѣ ииоко: Ему сие свидѣтельство
 Записки кѣмъ Ея итѣсатѣю Главнаго Командира
 Января 5 окя 1804. года

Адмиралъ Д. Сиверъ

его о средствах охранять гавани от засорения и за усердие, изъявленное им чрез добровольное пожертвование им которою суммою на поправку находящегося в Кронштадте Дворца Государа Императора Петра Великого» выдана «Золотая медаль с надписью За полезное (подчеркнуто в документе. — Ю. А.), с изображением рога изобилия и с вырезами слов его имени на алой ленте. Цена 87 тыс. 6 1/2. № — казенная»²⁴⁾.

Но удивительное на этом не кончается. За 1805 г. в другом фонде находим целую переписку между товарищем министра морских дел вице-адмиралом П. В. Чичаговым и министром внутренних дел Виктором Павловичем Кочубеем в продолжение истории. Инициатором ее явился И. П. Лаптев, который, находясь «при экспедиции поправления Кронштадтского порта», подал прошение «о награждении его чином или штатским платьем, каковое носят купцы, исправляющие должность по выборам»²⁵⁾. Об этом мы узнаем из письма П. В. Чичагова В. П. Кочубею: Александр I сказал ему, «во уважение оказанного при этом усердия к сохранению казенного интереса», согласен на пожалование «Лаптеву просимого им штатского платья»²⁶⁾. С февраля по май шла переписка между подчиненными министрам на предмет: что имел в виду государь, каким платьем наградить Лаптева (русским, немецким), были ли прецеденты, чтобы не ошибиться — не наградить мундиром, который имеют право носить только «дворяне, чиновники или в должности находящиеся». Узнав о возникшем затруднении, решил высказать свое мнение виновник сего дела. В письме к Кочубею (написано в феврале, получено 10 марта 1805 г.) он категорически заявил: «...имея знак Монаршаго отличия (золотую медаль. — Ю. А.), осмеливаюся Вашему сиятельству доложить, что купецкаго платья иметь не желаю, как такой вещи, которая меня от обычныя собратии моея при моем знан[ь]е нимало не отличала». В остальном он полагался на понимание Кочубея, добавив: «Прикажите мне дать или платье штатское, сообразное тем классам, как обыкновенно купцы служащая отличаются или что-нибудь другое»²⁷⁾. Лишь после того, как Чичагов разъяснил, что государь «изволил иметь в виду обыкновенного шитья кафтан, каковые по Высочайшему повелению даны были из Кабинета некоторым купцам», «кафтан пожалован точно такой русской, с шитьем и позументами, какия давались для купцов, как от Кабинета, так и от Комнаты Е. В.»²⁸⁾.

Так закончилась эта история с награждениями.

²⁴⁾ РГИА. Ф. 468 (Кабинет Е. И. В.). Оп. 1. Ч. 2. Д. 3921. «Реестр именным Высочайшим указам за собственноручной Его Императорского Величества подписью данным. 1804 г.» Л. 302–302 об.

²⁵⁾ Там же. Ф. 1286 (Департамент полиции исполнительной). Оп. 1. Д. 338. Л. 1.

²⁶⁾ Там же.

²⁷⁾ Там же. Л. 2. Автограф.

²⁸⁾ Там же. Л. 3, 5.

Среди материалов переписки шесть документов И. П. Лаптева. Но автографами, близкими по почерку его позднейшим документам 1807–1808 гг., являются только два (первое письмо Н. Н. Новосильцеву 1803 г. и февральское письмо В. П. Кочубею 1805 г.). Остальные — писарские с характерной подписью Лаптева, но иногда без отчества, в том числе и в автографах. Последнее обстоятельство, а также его пребывание в Кронштадте²⁹⁾, некоторые отличия почерка в автографах, заставили искать дополнительные доказательства того, что это был, действительно, Иван Петрович, а не И. А. Лаптев «меньшой», документы которого тоже имеются в ф. 14, д. 24. К счастью, инициалы И. П. Лаптева полностью раскрыты в указанном свидетельстве.

Подтверждение нашлось и в ГАВО. Как явствует из докладной (выявленной Г. Н. Козиной и любезно присланной мне) по поводу заседания гласных Вологодской городской думы от 19 января 1804 г., было рассмотрено поступившее из городского магистрата объявление «от вологодского 2-й гильдии купца Ивана Петрова Лаптева» о капитале на 1804 год в размере 8250 руб. «и на оной процентные деньги 103 руб. 12 1/2 копеек»³⁰⁾. Оно было послано «из кронштадского порта». Из объявления следовало, что Лаптев прислал в магистрат 130 руб., и Дума просила магистрат вернуть недостающие деньги, так как за Лаптевым числилась задолженность за 1803 год в размере 34 руб.

Таким образом, сомнений нет, документы из петербургских и вологодского архивов касаются одного и того же лица — Ивана Петровича Лаптева, который был вологодским купцом 2-й гильдии, а объявление о капитале и проценты послал из другого города, и, как мы увидим далее, это не единственный случай. В своем проекте он, возможно, использовал богатый опыт вологодских купцов, занимавшихся сплавом леса. Наверное, был знаком с Иваном Аврамовичем «меньшим» Лаптевым. Может быть, именно на этом И. П. Лаптев разбогател.

Но самое важное — теперь мы располагаем данными об основном купеческом занятии И. П. Лаптева — торговле лесом. До сих пор в распоряжении исследователей был единственный источник — предисловие к книге Лаптева, где написано: «Торговцы книжные по навыку узнают время рукописи по заводскому клейму, почти всегда на бумаге

²⁹⁾ Напомним, что в Кронштадте еще с конца XVIII в. торговал лесом Иван Аврамович меньшой Лаптев. В 1799 г., будучи уже купцом 1-й гильдии, он оказался в долгах (РГИА. Ф. 1374. Оп. 3. Д. 1859. Л. 1–4), что было чревато переходом во 2-ю гильдию (или даже разорением) (см.: Там же. Ф. 14. Оп. 1. Д. 24. Л. 2–4, 13–16).

³⁰⁾ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 31. Л. 13. К сожалению самого объявления здесь нет. Поиски его не увенчались успехом. Благодарю Г. Н. Козину, сообщившую о документе из ГАВО (Там же. Д. 40. Л. 117), подтверждающем связь И. П. Лаптева с Кронштадтским портом и позднее, в 1807 г.

выставляемому...»³¹⁾. Однако в черновике рукописи книги Лаптева (ОР РНБ. ОЛДП. Q. 48) начало другое, свидетельствующее о том, что в первую очередь Иван Петрович коллекционировал и изучал древнюю книгу: «При чтении же древних книг я заметил...» (л. 29). Кроме того, в рукописи характеризуемая группа знатоков филиграней значительно шире: «как любители книг (это понятие включало и коллекционеров, и ученых. — Ю. А.), так и торговцы, многие годы обращающиеся около книг» (л. 30). Не исключено, конечно, что сохранение в окончательном варианте книги только фразы «торговцев книжных» объясняется не просто редактированием, а желанием указать на участие Лаптева в этом деле. Но никаких других аргументов у нас нет. Скорее речь идет о более знакомой ему (после торговцев лесом) среде.

Наиболее ранние из безусловно собственноручных документов И. П. Лаптева относятся к 1807–1808 гг., т. е. к тому времени, когда ему перевалило уже за 30, он был самостоятельным хозяином, женатым, имел троих детей — Елизавету, Ольгу, Аполлона³²⁾. Имеются в виду два объявления о капитале И. П. Лаптева, выявленные мной в ГАВО³³⁾. Среди многочисленных его записей на рукописях из его собрания, дополнений в черновой рукописи книги 1824 г., нескольких писем и записок это единственные, без сомнения, собственноручные полные документы Лаптева в делопроизводственном смысле: им самим составленные, написанные по существовавшей форме и подписанные.

Они показывают, что в 1807–1809 гг. он был вологодским купцом 2-й гильдии и владел капиталом в 20 400 руб. Это подтверждает более поздняя «Ведомость, учиненная в Вологодской градской Думе о состоящих по г. Вологде купцах и объявленным ими на сей 1809 г. капиталом». Раздел о купцах 2-й гильдии включает сведения о 22-х семействах с общим капиталом 440 590 руб., в том числе и вышеприведенные цифры об И. П. Лаптеве³⁴⁾. Сопоставив все данные, можно сделать вывод, что сумма капитала Лаптева была типичной, установленной в 1807 г. для членов этой гильдии, или чуть выше.

³¹⁾ [Лаптев И. П.] Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи, с приложением рисунков. СПб., 1824. С. 8, 9.

³²⁾ Документы о его женитбе и рождении детей не обнаружены. Судить об этом позволяют более поздние данные.

³³⁾ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 41. Л. 364, 513.

³⁴⁾ Там же. Д. 49. Л. 13 об.-14. «Ведомость», ряд других документов о купцах несколько лет назад обнаружила сотрудник ВГИАХМЗ Г. Н. Козина при подготовке экспозиции и выставки «Торговая, деловая Вологда». Но выставка тогда не состоялась. Мне любезно предоставили возможность ознакомиться с начальной картотекой фамилий купцов, хранящейся в отделе истории музея. Сердечно благодарю Г. Н. Козину за проверку, по моей просьбе, данных о других Лаптевых, не вошедших в картотеку. Очень рада, что после перерыва Галина Николаевна вернулась к занятиям историей вологодского купечества и уже опубликовала первые результаты. Надеюсь, что подаренные мной фотодокументы позволили отразить деятельность И. П. Лаптева в экспозиции музея.

№ 2

2. Января 1808

513

487

9

Вологодской Городской Администрации

№ 120

от Вологодского купца 2-й гильдии
Ивана Лаптева.

Объявление.

Своя и три года получением была вдова
по Илье Гаврильичу Лаптеву 1808 году
покойнице Илье, сбережавшая моего
детищу, и до смерти своей Илье
своих детей, пожелав устроить
всесовершенно удачною и правдою
дети пожелавшая своим детям
идти своим идиотом идиотом потому
того что она. И все пожелавшая
Вологодской Городской Администрации
своих детей было, во всем ей
угодно и устроено, что при ка
детищу, куда сбудет и ка
иде. объявлен со всем
ка, своим идиотом 13
своем объявлен Вологодской
Городской администрации

приглашение к делу № 255

Собственноручное объявление о капитале вологодского купца 2-й гильдии
И. П. Лаптева от 13 декабря 1807 г. (ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 41. Л. 513)

№ 21.

3611

Во вологодскую Городовую Думу

отъ вологодскаго 2го гильди (купца)
 Ивана Петрова сына Матвея.

Объявление.

Состою я в Вологде покупщиком состоя-
 влю во второй гильди; имѣя я собственнаго
 своѣго капитала, двадцать тысячъ Емпер-
 ста рублѣй. — И потому учредилъ на
 вѣсѣ своемъ въ законѣ моему, соимнаго
 капиталу процентная деньги потоже
 в гильди, на будущи 1809го году прислать двести
 пятьдесятъ пять рублѣй представляю.
 заисади истекши 1808го году расходной
 городской ведомости сорокъ пять рублѣй тамъ
 прилагавъ. Исполнорилъ я прому горо-
 дскую думу, чтобъ благоволено было обя-
 вление исказителю процентныхъ денегъ
 на вѣсѣ своемъ произвацо воимную при-
 нять; ипотомъ долготности какъ слѣдующе
 думитъ распорядителю. сѣ объявилъ
 соимнаго итеритскаго мнѣ иже валамъ Матвѣю
 Кедму объявилъ Вологодской 2ой гильди купцу
 Ивану Петрову сына Матвею (руку приложилъ)

Въ 13го дня
 1808 года

По сравнению с другими, но аналогично двум купцам И. А. Лаптевым, он объявлял капитал «собственным», т. е. не наследованным, а «благоприобретенным», к которому дети не были приписаны.

В первом же объявлении о капитале, собственноручно написанном Иваном Петровичем 13 декабря 1807 г., есть такая фраза: «...процентных двести пятьдесят пять рублей при сем из Санкт-Петербурга чрез почту представляю сполна»³⁵⁾ (курсив мой. — Ю. А.). Вряд ли перевод денег был вызван случайной поездкой в столицу. Ранее приведенные документы показывают, что уже в то время, т. е. еще до окончательного переезда в Петербург в начале 1820-х годов, он имел там торговые дела. Как, например, И. А. Лаптев «большей» ранее, а позже его вдова Анна Сергеевна посылала деньги из Петербурга, о чем свидетельствуют неоднократные ее письма и объявления о капитале по 2-й гильдии купцов г. Вологды. Таким образом, эти семьи сохранили традиционные для вологодского купечества еще с XVII в. торговые связи с портовыми городами Севера России.

Названные собственноручные объявления о капитале И. П. Лаптева — стандартные документы делопроизводства начала XIX в. при сравнении с аналогичными объявлениями других вологодских купцов на 1807–1808 гг. в д. 41 (на 529 листах) дают богатый материал для характеристики Ивана Петровича как человека.

Все документы в деле составлены по принятой форме: куда, от кого, название («объявление»), содержание (сумма капитала и процентов с него), подпись. Большинство написано писарями довольно небрежно, черными или бурными чернилами, лишь в конце простые (порой корявые) подписи купцов («...руку приложил»). Естественно, все объявления на полных листах гербовой бумаги. Бумага грубая, желтая, как положено, с водяными знаками. В частности, объявления И. П. Лаптева на простой гербовой бумаге второго сорта (в 30 коп.) с таким водяным знаком: сверху слова «гербовая бумага», посередине — год («1807» или «1808»), разделенный изображением («женская фигура, сидящая на ограде, с дротиком в руке»), внизу «цена 30 копеек».

Эти документы Лаптева отличаются уже внешне: большим по объему текстом, написанным им самим железистыми, коричневыми, до сих пор сохранившими яркость чернилами, не просто аккуратно, а тщательно, даже затейливо выполненными буквами с присущими только его почерку особенностями и с весьма замысловатой подписью. Если сравнить написанное им с таблицей букв скорописи первой половины XIX в., то окажется, что для большинства из них он выбрал наиболее сложную форму или придумал свои детали, что и придавало особую живописность его почерку. Похоже, что сам процесс письма имел для него не только утилитарный, но и творческий характер,

³⁵⁾ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 41. Л. 513.

приносил, как мы бы сказали, эстетическое удовлетворение. Написано для того времени довольно грамотно, что выгодно отличается от других его записей на рукописях.

Относительно содержания объявлений. Сохранив все основные части делопроизводственной формы, Лаптев тут тоже привнес свое. Прежде всего, кроме обязательного указания вначале фамилии, и. о., города и гильдии, после заголовка документа 1807 г. с гордостью повторил: «Состою я в Вологде по купечеству ныне во второй гильдии. Да и впредь на будущей 1808-й год по онной же гильдии». Причем во втором документе, 1808 г., он повторяет эту фразу в измененном виде, как и последующие, избегая шаблона.

В то время, как все другие купцы только называют сумму капиталов и процентов, Иван Петрович еще и ссылается на закон — «платеж, учрежденный Высочайшим узаконением». А завершает просьбой: «объявление принять и з деньгами (во втором документе — «объявление и с капиталу процентные деньги на вышеозначенное произвоц[ст]во во онную принять». — Ю. А.), и по принадлежности оных, куда (в другом случае «как». — Ю. А.) следует учинить распоряжение». Тем самым он как бы напоминает чиновникам о необходимости дальнейшего продвижения документа, надеясь на хорошее исполнение дела.

В конце документа, чего нет ни в одном объявлении в деле, как бы памятуя о потомках, отметил по старинке: «Сие объявление сочинял и писал (во втором документе «переписывал». — Ю. А.) вышеупомянутый Лаптев». И только после этого — «руку приложил».

Таким образом, перед нами предстает грамотный человек, знающий законы и формы делопроизводства, очень уважительно относящийся к документу и его составлению, разбирающийся в деле до тонкостей, но не формалист, а стремящийся внести свое даже в текст стандартной формы. Вместе с тем это человек, гордящийся принадлежностью к купеческому сословию, знающий себе цену и любующийся самовыражением даже в таком простом, ежегодно повторяющемся акте делопроизводства, как объявление о капитале. Явно неординарный человек. Его гордость, чувство собственного достоинства, определяемые самостоятельно заработанным капиталом, наградами и не в последнюю очередь изучением древностей, проявляются и в других, писарских, документах, поданных в разные учреждения.

Каких-либо источников об активном участии И. П. Лаптева в общественной жизни Вологды, его выборных должностях не обнаружено, за исключением документов о его доле в купеческих пожертвованиях. Выше уже приводился документ 1804 г. о добровольной передаче им денег на ремонт дворца Петра I в Кронштадте. В 1806 (1807) г. Иван Петрович внес на нужды «подвижного земского войска» (создававшегося по Высочайшему манифесту 30 января 1806 г.) Вологодской губернии 100 руб. и «большого калибру иностранной работы» медный

карабин³⁶⁾. В делах ГАВО сохранились документы о пожертвованиях от разных сословий в Отечественную войну 1812 г. В рапорте от 15 июня 1816 г., составленном для I департамента Правительствующего Сената, написано: «Все вообще по Вологодской губернии купечество в минувшие военные обстоятельства на предмет оных по добровольным складкам сверх оных, честно, жертвовало всего до 40 000 руб.»³⁷⁾ В числе документов имеется список вологодских купцов, представленных к награждению бронзовой медалью на ленте ордена св. Анны за пожертвования «на ополчение противу врагов денежной суммы в 1812 г.» 21 447 руб. 83 коп. Среди них купец 2-й гильдии «Иван Лаптев... 204 руб.»³⁸⁾ Думается, что это именно Иван Петрович (а не купец 1-й гильдии Лаптев «меньшей»), так как сумма точно соответствует 1% с его капитала (взносу по приговору купцов г. Вологды 19 июня 1812 г. должен был составлять 1% с рубля)³⁹⁾. В период войны и позже вносились деньги и на другие нужды. В д. 286 (ф. 18) с перепиской 1816 г. по этому вопросу вологодские власти присовокупили сведения и о том, что в 1815 г. вологодское купечество пожертвовало «в пользу Яренских крестьян, изнуренных здесь несколько годов неурожаем хлеба», «оказало возможное пособие жителям г. Казани, претерпевшим от пожара опустошение» (л. 66, 66 об.). Тут (л. 39) вновь упомянут Иван Лаптев (без указания суммы взноса), но уже как купец 3-й гильдии.

Награждение бронзовыми медалями должно было состояться в 1817 г. В апреле Вологодский гражданский губернатор получил все необходимые для этого бумаги вместе с разъяснением правил «раздачи купечеству бронзовых медалей»: награждать только тех, кто пожертвовал не менее 10-й части капитала, и тех, кто выхаживал раненых⁴⁰⁾. Остальные отмечались «Высокомонаршим благоволением и благодарностью, изъявленными во всемиростивейшем манифесте 30 августа 1814 г.» Поскольку у нас нет сведений об общей сумме пожертвований Ивана Петровича, остается открытым вопрос, оказался ли он в числе награжденных. Скорее нет. Во всяком случае не остался в стороне в грозное время Отечественной войны 1812 г. и в тяжелые послевоенные годы.

Позднее, живя в Петербурге, И. П. Лаптев участвовал в сборе пожертвований во время эпидемии холеры. В ведомости о взносах, поступивших сверх 1% с объявленного капитала, приложенной

³⁶⁾ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 40. Л. 117.

³⁷⁾ Там же. Ф. 18 (Канцелярия Вологодского гражданского губернатора). Оп. 1. Д. 286. Л. 65 об.

³⁸⁾ Там же. Л. 33. См. также: *Шарапова Е.* Малоизвестные документы об участии вологжан в Отечественной войне 1812 г. // Вологодский архив. Вологда, 1963. Вып. 2. С. 76–77; *Михайлов Б. Г.* Вологжане в Отечественной войне 1812 г. // Там же. 1968. Вып. 3. С. 60–69.

³⁹⁾ ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 60. Л. 17–21.

⁴⁰⁾ Там же. Ф. 18. Оп. 1. Д. 286. Л. 77.

к рапорту петербургского городского головы от 19 июля 1831 г., значится: «Иван Петрович Лаптев (один полуимпериял и два червонца) по курсу — 41 руб.»⁴¹⁾. Если сравнить с остальными дополнительными взносами, то эта сумма принадлежит к группе средних пожертвований.

Все изложенные выше факты составляют основную часть жизни И. П. Лаптева, купца и гражданина, но они не освещают его любимого занятия, которому он отдавал все свободное время и результаты которого оказались важными для истории вспомогательных (специальных) исторических дисциплин и русской культуры. Лаптев принадлежал к той, сравнительно небольшой тогда, группе российских купцов, которые, занимаясь торговлей, не ограничились лишь добыванием средств для жизни своей семьи и их накоплением. А судя по тому, что живя в Вологде, он из 2-й гильдии спустился в 3-ю, по каковой и числился позднее в Петербурге, значительную часть приобретенных денег он тратил на другие, а именно — на культурные цели. Его страстью стало собирание и изучение древних рукописей и старопечатных книг, которому он, по свидетельствам известных историков и библиографов, посвятил около 40 лет⁴²⁾. Значит, Лаптев начал заниматься коллекционированием еще в конце XVIII — начале XIX в. Естественно, основы рукописного и других своих собраний он заложил в Вологде. Этому способствовали не только его личные устремления, повышенная любознательность, но и благоприятные условия, в том числе культурной жизни в Вологде.

Вологодский край XVIII—XIX вв. стал родиной многих известных людей — русских путешественников, писателей, поэтов, художников, ученых — историков, филологов, представителей естественных наук⁴³⁾. Город Вологда, где до начала 20-х годов XIX в. жил И. П. Лаптев с семьей, с 1780 г. — центр Вологодского наместничества, а с 1796 г. — Вологодской губернии — был одним из тех провинциальных городов Русского Севера, который, наряду с издавна развивавшимися кожевенными, солодовенными, сально-свечными, прядильными, солеваренными и прочими предприятиями, капиталами своих купцов осваивал бумажное, железоделательное, стекольное и другие производства, имел разного рода промыслы и развитую торговлю (хотя и сократившуюся по сравнению с началом XVIII в.).

Вологда конца XVIII в. делилась на собственно «город», верхнее предместье (верхний посад), нижнее предместье (нижний посад) и Заречье. Благодаря труду А. А. Засецкого, можно увидеть ее в период

⁴¹⁾ ЦГИА СПб. Ф. 221 (Петроградская купеческая управа). Оп. 2. Д. 28. Л. 88.

⁴²⁾ *Михаил Погодин*. Об археологических собраниях пр. Погодина // Москвитянин. М., 1844. Ч. III. № 5. С. 170; *Иваск У. Г.* Подробный каталог домашней библиотеки У. Г. Иваска. Отдельные описи частных библиотек и собраний рукописей. М., 1910. С. 74; и др.

⁴³⁾ См.: *Имена вологжан в науке и технике*. Вологда, 1968; *Край наш вологодский*. Архангельск, 1982.

юности И. П. Лаптева глазами ученого современника, одного из первых вологодских историков-краеведов. Город расположен «на обеих сторонах реки Вологды... город на правой стороне, и по большим развалинам и воротам видимо бывшей каменной замок, которого с Восточной и Западной сторон бывала стена каменная с башнями и огромными, от речки Золотухи, двоими... воротами, кои хотя и обветшали, но и по сие время еще не совсем развалились; а от полудня была рублена стена ж и с башнями деревянная, которая по давности ...совсем погнила и упразднилась. С Северной же стороны от реки Вологды земляной вал, ...а кругом оных стен имеются выкопанные каналы, и как видимо, позавалились и засорились, которые соединяются с рекою Вологдою и с копаною речкою Золотухою, имеющей течение из речки ж Содемки подле городской с Южной стены в Вологду ж, а означенной крепости окружность имеет почти квадратную меру около 4 верст»⁴⁴⁾. По этому описанию в городе было 1447 домов, из них каменных около 30, 45 каменных церквей, 5 — деревянных, два монастыря. В нем — 52 улицы, 41 переулочок. Причем, городские постройки органически сосуществовали с прудами, ручьями, болотами, рощами, огородами. Засецкий отметил, что «многие из купчества и мещан» имели большие огороды, урожаем овощей с которых представители 3-й гильдии и мещан «за полным города своего удовольствием» отправляли в другие города, вплоть до Архангельска. Как сказано в предисловии к современной частичной публикации работы Засецкого, в ней запечатлены последние десятилетия средневековой Вологды, «создававшейся на принципах свободной застройки»⁴⁵⁾. С 1781 г. началось строительство по регулярному плану, особняками в стиле классицизма и деревянными домами, богато украшенными резьбой, а в первой четверти XIX в. облик города в связи с этим меняется разительно.

Данные о составе населения Вологды конца XVIII — первой четверти XIX в. разноречивы, но основные тенденции просматриваются. На 1781 г., по описанию Засецкого, в городе было около 3,5 тыс. душ мужского пола, имеющих «свои дома», из них купцов и цеховых — 2354⁴⁶⁾. В 1797 г. в Вологде проживало 10 590 человек обою пола⁴⁷⁾. Примерно в это же время состав его определен в одном из последних исследований так: дворян — 2,6 процента, церковнослужителей —

⁴⁴⁾ Засецкий А. А. Историческая и топографическая известия по древности о России и частно о городе Вологде, и его уезде и продолжении онаго во известие сие. Из разных печатных и рукописных российских и иностранных книг и собственных примечаний, собранная и сочиненная Алексеем Александровичем сыном Засецким 1777 году, а потом от него же с пополнением исправлены по 1781 год. 2-е изд. М., 1782. С. 57. Часть книги (о Вологде и уезде) в 1994 г. переиздана (Вологда: Историко-краевед. альманах. Вып. 1).

⁴⁵⁾ Вологда 1780-х годов в описаниях современников / Предисл. и подгот. публ. А. В. Камкина // Вологда: Историко-краевед. альманах. Вып. 1. С. 283.

⁴⁶⁾ Засецкий А. А. Указ. соч. С. 62; Вологда. Вып. 1. С. 289.

⁴⁷⁾ Летопись города Вологды (1147–1962). Вологда, 1963.

10,1, купцов — 17,8, мещан — 28,4, цеховых — 10,0, дворовых, крестьян и бобылей — 22,7 и прочих — 8,4⁴⁸⁾. К 1825 г. население Вологды увеличилось, достигнув 12 553 человек, а в 1833 г. — 14 408⁴⁹⁾. Для нас важна характеристика купечества. Более полные сведения о нем даны в «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию в 80-х годах XVIII в. (после ревизии 1782 г.): в Вологде было 217 купеческих дворов, населенных 598 душами мужского пола и 592 — женского. Купцы владели 328 домами, из них каменных было 18 (5 — в центре и 13 — в Заречье), имели до 300 лавок и амбаров⁵⁰⁾. На 1790 г. по ведомости городского магистрата три вологодские купеческие гильдии включали 359 семейств с числом душ 757 и капиталом 649 779 руб.⁵¹⁾ Имеющиеся в этом деле данные по гильдиям за 1789—1790 гг. показывают общее увеличение числа купеческих семейств с 226 до 359, сокращение их во 2-й гильдии и рост числа семейств и капиталов в 3-й гильдии, однако более всего прибыл капитал купцов 1-й гильдии. С учетом приведенных ранее сведений 1809 г. (см. с. 66) можно считать, что, наряду с сохранением тенденции по 3-й гильдии, увеличилось число семейств и капиталов и во 2-й гильдии. Это — признаки оживления торговли в начале XIX в.

Общую картину численности купцов мужского пола Вологодской округи (Вологда вместе с уездом) в конце XVIII — начале XIX в. дают первичные окладные книги, составленные на основе данных ревизий с последующими уточнениями: 1786 г. — 608 (+ 11 из крестьян) душ муж. пола, 1793 г. — 687, 1796 г. — 741, 1808 г. — 732, 1814 г. — 451, 1817 г. — 327⁵²⁾. Такие же цифры по материалам ревизий — IV (608 душ) и V (732) — приведены в глубоком ис-

⁴⁸⁾ *Слащев К. Р.* Демографическая ситуация в г. Вологде и Вологодском уезде в конце XVIII в. // Вологда. Краевед. альманах. Вып. 2. С. 67. Источник: ГАВО. Ф. 13. Оп. 1. Д. 401. Л. 35.

⁴⁹⁾ *Коновалов Ф. Я., Панов Л. С., Уваров Н. В.* Вологда. XII — начало XX в. Краевед. словарь. Архангельск, 1993. С. 124. (По статье: *Фалин Н. В.* О численности населения г. Вологды в старину // Жизнь города. 1922. № 11 (март). С. 4—9.)

⁵⁰⁾ Экономические примечания к Генеральному межеванию / Публ. подг. А. В. Камкин // Вологда. Историко-краевед. альманах. Вологда, 1994. Вып. 1. С. 292, 296.

⁵¹⁾ ГАВО. Ф. 833. Оп. 1. Д. 364 «Рапорты и ведомости городских магистратов и Верховажской ратуши об имущественном положении купцов и мещан. Январь-июнь 1790 г.» Л. 51. В указанной статье Г. Н. Козиной (с. 135, сноска 17) при сравнении данных ревизий 1782 г. (674 мужчины и 449 женщин) и 1795 г. (688 мужчин, 341 семейство) сделан вывод о том, что число вологодских купеческих семейств за это время почти не изменилось.

⁵²⁾ Переписи населения России: Итоговые материалы подворных переписей и ревизий населения России (1646—1858). М., 1972. Вып. IV. С. 41; Вып. V. С. 44; Вып. VI. С. 42; Вып. VII. С. 83; Вып. VIII. С. 49; Вып. IX. С. 6. Ротапринт. Работа московских историков была издана под грифом «Для служебного пользования». Хотя теперь этот гриф снят, в библиотечных каталогах она не проходит. Но в работах других исследователей 70-х годов эти данные публиковались, так как фонды, содержащие материалы ревизий, не были закрыты.

следовании П. А. Колесникова⁵³⁾. Как видим, если в 1786–1808 гг. число купцов Вологды росло, то в 1814–1817 гг. стало сокращаться (на фоне увеличения темпов прироста населения губернии) и в 1833 г. снизилось до 267, хотя общая сумма купеческого капитала возрастала. Это связано с общим спадом экономической жизни Вологды, явно обозначившимся, как считают исследователи, в том числе историки-краеведы, во второй четверти XIX в.⁵⁴⁾

В источниках и литературе отмечается неоднородность вологодского купечества: одни, наиболее богатые, вели торговлю даже за рубежом (в Голландии, Гамбурге, Любеке, Англии и т. д.), другие торговали внутри России, по всей Сибири, до Китая, отправляясь на промысловых судах вплоть до Америки; третьи — только в Вологде. Наиболее состоятельные приобретали фабрики, промыслы. Вологодский купец М. Ф. Колесов, разбогатец, построил на свои средства въездные ворота города, за что в 1793 г. получил от императрицы Екатерины II именную золотую медаль⁵⁵⁾. Разбогатец же он от доходов со своих фабрик — бумажной, «железной», находившихся в Вельском уезде, и других — в Вологде. С 1801 г. колесовская бумажная фабрика — в руках купцов Мартьяновых (вначале вместе с Н. И. Белозеровым). В 1729–1816 гг. владели бумажной фабрикой под Вологдой купцы Турундаевские⁵⁶⁾. На этой фабрике в конце XVIII — начале XIX в. вырабатывалась, в частности, писчая синяя бумага. Купец Сумкин имел писчебумажную фабрику с 1828 г. близ г. Лальска⁵⁷⁾. Еще одна бумажная фабрика в конце XVIII в. принадлежала помещику графу Тарновскому⁵⁸⁾.

⁵³⁾ Колесников П. А. Северная Русь. Вологда, 1973. Вып. 2. Архивные источники по истории Европейского Севера России XVIII в.: В помощь учителям. С. 172, 184. Видимо, в виду закрытости указанной выше работы (см. 52), на с. 10, 15 отмечено, что поузельные итоги 2–5-й ревизий в Поморье полностью публикуются впервые.

⁵⁴⁾ Пущкарев И. Описание Вологодской губернии. СПб., 1846. С. 77; Брусилов Н. Опыт описания Вологодской губернии. СПб., 1833. С. 15–16 и Приложение; Вологда в истории России (Статья подг. Ф. Я. Коноваловым на основе рукописей вологодских краеведов И. А. Тюрнина и Н. В. Фалина) // Коновалов Ф. Я., Панов Л. С., Уваров Н. В. Указ. соч. С. 20–21.

⁵⁵⁾ Зайцев В. В. Из истории учреждения медали для награждения вологодского купца Матвея Колесова // Послужить Северу... С. 85–89.

⁵⁶⁾ Засецкий А. А. Указ. соч. С. 81.; Путешествие по Северу России в 1791 г. С. 214–215; Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. М., 1891. С. 92, сн. 2; Он же. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. 1. С. ССХ; Кукушкина М. В. Филиграния на бумаге русских фабрик XVIII — начала XIX в. // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2. С. 309 и др. Фамилия фабрикантов в документах ХУШ в. — «Турунтаевские», «Турунтаевские», позднее — «Турундаевские», так пишется и ныне.

⁵⁷⁾ Осмишский Т. И., Озеринин Н. В., Брусенский И. И. Очерки по истории края (Вологодская область). Вологда, 1960. С. 171. В статье Г. Н. Козинной о ней данных нет.

⁵⁸⁾ О бумажных фабриках Вологодской губернии XVIII — первой трети XIX в. см.: Резцов Н. А. Бумага в России до XIX столетия. III. А. Писчебумажная про-

Материал о бумажном производстве выделен здесь не только для того, чтобы отметить Вологодскую губернию в числе других губерний России, где оно успешно развивалось еще с первой трети XVIII в., показать роль купечества (в том числе г. Вологды) в его развитии, но чтобы обратить внимание и на то, что собиравший коллекцию водяных знаков, изучавший историю бумаги И. П. Лаптев, конечно, знал о ее производстве в Вологодской губернии, возможно, и бывал на ближайшей к городу фабрике Турундаевского, бумагу которой он использовал в своих тетрадах.

В Вологде было много грамотных людей, особенно среди духовенства, помещиков, купцов. Еще в 1716–1744 гг. в городе, хотя и с перерывами, существовала цифирная школа, в 1724 г. была открыта архиерейская школа, в 1730 г. — духовная семинария. В 1781 г. открылась школа для городских сословий, где позже преподавался и французский язык. В результате проведения школьной реформы в России в 1786 г. в Вологде появилось Главное народное училище, преобразованное в 1804 г. (еще до утверждения общего устава) в мужскую гимназию⁵⁹). В разное время существовали частные школы и пансионы. По уставу 1807 г. организовывались приходские училища. Еще в 1783 г. в числе 16 городов России в Вологде был открыт книжный магазин по поручению известного просветителя Н. И. Новикова, и его издания, в том числе «Древняя российская вивлиофика», распространились в губернии. В 1815 г. начала создаваться, а в 1819 г. была открыта первая казенная типография при губернском правлении⁶⁰).

Известный знаток истории Русского Севера П. А. Колесников писал, что этот край, «пожалуй, как ни один регион Российской Федерации, издавна был богат рукописными памятниками истории и культуры. Объяснение этого надо искать в особенностях социально-экономической истории края, в котором преобладало черносошно-государственное крестьянство с его правом относительно свободного распоряжения земельными угодьями и промыслами, опиравшегося на традиции оформления любой сделки в форме актовой документации

мышленность. СПб., 1913. С. 29, 114, 123. См. также литературу в гл. I, сн. 9. Подробнее о предпринимательстве вологодских купцов в этой и других отраслях см. в вышуканной статье Г. Н. Козиной.

⁵⁹ Материалы Свода памятников истории и культуры РСФСР: Вологодская область. М., 1979. С. 13–14. Подробнее см.: *Отто Н.* Вологодская дирекция училищ до 1850 г. // ЖМНП. 1866. Ч. 132. № 10. Приложение. С. 1–198; *Смирнов А. А.* Очерк истории просвещения и школы Вологодской области в XVIII в. // Учен. зап. ВГПИ. Вологда, 1959. Т. 25. С. 45–51, 60–63, 68–73, 84–88; *Даев М. Е.* Художественное образование в Вологде в XIX в. // Вологодское краеведение, его научные и воспитательные задачи. II краеведческая конференция. Тез. докл. и сообщений. Вологда, 21–22 апр. 1989 г. Вологда, 1989. С. 43.

⁶⁰ См. об этом: *Орлова О. В.* Купечество и зарождение типографского дела на Европейском Севере // Российское купечество от средних веков к новому времени. Науч. конференция. Москва, 2–4 ноября 1993 г. Тез. докл. М., 1993. С. 89.

различных видов. Государственные крестьяне северных уездов были самым грамотным отрядом российского крестьянства»⁶¹⁾. Вологда и другие центры губернии сосредоточили в себе большие культурные, прежде всего рукописные и книжные богатства, которые находились в архиерейских, помещичьих библиотеках, у отдельных чиновников, купцов, крестьян. Известно, что крупными собраниями рукописей и книг обладали многие монастыри Вологодского края, развивалось в них и «книгописание». Еще продолжалась традиция рукописной книги и за пределами монастырей. Однако во второй половине XVIII в. (особенно в связи с секуляризацией церковных и монастырских земель в России) и первой половине XIX в. происходит распыление этих собраний не только путем перевоза редких рукописей центральными учреждениями в Москву и Петербург, но и в результате передачи их в духовные учебные заведения, продажи частным лицам, создававшим свои коллекции⁶²⁾.

Одной из крупнейших была библиотека Вологодской духовной семинарии. Большую роль в выявлении, изучении древних рукописей и передаче их в семинарию в 1808–1813 гг. сыграл ученый епископ Евгений (Болховитинов)⁶³⁾. Как отмечалось в I главе, в Вологде он работал над своим известным исследованием о Мстиславовой грамоте 1130 г. и другими произведениями. Сегуя на неразработанность русской палеографии, он писал А. Н. Оленину в январе 1816 г.: «Я за четыре года перед сим в Вологде, писавши сие сочинение, ничего не имел себе, кроме Гаттереровой Дипломатики, нескольких отысканных мною по вологодским монастырским архивам грамот и справок с Московским иностранным архивом, доставленных мне покойным Бантыш-Каменским...»⁶⁴⁾ В своей научной деятельности он был связан с кружком графа Н. П. Румянцева, переписывался с последним из Вологды.

Уже в конце XVIII в. местное летописание Русского Севера, как установили ученые, перерастает в историографические сочинения, зарождается историческое краеведение⁶⁵⁾.

⁶¹⁾ Колесников П. А. Рукописные памятники в краеведческих музеях Европейского Севера (Из опыта работы Северного отделения Археографической комиссии) // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 142.

⁶²⁾ См. об этом предисловие А. А. Амосова в кн.: ППМВО. Вологда, 1982. Ч. 1. Вып. 2. Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея. С. 12–47; Морозов В. В. Рукописная книга XIX в. в музейных собраниях Вологодской области // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Тез. выступлений на республ. науч. конф. Вологда, 2–5 июня 1989 г. Вологда, 1989. Ч. 2; Коновалов Ф. Я. Малоизученные страницы археографии XVIII – начала XX в. (по материалам Вологодской губернии) // Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера: Межвузовский сб. науч. трудов, посвященный Петру Андреевичу Колесникову. Вологда, 1992. С. 89–92.

⁶³⁾ См. ППМВО. Ч. 1. Вып. 2. С. 22; и др.

⁶⁴⁾ Переписка митрополита Евгения с Н. П. Румянцевым. Вып. 1. С. 4.

⁶⁵⁾ Казакова Н. А. Вологодское летописание XVII–XVIII вв. // ВИД. Л., 1981. XII; Севастьянова А. А. Историческая мысль Русского Севера конца XVIII в.:

Большое внимание обращали на древности Вологодского края ученые историки, археологи, этнографы из Москвы и Петербурга. Так, археологическая экспедиция 1809–1811 гг., подготовленная «для собрания сведений, до отечественной истории относящихся», под руководством историка и археолога К. М. Бороздина, в которой участвовали палеограф А. И. Ермолаев и чертежник Д. И. Иванов, побывала в Вологде и других городах губернии «для изыскания и описания различных... достопримечательностей в духовном и гражданском ведомстве имеющихся». Все органы власти на местах получили из Петербурга распоряжение об оказании ей всяческого содействия⁶⁶⁾. А. И. Ермолаев писал директору Императорской Публичной библиотеки А. Н. Оленину, много сделавшему для успешной организации экспедиции, что приобрел для него несколько ценных рукописей, в том числе одну — XIV в. В поисках рукописей Ермолаев встречался с епископом Евгением, снял у него копию со знаменитой грамоты великого князя Мстислава Владимировича, вел с ним научные споры. Свидетельство тому находим и в письме Евгения (Болховитинова) Ермолаеву от 23 апреля 1821 г.: «Вы еще в Вологде указали мне несообразность расчета в “Русской Правде” по изданию Болтинову»⁶⁷⁾.

В связи с тем, что недавно на территории Вологодского Кремля обнаружен фундамент дворца Ивана Грозного, небезынтересно отметить письмо Ермолаева из Вологды Оленину 19 августа 1809 г., где он сообщал, что во время раскопок Соборной горки нашли «погребца Царского дома, который царь Иван Васильевич намеревался здесь построить, но после оставил недостроенным»⁶⁸⁾.

Проблемы источников и археографии // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР. Ч. 2. С. 95; *Она же*. Русская провинциальная историография XVIII в. М., 1998. Гл. III, IV; *Французова Е. Б.* Историческое краеведение в Вологодской губернии в XIX – первых десятилетиях XX вв. // Историческое краеведение в СССР: Вопросы теории и практики: Сб. науч. статей. Киев, 1991. С. 72–73; *Пашков А. М.* Северорусское посадское краеведение конца XVIII – первой трети XIX в. как социокультурное и историографическое явление // Актуальные проблемы археографии, источниковедения и историографии: Мат-лы к Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. Избранный автором этой статьи угол зрения оставил за ее рамками вышеназванное историко-краеведческое описание А. А. Засецкого; и др.

⁶⁶⁾ *Коновалов Ф. Я.* Указ. соч. С. 92; ГАВО. Ф. 496. Оп. 1. Д. 6061. Л. 1–9. Автор отмечает, что «итог его поездки неизвестен». Но об этом писали в дореволюционных работах. Из последних работ см.: *Голубева О. Д.* Хранители мудрости. М., 1988. С. 197–198. В ОР РНБ хранятся письма К. М. Бороздина к А. Н. Оленину «Путешествие по России в 1809 г.» (Ф. 487 (Н. М. Михайловский) Оп. 2. Q. 394. 82 л.) из Устюжны Железопольской, Череповца, Кириллова (они готовятся отделом к печати) и 4 тома альбома с рисунками членов экспедиции «в таком же красном золотоборезном сафьяновом переплете, как и настоящая рукопись Q. № 394» (Отчет Имп. Публичной библиотеки за 1908 год. Пг., 1915. С. 51).

⁶⁷⁾ ОР РНБ. Ф. 1000 (Собрание отдельных поступлений). Оп. 1.

⁶⁸⁾ ОР РГБ. Ф. 211 (А. Н. Оленин). К. 3623. Ед. хр. 2/2. Л. 3. См.: *Филиппов В.* Вологодские тайны Ивана Грозного // Известия. 1999. 16 дек.

Позднее, в 1829–1830 гг. выявлением древних рукописей здесь занимался известный археограф П. М. Строев и публиковал их в «Актах Археографической комиссии». Барон Г. А. Розенкамф, автор работы с обзорением Кормчих книг, в письме от 16 ноября 1829 г. благодарил его за письмо «из классической земли Вологды от 29 октября» и за известие о найденной Кормчей книге в «Антониевском Сийском монастыре», просил сообщать и о других находках, послал в подарок свою книгу⁶⁹. В том же письме он писал: «Избранная Вами точка обозрения Русского, еще девственного Севера мне понравилась... Для нашей отечественной истории нет ничего полезнее». П. М. Строев высоко оценивал культурные богатства Русского Севера, неоднократно выступал с призывами к поиску древних рукописей в северных губерниях. Об этом он писал в предисловии к изданию «Софийский временник, или Русская летопись с 862 по 1534 г.» (М., 1820. Ч. 1. С. XI), говорил в своей знаменитой речи 1823 г. в Обществе истории и древностей российских при Московском университете (Северный архив. 1823. № 19), писал в «Проекте археографического путешествия по России» 1828 г. (первыми намечалось обследовать северные губернии, в том числе Вологодскую), докладывал в Отчете Императорской Академии наук об археографической экспедиции 1829 г.: «Познание местностей, особенно девственного Севера, приложенное к преданиям и документам старины, способно озарить деписание светом истины»⁷⁰. Позднее он широко использовал вологодские источники в своих работах. В предисловии к «Описанию старопечатных книг славенских, служащих дополнением к описанию библиотек графа Ф. А. Толстова и купца И. Н. Царского» (М., 1841. С. VI), среди «главнейших пособий» первым Строев отметил «огромное собрание старопечатных книг при Вологодской духовной консистории».

Наконец, в 1841 г. Вологду посетил историк М. П. Погодин, также выявивший ряд старинных рукописей и оставивший яркое описание культурной жизни Вологды 1840-х годов.

Обратили внимание на Вологодскую губернию и исследователи русского и других языков. В 1819 г. последовало распоряжение от Московского университета дирекции Вологодских училищ (до 1825 г. они находились в ведении Московского учебного округа) заняться собиранием слов. Оно побудило откликнуться тех учителей, которые изучали историю края. Среди них учитель Вологодской гимназии Алексей Фортунатов (занимавшийся такими исследованиями еще в начале века по вопросам Вольного экономического общества) прислал

⁶⁹ ОР РГБ. Ф. 291 (Строев). М.2249. Ед. хр. 45. Л. 78.

⁷⁰ Археографическая экспедиция Академии наук. 1828–1834. Л., 1930. Вып. 1. С. 93. № 77.

список слов, собранных в уездах губернии⁷¹⁾. По мнению А. А. Кочубинского, «как ни слабы могли быть труды бедных этнографов по указу, уездных смотрителей, но их собрания вошли в Академический словарь 1852 г.»⁷²⁾. С целью изучения истории и языка финно-угорских народов в 1824–1829 гг. посетил северные губернии, в том числе Вологодскую, молодой ученый, член Румянцевского кружка А. М. Шегрен⁷³⁾.

В первой трети XIX в. материалы по истории Русского Севера появлялись в журналах «Вестник Европы», «Отечественные записки», «Северный архив», «Сын Отечества» и других⁷⁴⁾. Среди них много статей о Вологодском крае, в том числе Евгения (Болховитинова), заметки о первой в крае археологической экспедиции под руководством З. Я. Доленги-Ходаковского в 1822 г., о раскопках клада русских монет XVI–XVII вв., очерки местных краеведов. Для исследуемой темы важно указать на участие в публикациях и купцов. Так, были опубликованы путевые заметки вологодского купца А. Деньгина в 1828 г., 1831 г. и в 1844 г.⁷⁵⁾

К именованному вологодскому купечеству «по учености и аттестатам» еще в конце XVIII в. был причислен Михаил Андреевич Засодимский — секретарь Вологодского губернского магистрата, учитель с широким классическим образованием, историк родного города, первый в России переводчик «Георгик» Вергилия, изданных в Петербурге в 1777 г. и почти полвека читавшихся россиянами в этом варианте⁷⁶⁾.

⁷¹⁾ *Фортуатов А.* Вологодский провинциальный словарь // Труды Общества любителей российской словесности при Московском университете. М., 1820 (1821). Ч. 20. С. 38–42.

⁷²⁾ *Кочубинский А. А.* Начальные годы русского славяноведения: Адмирал Шишков и канцлер гр. Румянцев. Одесса, 1887–1888. С. 52.

⁷³⁾ *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 28; *Терюков А. И.* А. М. Шегрен и граф Н. П. Румянцев // Румянцевские чтения: Мат-лы науч.-практич. конф. по итогам научно-исслед. работы РГБ. М., 1996. С. 260, 262.

⁷⁴⁾ *Афиани В. Ю.* Публикация источников и материалов по истории Европейского Севера в журналах первой трети XIX в. // Историография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: Северный археографический сб. Вологда, 1978. Вып. VI. С. 98–102.

⁷⁵⁾ См.: *Дилакторский П. А.* Опыт указателя литературы по Северному краю с 1766 до 1904 г. Вологда, 1921. № 59, 68, 316. При обсуждении моего доклада на Вологодской конференции в мае 1993 г. московский историк М. П. Мохначева сообщила, что в подготовке калужского журнала «Уrania» (1804 г.) участвовала своими переводами Елизавета Лаптева, предположив, что это дочь И. П. Лаптева. Однако даже судя по возрасту, она не была дочерью Ивана Петровича, но могла быть дочерью Ивана Аврамовича «меньшего» Лаптева (см.: ГАВО. Ф. 476. Оп. 1. Д. 17. Л. 238. Здесь названа его дочь Елизавета 1785 г. рождения). Но может быть, это — Елизавета Николаевна, воспитанница дворянина Н. С. Лаптева (см.: *Долгоруков П. В.* Российская родословная книга. СПб., 1857. Ч. 4. С. 155).

⁷⁶⁾ См. об этом: *Лазарчук Р. М.* «...С латинского языка переведены на Вологде» (Кто был первым переводчиком «Георгик» Вергилия?) // Послужить Северу... С. 104.

Безусловным катализатором культурной жизни Вологды, как и всей читающей России, стал выход в 1817–1821 г. девяти томов «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Хотя в перечне ее «пренумерантов», приложенном к изданию, вологжан нет, но поиск владельцев томов нужно продолжать.

Что же дают приведенные данные для характеристики И. П. Лаптева и его среды в вологодский период?

В начале XIX в. купец 2-й, затем 3-й гильдии, Иван Петрович, в отличие от других купцов, не нажил палат каменных, в прямом и переносном смысле. Не встречаются фамилии купцов Лаптевых и в перечнях владельцев фабрик и промыслов, приведенных в книге А. А. Засецкого и в «Экономических примечаниях» к Генеральному межеванию (хотя И. А. Лаптев «большей» в дневнике П. И. Челищева 1791 г. отнесен к самым богатым купцам; Иван Петрович не мог упоминаться по молодости лет). Нет их и в вышеназванной статье Г. Н. Козиной, значит, они занимались только торговлей.

Судя по собственноручным документам и записям Лаптева, его занятию торговлей, можно отнести его к числу грамотных горожан, получивших начальное образование в 80-х годах XVIII в., видимо, дома. Самоучкой, благодаря многолетнему собиранию и изучению древних рукописей и книг, он приобрел навыки палеографа и филиграноведа. Где учились его дочери, неизвестно, сын, во всяком случае, уже мог посещать гимназию. Судя по всему, Иван Петрович отличался от тех купцов, которые не пускали детей учиться, чтобы не отрывать их от торгового дела. Его дети выросли более грамотными, чем отец, если учесть, что они, конечно, по указанию отца, свободно переписывали древние рукописи, выявляли из них водяные знаки, не говоря уже о деловой переписке отца, которую они позднее вели в Петербурге. Дочь Ольга ко времени переезда в Петербург даже изучила французский язык. Может быть, отец хотел, чтобы она не уступала петербургским барышням в образовании. В Вологде же, помимо частных школ, французский и немецкий языки с 1770 г. преподавали в духовной семинарии, с 1786 г. — в народном училище, а также в школе для городских сословий.

Хотя полной картины культурной и научной жизни Вологды конца XVIII — первой половины XIX в. историками еще не воссоздано, даже отдельные ее страницы позволяют сделать вывод о том, что в провинциальной Вологде зарождались те же явления, что и в центре — интерес к русской истории (в том числе к истории родного города), к ее источникам, а среди них — к рукописной и старопечатной книге. Последняя в этот период все более перемещалась из монастырей в библиотеки учебных заведений, в частные коллекции, центральные архивы, становилась объектом изучения не только местных историков краеведов, но и археографов из Петербурга и Москвы. Помимо появления первых историко-географических работ, в Вологде Евгением (Болхо-

витиновым) на рубеже первых двух десятилетий XIX в. созданы основы «церковной археологии», исследование о Мстиславовой грамоте, т. е. работа из вспомогательных областей исторической науки — дипломатики и палеографии, в то время еще четко не дифференцированных.

В такой среде становится понятным расширение поля культурного и научного знания, появление многих ценителей и исследователей старины. Среди них был и И. П. Лаптев. Формированию подобных личностей в купеческом сословии способствовали не только особенности занятия торговлей, требовавшего овладеть основами знаний (письма, чтения, арифметики и т. д.), но и их мобильность, поездки по торговым делам (в том числе и Ивана Петровича) в другие города России, а некоторых купцов и за границу. Вологодские купцы издавна торговали в северных городах, сначала в Архангельске, потом в Петербурге и других. Думается, что эти связи, а также знакомство с культурной жизнью Петербурга, его книжными богатствами и побудили Лаптева перебраться в столицу. Такой шаг, рискованный с точки зрения успеха в торговых делах на новом месте, свидетельствует о мужестве и целеустремленности этого человека.

2. Петербургский период

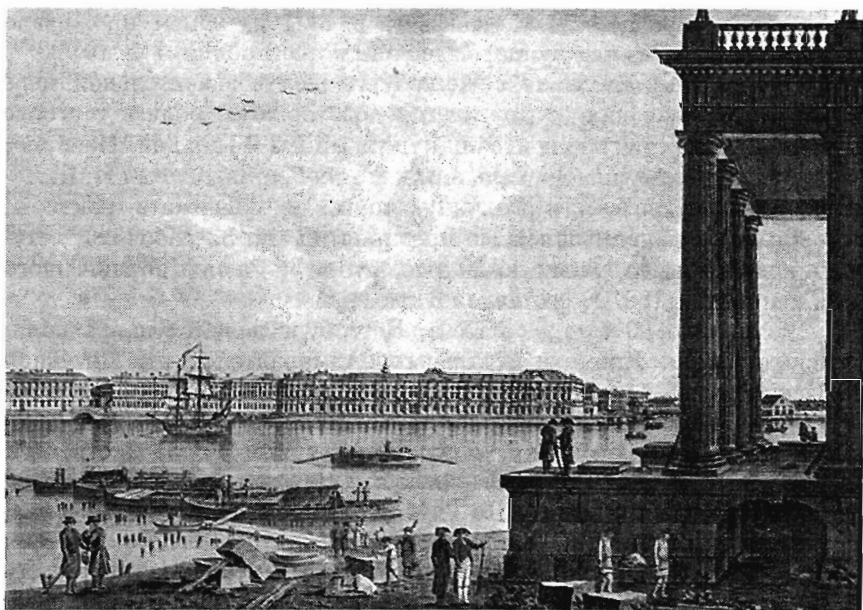
«Разстояния города Вологды до резиденций: Москвы — 420, Санкт-Петербурга чрез Устюжну Железопольскую 689 верст, а чрез Бело озеро 730... верст», — писал А. А. Засецкий в своей книге (с. 68). Какую дорогу на столицу выбрал Иван Петрович?

Точная дата переезда И. П. Лаптева с семьей в Петербург неизвестна. Но можно считать ошибочным предположение В. П. Любимова (оперировавшего только датой записи Лаптева на списке Кормчей) о том, что последний проживал в Петербурге с 1827 г.⁷⁷⁾ Более точное соображение высказала М. С. Крутова — не позднее 1823 г. Основанием послужили следующие факты. В «Списке купцов С. Петербурга с показанием имеющегося при них семейства и чем торговлю производят 1821 г.»⁷⁸⁾ И. П. Лаптев еще не значится. Такого рода списки за последующие годы в этом архиве отсутствуют. Просмотренные нами списки купцов в РГИА, фонде Департамента мануфактур и внутренней торговли Министерства финансов⁷⁹⁾ по Санкт-Петербургу и Вологодской губ. также не содержат данных о Лаптеве (следует заметить, что и здесь не все списки сохранились). Нет фамилии И. П. Лаптева и в справочнике С. И. Аллера «Указатель жилищ и зданий в Санкт-Петербурге, или адресная книга с планом и таблицею

⁷⁷⁾ Любимов В. П. О Лаптевском списке Правды Русской // Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. II. С. 836.

⁷⁸⁾ ЦГИА СПб. Ф. 221. Оп. 1. Д. 430. Л. 1–27.

⁷⁹⁾ РГИА. Ф. 18. Оп. 4. Дела за 1822–1824 гг.

Санкт-Петербург. Дворцовая набережная у Зимнего дворца и Эрмитажа с Васильевского острова. Гравюра Б. Патерсена (1799 г.). (Эрмитаж. Открытка)

пожарных сигналов на 1823 год» (СПб., 1822). Убедительное доказательство пребывания Лаптевых в столице — собственноручная запись дочери Лаптева Елизаветы Ивановны, назвавшейся в 1823 г. «санкт-петербургской гражданкой»⁸⁰⁾. Это подтверждает и запись Лаптева на рукописи перевода, осуществленного, как установлено мною, в 1823/1824 г. В ней он назвал переводчицу «санкт-петербургской купеческой дочерью девицей Ольгою Ивановой Лаптевой»⁸¹⁾.

Таким образом, в 1823 г. семья Лаптевых, без сомнения, уже жила в столице.

Столица Российской империи — Санкт-Петербург в первой трети XIX в. представляла собой важнейший политический, экономический, торговый и культурный центр страны. Его архитектурная гармония, обогащенная в это время великолепными ансамблями в стиле классицизма, вызывала восхищение современников (и продолжает восхищать до сих пор). В их строительстве участвовали и вологжане.

Петербург постоянно притягивал представителей разных сословий, в том числе купцов, хотя особенно пополнялся (принудительно и добровольно) за счет крестьян и дворовых людей из северных губерний. По официальным данным, приведенным известным специалистом

⁸⁰⁾ Крутова М. С. Указ. соч. С. 134, 137.

⁸¹⁾ ОР БАН. Собр. Ф. М. Плюшкина. № 176. Л. 1.

по истории города А. И. Копаневым, в 1821 г. в нем проживало 422 891 человек, из них купцов (здешних и иногородних) — 10 023⁸²⁾. Рост купеческого сословия в Петербурге шел в значительной мере за счет переезжавших из других городов. Важную роль в торговле и промышленности города играли купцы 1-й и 2-й гильдий. Наиболее многочисленные купцы 3-й гильдии (к которой принадлежал И. П. Лаптев) имели право «вести розничную торговлю, содержать трактиры, питейные дома, промышленные предприятия (до 32 рабочих), вступать в подряды на сумму до 20 тыс. руб.»⁸³⁾. Размер объявленного ими капитала с 1807 г. составлял 8 тыс. руб.

В середине 30-х годов XIX в. Петербург делился на 13 полицейских частей. Кроме центральных (Адмиралтейских), Литейной и Васильевской, остальные — окраинные части были менее заселены и застроены преимущественно деревянными домами.

Благодаря справочнику, изданному купцом К. М. Нистремом, можно узнать и место проживания купца 3-й гильдии Ивана Петровича Лаптева на 1837 год: «По Глухому пер. № 28 — Моск[овская] часть, 4 кв[артал], № 428»⁸⁴⁾. Детальные статистические описания города позволяют охарактеризовать этот район. Московская часть в 1833 г. по числу жителей (45 944) приближалась к центральным частям города, а между Невским проспектом и Разъезжей ул. основное ее население составляли высокопоставленные чиновники, дворяне со своими слугами⁸⁵⁾. Остальные кварталы (в одном из которых поселился Лаптев) были заселены отставными чиновниками, военными, мелкими торговцами и т. п. «Квартиры здесь дешевле и просторнее, хозяйки здесь менее бранчливы и добрее»⁸⁶⁾, — писал современник. В 1820-е годы Московская часть относилась к числу частей, наиболее увеличивших сумму собственности (вряд ли в числе этих собственников И. П. Лаптев), а также чаще всего горевших (несмотря на наибольшее число колодцев в ней) и больше пьющих. Благодаря расположению

⁸²⁾ Копанев А. И. Население Петербурга в первой половине XIX в. М.; Л., 1957. С. 25. Табл. 2.

⁸³⁾ Там же. С. 47. См. также с. 100–103.

⁸⁴⁾ Нистрем К. Книга адресов С. Петербурга на 1837 год. СПб., 1837. С. 1338. (В указ. соч. М. С. Крутовой, с. 134 — опечатка: Глухов пер.). В Петербурге было несколько переулков с таким названием. В Московской части Глухой пер. существовал до 1871 г., затем он был переименован в Матягин пер. (до 1952 г.), ныне — Батайский пер. (от Клинского до Малодетскосельского пр.) Ленинского р-на (Городские имена сегодня и завтра: Ленинградская топонимика. Л., 1990. С. 12). См. также: Елохина Т. У. Улицы Санкт-Петербурга. СПб., 1993; Кукушкина В. В. Топонимика Санкт-Петербурга первой половины XIX в. по планам города. СПб., 1996. Мое путешествие в прошлое по этому переулку позволило убедиться, что старые деревянные дома там не сохранились, но даже сегодня здесь не слышно «шуму городского».

⁸⁵⁾ Арсеньев К. И. Статистические сведения о Санктпетербурге. СПб., 1836. С. 80.

⁸⁶⁾ Пушкарев И. И. Описание Санктпетербурга и уездных городов С. Петербургской губернии. СПб., 1839. Т. 1. Ч. I. С. 75.

на возвышенности, она не была затоплена в наводнение 1824 г.⁸⁷⁾ (значит, и семья Лаптевых от него не пострадала).

Общая оценка домов в окраинных частях города варьировала в 1803 г. от 1,5–2 млн до 200 тыс. руб.⁸⁸⁾ Мы точно не знаем, приобрел ли Иван Петрович дом или снял квартиру. Но, судя по записи в справочнике Нистрема (с. 1355) в 1837 г., в том же доме № 28 по Глухому пер. в Московской части проживал, кроме И. П. Лаптева, купец 3-й гильдии Пономарев Фома Фролович. Кто из них был владельцем дома, а кто квартиросъемщиком? Или они были совладельцами дома? Во всяком случае, в «Атласе» Н. Цылова, в списке «Обывательские дома» (изданном в 1849 г., т. е. через 11 лет после смерти Лаптева), названы два дома Лаптевых, оба — в других частях города. Первый — некоего купца Василия Федотовича Лаптева в Литейной части. Второй — дом купчихи Пелагеи Васильевны Лаптевой⁸⁹⁾ в Каретной части. Но жену Ивана Петровича звали Авдотья Васильевна⁹⁰⁾. Интересующий нас дом № 28 по Глухому пер. находился в 1849 г. во владении купца Ф. Ф. Пономарева, т. е. семья Ивана Петровича оттуда переехала⁹¹⁾.

Новые условия после переезда из Вологды в столицу сделали жизнь Лаптевых более сложной (конкуренция в торговле), дорогой, динамичной. Но одновременно для Ивана Петровича резко возросли возможности в деле собирания и изучения старины. Большая книготорговля в Петербурге, коллекционерский бум позволяли установить новые связи с любителями древностей и пополнять свои собрания. 14 частных публичных библиотек — русских и иностранных⁹²⁾, открытая с 1814 г. Императорская Публичная библиотека (директором был А. Н. Оленин), получавшая обязательные экземпляры отечественных изданий, давали возможность ознакомиться с новейшими

⁸⁷⁾ Арсеньев К. И. Указ. соч. С. 11, 96, 104.

⁸⁸⁾ Копанев А. И. Указ. соч. С. 10–11.

⁸⁹⁾ Атлас тринадцати частей Петербурга / Сост. Н. Цылов. СПб., 1849. С. 70. Указатель к атласу. С. 147.

⁹⁰⁾ См.: Спасский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики // Нумизматический сборник. М., 1955. Ч. I. С. 83 (ТГИМ. Вып. XXV); РГАДА. Ф. 187. Оп. 2. Д. 194. Л. 1 об. Прибавление к Санктпетербургским ведомостям за 28 июля 1838 г. С. 1889.

⁹¹⁾ В 1844 г. Лаптев Аполлон Иванович, купец 3-й гильдии проживал в Московской части, 3-й квартал, по Загородному проспекту, в доме Васильева (см.: Нистрем К. Адрес-календарь Санктпетербургских жителей. СПб., 1844. Т. 3. С. 326). В адресной книге 1867–1868 гг. значатся братья Лаптевы (Михаил Аполлонович, инженер-технолог, и Петр Аполлонович, личный почетный гражданин), проживавшие в д. 54 по Царскосельскому пр-ту за Московской заставой (параллельно Глухому пер.) (см.: Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтою. СПб., 1867–1868. III отдел. С. 271). Возможно, это внуки И. П. Лаптева от его сына Аполлона (кстати, Технологический институт находился в Московской части города).

⁹²⁾ Пушкарев И. И. Указ. соч. Т. 1. Ч. II. С. 403–404.

книгами и публикациями. Особо выделим Депо манускриптов — хранилище рукописей в Публичной библиотеке. В 1830 г. в нее из Москвы поступила знаменитая библиотека графа Ф. А. Толстого. До 1826 г. еще жив был граф Н. П. Румянцев и действовал объединившийся вокруг него кружок ученых историков, археографов из Москвы, Петербурга и других городов России. После смерти графа на основе его собрания в 1832 г. открылся Румянцевский музей. Петербург, как и Москва, были центрами развития русской исторической науки, формирования вспомогательных исторических дисциплин, активного выявления, собирания и издания исторических источников. И, наконец, здесь появились первые публикации палеографических снимков, среди которых и воспроизведения водяных знаков.

В Петербурге создавался и ряд коллекций филиграней. Коллекция П. К. Фролова находилась уже в Публичной библиотеке, А. Х. Востокова — в его личном архиве; были и другие собрания, два из которых рассмотрены в I главе, остальные характеризуются в IV главе.

Первым делом Ивана Петровича после обоснования в столице стала подготовка к изданию книги о бумажных водяных знаках. Тем самым он продолжил традицию вологжан-исследователей, издававших свои книги за отсутствием местных типографий в Петербурге и Москве еще с конца XVIII в. Столь скорое издание ее могло быть осуществлено только при условии, что первооснова источников для него — собрание рукописей и книг — была заложена в Вологде и там же начато выявление водяных знаков. Видимо, скопил он и деньги для выпуска книги.

Издав в 1824 г. книгу, он продолжал пополнять свои собрания рукописей и книг, водяных знаков в благоприятных условиях Петербурга. Кроме названных собраний, составивших источниковую базу его палеографической деятельности, И. П. Лаптев был известен современникам как обладатель небольшой, но ценной нумизматической коллекции. Приобретал он старинные монеты много лет, видимо, еще с Вологды. Однако о содержании этой коллекции при жизни Лаптева было известно мало. Как писал современник коллекционер-нумизмат С. А. Еремеев, «до издания сочинений гг. Шодуара, Черткова и Рейхеля собрания русских монет были тайною для публики»⁹³⁾. В 1835 г. газета «Санктпетербургские ведомости» (№ 260–261) поместила статью «О важнейших собраниях российских монет» (перепечатанную из немецкой газеты «Sankt-Peterburg. Zeitung»), в которой среди петербургских коллекций названа и лаптевская: «Собрание купца Лаптева, хотя и не весьма значительно, но также замечательно по одной дорогой монете: это единственный доселе известный экземпляр

⁹³⁾ Еремеев С. А. Материалы для истории русской нумизматики // Зап. СПб. археол.-нумизмат. об-ва. СПб., 1849. Т. I. С. 423.

екатеринбургского медного рубля Екатерины 1726 г.» (№ 261)⁹⁴. Другие монеты «кабинета Лаптева» описаны С. И. Шодуаром, работа которого вышла сначала по-французски в 1836–1837 гг.⁹⁵, а затем была переведена на русский язык⁹⁶. В сноске на с. 125 есть большое примечание переводчика об И. П. Лаптеве: «СПб. купец (Петр Иванович) (описка, должно быть “Иван Петрович”. — Ю. А.), недавно здесь умерший, был большой охотник собирать разные русские редкости для церковной и светской истории, и вдове своей оставил собрание многих рукописей и печатных старинных книг и монет. Он сообщал разные сведения свои покойному барону Г. А. Розенкампфу при составлении “Обозрения Кормчей книги в историческом виде”, изданного в Москве 1829. 8° и в СПб. в 4 д. л., и сам издал Опыт в старинной русской дипломатике с рисунками (о фабричных знаках на бумаге)». Во французском издании такого примечания нет, только краткая справка. Судя по содержанию примечания, В. Г. Анастасевич хорошо знал Лаптева не только по книге 1824 г., но и позднее, сотрудничая с Розенкампфом и готовя после его смерти 2-е издание книги о Кормчих.

Когда Лаптева уже не было в живых, известный палеограф И. П. Сахаров в своем перечне «Нумизматические собрания в России» среди коллекций в Петербурге под № 19 кратко охарактеризовал и его собрание: «Лучшие монеты приобретены покупкою из собраний герцога Виртембергского и кн. Вяземского. Ныне, как говорят, собрание Лаптева назначено к аукционной продаже»⁹⁷. Эти и другие каналы пополнения собрания монет Лаптева (используя иные источники — воспоминания С. А. Еремеева, записки Г. И. Лисенко) указал в «Очерках по истории русской нумизматики» И. Г. Спасский. Отмечая распродажу выдающейся коллекции кн. А. А. Вяземского (1727–1796), он писал: «Часть ее, по-видимому, русская досталась крупному петербургскому собирателю купцу И. П. Лаптеву... К Лаптеву же перешли коллекции кн. П. В. Лопухина (1741–1827) и герцога А. Виртембергского (ум. 1833 г.)»⁹⁸.

⁹⁴ О дальнейшей судьбе этой монеты И. Г. Спасский писал: «Сохранилась расписка 1852 г. “купецкой вдовы” Авдотьи Лаптевой в получении 335 рублей серебром от К. Ф. Шролля, с коллекцией которого плата поступила в Эрмитаж» (*Спасский И. Г. Указ. соч. С. 83. О Шролле см. с. 38, сн. 4*).

⁹⁵ *Aperçu sur les monnaies Russes et sur le monnaies étrangères, qui ont eu cours en Russie, depuis les temps les plus reculés jusqu'à nos jours. Par le baron S. de Chaudoir. S. P.; P., 1837. Sec. part. О Лаптеве см. с. 122 и с. V («С. Laptief — Cabinet de M. Laptief, négociant'a S. Pétercbourg»).*

⁹⁶ *Шодуар С. И. Обзорение русских денег и иностранных монет, употреблявшихся в России с древних времен. Пер. с фр. В. А[настасевича]. СПб., 1837, 1841. Ч. 1–2. О монетах Лаптева — Ч. 2. С. 111, 125, 198, 201, 218. См. также: Чертков А. Д. Описание русских древних монет. М., 1834.*

⁹⁷ *Сахаров И. П. Летопись русской нумизматики. СПб., 1842. Вып. 1 (Отделение первое). С. 6.*

⁹⁸ *Спасский И. Г. Указ. соч. С. 77. См. также с. 83 о знакомстве Лисенко с Лаптевым.*

О дальнейшей судьбе коллекции Лаптева узнаем из письма Сахарова историку Погодину от 7 октября 1845 г.: «У нас (в Петербурге. — Ю. А.) продали: монеты Лаптева — лучшие достались Яковлеву, потом Гагарину и Долгоорукову⁹⁹⁾. Кузмин купил коженное собрание, 14 штук — заплатил 46 руб. сер. В них, о велие чудо: нагота* (sic!) князь Глеб Переяславский и даже год, которого теперь не упомяну. Величиною более 3 коп. медью на серебро»¹⁰⁰⁾. Так была распродана нумизматическая коллекция И. П. Лаптева. В конце XIX в. В. С. Иконников отметил ее в своем историографическом труде среди важнейших частных собраний монет в Петербурге¹⁰¹⁾.

Собирая раритеты, Лаптев занимался палеографическим и текстологическим изучением рукописей, попутно реставрировал их. Ряд рукописей, которые он не мог приобрести, поручал копировать своим детям и другим лицам.

В процессе этой работы (как, вероятно, еще и во время прошлых наездов в Петербург) Иван Петрович установил связи со многими коллекционерами (перечень имен назван в III и IV главах). В частности, в Петербурге он встречался с крупнейшим коллекционером графом Федором Андреевичем Толстым, ознакомился еще в рукописи с каталогом книг его московской библиотеки и пользовался ею. Об этом свидетельствуют сохранившиеся письма. 12 июля 1828 г. Иван Петрович просил графа: «Ваше сиятельство, милостивый государь Федор Андреевич! От истинности сердца желаю Вам, дабы Всевышний низпослал Вам всякое благо и хранил жизнь Вашу на должайшия лета в благоденствии и здравии к величайшей радости всех любящих и почитающих Вас. Будучи пользуясь я Вашими милостями, при отъезде Вашего сиятельства из СанктПетербурга всепокорнейше просил Вас пожаловать одолжить из Вашей библиотеки на короткое время книги, напечатанной в 1640-м году под названием преподобнаго Никона Черныя Горы, описанной в библиографии у Сопикова под № 594-м, и Требник, печатанной в Вильне 1618-го года, у Сопикова стоящий под № 1449-м, Слово соединение восточной церкви с западною, напечатанной в Вене 1771-го году в осмушку, которая книги и в каталоге письменном у Вашего сиятельства я видел, первая под № 91, вторая под под № 60-м, а третья последняя под № 318-м, на которые благоволили мне приказывать принести записочку, изволили

⁹⁹⁾ Яковлев Василий — известный нумизмат, коллекцию которого Сахаров назвал в своем перечне 1842 г., князя Ф. Г. Гагарин и С. В. Долгооруков — известные собиратели древностей, члены-основатели Археологическо-нумизматического общества.

* Так в тексте. Правильно: ногата. Выделенные слова подчеркнуты Сахаровым.

¹⁰⁰⁾ ОР РГБ. Пог. / II. 29. 27. Л. 11–11 об. Кузмин — видимо, петербургский коллекционер «Григорий Селиверстов Кузьмин», которого Сахаров упоминает в других письмах (Там же. Л. 1, 25). Опубл.: Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1894. Кн. 8. С. 170.

¹⁰¹⁾ Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. I. Кн. 2. С. 1403, сн. 5; См. также с. 1401, сн. 1.

онныя обещать из Москвы привести с собою, но я не имел счастья записочку Вам доставить по причине скорого Вашего отъезда. И потому ныне осмелился просить паки Ваше сиятельство, дабы онныя книжки пожаловали с собою привезли, чём весьма покорнаго Вам всегдашним услугам всегда одолжите. За сим остаюсь к Вам с моим истинным высокопочтением и таковою преданностию Вашего сиятельства, милостиваго государя покорный слуга Иван Лаптев»¹⁰²⁾. Граф в письме от 22 августа 1828 г. в Москву П. М. Строеву по поводу предстоявшей археографической экспедиции в северные губернии не забыл сообщить ему как смотрителю и составителю каталога своей библиотеки об этой просьбе: «Да уже пожалуйста пришли хотя с тяжелою почтою по записке Лаптева, при сем приложенной. Она очень меня стесняет»¹⁰³⁾.

Были у них и столкновения во время приобретения ценных рукописей. 17 сентября 1828 г. Федор Андреевич писал П. М. Строеву: «Я другую неделю торговал интересную книгу, Литургию, в 4-ку, печатанную в 1555 г. в Венеции, и очень сбережена; давал за нее 200 р., но наконец не получил ее, а купил Лаптев за 250 р.; ежели ты присоветуешь мне ее добиваться, то я постараюсь ее достать». Строев «присоветовал», но с Иваном Петровичем трудно оказалось справиться. И граф жалуется: «Окаянный Лаптев обнадежил было меня уступкою перекупленной книги, но не сдержал своего слова; притчина етому горю финансы и надежда, что уступят подешевле»¹⁰⁴⁾.

Издание книги и положительная рецензия на нее известного слависта, члена Румянцевского кружка А. Х. Востокова создали возможности для знакомств Лаптева с историками, палеографами, археографами (может быть, с некоторыми он был знаком и ранее). Как мы видели, письмо И. П. Лаптева 1828 г. Ф. А. Толстому было передано последним для выдачи книг его библиотекарю, историку и палеографу П. М. Строеву, бывшему члену кружка Н. П. Румянцева, одному из первых историков, опубликовавших единичные снимки филиграней в своих работах. Неоднократные упоминания рукописей из собрания Лаптева бароном Г. А. Розенкампом в его работе «Обозрение Кормчей книги в историческом виде» (М., 1829), замечание Ивана Петровича о готовящемся втором ее издании и другие

¹⁰²⁾ ОР РГБ. Ф. 291. 27. Л. 1, 1 об. Опул. в прилож. к моей статье в АЕ за 1992 год. М., 1994. С. 154–155.

¹⁰³⁾ Археографическая экспедиция Академии наук. 1828–1834. Вып. 1. С. 22. № 19. К письму примечание 5 составителя: «Письмо вологодского купца Лаптева от 12 июня (опечатка, должно быть “июля”. — Ю. А.) 1828 г. из Петербурга в сборнике № 2249, письмо 185-е; И. Лаптев просит гр. Ф. А. Толстого “одолжить на короткое время” из его библиотеки в Москве несколько книг; на письме рукою П. М. Строева “передано мне июля 18”».

¹⁰⁴⁾ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 129. («Письма, 1, № 200»). См.: ОР РГБ. Ф. 291. Ед. хр. 58. Л. 34 об.

факты свидетельствуют об их знакомстве и сотрудничестве, что подтверждает и вышеприведенное примечание известного библиографа и переводчика В. Г. Анастасевича (подробнее см. в IV гл.).

Живя в Петербурге, Лаптев посещал Императорскую Публичную библиотеку (хотя его фамилии в списках читателей не обнаружено, поскольку они за этот период сохранились не полностью), встречался с хранителем Депо манускриптов, известным палеографом-практиком А. И. Ермолаевым (кстати, еще в 1812 г. некоторое время помощником Ермолаева работал вологжанин знаменитый поэт К. Н. Батюшков). Видимо, Ермолаев, заботившийся о пополнении библиотеки редкими рукописями из частных собраний, в их числе томами Лицевого летописного свода XVI в., уговорил Ивана Петровича передать принадлежавший ему том свода за 1116–1252 гг. (с тех пор называемый Лаптевским) в библиотеку. Незадолго перед этим Библиотека получила в дар так называемый Лицевой хронограф этого же свода от проживавшего в Москве греческого дворянина Зоя Павловича Зосимы.

О дарении И. П. Лаптева сохранилась большая группа документов. Инициативными в переписке послужили письма директора библиотеки А. Н. Оленина в апреле (черновик написан А. И. Ермолаевым) и в июне 1827 г. министру Императорского двора князю П. М. Волконскому с просьбой принять «предложения купца Лаптева»¹⁰⁵. В них отражено и содержание двух записок Лаптева по этому поводу (написанных, скорее всего, рукой сына Аполлона, без подписи и даты), также сохранившихся в фонде А. Н. Оленина. В одной (от первого лица) Иван Петрович описывает принадлежащий ему том свода. В другой излагается условие передачи в дар библиотеке этого тома: «...так как он, Лаптев, будучи уже на шестом десятке лет жизни и одержим из давнего времени простудною ревматизмом¹⁰⁶, то для спокойствия и поддержания здоровья просит освободить его на будущее время навсегда от всех общественных и частных по выборам зачетных и незачетных гражданских служб»¹⁰⁷. В оба письма Оленина включен из второй записки Лаптева важный аргумент (в отредактированном виде) в пользу принятия его необычного условия:

¹⁰⁵ Краткую историю вопроса и частичную публикацию документов см. в статье: Клосс Б. М. Об истории томов Лицевого свода, хранящихся в Публичной библиотеке // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1985. С. 109–113; ОР РНБ. Ф. 542 (Оленины). Ед. хр. 497. Л. 41–42; Голубева О. Д. Хранители мудрости. С. 201.

¹⁰⁶ Это заболевание фигурирует в описаниях Петербурга, как одно из самых распространенных у взрослого населения: «Ревматизм. Или наследственный или приобретенный простудой, нередко излишним потреблением в других болезнях ртути. Быстрые перемены температуры и пренебрежение, в ненастную погоду, галошей, плаща и зонтика, весьма содействуют развитию этой болезни» (Пушкарев И. И. Описание Санктпетербурга... Т. 1. Ч. I. С. 61).

¹⁰⁷ Публикацию записок (первой — полностью, второй — частично) см.: Клосс Б. М. Указ. соч. С. 113; ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 497. Л. 44 об.

«...чтоб досуг, ежели оный будет ему дарован, употребить на изыскания по части старинного церковного законовещения, и в особенности на составление из древних и новейших Кормчих книг свода правил апостольских и соборных»¹⁰⁸⁾.

Вышеназванные записки Лаптева можно считать первыми документами, предложениями дарителя, в результате получения которых и была заведена переписка по этому вопросу.

Кроме рассмотренных документов, в Архиве РНБ имеется целое дело на 18 листах «О Всемиловейшем пожаловании 3-ей гильдии купцу Лаптеву бриллиантового перстня за пожертвованную часть рукописного Хронографа в пользу Библиотеки»¹⁰⁹⁾. Оно содержит 13 документов и является наиболее представительным комплексом по этому вопросу, хотя отдельные документы (июньское письмо Оленина, две указанные записки Лаптева) в нем отсутствуют. Зато только здесь сохранился отрывок третьей записки Лаптева, написанный, на мой взгляд, рукой его дочери Ольги. Подлинники исходивших из Библиотеки документов по этому делу выявлены мною в РГИА¹¹⁰⁾. Сопоставление документов из фонда А. Н. Оленина в ОР РНБ, из Архива РНБ и РГИА позволило выяснить полную картину переписки по вопросу дарения и позицию, занятую Лаптевым, исправить ряд неточностей по этому поводу в работах предшественников.

Переписка продолжалась почти полгода, хотя Иван Петрович материального вознаграждения не просил. Но министра П. М. Волконского поставило в тупик условие дарителя, такого в чиновничьей практике еще не было. Вновь, как и в 1804 г., Лаптев выбивался из общей шеренги. До августа по поручению министра искали прецедент чиновники учреждений Санкт-Петербургских военного генерал-губернатора и гражданского губернатора, городской Думы (об этом подробно рассказывают документы РГИА). И, как уведомил министра военный генерал-губернатор, «примеров увольнения граждан от общественных служб за более или менее значительные пожертвования не оказалось»¹¹¹⁾. Наконец, 9 августа князь П. М. Волконский послал А. Н. Оленину письмо, в котором сообщал: «По Всеподданнейшему моему о сем докладу, Государь Император Высочайше повелеть соизволил: отвечать Вам, Милостивый государь, для объявления купцу Лаптеву, что по взятой справке нельзя удовлетворить его просьбы;

¹⁰⁸⁾ ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 497. Л. 41 об. См. и л. 42.

¹⁰⁹⁾ Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1827 г. Ед. хр. 13. См. о нем также: Д. 26. Л. 21; Оп. 16. Д. 1. Л. 59. Сердечно благодарю сотрудницу Архива Л. Б. Вольфун за помощь в поиске документов.

¹¹⁰⁾ РГИА. Ф. 472 (Канцелярия Министерства Императорского двора). Оп. 12. Д. 212. 1827 г. «О древней рукописной книге, предоставленной греческим дворянином Зосимом и купцом Лаптевым». 29 л.

¹¹¹⁾ Там же. Л. 17–17 об.

но если он желает уступить означенную книгу в пользу Публичной библиотеки, то за сие дан будет ему подарок от Его Величества»¹¹²⁾.

Для сравнения: иначе — быстро и без хлопот — состоялось незадолго до этого решение о дарении З. П. Зосимы. 4 марта Московский военный генерал-губернатор Дмитрий Владимирович Голицын послал докладную записку на имя Государя о том, что Зосима представил «мне древнюю рукописную книгу с раскрашенными фигурами», которую предложил, «если окажется достойною, поднести Вашему Императорскому Величеству». К ней прилагалась объяснительная записка о ценности рукописи со ссылкой на покойного историка М. М. Щербатова. На полях копии докладной запись содержания императорского решения: послать Зосиме перстень с вензелем, а книгу — в Публичную библиотеку. И приписка: книга уже находится в библиотеке. 22 марта 1827 г. Зосима получил перстень¹¹³⁾. Быстрота решения объясняется, конечно, положением Зосимы. Он уже известен своими прежними пожертвованиями древних рукописей и публикациями, был членом Общества истории и древностей российских, кроме того, богат, знаком не только с учеными, но и с государственными деятелями, с членами императорской фамилии. И к тому же не выдвигал никаких условий. А И. П. Лаптев посмел... Кстати, в объяснительной записке, приложенной к рукописи, отправленной в Библиотеку вместе с письмом Волконского к Оленину еще 5 марта 1827 г., среди лиц, у которых имеются тома свода, назван и «санкт-петербургский купец Иван Лаптев», и выражено пожелание, «чтобы все части сего древнего исторического сочинения были собраны в одном месте». Таким образом, Оленин предложением Лаптевской части свода стремился не только пополнить Депо манускриптов, но и выполнить пожелание министра. Очень интересна в его письме от 21 апреля (подготовленном Ермолаевым) оценка научных занятий Лаптева, даже шире — научных занятий вообще в сравнении с общественной деятельностью. Перечислив его заслуги (издание книги «Опыт в старинной русской дипломатике...», начатое изучение списков Кормчих книг, собрание древних рукописей), Оленин, как бы предвидя будущие осложнения, подчеркнул: «Подобные занятия, если принять предложение купца Лаптева, без сомнения, не менее будут полезны для общества, как

¹¹²⁾ РГИА. Ф. 472. Л. 18–19. Подлинник — в Архиве РНБ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 13. Л. 3–3об. Б. М. Клосс (Указ. соч. С. 113), как и О. Д. Голубева (Указ. соч. С. 201), оперировавшие только документами переписки из фонда А. Н. Оленина, пришли к ошибочному выводу о том, что просьба Лаптева была удовлетворена, исходя из факта поступления Лаптевского тома в Библиотеку. Из двух черновых писем Оленина, частично опубликованных Клоссом, второе (от 1 июня), на наш взгляд, было отправлено 16 июня (см.: РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 212. Л. 15–16) либо составлено заново. Их писарских копий в Архиве РНБ, в д. 13 нет. А в письме Волконского от 9 августа ссылка только на первое письмо Оленина, от 21 апреля. Кроме того, в публикациях заявлений Лаптева не отмечено, что это не автографы.

¹¹³⁾ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 212. Л. 1–3, 10.

и гражданския службы по общественным и частным выборам, от коих он желает получить навсегда увольнение»¹¹⁴⁾.

Надо отдать должное настойчивости Оленина (и, конечно, Ермолаева). Он продолжал посылать свои просьбы министру и поиски прецедента, одновременно сообщив Лаптеву 20 августа о возможном подарке вместо освобождения от общественных должностей. И тут Иван Петрович чуть не испортил дело своей инициативой. Получив уведомление об отказе принять его условие и предложение государева подарка, он выразил согласие, попутно сообщив, что уже имеет золотую медаль и шитый золотом кафтан от Александра I. И, нимало не смутившись, решил помочь в поиске прецедента, указав на награждение Зосимы за подобный же дар перстнем. В конце добавил, что «с благоговением» полагается на волю Государя, «ибо всякий знак Монаршаго внимания для него равно драгоценен»¹¹⁵⁾. Оленин, сообщивший Волконскому ответ Ивана Петровича, получил 3 сентября короткое письмо разгневанного князя. Министр воспринял ответ дарителя односторонне и был категоричен в своем решении: «...просьбу купца Лаптева о пожаловании ему за подносимый манускрипт бриллиантового перстня с вензловым именем Государя Императора я нахожу несовместною, а потому не осмеливаюсь и доводить оную до сведения Его Величества»¹¹⁶⁾.

Как показывают последующие документы, Оленин «объявил» Лаптеву ответ министра (т. е. Ивана Петровича пригласили к директору Библиотеки в связи со столь серьезным поворотом дела). Лаптев «по выслушании отзыва Волконского» разъяснил, что «чрезмерно сожалеет о том, что не так выразил свое желание, что он отнюдь не имел дерзости требовать именно такового вознаграждения», а указал на него, чтобы представить истинную цену своего дара. Все это вместе с дополнительным обоснованием ценности рукописи¹¹⁷⁾ изложено в письме Оленина Волконскому от 15 сентября, в котором он пытается разъяснить недоразумение и, со своей стороны, просит за Лаптева: «Сие объяснение купца Лаптева по просьбе его долгом почитаю довести до сведения Вашего Сиятельства, присовокупляя мою собственную просьбу о принятии его в милостивое Ваше покровительство»¹¹⁸⁾.

Волконский, сменив гнев на милость, доложил Николаю I, который соизволил «дать из Кабинета в подарок перстень в тысячу пятьсот руб.», более дорогой, чем Зосиме (1200 руб.). Однако из Кабинета е. и. в. был выделен бриллиантовый перстень с акваарином под

¹¹⁴⁾ Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1827 г. Ед. хр. 13. Л. 2 об.

¹¹⁵⁾ Там же. Л. 5. Писарская копия от 25 августа.

¹¹⁶⁾ Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1827 г. Ед. хр. 13. Л. 8. Подлинник писарский с собственной подписью князя.

¹¹⁷⁾ Это отражено в отрывке записки от имени Лаптева (в 3-м лице), написанной рукой дочери Ольги, без подписи и даты (Там же. Л. 10).

¹¹⁸⁾ Там же. Л. 9–9 об. Подлинник в РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 212. Л. 25–25 об.

Успенская церковь на Сенной площади (1753–1769 гг.). Снесена в 1961 г. (Фото из буклета «Утраченные памятники Петербурга-Ленинграда». Л., 1988)

№ 1043 ценою в 1400 руб¹¹⁹⁾. Наконец, 25 сентября 1827 г. Иван Петрович получил перстень. Расписка в его получении — единственная собственноручная лаптевская запись в деле¹²⁰⁾.

После благополучного разрешения вопроса А. Н. Оленин распорядился написать письмо И. П. Лаптеву, в котором изложена вся история дела, выражены поздравление с наградой и надежда, что и впредь он будет также служить Отечеству¹²¹⁾. Впервые за всю переписку здесь уважительно названы полностью имя, отчество и фамилия Лаптева.

Лаптевский том Лицевого свода, вслед за даром Зосимы, занял свое место в Депо манускриптов Библиотеки (ныне: ОР РНБ) и стал доступен исследователям. На нижнем поле л. 1 имеется надпись каллиграфическим почерком (Аполлона?): «Сия книга Санктпетербургского купца Ивана Петрова Лаптева»¹²²⁾. Этот дарственный акт, безусловно, прибавил имени Лаптева известности и уважения. Не случайно его пригласили для экспертизы Лицевого хронографа, подаренного Зосимой (ОР РНБ. Ф. IV.151). О ней Лаптев написал

¹¹⁹⁾ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 212. Л. 4, 26, 27.

¹²⁰⁾ Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1827 г. Ед. хр. 13. Л. 13 об.

¹²¹⁾ Там же. Л. 14–17 об. Писарская копия от 30 сентября 1827 г. Последним в деле является донесение Оленина министру народного просвещения от 1 октября 1827 г. о получении Библиотекой тома «рукописного Хронографа и вручении Лаптеву перстня» (Там же. Л. 18. Писарский черновик).

¹²²⁾ ОР РНБ. Ф. IV. 233. Л. 1. Опубл. в указ. статье Б. М. Клосса. С. 111.

карандашом на полях Хронографа XVII в. из своего собрания (ныне: ОР РНБ, в собрании М. П. Погодина, 1404-а). На л. 230, около статьи «Царство 12 Дементияново» читаем плохо сохранившуюся, с недописанными у края листа окончаниями слов и с характерными для Лаптева пропусками букв запись: «С сего царствования начинаецца гранограф в картинах о 1236 листах, ока[н]чиваецца царством 48 Конста[н]тина Багрянороднаго. Пре[д]ставле[н] от греческаго дворянина Зосимы государю императору [в] 1827 году для императорской библиотеки чрез князя Дмитрея Владимировича Голицына. Которой летописец пред пре[ст]ав[л]ением императ[ор]а по прозбе московск[аго] главнокома[н]дующего рас[с]матрив[ал] о времени лет сан[к]тп[етербургский] купец Иван Лаптев»¹²³⁾.

Иван Петрович, хотя и не получил освобождения от выборных должностей, продолжал заниматься изучением Кормчих книг, выявлением водяных знаков до конца жизни.

В Петербурге И. П. Лаптев прожил не менее 15 лет. Скончался 21 июня 1838 г., в тихий, почти безветренный, облачный день северного лета¹²⁴⁾. Похоронен 24 июня. О погребении «сдешнего 3-й гильдии купца Ивана Петровича Лаптева», 63 лет, умершего от «старо[сти]» (в других записях, «старостию». — Ю. А.), свидетельствует «Ведомость, учиненная кладбищенским церкви св. великомученика и Победоносца Георгия, что на большой Охте, священноцерковнослужителем, сколько сего 1838-го года при оной церкви погребено разного звания людей»¹²⁵⁾. В этой итоговой ведомости последняя графа в строке о Лаптеве заполнена «по письму Успенской Сен[н]овской церкви свящ[енника] Василия Чул[кова]»¹²⁶⁾.

Сравнение этой неясной записи названия церкви с несколькими аналогичными эзотерическими записями по данным того же священника В. Чулкова (Л. 5, 14 об., 19 об., 20, 27 — «Успенской церкви, что на Сенной», «Успенской Сенновской церкви»), позволяет считать, что отпевание происходило от православной Успенской церкви,

¹²³⁾ Запись опубликована в указ. статье Б. М. Кюсса, с. 110, но в неполном прочтении. Здесь она прочитана мной. Благодарю В. М. Загребина за его вариант расшифровки записи, но не могу согласиться с его толкованием неполных слов в последней фразе как «преставление императора». Здесь, как и выше, в слове «преставлен» пропущена буква «д», а в слове «императора» описка в окончании (вместо «а» должно быть «у»). Другой вопрос, что из записи вытекает, что рукопись, принадлежавшую Зосиме, он смотрел до представления ее императору. Хотя, может быть, тут и нет противоречия, так как, учитывая быстроту решения вопроса о ней, рукопись могла быть показана государю и позже, после оценки Лаптевым.

¹²⁴⁾ Санктпетербургские ведомости. 1838, 23 июня. Метеонаблюдения за 21 июня.

¹²⁵⁾ ЦГИА СПб. Ф. 641 (Большеохтенское православное Георгиевское кладбище). Оп. 1. Д. 11. Л. 1, 31 об.

¹²⁶⁾ М. С. Крутова (указ. соч., с. 134) ошибочно прочла неясную запись названия церкви здесь, как «Семеновская». Но рассуждения Крутовой о принадлежности Лаптева к православной церкви наше уточнение не меняет.

находившейся на Сенной пл., или Спаса на Сенной¹²⁷⁾. Описывая православные церкви Петербурга, И. И. Пушкарев называет ее Успения Пресвятыя Богородицы на Сенной пл. и отмечает, что с давних пор ежегодно, 18 октября «по желанию вологодских граждан» в ней совершается молебен в память об избавлении г. Вологды от моровой язвы в 1665 г. По его мнению, это празднество может быть отнесено «к особым обрядам духовным, в столице совершающихся»¹²⁸⁾.

Первые две главы кладбищенской ведомости под рубрикой № указывают у Лаптева сначала № 61 (видимо, порядковый в списке. — Ю. А.), затем — прочерк (где должен быть № могилы). Рядом с Большеохтенским Георгиевским кладбищем существовало единовременное. Но, опираясь на записи в «Ведомости», можно считать, что Иван Петрович был православным, и, следовательно, похоронен на православном кладбище у Черной речки¹²⁹⁾. Памятных плиты и знаков захоронения И. П. Лаптева, судя по справочнику «Исторические кладбища Петербурга», до сего дня не сохранилось.

В «четверток», 28 июля 1838 г. в «Прибавлении» к газете «Санктпетербургские ведомости» (раздел «Казенные известия») 2-й департамент городского магистрата объявил о вызове кредиторов, должников и наследников «умершего здешняго 3-й гильдии купца Ивана Петрова Лаптева... кроме жены Авдотьи Васильевой, и детей его сыновей: Аполония, Ивана и дочерей: Ольги, Серафимы и Натальи Ивановых Лаптевых». Значит, семья Ивана Петровича за время жизни в Петербурге значительно выросла. Отсутствие имени дочери Елизаветы можно объяснить либо тем, что она вышла замуж и жила отдельно, либо ее смертью.

По истечении «узаконенного срока» в той же газете 1840 г. появились частные объявления об аукционах наследства И. П. Лаптева, позволяющие составить некоторое представление о его состоянии. В «Прибавлениях» к ней мною выявлены объявления о продаже «имения» (т. е. имущества) И. П. Лаптева на аукционах с 15 января

¹²⁷⁾ См. о ней: Всеобщая адресная книга Санкт-Петербурга с Васильевским островом, Петербургской и Выборгской сторонами и Охтою. С. 26 («Спаса на Сенной см. Успение Пресвятой Богородицы»); История памятников архитектуры и градостроительства Москвы, Ленинграда и их пригородов. Л., 1988. Вып. 2. Ч. II. С. 339; Утраченные памятники архитектуры Петербурга — Ленинграда (буклет выставки фотооткрыток). Л., 1988. Фото: «Успенская церковь на Сенной пл. 1753–1769 гг. Автор неизвестен (Б. Растрелли?). Снесена в 1961 г.» (при прокладке линии метрополитена).

¹²⁸⁾ *Пушкарев И. И.* Указ. соч. Т. 1. Ч. I. С. 237; *Он же.* Описание Российской империи в историческом, географическом и статистическом отношении. СПб., 1844. Т. 1. С. 99.

¹²⁹⁾ ЦГИА СПб. Ф. 800 (Комиссия об устройстве кладбищ в г. С. Петербурге). Оп. 1. Д. 6. «Планы Большеохтенского кладбища»; Исторические кладбища Петербурга: Справочник-путеводитель. СПб., 1993. С. 402–416. К сожалению, в имеющийся здесь перечень несохранившихся захоронений на Георгиевском кладбище фамилия И. П. Лаптева не включена, хотя и достойна того.

(«лесные материалы: доски, бревна, Каретной части возле старой Московской заставы, на месте, принадлежащем купчихе Лаптевой»), с 9 марта («мачтовые деревья, хранящиеся в Охтенской части 2-го квартала, в речке Охте между Холеным и Старообрядческим кладбищами, против Матрозской деревни»), с 14 мая («разные вещи, картины, экипажи, мебели, книги и проч. на месте их хранения Московской части 4-го квартала, в доме Епанешникова»), с 20 июня («КАРТИНЫ, КНИГИ (выделено в тексте. — Ю. А.), на разных языках писанные, модели, машины, медали, монеты, часы и прочие вещи»), с 1 августа (то же с добавлением «печатных книг»), с 12 сентября («продажа КНИГ на разных языках, МЕБЕЛИ и прочие вещи»)¹³⁰). Как видим, имущество немалое, хотя среди перечисленного нет золотых, серебряных предметов, хрусталя, которые часто фигурировали в такого рода объявлениях. Возможно, их оставили в семье. Упоминание в объявлениях мачтовых деревьев и других «лесных материалов», хранившихся в разных частях города, еще раз подтверждает, что основным занятием Лаптева была торговля лесом. Особую ценность представляли, конечно, коллекции древностей, кстати редко выставлявшиеся на аукционах (об аукционе рукописей см. в IV главе монографии).

Имя И. П. Лаптева, благодаря изданной в 1824 г. книге о водяных знаках и его коллекциям рукописей, старопечатных книг, монет, еще долго помнили просвещенные потомки, пока за выходом капитальных трудов оно не стало уходить в тень, хотя и было зафиксировано в истории палеографии.

¹³⁰ См. «Прибавления» к «Санктпетербургским ведомостям» 1840 г., соответственно № 7, 9, 11 (здесь фамилия Лаптева дана без инициалов, что вызывает сомнение — «наш» ли это купец?); № 49, 51, 53; № 105, 106 (здесь тоже фамилия без инициалов); № 120, 122, 124; № 164, 166, 167; № 169, 170; № 206, 208. Как правило, публиковались три объявления аналогичного содержания, но иногда — два.

Глава III

Первая в России книга о бумажных водяных знаках

*«И не было для меня ничего желательнейши,
как по мере слабых своих сил споспешествовать
общему благу обширнаго и преславнаго Отечества
нашего...»*

(Из рукописи книги И. П. Лаптева.
Л. 25 об. – 26)

1. Подготовка И. П. Лаптевым рукописи книги

Как было показано в I главе, изучение и использование водяных знаков в датировке рукописей в России стало практиковаться еще в начале XIX в., но шло медленно. Оно тормозилось недостаточной базой для их сравнения (в виде небольшого числа опубликованных филиграней), отсутствием соответствующего справочного пособия. Решение этих задач и взял на себя И. П. Лаптев.

До сих пор специалистам было известно только издание книги «Опыт в старинной русской дипломатике...» (СПб., 1824. Далее: «Опыт»). Она давно стала библиографической редкостью. Обнаруженные мной важные архивные материалы — черновая рукопись книги, коллекция водяных знаков И. П. Лаптева и другие — позволили показать процесс ее подготовки.

Книга была издана вскоре после переезда Лаптева с семьей в Петербург. Поэтому есть все основания считать, что основная подготовительная работа была проделана им еще в вологодский период жизни. Конкретная аргументация содержится в перечисленных источниках, анализируемых ниже, здесь же выделим главные положения.

Во-первых, И. П. Лаптев самостоятельно, благодаря изучению древних рукописей и книг, пришел к выводу о значении филиграней для датировки источников на бумаге, ибо до выхода его книги специальных работ по этому вопросу в России не было. Публиковались только единичные филигранные в исторических исследованиях.

Во-вторых, базу для воспроизведенных в книге рисунков составила его коллекция водяных знаков, трудоемкая работа по созданию которой потребовала по крайней мере нескольких лет и была начата не позже 1819 г.

В-третьих, рисунки водяных знаков были скопированы Лаптевым «из своих книг», т. е. собственного собрания рукописей и старопечатных книг, а также из других частных библиотек. По мнению историков и библиографов, формированием своего собрания он занимался около 40 лет, т. е. начал в Вологде и закончил в Петербурге (общую характеристику см. в IV главе).

И, наконец, Лаптев не случайно подчеркивал в названии и посвящении работы свою принадлежность к вологодскому купечеству. Иван Петрович на протяжении всей жизни относился с большой теплотой к своей малой родине, и даже в конце 1820-х – 1830-х годах любил подписываться на книгах своего собрания «Бывший вологодский, а ныне санктпетербургский купец Иван Лаптев». «Вологодским купцом» называли его после выхода книги ученые современники и даже авторы, писавшие о ней позднее.

Теперь обратимся к подготовке рукописи книги в Петербурге.

1823 г. и половина 1824 г. (до подачи книги цензору) ушли, помимо обустройства на новом месте, вероятнее всего, на воспроизведение филиграней из вновь обнаруженных источников, их систематизацию, написание текста предисловия, а также ознакомление с исторической литературой в книжных магазинах, библиотеках для чтения, возможно, и в Императорской Публичной библиотеке.

Известно, что в 1823 г. Елизавета Ивановна Лаптева переписала, конечно, по поручению отца, рукопись сборника XVI в. «Златая цепь», до тех пор неизученного. На л. 346 об.–347 подтвердила: «Сию книгу Златую цепь писала санкт-петербургская гражданка девица Елисавета Иванова дочь Лаптева в тысяча восемьсот двадцать третьяго году»¹⁾. В конце списка воспроизвела две филигранные бумаги сборника — «три лилии на щите под короной с цветком вверху и литерой С готической внизу» (французский герб) и «литера Р готическая с цветком». Тут же изложены ценные наблюдения над рукописью, безусловно, принадлежащие Лаптеву, из которых приведем лишь относящиеся к датировке: «И из Цепи ж для любопытных и сведущих любителей древности к узнанию, в каких годы деланы в древняя времена бумага с онной с подлинных листов, смотря к свету, с вабришных видимых клеєм (фабричных... клейм. — Ю. А.) у сего сняты рисунки. И по другим книгам доказываеца, что Златая цепь писана в начале шеснацетаго

¹⁾ Крутова М. С. О книжной коллекции И. П. Лаптева и Златой цепи в ее составе // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 137; ОР РГБ. Ф. 98 (Собрание Е. Е. Егорова). Ед. хр. 1346. Л. 346 об.–347. Бумага списка имеет водяной знак «АБФ | 1822 || Улей на постаменте | АБФ» (литеры расшифрованы С. А. Клепиковым (1959) — «Александровская бумажная фабрика»).

столетия, то есть назвать тому около трех сот лет, а не менее»²⁾ (здесь и далее текст передается в правописании оригинала, кроме заглавной в названии сборника).

В это время другая дочь Лаптева — Ольга Ивановна — перевела, опять же по указанию отца, часть книги Х. Янсена³⁾. Случай уникальный, поскольку на русском языке книга не издана. Вообще, до 70-х годов XX в. не было русских переводов зарубежных работ о бумаге и водяных знаках⁴⁾. Хендрик Янсен (Hendrik Jansen, 1741–1812), голландец по происхождению, но большую часть жизни прожил во Франции (во французских энциклопедиях — Jansen Henri, русская транскрипция — Жансен Анри). Был библиотекером министра иностранных дел Франции Шарля-Мориса Талейрана, известен многими переводами книг (24) на французский язык⁵⁾. В указанной работе, излагая историю гравировального дела, историю бумаги и другие вопросы, он для датировки эстампов использовал работы о филигранях и воспроизвел из них 287 водяных знаков XIV–XVI вв., преимущественно из старопечатных книг, частично из рукописей, в уменьшенном виде в приложении. Это — одна из новейших и самая крупная для того времени публикация филиграней в Европе. Работа О. И. Лаптевой — еще одно свидетельство о довольно быстром поступлении зарубежной, в частности французской, научной литературы в Россию в первой четверти XIX в. и ее влиянии на русские исследования.

Обратимся к рукописи Ольги Ивановны⁶⁾ и обстоятельствам, связанным с ней. Вот перевод титульного листа книги: «Способ на начало

²⁾ Крутова М. С. Указ. соч. С. 138; ОР РГБ. Ф. 98. Ед. хр. 1346. Л. 347 об.–348 об.

³⁾ Jansen [H.]. Essai sur l'origine de la gravure en bois et en taille-douce, et sur la connoissance des estampes des XVe, et XVIe siècles; où il est parlé aussi de l'origine des Cartes à jouer et des Cartes géographiques; Suivi de Recherches sur l'origine du Papier de Coton et de Lin; sur la Calligraphie, depuis les plus anciens temps jusqu'à nos jours, sur les Miniatures des anciens manuscrits, sur les Filigranes des papiers des XIVe, XVe et XVIe siècles; ainsi que sur l'origine et le premier usage des Signatures et des Chiffres dans l'art de la typographie. P., 1808. 2 vol. Фамилия автора названа лишь в конце посвящения книги. В русской филиграноведческой литературе она передается по-разному: иногда Янсен, но чаще в транскрипции с французского — Жансен (без имени). На наш взгляд, правильное — Янсен.

⁴⁾ В 1958 г. П. Г. Богатырев предлагал перевести на русский язык ценную статью югославского филиграноведа В. А. Мошина «Filigranologija kao pomocna historijska nauka» (1954), но это не было осуществлено. Первым русским переводом стала работа Э. Лауцявичюса «Бумага в Литве в XV–XVIII вв.» (Сокр. пер. с лит. Ю. В. Андрушайтите. Вильнюс, 1979).

⁵⁾ Biographie universelle, ancienne et moderne... P., 1818. Vol. 21. P. 394–395; Larousse P. Grand Dictionnaire universel du XIXe siècle... P., 1873. Vol. 9. P. 893; The National Union Catalog. Mansel, 1973. Vol. 277. P. 364.

⁶⁾ ОР БАН. Ф. 24 (Собрание Ф. М. Плюшкина). № 176. 146 л. Благодарю М. С. Крутову, сообщившую мне о местонахождении рукописи. Судьба ее не изучена. Владелец собрания — известный коллекционер из псковских купцов, музей которого по богатству экспонатов профессор И. А. Шляпкин ставил на третье место в России (Алексеев В. А. Ф. М. Плюшкин и его музей. Пг., 1916). Плюшкин начал собирать

гравирования на дереве и на меди, и на познание эстампов с XV-го и XVI-го столетий; где также сказано об начале карт игральных и географических карт. Следуя исследованиям на начало хлопчатой бумаги и льняной; и на печатание с самых древних времен до наших дней; на миниатюры древних рукописей и на клейма бумаги с* XIV-го, XV-го и** XVI-го столетий и потом на начало первого употребления подписей и цифр в искусстве типографском. Том первой. С XX планами рисунков...» (л. 5).

После перевода титульного листа следует посвящение книги Талейрану (судя по обращению и подписи — «покорнейший и послушнейший слуга и библиотекарь Jansen») и предисловие. Создается впечатление, что Ольга предполагала работать над всем томом. Фактически имеется перевод только XII гл., последней в I т. (с. 269–392), под названием «De l'origine du papier de coton et de lin, ou de chiffons» («Появление бумаги хлопчатой и льняной, или тряпичной»). В рукописи — «Оригинал бумаги хлопчатой или ветошной» (л. 10). Выбор этой главы понятен. Она содержит материал по истории бумаги и филиграней, о распространении ее в разных странах, в том числе о ввозе французской и немецкой бумаги в Россию (в книге с. 299, в рукописи — л. 80 об.).

Ольга Ивановна старательно переводила содержание, но черновой характер рукописи (текст написан скорописью, неровно, часто небрежно, много карандашной правки, зачеркиваний, вставок), отрывки текста которой здесь приведены, позволяют понять, что это давалось ей с трудом, перевод был буквальным и не предназначался для печати, а лишь для ознакомления отца. Название, многие термины переведены неточно. В частности, слово «филигрань» — «вырезы» (видимо, имеется в виду проволочная филигрань. — Ю. А.) или «клейма бумаги», но чаще «клейма» (л. 86 об., 87, 88), как употреблял И. П. Лаптев. Неточности и ошибки показывают, что французское образование переводчицы было начальным, способности к языкам — средними, при довольно сложном предмете перевода. И можно представить, скольких усилий, даже слез, стоила дочери Ивана Петровича эта работа. Но послушная воле отца, она все-таки завершила перевод и, может быть, даже выросла в собственных глазах (немногие купеческие дочери занимались в то время переводом научных работ), а судя по ее записям к рисункам водяных знаков, продолжала помогать отцу в их выявлении.

свою коллекцию во второй половине XIX в., т. е. уже после смерти И. П. Лаптева и распродажи его собрания в 1840 г. Не исключено, что на аукционе была продана и рукопись перевода. Во всяком случае, между семьей Лаптева и Плюшкиным был еще один владелец этой рукописи (возможно, вместе с другими рукописями). Его установление помогло бы раскрыть и один из каналов пополнения собрания Плюшкина.

* Над строкой карандашом вставлено начала.

** Над строкой карандашом вставлено по.

Списокъ

на)

Начало гравировокъ и)

на деревѣ, и на мѣди,

и на позлащенѣхъ эстамповъ

съ XV^м и XVI^м столѣтій;

Такъ также сказано, объ
качалѣ Картъ иривъ и въ
и Георгиевскихъ Картъ.

Слѣдующе)

И зсѣдова къ мѣди и началу
Жако оная той бумага и мѣ-
диной; и на нека така къ,
отъ самбыкъ дровки и въ
мехъ до камакъ дна; на
Миніа тюрбе дровки и въ ру-

Иван Петрович не без гордости за дочь написал на л. 1 рукописи: «Перевод с франц[уз]скаго Санкт-Петербургской купецкой дочер[ь]ю девицею Ол[ь]гою Ивановою Лаптевою»⁷⁾. Запись позволяет установить личность переводчика. Подтверждением служат и результаты сравнения почерков текста и записей на полях других рукописей из собрания И. П. Лаптева.

На наш взгляд, рассмотренный перевод был сопряжен с подготовкой рукописи книги Лаптева, а связующим звеном между ними явилась «История государства Российского» Н. М. Карамзина. Попытаемся обосновать выдвинутое предположение.

О том, что Иван Петрович и члены его семьи читали и знали фундаментальный труд знаменитого историографа, свидетельствуют многие записи на рукописях лаптевского собрания⁸⁾. Поэтому среди многочисленных свидетельств о нем ученых, писателей, других деятелей и знатоков культуры, выявленных на протяжении более полутора столетий⁹⁾, должно фигурировать и имя И. П. Лаптева. Труд Карамзина упоминается не только в записях на рукописях его собрания, но и в книге Лаптева. Убедительное доказательство по интересующему нас вопросу дает черновая рукопись книги Лаптева. Используя в ней «Историю», автор не дал ссылок, но сравнение текстов показало, что в рукописи (л. 28 об., 29) Иван Петрович изложил близко к тексту содержание конца подраздела «Художества в России» X гл., IV т. и примеч. 373 (2-е изд. СПб., 1819). Вот эти тексты для сравнения.

Н. М. Карамзин. История... Т. IV. Гл. X. С. 167 (цит. по изд. в 12 томах. М., 1992): «Заметим, что при Симеоне начали употреблять в России бумагу, на коей писан договор его с братьями и духовное завещание». К данной фразе примеч. 373 (с. 324–325): «Сии две грамоты принадлежат к числу самых древнейших *бумажных* рукописей, донныне известных в Европе[...] В России до сего времени и даже до XV столетия писали обыкновенно на пергамене».

Из рукописи И. П. Лаптева: «По оной (“Истории” Н. М. Карамзина. — Ю. А.) описывается, что в половине XIV-го столетия при Великом князе Симеоне Иоанновиче начали употреблять в России

⁷⁾ Почерк И. П. Лаптева в записи определен мной.

⁸⁾ См.: Андрюшайтите Ю. В. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в исследовательской деятельности И. П. Лаптева // Забелинские науч. чтения, посв. 225-летию Николая Михайловича Карамзина: Личность, творчество, эпоха. 25–27 ноября 1991 г. Тез. докладов. М., 1991. С. 17–19; Она же. «История государства Российского» Н. М. Карамзина и купец И. П. Лаптев // Русская книжность: Вопросы источниковедения и палеографии. М., 1998. С. 27–34 (ТГИМ. Вып. 95).

⁹⁾ См. обобщающую статью: Шмидт С. О. «История государства Российского» в культуре дореволюционной России // Карамзин Н. М. История государства Российского. М., 1988. Кн. 4. Репринт 5-го изд.; Козлов В. П. «История государства Российского» Н. М. Карамзина в оценках современников. М., 1989; и др. Но полного исследования тогдашнего читательского спроса на этот труд еще нет. Не изучен, в частности, такой важный источник, как подписные листы.

бумагу, и что только две грамоты принадлежат к числу самых древнейших бумажных рукописей, донные известных, и что до сего времени и даже до XV-го столетия писали обыкновенно на паргамене»¹⁰⁾.

В примеч. 373 Карамзин, как уже отмечалось в I гл. нашей монографии, указал две книги — Верса и Янсена, но факты о рукописях на бумаге взял только у последнего, сославшись на с. 332 XII гл. I т. Думается, что благодаря этому примечанию, частично использованному в рукописи Лаптева, последний узнал о двух иностранных работах по бумаге и филиграням. Прочесть о них в «Истории» Лаптев мог еще в Вологде. Но только переехав в Петербург, он получил книгу Янсена и дал задание дочери Ольге, изучавшей французский язык, срочно ее перевести, в то время как сам завершал работу над своей книгой. (Отметим, что в Публичной библиотеке — РНБ книги Янсена нет; значит, Иван Петрович мог получить ее в БАН, в библиотеке для чтения или у частного лица. Заказанная мной в Музее книги РГБ в Москве она оказалась даже не разрезанной, т. е. никем до сих пор не читанной.)

Подтверждением высказанного предположения служит и уточненная нами дата производства бумаги, на которой написан перевод. Н. М. Мурзанова, обрабатывавшая собрание, в котором хранится источник¹¹⁾, в описи дала его приближенную датировку — первая четверть XIX в., т. е. не позже 1825 г. Исследование бумаги рукописи перевода, проведенное мной, позволило выявить водяной знак «БУ (соединенные поверху дугой) || Pro Patria (с волнами)», между ними белая дата «1823» (год отлива бумаги). Филигрань такого типа — «Бумага Усачева» — с полных листов бумаги имеется в альбомах М. В. Кукушкиной¹²⁾, С. А. Клепикова, З. В. Участкиной под разными датами (1823–1827). Но только в справочниках Клепикова¹³⁾ описан знак под 1823 г. Причем, в альбоме 1978 г. источник его воспроизведения (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 47, обложка) находится в фонде, в котором хранится и коллекция водяных знаков Лаптева. Сравнение этого знака со знаком бумаги перевода показало их близость, хотя плотность бумаги разная¹⁴⁾.

¹⁰⁾ ОР РНБ. ОЛДП. Q. 48. Л. 28 об., 29.

¹¹⁾ В ее обзоре собрания (Исторический очерк и обзор фондов Рукописного отдела Библиотеки Академии наук. Вып. II. XIX–XX века. М.; Л., 1958. С. 126–128) эта рукопись не отмечена.

¹²⁾ Благодарю М. В. Кукушкину, любезно согласившуюся просмотреть со мной бумагу ед. хр. 176 и сравнить ее с полными листами бумаги с подобным знаком из собрания П. А. Картавова, № 79. Но последний имеет белую дату 1825 и отличается в деталях.

¹³⁾ Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. М., 1959. № 98; *Он же*. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX в. М., 1978. № 97.

¹⁴⁾ Важность полученного результата станет понятной, если учесть, что в поллистах бумаги рукописи перевода белая дата, находящаяся между литерами и изображением, разрезана, цифры попадают в корешок дела и плохо просматриваются.

Таким образом, перевод книги Янсена Ольга Ивановна могла начать не раньше 1823 г., т. е. в Петербурге, и закончить до второй половины 1824 г., когда была подготовлена рукопись книги Лаптева.

Благодаря переводу (хотя он и был несовершенно) один из первых русских филиграноведов накануне издания своей книги смог ознакомиться с новейшей европейской работой, содержащей крупнейшую публикацию филиграней по зарубежным датированным книгам и отчасти рукописям. Кроме того, из нее он имел возможность узнать о более ранних изданиях и статьях по вопросам бумаги и водяных знаков, использованных автором (в их числе Дж. Левиса, Х.-Г. Мурра, Г. Фишера, М. С. Серна-Сантандера и других книговедов). Все это обогатило знания Лаптева о филигранных и безусловно помогло в его работе над книгой, а также в деле собирания и идентификации водяных знаков бумаги отечественных источников.

Рассмотрим теперь непосредственную работу Лаптева над текстом книги на основе анализа ее черновой рукописи, более 175 лет пролежавшей в архиве и обнаруженной в конце 1980-х годов, как отмечено, в ОР РНБ, в фонде Общества любителей древней письменности (ОЛДП. Личного фонда Лаптева, напомним, не сохранилось). Хотя ее описание в числе других рукописей ОЛДП было опубликовано Х. М. Лопаревым в 1893 г., в поле зрения исследователей она не попала¹⁵⁾. Последним владельцем рукописи был историк Николай Платонович Барсуков (1838–1906), автор известных трудов о деятельности М. П. Погодина, П. М. Строева и др. Поскольку Барсуков родился в 1838 г. (год смерти Лаптева), то, естественно, на аукционе 1840 г. купить рукопись не мог, а приобрел ее позже у не известного нам лица, интересовавшегося деятельностью Лаптева. Это еще одно подтверждение того, что на аукционе распродавались не только рукописи, книги, монеты собраний Ивана Петровича, но и его собственные рукописи, коллекция водяных знаков, перевод дочери Ольги, возможно и еще какие-то записки.

Черновик (по описи: «Способ узнавать на бумаге время, когда написаны старинные рукописи») представляет собой рукопись в 4°

Лишь в нескольких случаях (л. 10, 22, 80, 96) видно больше половины последней цифры белой даты «1823».

¹⁵⁾ Попытки выяснить пути ее поступления в фонд с помощью сотрудников Отдела рукописей РНБ Б. А. Градовой и В. М. Загребина дали немного. В инвентарной книге фонда под № 1055 написано: «Пожертвование Н. П. Барсукова». Ближайшие записи дают основание считать, что она получена в 1880 г. Лопарев работал над описанием рукописей ОЛДП в 1887–1889 гг. Черновая рукопись книги Лаптева была в нем не только обозначена по основным признакам, но и расписана по содержанию ее главных частей (л. 1, 21–22, 23, 24, 25, 28). Видимо, Лопарев счел это необходимым, учитывая отличие рукописи от текста изданной книги. Но последний владелец рукописи перед ее поступлением в фонд ОЛДП не указан. См.: Лопарев Х. М. Описание рукописей Императорского Общества любителей древней письменности. СПб., 1893. Ч. II. Рукописи в четвертку. С. 75–76. XLVIII (1055).

на 40 листах, многие с оборотами. На л. 25–40 заполнена лишь левая сторона листа, правая оставлена для дополнений и замечаний. Бумага первой половины рукописи, где находятся таблицы с рисунками водяных знаков, белая, плотная, гладкая (удобна для нанесения рисунков) имеет водяной знак «улей» с литерами «АБФ» (Александровская бумажная фабрика Е. Кайдановой) в основании, а на правой половине — «АБФ | 1823»¹⁶⁾. Во второй части рукописи (с текстом предисловия) бумага другая — голубовато-серого цвета, жесткая. Ее знак просматривается плохо, но и здесь ясно видна в нем белая дата «1823».

Хотя листы рукописи объединены (сшиты) под одной обложкой, наличие двух видов бумаги — для таблиц и предисловия — уже позволяет предположить, что работа над этими частями велась не одновременно и, возможно, разными лицами. В архивной описи отмечено: «Скоропись разных почерков». Кем же они написаны? — первая загадка, которую пришлось решать.

На самом деле рукопись написана двумя почерками. Чтобы определить, кому они принадлежат, необходимо было изучить почерки Ивана Петровича, его детей и других помощников.

Обычный почерк И. П. Лаптева — скоропись первой трети XIX в. с элементами правописания конца XVIII в., с очень характерными индивидуальными особенностями, что уже отмечалось. Как и у каждого человека, почерк Ивана Петровича различается в разные периоды жизни и зависит от условий и назначения работы. Проанализированные во II гл. его собственноручные документы 1807–1808 гг. свидетельствуют, что в молодом возрасте и в официальных документах он писал аккуратно, разборчиво, даже красиво. Во второй половине жизни, тем более к ее концу, в пометах и записях почерк становится небрежен, неразборчив, каким он и представляется большинству специалистов, встречающихся с пометами Лаптева на рукописях его собрания. К этому добавляется архаика в правописании и недостаточная (по причине получения основ образования самоучкой) грамотность записей. Видимо, поэтому, кроме прошения от 7 февраля 1803 г., двух объявлений о капитале 1807–1808 гг. и, возможно, февральского письма 1805 г., собственноручных документов, а также списков древних рукописей, переписанных им самим, на сегодняшний день не обнаружено. Конечно же, занимаясь торговлей, Иван Петрович экономил время для изучения рукописей. Хотя среди неуставленных могут быть списки рукописей, переписанных им в подражание полууставу или скорописи ранних веков книжным письмом, как некоторые его записи.

¹⁶⁾ Судя по монограмме «АБФ», бумага той же фабрики, но позднего производства, использована и в тетради филиграней Лаптева (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45), а более раннего — 1822 г. — в указанном списке «Златая цепь». Видимо, Иван Петрович в середине 1820-х годов отдавал предпочтение этой писчей бумаге.

По данным исследователей¹⁷⁾ старинные рукописи переписывали дети Лаптева Елизавета, Ольга, Аполлон («Аполоний», как он себя называл) и другие помощники. Думается, что под диктовку отца или с его черновиков переписывались документы, письма, разные подготовительные материалы. В частности, письмо И. П. Лаптева владельцу крупнейшего собрания рукописей и книг графу Ф. А. Толстому от 12 июля 1828 г. с просьбой о присылке нескольких старопечатных книг из Москвы¹⁸⁾ отмечено архивистами, как написанное неизвестным лицом. Мной установлен почерк сына Аполлона. Подпись И. П. Лаптева — подлинная, красивая, затейливая, как в его документах 1807–1808 гг. Однако самым многочисленным источником для исследования палеографической деятельности и определения почерка Лаптева остаются все же его преимущественно карандашные записи на рукописях собственного собрания.

Сложность при определении авторства Лаптева составляет и то, что чаще сохранившиеся записи сделаны от лица Лаптева, излагаются его соображения, но написаны рукой другого человека (как в приведенной записи дочери Елизаветы в списке «Златой цепи» или в документах переписки по поводу дарения тома Лицевого свода и др.), т. е. приходится иметь дело с писарскими документами. Кроме того, разные образцы почерка Ивана Петровича очень отличаются друг от друга. Так, если он писал крупными буквами, плохо отточенным карандашом или пером, да еще стесненным пространством (на полях), наспех для себя, запись становится неразборчивой. В последние годы его жизни, возможно, сказывалось на почерке болезненное ревматическое состояние суставов. Если же Лаптев писал мелкими буквами, хорошо отточенным карандашом (или пером), старательно, то можно даже усомниться в принадлежности записей ему. Возможно, порой так и случается, особенно если встречаются записи его дочери Елизаветы, почерк которой в чем-то сходен с отцовским. Тогда следует сравнивать начертания букв и орфографию писца.

Наблюдения о различиях в почерке лаптевских записей на разных рукописях впервые были опубликованы известным историком В. П. Любимовым. Изучив записи на трех Кормчих (ОР ГИМ. Увар. № 555/205; ОР РГБ. Рогож. № 256 и 257), он отметил: «Они написаны одним почерком, т. е. почерком Лаптева (только в записях Уваровской кормчей почерк является старательным, а в заметках двух последних кормчих часто небрежным)». Казалось бы, что в качестве источника лаптевского почерка могли послужить и листы 270, 273 Уваровской кормчей, которые, судя по записи на обороте передней

¹⁷⁾ Крутова М. С. Указ. соч. С. 134, 137; Морозова Л. Е. Сочинения Зиновия Отенского. М., 1990. С. 39; Турилов А. А. Об опасности абсолютизации филигранологического метода датировки рукописей // Филигранологические исследования: Теория, методика, практика: Сб. научн. трудов Л., 1990. С. 125.

¹⁸⁾ ОР РГБ. Ф. 291 (П. М. Строев). 27. Л. 1–1 об. См. II гл.

крышки, «дописаны С. Петербургским купцом Лаптевым». Но, как установил Любимов, они написаны «не почерком Лаптева (может быть, с черновика переписанных им с подлинника листов)»¹⁹⁾. Вот один из случаев работы Лаптева, о котором мы узнали благодаря записи, а не почерку. Думається, многие подобные работы Лаптева останутся неизвестными, поскольку переписаны другими лицами, а помет об этом не имеют.

После многократного сравнения почерков черновой рукописи книги и безусловных записей Ивана Петровича и его детей, помогавших в переписывании других рукописей, установлено следующее.

Рукой И. П. Лаптева написаны: л. 1, запись на л. 4 об. к рисункам филиграней, дополнения к тексту предисловия на л. 28 об., 29, а также отдельные исправления на л. 33 об., 34, 35, 37 об., 38, 38 об., 39 об., 40. Следует подчеркнуть, что текст на л. 1 написан столь аккуратно (чтобы могли разобрать помощники), что в первый момент возникает сомнение — он ли писал? Но сличение текста с другими записями, особенно с почерком документов 1807–1808 гг., заставляет отбросить сомнение. Начерки букв, целых слов; орфография (слитно пишет с существительными и прилагательными предлоги *в*, *с*, *на*, *по*, частицу *не* с глаголами; не употребляет, как раньше, *ѣ* (вместо него *ѣ*), часто и *ѣ* после предлога *в*; вместо *ѣ* — чаще *и*), пунктуация (запятые ставит редко, больше точки, предложения зачастую не отделяет знаками препинания и начинает со строчных букв) — все «выдает» почерк Ивана Петровича. К элементам архаики относятся начерки букв XVIII в., например, *л* — употребляется с загибом вправо и поднимается над строкой; *ю* напоминает прописное *ѣ* с закруглением внизу; *т* — поднимающаяся над строкой косая черта с покрытием в виде титла с левой стороны *ѣ*. Особенность начерка букв и в том, что концы некоторых из них (*б*, *д*, *у*) имели большие закругления, охватывавшие порой одну или несколько соседних букв. Буквы *е*, *з*, *т* внутри слов пишутся часто, как прописные, выше строки. Буквы округлые. Почерк имеет явный наклон вправо. Но соединений букв в рукописи гораздо больше, чем в документах Лаптева 1807–1808 гг. Характерны для Лаптева пропуски букв и даже целых слов, описки. Видимо, сказывались напряжение, усталость после трудового дня в торговле, когда он мог, наконец, заняться любимым делом.

Напрашивается вывод, что текст на л. 1 — типичный образец старательного почерка Лаптева середины 1820-х годов (ср. с его записями из ОР ГИМ. Увар. кормчей № 555/205). Листы 1, 28 об., 29 черновика рукописи содержат образцы самостоятельного, большого, хорошо читаемого текста, написанного Лаптевым чернилами в отличие от многих его карандашных записей на рукописях и книгах.

¹⁹⁾ Любимов В. П. О Лаптевском списке Правды Русской // Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. II. С. 835–836.

Остальная часть текста рукописи (посвящение, предисловие) написана другим почерком — каллиграфической скорописью или даже курсивом первой четверти XIX в. Сравнение его с почерками переписчиков сочинения Зиновия Отенского «Истины показание»²⁰⁾ позволяет утверждать, что это почерк сына И. П. Лаптева Аполлона. Можно предположить, что сын переписал текст, подготовленный отцом. Проверив написанное, Иван Петрович внес дополнения и исправления в текст.

Остановимся на истории названия работы И. П. Лаптева. Я выделяю данный вопрос потому, что в черновой рукописи их два (на л. 1 и 24)²¹⁾, и оба отличаются от заглавия изданной книги, т. е. налицо факты существенного редактирования Лаптевым еще в процессе подготовки. Вот эти названия в рукописи:

Л. 1 «Способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старин[н]ыя рукописи».

Л. 24 (титульный). «Открытие* познавать древния книги по клеймам на бумаге и** другими средствами о времени их написания в разные столетия. С приложением рисунков, собранных трудами Вологодским купцом Иваном Лаптевым. Издание первое. В Санктпетербурге 1824-го года».

Более ранним является, на мой взгляд, название на л. 24, написанное каллиграфическим почерком, с карандашными исправлениями отдельных слов, перекликающихся со словами в другом названии. Название на л. 1, написанное рукой Ивана Петровича, появилось после проверки переписанного Аполлоном текста вместе с дополнениями.

Карандашная правка на л. 24 и пометы на л. 25, 28 написаны одним почерком, который не похож на лаптевский, но несколько напоминает почерк сына, однако сделанные небрежно отличаются от обычной каллиграфии Аполлона²²⁾. Точно определить почерк этих исправлений важно для установления авторства правки рукописи (кроме самого Ивана Петровича) и ее окончательного редактирования.

Черновик рукописи состоит из следующих частей: л. 1 — указания И. П. Лаптева о необходимых изменениях в таблицах воспроизведен-

²⁰⁾ ОР РГБ. Ф. 310 (В. М. Ундольский). № 493. На л. 718 об. перечислены имена переписчиков и указано, какие части текста переписал каждый из них.

²¹⁾ На л. 23 еще и рабочая запись И. П. Лаптева: «Знаки на бумаге» — один из вариантов названия?

* Слово Открытие (повторяющееся в текстах посвящения и предисловия) подчеркнуто карандашом, над ним написано Способ.

** Вставлен карандашом над строкой предлог по, соответственно исправлены окончания следующих двух слов, а на полях тем же карандашом дописано знакам.

²²⁾ Смущают начерки букв а, о, б, написанных открыто, без соединений, в то время как для него характерно закрытое написание. Другие буквы правки можно найти в обычном почерке Аполлона. Характерно для него написание кроме обычной строчной буквы ж еще ж̣ (см. л. 24, 29, 32, 32 об., 35 об., 38 об.).

ных знаков и в готовящемся предисловии²³⁾; л. 1 об.—20 — таблицы филиграней; л. 21, 22 — без текста; л. 23 с записью Лаптева «Знаки на бумаге»; л. 24 — титул будущего издания книги; л. 25–27 — посвящение; л. 28–40 — предисловие.

Расположение таблиц и текста в черновой рукописи иное, чем в книге. И это понятно. Сначала были сделаны воспроизведения знаков, а текст предисловия еще готовился Иваном Петровичем, о чем он пишет на л. 1 и что подтверждается наличием разной бумаги в частях, позже сшитых в одну тетрадь.

Рассмотрим его указания на л. 1, обращенные к своим помощникам, среди которых, безусловно, сын, и, возможно, дочери, занимавшиеся копированием филиграней.

Написав новый вариант названия работы (приведен выше), автор отметил, что рукопись предназначена для «представления к рассмотрению в цензуру». Далее перечислены конкретные изменения, которые следует перед этим внести «в подлинник», т. е. в окончательный вариант (не обнаружен). В таблицах, у начальных «50 рисунков годы, захеренья красными чернилами не писать, а напишутца только в приготавливаемом предислови[и] книги»²⁴⁾. Соответственно в таблицах старая нумерация знаков карандашом заменена новой — красными чернилами. У оставшихся 100 рисунков в таблицах он предложил «написать под каждым годы». Чем вызвано это изменение, трудно объяснить, возможно, желанием выделить знаки XVII в., которые практически еще не публиковались ни в России, ни за рубежом. Но среди этих 100 еще 21 знак 1594–1599 гг., т. е. XVI в.

Некоторые рисунки знаков в таблицах также перечеркнуты красными чернилами. Причину Иван Петрович объяснил так: «А захеренья рисунки не писать вовсе, а по удобности их опишутца прописью по столетиям»²⁵⁾. Видимо, он сомневался в конкретной датировке этих знаков (см., например, его запись по поводу даты знака на л. 4 об.). К остальным Лаптев просит «еще несколько выбрать способных к описанию, чтобы знаки хотя с 20. А описанных и рисунков чтобы всех было 170». Подчеркнем, что все замечания автора свидетельствуют об изменениях в составе рисунков и структуре предисловия уже на стадии завершения рукописи. Они вызваны и его сомнениями в точности воспроизведений. Не случайно, последняя просьба к помощникам — точнее сверить подлинные «клейма» с рисунками.

²³⁾ Естественно, указания не входят в состав книги, но написаны они на л. 1, оборотная сторона которого была заполнена таблицей филиграней. Значит, свои указания Иван Петрович писал на уже подготовленных листах с таблицами, а предисловие еще правилось.

²⁴⁾ Здесь и далее сохранены особенности стиля и орфографии И. П. Лаптева.

²⁵⁾ В нашей статье (АЕ за 1991 год. М., 1994. С. 80) показаны совпадения включенных в издание книги рисунков, зачеркнутых красными чернилами в тетради с филигранями, принадлежавшей Лаптеву (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45), и в рукописи его книги.

Способ (указание на
бумаге время в которое писа
ли старинны рукописи

Содержание для предислова
для красной и черной вышивки рисо
вков. вышивки писаны в по
мощнейшем размере; справа у 50.
рисунков год вышивки красными
и черными чернилами, а вышивки
только вышивкой предислова
книжки (а вышивки у 100. рисо
вков написать под вышивкой год вы
шивки рисунки написать все
определенно их вышивки прошив
постой вышивки. Хлопчат вышивки
сколько вышивки способных ко
писанию тогда было года в 20.
а вышивки рисунков тогда
было было 170 и вышивки года
их вышивки под вышивкой вы
ли рисунки вышивки (вышивки).

Указания И. П. Лагтева по доработке черновой рукописи книги «Опыт...». (ОР РНБ. ОЛДП. Q. 48. Л. 1)

Далее в рукописи (л. 1 об.-20) расположены таблицы с рисунками 163 филигранных, 13 из которых зачеркнуты красными чернилами. Что касается «описанных» знаков, то их названия, типичные для определенных веков, изложены подряд в тексте предисловия.

Расхождения в нумерации и датировке знаков № 1-50, помещенных в таблицах и предисловии рукописи (результат редактирования), показаны в табл. 1. Эти расхождения, видимо, связаны с уточнениями, внесенными после проверки. Новая нумерация красными чернилами в таблицах, как и датировка № 1-50, совпадают с книжной.

Таблица 1

Водяные знаки № 1–50 в рукописи книги И. П. Лаптева

В таблицах		В предисловии	
№ п/п	год	№ п/п	год
1–5	1439	1–5	1439
6, 7	1478	6	1476
8–14	1495	7–14	1495
15–19	1513	15–19	1513
20, 21	1517	20	1517
22, 23	1519	21, 22	1519
24–27	1536	23–25	1536
28–30	1556	26–28	1556
31–33	1561	29–31	1561
34–40	1574	32–38	1574
41–48	1581	39–46	1581
49–50	1594	47–50	1594

Обращаясь к текстовой части рукописи книги, надо отметить, что она обширнее, чем в книге, но черновой ее характер очевиден (повторы, растянутость фраз, не говоря о грамматических ошибках, терминологических неточностях, описках). Стиль изложения — витиеватый, велеречивый — явно отражает старомодный стиль XVIII в. автора рукописи, знакомый по его документам.

Остановимся на тех положениях рукописи, которые в издание не включены или были максимально сокращены.

Начнем с посвящения работы (л. 25–27). Здесь еще не названо лицо, к которому оно обращено, т. е. в то время Иван Петрович еще не решил, кому посвятить свой труд, хотя отмечает «оказываемое всегдашнее Ваше ко мне благорасположение» (л. 26 об.). Ценной в посвящении является фраза, не вошедшая в издание: «поднести со описанием мною средств *собрания моего* с рисунками книжку, *открытие* как познавать древния книги по клеймам на бумаге о времени их написания» (л. 25–25 об. Курсив мой. — Ю. А.), которая прямо указывает на наличие вологодского собрания Лаптева как источник воспроизведения водяных знаков. Расширяет представление об этом и фраза из предисловия, где автор пишет, что выявлял, «собрал» рисунки «с бумаги» «из своих книг и из самых частных малейших библиотек» (л. 38 об.). Тут же добавил, в будущем коллекция сможет «из больших библиотек с описанием или рисунками клею (клейм. — Ю. А.) пополниться и увеличиться» (л. 39 об.).

Попытку редактирования явно растянутого посвящения выражает карандашная запись на правой половине л. 25: «Желая по возможности быть полезну». Начерк букв записи, как и вышеотмеченной правки названия работы, сходен с почерком Аполлона. Но была еще

и окончательная редактура, поскольку в издании книги приведенная фраза выглядит иначе: «Желая всеми средствами быть полезным Отечеству» (с. 5).

Предисловие (л. 28–40), или пояснительный текст к таблицам, в рукописи озаглавлен: «От издателя и собирателя рисунков» (л. 28). Справа — чей-то карандашный значок с отчеркиваниями, как бы с указанием снять это заглавие (по почерку похож на карандашные заметки на л. 24, 25). В издании оно отсутствует. Предисловие автора начинается с пространного рассуждения о своем «открытии» «соотечественникам и любителям чтения, а особливо древних и средних веков книг», о любви к древностям, «ибо всякая древность возбуждает в нас любопытство, и самая древняя бумага обращает на себя внимание», помогая познать историю (л. 28, 28 об.).

Автор выразил свое восхищение «знаменитейшим историографом г-м Карамзиным» и его «Историей государства Российского», «которая для всяких познаний и сведений поистинне есть драгоценнейшая для нас и поз[д]нейших потомков» (л. 28 об.). Как было показано выше, с отсылкой на этот труд изложил Лаптев сведения о первом употреблении бумаги в России, упомянув его еще дважды и подчеркнув значение Примечаний. Так, рекомендуя читателю «драгоценные книги», автор вновь выделил вышеупомянутую «знаменитейшую Историю в Примечаниях истолкован[н]ых наречий, и книги, изданные любителем древностей его Сиятельством г-м Канцлером, Графом и кавалером Румянцовым под названием Собрание государственных грамот разных столетий» (л. 37 об.). Оценивая археографическую и историографическую роль названных ученых, Лаптев назвал их «патриотами Отечества» (л. 38).

Но Иван Петрович не ограничился сведениями о появлении бумаги в России из труда Н. М. Карамзина и внес (чернилами на свободной правой стороне листа) дополнения в свой текст из какой-то другой работы. Они касаются истории материала для письма — папируса, пергамена («паргамен», «бергамен»), появления «хлопчатой бумаги»²⁶⁾ (от которой, по словам Лаптева, и произошло название «бумага») и, наконец, «трепишной». Тут же он отметил их отличие: хлопчатая «не имеет на себе линий, то есть граф или полосок», которые видны на свет «на всякой трепишной бумаге» (л. 28 об.)²⁷⁾. Таким образом Лаптев обратил внимание на изображения линий проволочной сетки, видимые в бумаге, — понтюзо и вержеры — и возможность отличать по ним раннюю бумагу от произведенной позднее.

Дополнения Лаптева в черновике — яркое свидетельство того, что, создавая коллекцию водяных знаков и готовя ее к публикации,

²⁶⁾ В сноске на л. 29 он добавил: «Некоторые народы называли сию бумагу банбицином» (бомбицина. — Ю. А.).

²⁷⁾ Более точные замечания по этому поводу мы находим позднее на рукописях его собрания (см. IV гл.).

.юсиль XIV^ю Столѣтїи
 при Великомъ Князѣ
 Симеонѣ Иоанновичѣ
 начали употреблять
 въ Россїи бумагу, и
 это только двѣ бра-
 моты принадлежатъ
 къ царю Самому
 Древнѣйшимъ бума-
 гинимъ Рухоти сен до
 нынѣ употребляемъ, и
 это до Сего времени
 идаетъ до XV^ю Сто-
 лѣтїи писали обы-
 чно вѣрно на перга-
 ментѣ Приготови-
 ши Древнїиа Книж-
 я Заботникъ, да и
 ии некоторыя народы похваляе сѣ бумагу
 какъ бычюи мѣ

Ж адо парса и мунѣ
 казѣт сѣбѣ тѣ
 сѣга мѣнъ писали
 къ сѣбѣ лѣтѣ тѣ
 сѣ какрыѣ тѣмъ
 и мѣнъ какъ бычюи
 или тѣмъ оѣ
 дѣла вѣнъ мѣдо
 бумагу казѣт
 Емѣнъ какъ бычюи
 сѣ. авѣрѣ мѣнъ
 писанїя на сѣ
 мѣнъ и зѣрѣ мѣ
 дѣ мѣнъ и сѣ лѣтѣ
 аѣтѣ бумагу по
 зѣмѣ и писанїя оѣ
 лѣтѣ аѣтѣ по зѣмѣ
 на камиловѣнїи
 бумага; аѣтѣ
 мѣнъ мѣнъ лѣтѣ
 аѣтѣ бумагу каѣ
 лѣтѣ писанїя и зѣ
 рѣ мѣ дѣла мѣ
 мѣтѣ и сѣ лѣтѣ
 ко камиловѣнїи сѣ

Z

он изучал не только историю материалов для письма, прежде всего бумаги, но и особенности производства бумажного листа, следов сетки в нем. Последнее в русской литературе того времени редкость.

Отметим рабочую деталь в дополнениях — значки, которые Лаптев употреблял для вставок текста (Z, #) и сносок (::). Они встречаются и в его записях на рукописях и книгах.

Но видна и доморощенная, так сказать, терминология автора, которую редактор окончательного варианта рукописи не мог оставить. А по сути он, видимо, счел некоторые сведения излишними, известными исследователям и опустил в издании. Безусловно, в западноевропейских работах того времени о бумаге и технологии ее производства они были. В отечественных же журналах и энциклопедиях первой трети XIX в. и позже, как было показано в I гл., редко появлялись такого рода очерки. Только с изданием трудов Н. П. Лихачева в конце XIX в. история бумаги была последовательно изложена в русской научной литературе. А о хлопчатой бумаге специалисты дискутировали до середины 30-х годов XX в., когда экспериментально было подтверждено существование бумаги из хлопка. Поэтому думается, что даже краткое изложение такого материала (конечно, отредактированного) в книге Лаптева способствовало бы распространению в России знаний о бумаге.

После исторического экскурса о бумаге в предисловии также странно разъясняется вопрос об отсутствии дат на многих древних рукописях («без летописи») и старопечатных книгах («от некоторых писмен[н]ых и от печатных за ветхостью и небрежением выходы утратились»), о чем «многим ведомо». Скромно упоминая о себе, автор с большим пиететом относится к ученым и знатокам древностей. Например: «Но ученейшия же и знаниями одаренныя люди весьма узнают книги, хотя бы были и без выходу, единственно по слогу и наречию и выговорам, а другие знатоки по формату образцовых букв и почерку в которм столетии писаны» (л. 29 об., 30). Здесь четко выражено понимание Лаптевым значения для датировки рукописей и книг не только особенностей языка, но и почерка. Как известно, видные ученые-палеографы того времени рассматривали почерк в качестве важнейшего средства датировки.

В издании книги приведенный текст значительно сокращен (хотя сохранены некоторые авторские выражения — «выходы утратились» и др.), и говорится только о рукописях.

Обращаясь, наконец, к объекту изучения — бумажным водяным знакам, Лаптев по распространенной тогда терминологии называет их «клейма», реже — «знаки», отмечая их преимущество при датировке источников: «...на бумаге в прежния времена году хотя вовсе не становили, а клейма же заводские смотря к свету *почти на каждой* (выделено мной. — Ю. А.) есть видимы» (л. 30). Судя по этой фразе, знал он и о бумаге без филиграней, и о том, что в более

поздней бумаге указаны даты ее производства. Подметил, выражаясь современным языком, виды и разновидности знаков («виды клейм», «разные изображения»), выделил часто встречающийся и знакомый специалистам того времени (см. гл. I) знак «бычья голова» («клеймо хотя и в разном изображении, но бычья голова»), а «хорошие знатоки» «и по другим клеймам несколько стали угадывать» (л. 30 об.). Данная Лаптевым общая характеристика изучения водяных знаков в России подтверждается рассмотренными ранее немногими их публикациями.

Из предисловия вырисовывается круг лиц, знакомых с водяными знаками бумаги: «любители книг» (прежде всего коллекционеры), книготорговцы и «хорошие знатоки» (среди последних ученые и любители). Узость этого круга означала, что использование филиграней оставалось «только у знающих о сем, но без плода прочим». Поэтому и решил Иван Петрович «сие открытие учинить» — написать книгу, чтобы распространить знания «для общей пользы» (л. 30–31).

Дальнейший текст предисловия до описания филиграней (л. 30–33 об.) при окончательном редактировании существенно сокращен, в результате чего из книги выпал еще ряд важных для историков сведений, в первую очередь о том, давно ли и как начал Лаптев изучать филигрانی. Вот что написано в черновике: «Зачал я замечать и для памяти записывать изображения, а с других ор[и]гиналов снимать и собирать *несколько уже годов* (выделено мной. — Ю. А.) из древних и средних веков из книг рисунки, oprичь описанных, из коих я снял по сей 1824-й год 150» (л. 31) (в книге, с. 9, указано 170, а в коллекции филиграней к моменту издания книги было воспроизведено 427 рисунков. См. выводы к табл. 2 во втором разделе данной главы). Это — главное подтверждение того, что Иван Петрович собирал филигрانی не один год и, следовательно, начал заниматься ими в Вологде, еще до переезда в Петербург.

Получаем мы представление и о том, как он работал. В процессе изучения источников делал заметки о найденных знаках, а с наиболее редких (или хорошо видимых) воспроизводил рисунки (сам или с помощью детей) для своей коллекции. Это важно подчеркнуть, чтобы понять, почему в черновике рукописи и книге фигурируют разные цифры собранных филиграней (хотя количественно они не столь важны). Записи в черновике (л. 31, 32 и особенно л. 1) позволяют объяснить цифру 170, данную в издании: Лаптев имел в виду 150 рисунков воспроизведенных знаков и еще 20 описанных.

В рукописи дано более общее определение периода бумаги филиграней, помещенных в таблицах, — «с древности и по сей 1701 год... по ее реткости» (л. 31 об.). Это позволяет предположить наличие у Ивана Петровича знаков XIV в., что подтвердилось и при изучении его коллекции. Но воспроизведения для рукописи сделаны «из тех только книг, в коих означены годы, когда они *написаны или напечатаны*» (л. 31 об., 32. Курсив мой. — Ю. А.). Напомним, что сомнения

в датировке знаков заставили Лаптева исключить некоторые рисунки из таблиц готовящейся книги. Как известно, при публикациях отдельных знаков в России до книги Лаптева датировка устанавливалась в пределах полувека. Сегодня указание точной даты источников филиграней — обязательный показатель профессионализма публикаторов такого рода альбомов.

В черновой рукописи пространно изложены рассуждения автора о возможных способах датировки источников. Разъясняя, как пользоваться его книгой тем, кто, имея дело с рукописями «без летописи», «другими средствами о времени их написания познать не может» (л. 32), он советовал сравнивать «клейма» бумаги недатированных источников не только с рисунками, но и с «описанными» знаками, т. е. с типичными сюжетами филиграней по векам. «И припомня здесь описанные знаки и присмотрясь на рисунки несколько раз, тогда можно и на память чрез частое употребление узнавать всегда древнюю книгу» (л. 32 об., 33). Строго говоря, такой метод сравнения не может дать точной даты, так как на глазок нельзя учесть все изменения знака в процессе производства бумаги. Этого можно добиться лишь с помощью наложения кальки рисунка. Но учитывая начальный этап филиграноведения, когда появлялись первые публикации водяных знаков в России и не было специальных пособий, такой способ приближенной датировки был неизбежен. Известно, что даже сегодня большинство исследователей рукописей не имеют возможности калькировать знаки бумаги в читальных залах хранилищ, а применяют визуальный способ. Их преимущество состоит в возможности использовать многочисленные альбомы филиграней, вышедшие после книги И. П. Лаптева.

Каким все же предполагал Иван Петрович интервал датировки по водяным знакам?

При наличии филиграни в бумаге исследуемого источника найти в его книге «такое же клеймо и оное удостоверит и скажет время написания той книги самое ближайшее» (л. 32 об.). Опыт работы с источниками подсказал ему период существования знака одного и того же сюжета: «Когда такое же клеймо, случается, иногда лет около 25-ть после или прежде здесь означенного в описании или под рисунком году», если «бумажная фабрика» находится у одного и того же «заводчика» (л. 35). Смена владельца вызывает и замену филиграни «для означения собственности и доброты своего изделия» (л. 36). Других причин изменения знаков автор не отметил.

Однако указанный интервал (25–50 лет) в датировке Лаптев не считал большим, не только учитывая древность происхождения рукописной или печатной книги, но и потому, что «по другим средствам» («почерк», «слог», «формат букв») часто «определить не могут в начале или половине такого-то столетия» она написана, «ибо слог и самой формат букв и почерк всегда несколько годов продолжаются в одинаковости сходственно» (л. 35 об., 36). Важно иметь в виду,

что выражение «несколько годов», употребленное автором и при характеристике периода собирания им водяных знаков, как и слово «несколько» применительно к публикуемым 150 знакам, не следует понимать буквально. Оно может означать и довольно большое число, и длительный период, как в данном случае — существования почерков.

Если же бумага изучаемого источника имеет другие филигранные, не отраженные в его книге, или не имеет их вовсе, тогда пользоваться «вторым средством и узнавать по слогу, наречию и выговорам» (л. 37). При недостаточных знаниях в этой области автор рекомендовал изучать важнейшие исторические работы и публикации документов.

«Третьим средством» датировки Лаптев считал привлечение древних книг «с летописью и выходом», т. е. непосредственное исследование других датированных источников.

Заканчивает Лаптев свое изложение комплексного подхода к способам датировки заключением: «И оные выше[о]писанные три средства преподадут понятие и знание о времени написанных книг без летописи» (л. 38).

Исключение рассмотренной части текста из книги можно объяснить наличием в работах ученых того времени (Востокова, Болховитинова, Калайдовича и др.) квалифицированных рассуждений о значении данных языка, почерка, иных внешних признаков рукописей для их датировки, хотя обобщающих работ по палеографии еще не было, не говоря уже о филигранных. Приведенные отрывки рукописи Лаптева показывают, что в понимании средств датировки рукописей он стоял на уровне своего времени. Однако изложить свои соображения подобающим образом не смог, не хватало образования.

Отметим еще, что в черновике предисловия Лаптев указал на важное значение филигранных не только для датировки старинных рукописей и книг, но и для выявления их подделок, которые чаще стали проникать на книжный рынок в конце XVIII – первой половине XIX в.: «И при том же сим открытием различать истинную от подложной по корыстолюбию в недавнее время древними летями подписанную книгу» (л. 33). К сожалению, данное положение не вошло в издание.

В тексте черновика предисловия неоднократно повторяются выражения о скромном вкладе автора книги, как первом опыте в этом деле, доходящие до самоуничижения («малейший и слабый труд мой» — л. 33). Учитывая положение автора — любителя, самоучки, их можно считать не просто данью стилю того времени, но отражением человеческой скромности Лаптева, сознававшего недостаточность своего образования и преклонявшегося перед учеными историками, палеографами, археографами. В заключение он выражал надежду: «...благодаря снисхождению и человеколюбием да исправятся мои недостатки ума талантом мудрых» (л. 40).

Сравнительное исследование текстов черновой рукописи и изданной книги И. П. Лаптева позволяет сделать ряд заключений.

Черновая рукопись довольно полно (полнее, чем в издании) выявляет взгляды автора не только по специальному вопросу, объекту его исследования — о бумаге и водяных знаках, их истории и использовании, о способах датировки источников, но и показывает внимательное отношение к крупнейшим историческим трудам и публикациям документов, к самим первоисточникам — старинным «написанным и печатным книгам» (именно такие определения характерны для Лаптева, слова «рукопись» в тексте нет). Четко видно, как знаток-любитель не ограничился собственным опытом коллекционера, а обращался к другим «любителям книг», научным историческим изданиям, и в результате сделал самостоятельный вывод о значении филиграней для датировки рукописей и книг.

Знал ли Иван Петрович о публикациях водяных знаков в работах Оленина, Строева, Калайдовича? Думается, да, учитывая его интерес к историческим исследованиям. Тому подтверждение находим и в его коллекции водяных знаков, например, в ед. хр. 45 (л. 43 об.) имеются воспроизведения знаков из «Письма...» А. Н. Оленина А. И. Мусину-Пушкину о камне Тмутараканском (1806). Но в связи с их немногочисленностью и отсутствием обобщений по этому вопросу не отметил в своей работе, а главное — ставил целью опубликовать лишь выявленные им знаки.

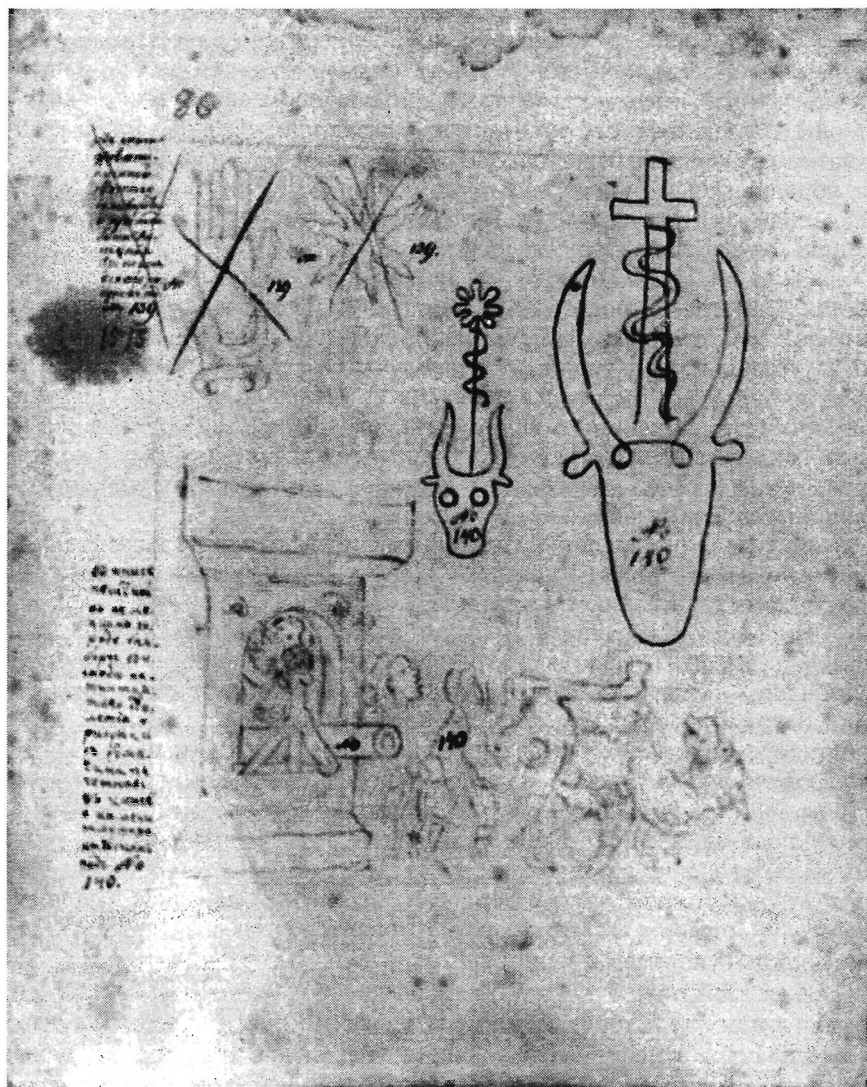
Материал рукописи, неоднократные призывы автора к собиранию и изучению древних источников характеризуют его гражданскую позицию патриота своего Отечества.

Пополняются наши знания об источниковой базе книги: она создана на основе не только его собственного собрания, но и других небольших частных библиотек еще в вологодский период его жизни.

Важный вопрос: оказало ли влияние на работу Лаптева знакомство с книгой Х. Янсена? Нужно учесть, что, во-первых, Иван Петрович ознакомился с переводом перед самым выпуском своей книги и не смог воспользоваться другими зарубежными изданиями с публикациями филиграней, указанными Янсенем. Во-вторых, разными были задачи авторов этих работ. Книга Янсена была посвящена истории эстампов и другим вопросам, филигрانی давались в приложении. В отличие от нее Лаптев готовил специальный альбом для датировки рукописей и книг.

И все же можно высказать такое предположение. Прочитав перевод главы по истории бумаги из книги Янсена и узнав о других упоминаемых в ней работах, Лаптев убедился в том, что за рубежом уже было известно о роли филиграней в датировке памятников на бумаге и опубликованы сотни знаков XIV–XVI вв. Поэтому он еще в рукописи изменил в названии своей работы претенциозное слово «открытие» на скромное «способ»²⁸⁾. Нет его и в издании книги.

²⁸⁾ Кстати, перевод названия книги Янсена Ольгой Ивановной начинается словом «Способ».

Рисунки водяных знаков «голова быка» бумаги Радзивилловской летописи и миниатюры, воспроизведенные в коллекции И. П. Лаптева из «Письма...» А. Н. Оленина А. И. Мусину-Пушкину (1806 г.). (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 43 об.)

Можно представить, каких переживаний это стоило Ивану Петровичу, но научная порядочность не позволила поступить иначе.

Если данное предположение представляется очень правдоподобным, то остальные только вероятными. Так, возможно, узнав из перевода, что Янсен и предыдущие авторы использовали филигранные преимущественно для изучения старопечатных книг, Лаптев в отличие от черновика книги в издании перенес акцент на датировку рукописей. И еще одно: увидев, что в других работах нет публикаций водяных знаков XVII в., он решил их выделить, введя не совсем удачно (почему-то не до конца XVI в.) нумерацию первых более ранних 50 знаков.

Исследование текста, почерков рукописи и записей в тетрадях с рисунками филиграней коллекции Лаптева дало возможность показать сам процесс создания книги.

И последнее по счету, но не по важности. Хотя текст черновика рукописи, предназначавшейся для представления в цензуру, написан почерком Аполлона, указания на л. 1, дополнения, написанные Лаптевым, правка таблиц филиграней, наконец, стиль изложения дают возможность утверждать, что первоначальный текст принадлежал Ивану Петровичу, а помощниками в выявлении, воспроизведении знаков и переписывании текста были его дети.

Но в таком виде он еще не был готов к изданию. Правка текста, как показано выше, была начата в черновике по указанию Ивана Петровича. Он очень отличается от текста изданной книги, как по объему, так и по стилю. Кто был редактором окончательного варианта, остается загадкой²⁹⁾.

Сохранившаяся черновая рукопись дает возможность воссоздать уникальное явление — подготовку книги в довольно редкой области знаний купцом, любителем древностей в первой четверти XIX в. в России и установить работу семейной «артели» в выявлении и обработке материалов для нее.

2. Выход книги И. П. Лаптева «Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи»

Начавшийся в последней трети XVIII в. подъем книгоиздательской деятельности в России как выражение роста культуры, просвещения, науки продолжался и в первой четверти XIX в. Если в 1814 г.

²⁹⁾ Может быть, им стал заведующий Депо манускриптов Императорской Публичной библиотеки А. И. Ермолаев, с которым Лаптев познакомился, возможно, еще в вологодский период или позже. Ермолаев помогал в собирании, обработке и исследовании материала целого ряда научных работ.

было издано 234 названия, то в 1825 г. — 575 названий книг³⁰⁾. Как подсчитал В. П. Козлов, за период 1811–1826 гг. вышло «150 названий книг исторического содержания по истории до XVIII в. (без учебников, сборников исторических анекдотов, похвальных слов и переизданий книг XVIII в.)», около трети которых составили издания Румянцевского кружка (преимущественно исторического профиля)³¹⁾. Среди еще немногочисленных тогда работ в области вспомогательных исторических знаний была и книга И. П. Лаптева, положившая начало специальным изданиям по вопросу изучения филиграней.

Итак, после окончательного редактирования не известным нам лицом рукопись книги Лаптева на 36 листах поступила 7 июля 1824 г. в Петербургский цензурный комитет и 14 июля без замечаний была одобрена цензором Александром Бируковым³²⁾. Кстати, его в числе других цензоров, гонителей свободного слова, назвал в своих сатирических стихах «Петербургским цензором» 1823–1824 гг. друг А. С. Пушкина поэт А. А. Дельвиг³³⁾ (с 1821 г. работавший под началом А. Н. Оленина в Публичной библиотеке). Книга И. П. Лаптева не представляла интереса для цензуры того времени (в отличие от советских цензоров, которые заставляли филиграноведов изымать из альбомов «крамольные» рисунки филиграней, например, кресты, шестиконечную звезду и другие символы. Наиболее известны трудности с изданием труда Э. Лауцявичюса (1967 г.). «Хождения по мукам» крупнейшего русского филиграноведа С. А. Клепикова все еще остаются в рассказах его коллег).

Во второй половине 1824 г. книга «Опыт» была издана в типографии Департамента народного просвещения. Обязательные экземпляры были отосланы, как положено, в Департамент народного просвещения (2), Императорскую Публичную библиотеку (2), Библиотеку Академии наук (1)³⁴⁾, часть тиража, как было принято, распространялась по подписке (учитывая редкость тематики, вряд ли удалась подписка), остальная поступила в продажу, а через книготорговцев — в частные библиотеки для чтения.

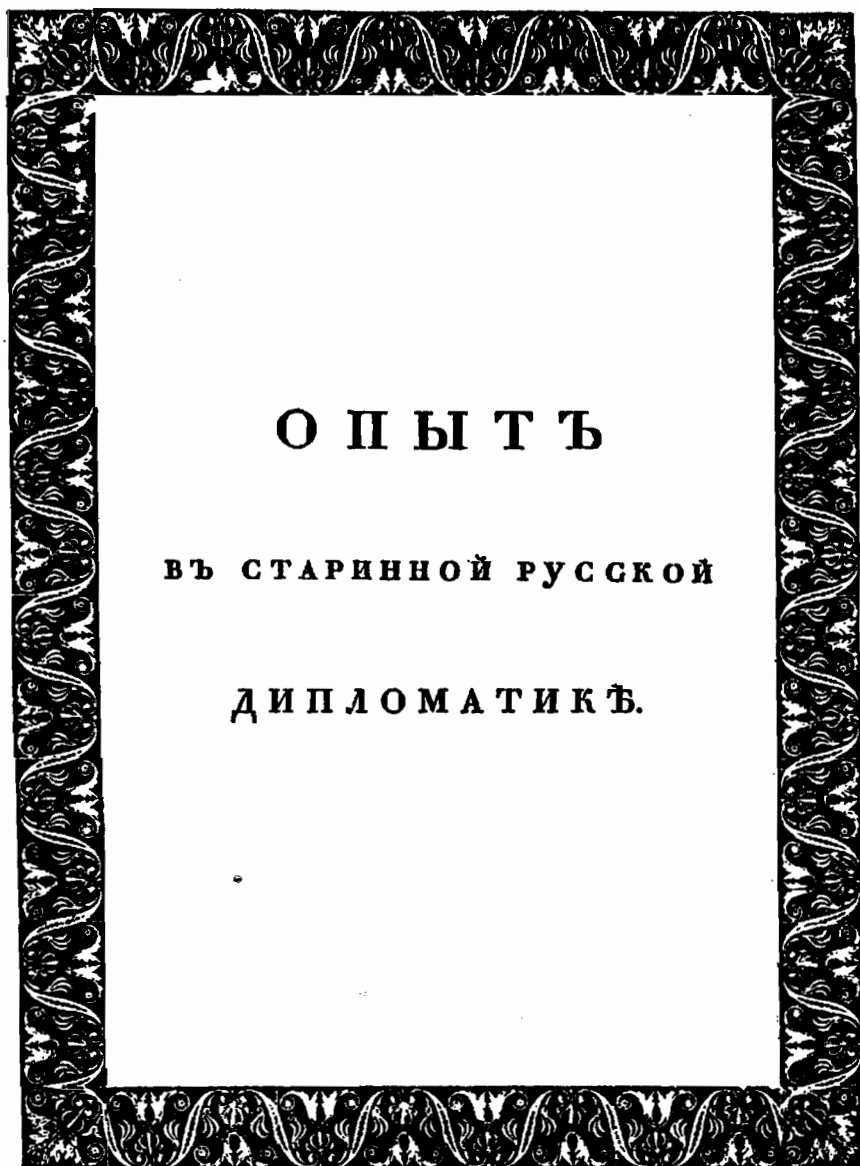
³⁰⁾ *Абрамов К. И., Васильченко В. Е.* История библиотечного дела в СССР (до 1917 г.): Учеб. пособие. М., 1959. С. 44.

³¹⁾ *Козлов В. П.* Колумбы российских древностей. М., 1981. С. 141; *Он же.* Российская археография конца XVIII – первой четверти XIX в. М., 1991. С. 177.

³²⁾ РГИА. Ф. 777 (Петербургский цензурный комитет). Оп. 27. Д. 190. Л. 29; Оп. 1. Д. 432. Л. 89 об. См. также авантител книги — разрешение цензора А. Бирукова. В том же месяце он был привлечен к суду за допуск к печати перевода немецкой книги, толковавшей Евангелие и содержавшей, по мнению духовной цензуры, «непозволительные суждения» (Там же. Оп. 27. Д. 18).

³³⁾ *Дельвиг А. А.* Соч. Л., 1966. С. 164–165.

³⁴⁾ История Библиотеки Академии наук СССР, 1714–1964. М.; Л., 1964. С. 166, 180; *Гарелин Н. Ф.* Русское научное издательство в начале XIX в. (Румянцевская эпоха) // Книга в России. М., 1925. Т. 2 (Девятнадцатый век). С. 82, сн. 150.

Первоначальная обложка книги И. П. Лагтева. (РГАДА. Архивохранилище старопечатных и редких изданий. Отдел русской истории (рус. книги). № 2470)

Книга в 4°, 11 с. + 28 таблиц, цена 5 руб.³⁵⁾ Цена книг зависела от листажа, формата, качества затраченной на издание бумаги, а также от оформления и, наконец, редкости издания. Интересно сравнить «Опыт...» с изданиями, включенными в раздел «Палеография и археология» «Росписи» книг библиотеки известного петербургского издателя и книготорговца А. Ф. Смирдина. Цены здесь варьируются от 2 руб. 50 коп. до 200 руб. Значит, книга Лаптева была среди недорогих. Но следует учесть ее малый текст и трудоемкость печатания рисунков. Столько же стоила, например, в несколько раз большая по объему «Летопись Несторова по древнейшему списку мниха Лаврентия», изданная Р. Ф. Тимковским (М., 1824). Сравнение из другой области: 5 руб. — плата за пользование библиотекой Смирдина в течение месяца.

Тираж книги «Опыт...» не установлен. Надо^{*} полагать, не более 150 экземпляров (тиража альбома филиграней К. Я. Тромонина 1844 г.). Неудивительно, что вскоре книга стала библиографической редкостью³⁶⁾. Часть экземпляров была напечатана на бумаге с филигранью (белая дата «1824»), например, экз. № 103/376 из РНБ (принадлежал Л. Б. Модзалевскому, поступил в библиотеку по акту 19 июня 1935 г.); экз. J 30/28 из РГБ — на бумаге с элементами той же даты, а на первом и последнем листах видна еще буква «О» (часть знака «АО»? Тогда полный знак — «АО | 1824», расположен посередине листа); другие — на простой бумаге без водяных знаков (см. экз. R 4/401 в РГБ). Интересен для бумаговедов и книговедов экземпляр из Музея книги РГБ, шифр Г. I/4. 33 (инв. 739). В нем, судя по элементам белых дат, в отличие от вышеуказанных, использована бумага не только 1824, но и 1823 г. (в конце книги, начиная с табл. 21), т. е. залежавшаяся. На такой же бумаге отпечатана книга «Опыт», обнаруженная мной в Рукописном собрании ЦГАЛИ (РГАДА. Ф. 187. Оп. 2. Д. 194. Всего архив имеет 5 экземпляров). Уникальность этого экземпляра в том, что он хранился в семье Лаптевых, о чем свидетельствуют две записи. Первая — на чистом листе

³⁵⁾ О цене см.: Роспись российским книгам для чтения из библиотеки А. Ф. Смирдина, систематическим порядком расположенная. В 4-х ч. / Сост. В. Г. Анастасевич. СПб., 1828. Ч. 1. С. 172; ОР РГБ. Ф. 233 (С. Д. Полторацкий). П. 58. Ед. хр. 2. Л. 27. Книга проходит также в описании библиотеки археолога и историка А. Д. Черткова (Всеобщая библиотека России или каталог книг для изучения нашего Отечества во всех отношениях и подробностях. М., 1838. Отдел. I. История. Ст. VI. Вспомогательные науки для истории: ...с) Археология. № 14); в «Каталоге книгам библиотеки Департамента народного просвещения» она — единственная работа в группе «Дипломатика» (ОР РНБ. Ф. 1000. Ф. XVIII. 24. Л. 297).

³⁶⁾ Попытка установить наличие книги в отделах рукописей библиотек и архивах бывшего Союза была предпринята в моей работе «Обеспеченность крупнейших хранилищ справочниками водяных знаков» (Филигранологические исследования. С. 143–152). Но ограниченные финансовые возможности не позволили обследовать все библиотеки и архивы.

Дарю сию книгу.

Степану Ларионовичу

Г-ну Тарасову.

~~Купленная книга вдовы Ивана Петровича — Авдотьи Лаптевой.~~

1841го год.

22го февраля.

Дарственная надпись Авдотьи Лаптевой на книге «Опыт...», до 1841 г. хранившейся в семье Лаптевых. (РГАДА. Ф. 187. Оп. 2. Д. 194)

перед титулом (Л. 1 об.) — дарственная надпись некоему Степану Ларионовичу Тарасову с подписью вдовы Ивана Петровича — Авдотьи. Вторая — на последнем чистом листе (л. 22 об.) — представляет собой список отзывов на книгу Лаптева с 1825 по 1829 г., составленный, судя по почерку, его верной помощницей дочерью Ольгой Ивановной. Когда исследователь берет в руки описанный экземпляр, то ощущает непосредственную историческую связь с изучаемым объектом и семьей Лаптевых.

Во сколько обошлось издание автору, неизвестно. Ясно, что самой дорогостоящей частью было гравирование водяных знаков. Как упоминалось в гл. I, гравирование одного знака в книге К. Ф. Калайдовича «Иоанн, экзарх болгарский» (М., 1824) А. А. Флоров оценивал в 15 руб. Значит, только за воспроизведение 150 рисунков Лаптев должен был заплатить 2250 руб. Однако имя гравера в его книге не указано. По словам искусствоведа Д. А. Ровинского, «отлич-

За сію Книгу благодарности и одо-
бреніе отъ просвѣщеннѣйша и у-
чѣннѣйша въ публична музее капе-
танъ въ С. Петербургѣ въ слѣ-
дующихъ изданіяхъ въ Северномъ
печать 1825 года Февраля 1-го подъ
№ 1. — Въ Библиографическихъ
листахъ, того же года 28 марта
подъ № 10^{мѣ} Въ Московскомъ Ме-
сеурани того же года въ Декабрѣ,
мѣсяцъ подъ № XIX. — Въ Материалахъ
для Истории Просвѣщенія въ Россіи
1826 года въ книжкѣ второго Числа
на столбцѣ 133^{мѣ} Подъ статьею дре-
вности. И въ книжкѣ обзорнѣе о Курс-
нѣи книжкѣ въ Историческомъ видѣ
изданое обществомъ исторіи и дре-
вности Россійскихъ при Император-
скомъ Московскомъ университетѣ,
1829го года послѣднего числа на Гра-
ни, въ 1854го.

Список отзывов на книгу «Опыт...», написанный О. И. Лаптевой в конце книги.
(Там же)

нейший из московских граверов» Флоров «ценил свои работы очень дорого»³⁷⁾. Кстати, в перечне его работ филиграни не выделены. Даже если бы предполагаемый тираж книги (150), за вычетом немногих обязательных, подаренных и оставленных у себя экземпляров, был распродан полностью (что вряд ли возможно при наличии заведомо

³⁷⁾ Ровинский Д. А. Подробный словарь русских граверов XVI-XIX вв. СПб., 1895. Т. I. Стб. 44; Т. II. Стб. 1086-1096.

узкого круга покупателей этой книги), то и тогда Иван Петрович получил бы сумму менее 750 руб., т. е. издавал себе в убыток. Подтверждением служит и выпуск части тиража на бумаге без филигранных.

Обратимся теперь к содержанию книги. Беловика рукописи, представленного в цензуру, а позже в типографию, не найдено. Поэтому мы можем анализировать текст издания только в сравнении с текстом черновой рукописи. Он состоит из тех же основных частей, что и черновик, но расположенных иначе: после посвящения идет предисловие, затем таблицы филигранных, с учетом изменений автора, которые рассмотрены выше, а также внесенных позже уже в белой экземпляре. При окончательном редактировании были сохранены основные положения первоначального текста, но в сокращенном виде. Текст был переработан и стилистически. Вместо пространного, витиеватого слога Лаптева стиль изложения в издании лаконичный, даже суховатый. Зато трудно воспринимаемое в рукописи произведение приобрело вполне удобочитаемый вид. В целом редактирование создает впечатление о профессионально грамотном человеке, правившем рукопись. Подтверждение — ученые фразы, появившиеся в названии и тексте книги.

В книге ее название (сформулированное Лаптевым на л. 1 рукописи) дополнено фразой «Опыт в старинной русской дипломатике». В результате оно стало более громоздким, но в то же время более значительным, научным, и как бы подчеркивалось обобщение данных из отечественных источников. Термин «дипломатика», отсутствовавший в черновике, фигурирует и в предисловии книги: вместо общих слов «ученейшие же и знаниями одаренные люди» (рукопись, л. 28 об.) в издании находим профессиональное определение «занимающиеся старинною дипломатикою» (с. 8). Строго говоря, здесь более уместным был бы термин «палеография», определяющий область, изучающую внешние признаки рукописей. Однако учитывая неустойчивость терминологии в научных работах того времени, можно понять эту неточность и в данной книге, не говоря уже о часто употреблявшемся тогда расширительном толковании термина.

Появилась ученая фраза и в кратком посвящении книги теперь уже конкретному лицу — Архангельскому, Вологодскому и Олонцкому генерал-губернатору Степану Ивановичу Миницкому: «Я сверх известных Вашему превосходительству занятий (т. е. торговли. — Ю. А.), уделяя время и на сей первый мой опыт в Словесности» (с. 3).

Что касается посвящения, то М. С. Крутова считает, что И. П. Лаптев, уже проживавший в Петербурге, назвался вологодским купцом «из дипломатических соображений», задумав посвятить работу С. И. Миницкому³⁸). На наш взгляд, это только подтверждает высказанное ранее положение о том, что материалы для книги Иван

³⁸) Крутова М. С. Указ. соч. С. 134.

Петрович собирал, живя еще в Вологде, и своим посвящением отдавал дань уважения малой родине, а не только С. И. Миницкому, назначенному на эту должность в 1823 г.³⁹⁾, т. е. когда Лаптев переехал в Петербург. Дипломатия Лаптева проявилась лишь в том, что посвящение адресовано не вологодскому губернатору Н. П. Брусилову⁴⁰⁾, а более высокому лицу — генерал-губернатору. Сведений о каких-либо деловых отношениях Лаптева с ним не выявлено.

Предисловие начинается с обращения автора к читателю «принять снисходительно сей первый опыт мой, который сам я чувствую еще несовершен[ен]», и тут же заявлено намерение пополнить собрание рисунков, поправить ошибки, «если позволит время и обстоятельства» (с. 7). Как и в рукописи, Иван Петрович подчеркнул, что «не тщеславие», а «желание быть полезным» побудило издать книгу. Далее идет краткая фраза о начале употребления «бумаги в России в середине XIV в. со ссылкой на «Историю государства Российского» Н. М. Карамзина. Все остальное об этом труде редактор опустил. Так что публично Лаптев не вошел в число восторженных почитателей знаменитого историка, о труде которого шла тогда горячая полемика.

Обращаясь к главному палеографическому вопросу — датировке старинных рукописей (выражение «писменная и печатная книга» в издании, в отличие от черновика, не употребляется), Лаптев проявил комплексный подход (подробно изложенный в черновике), типичный для исследователей того времени. Если даты нет или «выходы утратились», то «занимающиеся старинною Дипломатикой весьма легко узнают время рукописи, рассматривая форму литер, почерк, слог и некоторые другие признаки» (с. 8). Причем, на первое место ставятся начерки букв, почерк. Среди других внешних признаков автором выделены бумажные водяные знаки — «клейма» (термин «знаки», употреблявшийся в рукописи, исчез).

Из перечисленных в черновой рукописи групп знатоков филиграней здесь оставлена лишь одна — книготорговцы, на наш взгляд, как наиболее знакомая автору после его основного занятия среда. И следует его главный самостоятельный вывод: «Торговцы книжные по навыку узнают время рукописи *по заводскому клейму* (курсив мой. — Ю. А.), почти всегда на бумаге выставяемому» (с. 8). В качестве единственного примера филигрании, широко используемой для датировки, дана «бычья голова», бумаге с которой около 300 лет. «Как средство это осталось исключительно в руках людей *знающих*, то желая по возможности быть полезным, старался я собирать и описывать

³⁹⁾ Месяцеслов с росписью чиновных особ, или общий штат Российской империи на лето от Р. Х. 1824. СПб. Ч. 2. С. 38. Данные на 10 декабря 1823 г. В Месяцеслове на 1823 г. (данные на ноябрь 1822 г.) генерал-губернатором значится еще вице-адмирал А. Ф. Клокачев.

⁴⁰⁾ См. о нем: Коновалов Ф. Я., Панов Л. С. Уваров Н. В. Вологда: XII — начало XX в. // Краевед. словарь. Архангельск, 1993. С. 58.

заводские клейма бумага, мне попадавшихся, и таким образом собрал оных по сей 1824 год 170, из коих представляю здесь несколько, начиная со времени введения в Россию употребления бумаги по 1701 год, как редчайшие»⁴¹⁾ (с. 9).

Далее в предисловии помещены столбиком названия 20 знаков, распространенных в бумаге XV–XVII вв., т. е. та самая группа «описанных» знаков, которую имел в виду Иван Петрович в своих указаниях к черновику. В этой группе одно название знака XVI в. из рукописи (л. 33 об.) «семилучная звезда» с добавлением Лаптева «внутри с кружком» заменено в книге названием: «звезда о 8 лучах, с кружком внутри» (с. 10). Соответственно рисунок «восьмилучной звезды» (в коллекции ед. хр. 45, л. 10, № 27) исключен, а «семилучной звезды» включен под № 18 в табл. 3 книги.

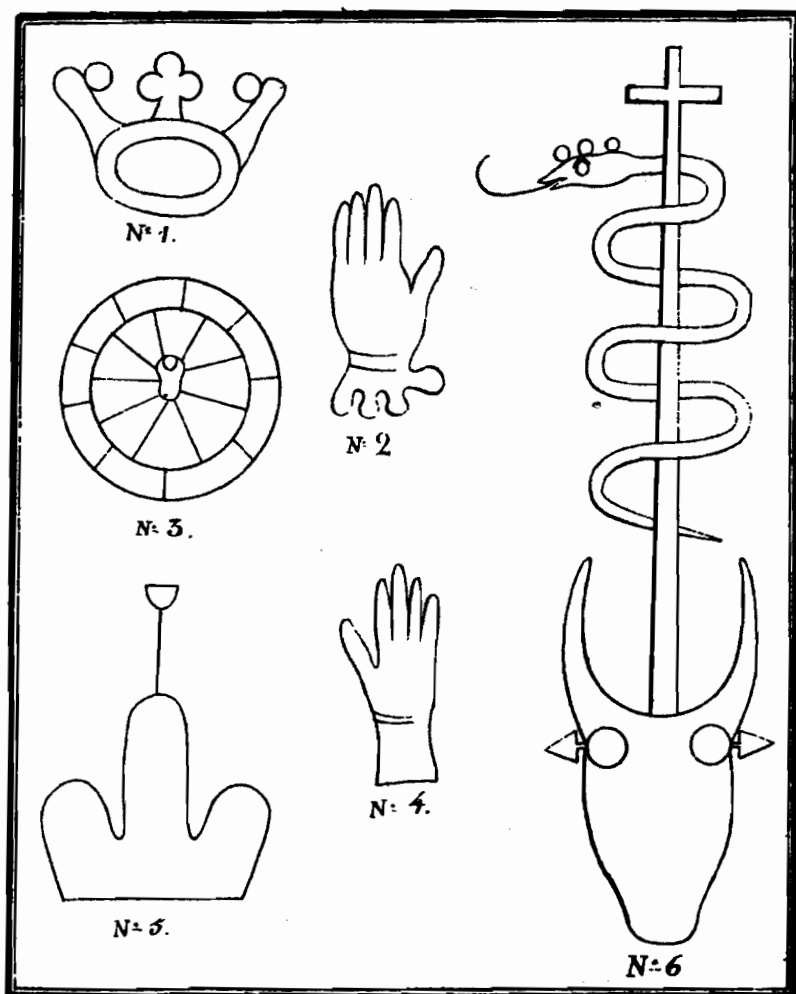
Можно, конечно, сожалеть, как А. Х. Востоков, что рисунки 20 «описанных» знаков исключены из таблиц. Зато мы получаем представление об авторской терминологии названий сюжетов распространенных филиграней иностранной бумаги. Заметим, что у первых публикаций филиграней в русских работах до выхода книги Лаптева названия знаков часто отсутствуют. Для Лаптева, не владевшего иностранными языками, типична описательная характеристика изображений, но их основные обозначения соответствуют нынешним. Например: «Клейма 15 века. Якорь; Два ключа бородками врознь; Лилия, а под нею подвешен внизу четвероконечный крест» и т. п. Название знака XVII в. «бегущая свинья с поднятою головою» относится к типу «вебрь» (дикий кабан). Отсутствуют названия известных иностранных гербов.

Предисловие заканчивается перечнем дат знаков № 1–50 (также выделенных в столбик) с замечанием, что в остальных рисунках тоже «выставлен год», и наблюдением о том, что все воспроизведенные знаки могут встречаться «лет за 25 прежде или после» указанных в книге дат, если сохранялся владелец бумажной фабрики. Со сменой владельца изменяется и филигрань.

За предисловием следует альбом из 28 таблиц, включающих 150 (по терминологии автора — «несколько») воспроизведений знаков в натуральную величину. Даты первых 50, как отмечено выше, указаны в предисловии, остальных 100 — под изображением. В сумме с 20 «описанными» они составили 170. Видимо, неясность авторской группировки знаков и привела к разнобою в подсчетах общего их числа в литературе⁴²⁾.

⁴¹⁾ Отредактированная фраза неточна, так как воспроизведения знаков приведены не с XIV, а с XV в. до 1701 г. Ср. в рукописи л. 31 об.

⁴²⁾ К. Я. Тромонин в предисловии к своему альбому 1844 г. назвал 152 знака, это число перешло в «Очерки истории исторической науки СССР» (М., 1955. Т. I. С. 565); Черепнин Л. В. Русская палеография (М., 1956. С. 46), Тихомиров М. Н., Муравьев А. В. Русская палеография (М., 1966. С. 15), Богданов А. П. Филигра-

Рисунки водяных знаков XV в. из книги «Опыт...», табл. 1 (уменьшено в 2 раза)

Проанализируем таблицы филиграней. Они содержат воспроизведения 150 знаков иностранной бумаги XV–XVII вв. (с 1439 по 1700 г.): XV в. — 14; XVI в. — 59; XVII в. — 77. Преобладают рисунки знаков XVII в., что, безусловно, определяется бóльшим числом сохранившихся источников поздних веков вообще и, видимо, в собрании И. П. Лаптева, в частности. Несмотря на просьбу Лаптева к помощни-

как о необходимости проверки рисунков филигранных, их воспроизведения в книге страдают неточностями, в отличие от первых публикаций водяных знаков в России, выполненных профессионально художниками, граверами. Даже сравнение рисунков в черновой рукописи и книге уже обнаруживает изменения деталей (длина линий, расстояния между ними, пропорции, формы отдельных частей и т. д.) одних и тех же знаков (например, № 6, 13, 17, 18, 20, 21, 39, 45 и, особенно, 47 «лебедь»). Трудно сказать, является ли это результатом уточнения при окончательной подготовке рукописи или искажения при ее печатании⁴³. Думается, рисунки исказились уже при их перерисовке.

Позднее филиграноведы отмечали неточности прорисей в книге Лаптева. «Многие знаки у него изданы без дипломатической точности, и почти все нарисованы с натяжкой», — писал К. Я. Тромонин, и добавлял: «в руководствах Лаптева и Жансена немецкая буква Р на многих местах поставлена наоборот и вверх низом»⁴⁴. Н. П. Лихачев заметил искажения филигранных, изображающих французские, немецкие, польские гербы⁴⁵.

Конкретные источники, из бумаги которых выявлены рисунки, в книге не указаны. В черновой рукописи, напомним, фигурируют рукописные и печатные книги, как и в записях к филиграммам в лаптевской коллекции водяных знаков; в книге — только рукописи. Может быть, в этом «виновата» книга Янсена? Поскольку в ней, как и в других зарубежных работах, было обращено преимущественное внимание на филигранные бумаги печатной продукции, то Лаптев в предисловии книги решил обратить внимание на использование водяных знаков для датировки рукописей (хотя рисунки сняты из указанных двух категорий источников). Название книги говорит о «русской дипломатике». Однако Н. П. Лихачев допускал возможность использования И. П. Лаптевым источников и на других языках: «...еще неизвестно, брал ли он изданные им знаки исключительно из русских памятников»⁴⁶. Сомнение ученого связано, в частности, с филигранью французского герба («Опыт...» № 17, 1513 г.). По записи к рисунку указанного знака в коллекции можно только узнать, что он скопирован из рукописного Октоиха на сентябрь.

Расшифровка записей об источниках рисунков в коллекции водяных знаков (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45) позволяет устано-

⁴³ Последнее случается при публикации и сегодня. См. об этом: *Богданов А. П.* Указ. соч. С. 370–373.

⁴⁴ *Тромонин К. Я.* Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге, посредством которых можно узнавать когда написаны или напечатаны какие-либо книги, грамоты, рисунки, картинки и другие старинные и нестаринные дела, на которых не означено годов. М., 1844. С. 3, 5.

⁴⁵ *Лихачев Н. П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы в Московском государстве. Историко-археографический очерк. СПб., 1891. С. 58, 62, 66, 67, 71; *Он же.* Палеографическое значение бумажных водяных знаков. СПб., 1899. Ч. I. С. XLIII и др.

⁴⁶ *Лихачев Н. П.* Бумага и древнейшие бумажные мельницы... С. 62.

вить названия рукописей и книг, из бумаги которых они были сняты (см. табл. 2), и сделать определенные выводы, уточняющие предположения, высказанные в литературе, в том числе и в наших ранних статьях.

Таблица 2

Сравнение водяных знаков из книги и коллекции И. П. Лаптева

Пояснения к таблице

1. В графе 2 у ВЗ № 1–50 в отличие от предисловия к книге даны сначала год, потом номер. Нумерация заканчивается в табл. 7, далее в графе 2 указаны год и число ВЗ, в порядке расположения последних в таблице книги (слева направо).

2. В графе 5 записи об источнике воспроизводятся с сохранением особенностей оригинала, кроме написания названий источников (с прописной) и пунктуации. Наши вставки даны в квадратных скобках. Годы сохранены в буквенном выражении, так как они, как правило, соответствуют дате в графе 2. Исключения оговорены в графе 8.

3. Запись об источнике к ВЗ под одним и тем же номером, часто расположенных на разных листах, дается, как и в коллекции, один раз. В остальных случаях — наша отсылка на лист и номер ВЗ, где находится запись. Аналогичны указания и в тех случаях, когда на одном и том же листе коллекции имеются записи к разным номерам.

4. В графах 6, 7 соответствующие цифры даны лишь при первом упоминании листа коллекции, на котором они находятся. При повторении того же листа в этих рубриках — прочерк.

5. В графе 8, кроме замечаний, приведены полные названия источников, которые нам удалось установить. Идентификация названий производилась: рукописей XV в. — по «Предварительному списку славяно-русских рукописных книг XV в., хранящихся в СССР» (М., 1986. Далее: ПС XV в.) и «Дополнению» к нему (М., 1993); старопечатных книг — по соответствующим описаниям, некоторые из них (как правило, современные) указаны в таблице (полные названия см. в списке сокращений).

В идентификации источников существенную помощь оказали А. А. Гусева, Т. В. Дианова, Л. М. Костюхина, А. Л. Лившиц, Б. Н. Морозов, А. А. Турилов, Н. Б. Шеламанова, за что приношу им глубокую благодарность.

Книга		Коллекция водяных знаков					Примечания
№ табл. лицы	Год и № ВЗ	№ листа	№ за- черк. ВЗ	Запись об источниках зачеркнутых ВЗ	Чис- ло ВЗ на лис- те	Чис- ло за- черк. ВЗ	
1	2	3	4	5	6	7	8
1	1439 г. 1–5	44 об.	146	В книге Ефремов. дре- влеписменной в 1439- м году. Рисунки под № 146	9	9	

1	2	3	4	5	6	7	8
-"	1478 г. 6	20	58	Никона Черныя горы писана 6986. От Филипа Андреева. № 58. Писмен[н]ая. Евангелие толковое 3В-го году. Рисунки под № 58	4	1	Пандекты Никона Черногорца (ОР ГИМ. Увар. 496/227). ПС XV в. № 243. Вероятно, подобный ВЗ и в бумаге рукописи 1494 г.
2	1478 г. 7	1	1 (152)	Древлеписмен[н]а[я] Палея № 152 и ко[н]ца века у Громова 1495	4	4	1495 г. написан Лаптевым карандашом ниже записи об источнике, т. е. подобный ВЗ и под этим годом
-"	1495 г. 8	-"	1	Из древлеписменной книги Жития Иоана Предтечи и разных святых. Рисунки под № 1. От Солодовникова	—	—	В предисловии к книге, с. 10, видимо, опечатка: вместо № 8—14 дано № 7—14
-"	1495 г. 9	-"	1 1/2	Антиоха О прекословии. № 1 1/2	—	—	Слово о прекословии из Пандектов Антиоха. О ВЗ см.: Лихачев. 1891. С. 58 — ВЗ герб Парижа
-"	1495 г. 10	45 об.	152	[См. л. 46, № 151 (152)]	5	2	
-"	1495 г. 11	1	1 (152)	[См. выше № 1 (152), запись общая, и л. 46, Палея № 152]	—	—	
3	1495 г. 12	1 об.	1 (152)	[См. л. 1, № 1 (152)]	5	1	
-"	1495 г. 13	46	151 (152)	Въ печатной книге Псалтыре со воследованием, сложенное от Скары Дамаскинова изобретенное Гю Георгием Цръноевником удобо же обретаемое типикон. 3Г. Рисунок под № 151	5	1	Псалтирь с воследованием. Цетинье, печ. иеромонах Макарий на средства Георгия Черноевича. 1495. В разделе 15: «И злато число, сложенное от Скары Дамаскинова, изобретенное Гюргием Цръноевником». Лукьяненко. 1979. № 2. См. л. 1. № 1 (152)
				Палея № 152			

1	2	3	4	5	6	7	8
-"	1495 г. 14	45 об.	152	[См. л. 1, № 1 (152)]	—	—	
-"	1513 г. 15, 18	43 об.	139	Из книги древлеписменной Святого Селиверста и преподобного Антония Ари[...]вскаго. Рисунок под № 139. 1513	5	2	1513 г. приписан карандашом Лаптевым
3, 4	1513 г. 16, 17, 19	32	103	Писмен[н]ой Охтай сентябрьской. Рисунки под № 103. ЗКА году	4	4	О ВЗ № 17 см.: Лихачев. 1891. С. 62
4	1517 г. 20, 21	40 об.	134	Древлеписменная иноческая Кормчая под № 134 ЗКЕ году Вар[л]аама митрополита	3	2	Последние два слова дописаны Лаптевым
-"	1519 г. 22, 23	10	27	В писменной Козмы Индикоплова в ЗКЗ году. Рисунки под № 27	5	4	Рисунки двух ВЗ № 27 в книгу не вошли, но их названия («быгачья небольшая голова» и «звезда о 8 лучах с кружком внутри») есть среди «описанных» ВЗ XVI в. в предисловии
-"	1536 г. 24–27	8	21	Из писменной Псалтыри толковой, рисунки под № 21, от Серебрякова, писаной в Москве ЗМД-го	7	4	
5	1556 г. 28–30	19 об.	56	Писменная Миния сентябрьская Макариевская ЗЗД году. Рисунки под № 56	5	3	См. об этом на с. 143
-"	1561 г. 31–33	9	24	Писме[н]ная Устав Иерусалим[ский] подписана 7069-го году под № 24	6	5	

1	2	3	4	5	6	7	8
5, 6	1574 г. 34, 36, 38-40	9 об.	34, 36-40	1574 года должен быть оконч[еи] 1513 году, а по другим по се[н]тябрьской писмен[н]ой Минее 1536, ибо в других книгах разных фабрик бумага лежавшая долго, с новою после задолго вышедшею приложена	7	1	В книге Лаптева вместо ВЗ № 34 («единорог») Рготическая, остальные ВЗ, не зачеркнутые на этом листе коллекции, присутствуют (годы см. на с. 11). «Бегущий единорог» есть среди «описанных» ВЗ XVI в. в предисловии
5	1574 г. 35	?	?	?	?	?	Включен новый знак «шифр 4 с литерами»
6	1574 г. 37	10	25	[Записи нет. № 25 идентичен № 37 1574 г. на л. 9 об. и в книге]	—	—	
6, 7	1581 г. 41-45, 48	8 об.	23	Библии острожской, печатанной в 1581-м году, под № 23	6	6	Библия. Острог, печ. Иван Федоров. 1581. Зернова. 1947. С. 55-64
7	1581 г. 46, 47	9	23	[См. л. 8 об. № 23]	—	—	В конце табл. 7 начинаются ВЗ с датами, но без номеров
7, 8	1594 г. 49, 50 и еще семь ВЗ	5 об.	11	В Книге Василия Великаго о постничестве, печатанной в друкарне острожской в 1594-м году. Рисунки под № 11-м. От Ундозерова	9	9	На л. 5 об. рисунки двух ВЗ 1594 г. из табл. 7, остальные в табл. 8. Василий Великий. Книга о постничестве. Острог, 1594. УККП 1. № 7
8	1594 г. 2 ВЗ	5	11	[См. л. 5 об.]	4	2	
-"	1596 г. 2 ВЗ	26 26 об.	80 -"	И вера остро[ж]ска 1598 [См. табл. 9, л. 26 об. № 80]	4	4	Лукьяненко. 1973. № 42; Лаптев указал на подобный знак 1598 г. (см. л. 23 об., № 80 (141))

1	2	3	4	5	6	7	8
9	1596 г. 1 ВЗ	26 об.	80	Печатной ⁸ ЗРД году Маргарит. Рисунки под № 80	4	4	Иоанн Златоуст. Маргарит. Острог, 1595 (1596). Варва- рич. 1985. № 246. 1595 г.; Ундоль- ский. 1871. № 130. 1596 г.; УККП 1. № 8
-"	1596 г. 1 ВЗ	26 об.	80 А	Никона Черныя горы. У Гро[мо]ва. Печатан[н]ой в Остроге. Под бу- квою А	—	—	В литературе из- дание 1596 г. не- известно. ВЗ «три колоса в щите» — подобный в кни- ге Маргарит
-"	1596 г. 2 ВЗ	27	80	[См. л. 26 об., № 80]	4	4	
-"	1598 г. 1 ВЗ	23 об.	80 (141)	В Книге веры, печатанной 1598. № 141	4	4	Ср. запись на л. 26, № 80
10	1598 г. 1 ВЗ	26	79 (141)	Записи нет	—	—	
-"	1599 г. 1 ВЗ	24	68	Печатная Мелетия папы и патриарха Александрийскаго. Рисунки под № 68. ⁸ ДФЧФ году.	4	1	Послание Меле- тия патриарха Александрийско- го к Ипатию По- тею. Острог, 1599. Миловидов, 1908. № 390
10, 11	1599 г. 4 ВЗ	44 об.	145	В книге Соборник, писанной в лето ⁸ ЗРЗ. Отъ Ефима Савича [Петрова]. Рисунки под № 145			
11	1599 г. 1 ВЗ	23 об.	68	[См. л. 24]			
-"	1607 г. 2 ВЗ	26, 26 об.	79	Печатная ⁸ ДХЗ году Лекарство на оспалый умысел. Рисунки под № 79	—	—	Лекарство на оспа- лый умысл чоловечий. Острог, 1607. Быкова. 1972. № 20
12	1614 г. 4 ВЗ	36	114	[См. л. 36 об.]	5	2	Иоанн Златоуст. Книга о священ- стве. Львов, 1614

1	2	3	4	5	6	7	8
-	-	36 об.	-	Печатная ЗРКВ го- ду О священстве. Рисунки под № 114	4	3	- УККП 1. № 20
12, 13	1623 г. 3 ВЗ	15	37	Печатная Беседы на четырнадцать по- сланий Святого апо- стола Павла АХКГ году. Рисунки под № 37	5	3	Иоанн Златоуст. Беседы на 14 по- сланий святого апо- стола Павла. Ки- ев, 1623. УККП 1. № 36
13, 14	1624 г. 5 ВЗ	14	36	Печатная Беседы на деяния Святыхъ апостол ЗРЛВ го- ду. Рисунки под № 36.	4	4	Иоанн Златоуст. Беседы на деяния святых апостол. Киев, 1624.
		14 об.	-	[См. л. 14]	5	2	Там же. № 37
14	1625 г. 2 ВЗ	33 об. 34 об. 35	111 - -	[См. л. 34 об.] Печат- ная вера. Рисунки под № 111 АХКЕ году [См. л. 34 об.]	3 4 4	1 1 3	ВЗ № 111 («ка- бан») зачеркнут, но в книгу не включен
14, 15	1627 г. 2 ВЗ	21 об.	64	Печатной Лексикон Берынды АХКЗ го- ду. Рисунки под № 64. Киев	5	4	Памва Берын- да. Лексикон словеноросский. Киев, 1627. УККП 1. № 48. Зачеркнутый в кол- лекции ВЗ «орел одноглавый без ко- роны в круге» из таблиц ис- ключен, но есть в книге среди «опи- санных» ВЗ
15	1627 г. 2 ВЗ	22	64	[См. л. 21 об. № 64]	5	2	
-	1627 г. 2 ВЗ	2 16	63 46	Печатная Макария Египетского АХКЗ-го году. Рисунки под № 63	2 —	1 —	Духовные бесе- ды Макария Еги- петского. Вильно, 1627. Миловидов. № 70

1	2	3	4	5	6	7	8
16	1628 г. 2 ВЗ	16	46	ДХКН-го году печатной Лимонарь. Рисунки под № 46	5	3	Лимонарь, сиречь цветник. Киев, 1628. УККП 1. № 52
	1 ВЗ 2 ВЗ	3 об. 27	4 81	[См. л. 3, № 4 ?] Печатная аввы Дорофея ЗРЛС года. Рисунки под № 81	3 —	3 —	Дорофей, авва. Поучения. Киев, 1628. Там же. № 51
—	1636 г. 2 ВЗ	3	4 (124)	Из Андриатиса, писанная в ЗРМД году. Рисунки под № 4. От Солодовникова. 1628 по другой	3	2	Дописано карандашом Лаптевым и зачеркнуто
17	1636 г. 2 ВЗ	3 об.	4	[См. л. 3, № 4]	—	—	
17	1636 г. 1 ВЗ	37 об.	124	В древлеписменном сборнике в Пчеле. Рисунки под № 124. 1636	4	1	
17, 18	1637 г. 5 ВЗ	16 об.	49	ЗРМЕ года печатной Службник. Рисунки под № 49	3	3	Службник. М., 1637. Зернова. 1958. № 109 или Службник. Львов, 1637. УККП 1. № 68
		17 об. 18	— —	[См. л. 16 об., № 49] —	4 3	2 1	
18, 19	1641 г. 2 ВЗ и 1 ВЗ («орел одногла- вый»)	13	32	Печатной Устав или церковном оке ЗРМѦ году. Рисунки под № 32	5	2	Устав, сиречь церковное око. М., 1641. Зернова. 1958. № 154
		14	—	[См. л. 13]	—	—	
19, 20	1646 г. 5 ВЗ	47 об.	158	Требник Петра Могилы печатанной 1646 году. Рисунки под № 158. От Чепурина	5	3	Евхалогийон, албо Молитвослов, или Требник [...] Петра Могилы. Киев, 1646. Ч. 1–3. УККП 1. № 93
		48	—	[См. л. 47 об., № 158]	4	2	

1	2	3	4	5	6	7	8
20	1647 г. 1 ВЗ	25 об.	73	Печатная Ефрема Сирина ЗРНЕ года. Рисунок под № 73	3	3	Поучительные слова Ефрема Сирина. М., 1647. Зернова. 1958. № 198
21	1648 г. 1 ВЗ	41	133	Печатная Грам[м]атика иосифовская ЗРНБ [так в тексте] году. Под № 133	3	1	Мелетий [Смотрицкий]. Грамматика славянская. М., 1648. Зернова. 1958. № 206
-"	1648 г. 1 ВЗ	16 об.	47 (109)	Печатная иосифовская Грам[м]атика. Рисунок под № 109 ЗРНБ году. ЗРНЕ-го году печатная Лествица. Рисунок под № 47	—	—	-" Подобный знак встречен и в бумаге Лествицы
-"	1652 г. 1 ВЗ	12	30	В Потребнике, печатном ЗРЗ году. Рисунки под № 30	3	2	Потребник. М., 1651. Зернова. 1958. № 234. У Лаптева ошибка в пересчете
22	1 ВЗ	-"	30 (101)	Писмен[н]ой Жития новых чудотворцов. Рисунок 101	—	—	
22	1653 г. 1 ВЗ	11	30 (74)	Печатная Кормчая ЗРЗА году. Рисунки под № 74	2	1	Кормчая книга. М., 1653 Зернова. 1958. № 248
	1 ВЗ	25 об.	75	Печатная Кормчая ЗРЗА году. Рисунок под № 75	—	—	
23	1653 г. 1 ВЗ	42	136	Писменной Времен[н]ик или Росийская история	—	—	
-"	1659 г. 4 ВЗ	?	?	?			
24	1659 г. 1 ВЗ	21 об.	62	?	—	—	
-"	1666 г. 1 ВЗ	25	72 1/2	Печатной Меч духовный АХЗS года. Рисунок под № 72 1/2	4	1	Лазарь Баранович. Меч духовный. Киев, 1666. УККП 2. Т. 1. № 109

1	2	3	4	5	6	7	8
-"	1666 г. 2 ВЗ	23 об.	72, 72 (137)	Писмен[н]ая Сборник. Рисунки под № 72	—	—	Запись Лаптева: «Ошибка, а старше по другим»
-"	1666 г. 1 ВЗ	24 об.	74 1/2	ЗРОД года[...]печатной. Рисунки под № 74 1/2	3	2	Слово не прочитано
25	1669 г. 1 ВЗ	23	71	аХЗѠ году печатная Мир с богом. Рисунки под № 71	3	1	Иннокентий Гизель. Мир с богом человеку. Киев, 1669. УККП 2. Т. 1. № 115
-"	1690 г. 1 ВЗ	31	93	[См. л. 31 об.]	4	1	
25	1690 г. 1 ВЗ	31 об.	-"	Декабрь, печатная Киевская Миня четия. Рисунки под № 93 аХЧ году	4	1	ВЗ «сердце» в книге без литер С и S у основания, как в коллекции
25, 26	1690 г. 2 ВЗ	28 об.	84	Генварь, печатная Киевская Миня четия. Рисунки под № 84 аХЧ году	4	4	
26	1690 г. 1 ВЗ	32	93	[См. л. 31 об.]	—	—	О ВЗ см.: Лихачев. 1891. С. 61. Сн. 6
26	1696 г. 1 ВЗ	26	76	[См. л. 25 об., № 76]	—	—	
27	1696 г. 1 ВЗ	24 об.	76	[См. л. 25 об., № 76]	—	—	
-"	1696 г. 1 ВЗ	25 об.	76	аХЧS году печатное Евангелие Кирила Транквилика. Рисунки под № 76	—	—	Кирилл Транквилион. Евангелие учительное. Унев, 1696. Варварич. 1985. № 329
-"	1700 г. 1 ВЗ	28 об.	86	[См. л. 29 об. № 86]	—	—	
27, 28	1700 г. 4 ВЗ	29 об.	86	Март, печатная Киевская Миня четия. Рисунки под № 86 аΨ году	6	5	ВЗ «собака с высунутым языком» в книгу не включен. Димитрий (Туптало). Книга житий святых [...] на три месяца третий март, апрель, май. Киев, 1700

1	2	3	4	5	6	7	8
28	1700 г. 1 ВЗ	30 об.	87	Апрель, печатная Киевская Миняя четия. Рисунки под № 87 $\tilde{\Psi}$ году	1	1	—" УККП 2. Т. 1. № 173

Список сокращений: *Быкова*. 1972. — Каталог изданий Острожской типографии и трех передвижных типографий / Сост. Т. А. Быкова. Л., 1972; *Варварич*. 1985. — Славянские книги кирилловской печати XVI–XX вв.: Каталог книг, хранящихся в Государственной исторической библиотеке УССР / Сост. Г. Е. Варварич. Науч. ред. Н. П. Визирь. Киев, 1985; *Лукьяненко*. 1979. — Издания кириллической печати XV–XVII вв.: Для южных славян и румын: Каталог книг из собрания Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина / Сост. В. Я. Лукьяненко, Ред. Е. Э. Гранстрем и В. М. Загребин; *Миловидов*. 1908. — *Миловидов А. И.* Старопечатные славяно-русские издания, вышедшие из западно-русских типографий XVI–XVIII вв. М., 1908; *Ундольский*. 1871. — *Ундольский В. М.* Очерк славяно-русской библиотеки. М., 1871; УККП 1. — Украинские книги кирилловской печати XV–XVIII вв: Каталог книг, хранящихся в Государственной библиотеке СССР имени В. И. Ленина. В 3-х вып. / Сост.: Каменева Т. Н., Гусева А. А. Науч. ред. Сидоров А. Л. М., 1976. Вып. 1: 1574 г. — 1-я половина XVII в.; УККП 2. — То же. Вып. 2. Т. 1.: Киевские издания 2-й половины XVII в. М., 1981. Остальные сокращения названий книг см. по фамилиям их авторов в именном указателе.

Таблица дает наглядные доказательства для следующих выводов о соотношении водяных знаков в коллекции и в книге И. П. Лаптева.

Прежде всего, она показывает большую работу автора по отбору рисунков из коллекции. В книгу вошло 150 рисунков, а в коллекции на момент подготовки рукописи их было значительно больше. Об этом свидетельствует уже итоговое число знаков в графе 6—238, но оно отражает лишь немногим более половины имевшихся у Лаптева знаков, так как не включает знаки на тех листах, где имеются только незачеркнутые рисунки. Общее число филигранных в коллекции к моменту составления таблиц книги указал сам Иван Петрович в тетради, именно в том месте, где кончаются зачеркнутые знаки: «По сию страницу 427 рисунков» (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 48 об. Валовый № 158). Разница в числах 427 и 158 возникает в результате того, что в коллекции часто один и тот же номер имеют несколько рисунков.

Чем же объяснить несовпадение числа рисунков в книге и имевшихся к тому времени в коллекции? Вспомним замечание Ивана Петровича, что рисунки взяты из датированных источников. На мой взгляд, решив выпустить книгу, Лаптев к тому времени не успел обработать коллекцию полностью: не все источники были датированы, а некоторые, взятые на время, были возвращены владельцам. Не случайно в семи записях (графа 5) указаны фамилии лиц, от которых получены рукописи или книги (Филиппа Андреева, Солодовникова, Громова, Серебрякова, Ундозерова, Ефима Саввича Петрова, Чепурина). В записях к незачеркнутым рисункам в пределах 48 листов лаптевской коллекции их больше (не говоря уже о последующих записях. Подробнее

о них см. в гл. IV, при анализе всей коллекции водяных знаков). Кроме вышеназванных встречаются фамилии Г. А. Розенкампа, Ф. А. Толстого, А. И. Сулакадзева, Добрецова, Смирнова, Василия Кузмина, Нефедова, Тифинца, Шулепова, т. е. уже в то время Лаптев получал (или покупал?) у них книги. Например, на л. 13 к филиграну № 33 из бумаги списка произведения Дионисия Ареопагита, не включенной в книгу, записано: «Отдана Громову». Прямо о приобретении источника свидетельствует единственная запись, по времени относящаяся уже к периоду после издания «Опыта», на л. 49 об.: «Книга Дионисия Ареопагита: куп[лена] отъ Пелевина. Рисунки подь № 165». Или слово «куплена» в других случаях опускалось?

Из 150 филиграней, воспроизведенных в книге, 148 соответствуют зачеркнутым рисункам в коллекции (графа 7). Неточность связана с изменениями в составе водяных знаков, внесенными Лаптевым при подготовке черновой рукописи и окончательного, белого варианта, а, возможно, и с моими просчетами: 1) не обнаружены среди зачеркнутых рисунки, помещенные в книгу (табл. 5. 1574 г. № 35; табл. 23. 1653 г. 1 ВЗ («шут») и 1659 г. 4 ВЗ); 2) из первоначально зачеркнутых в коллекции было включено в черновую рукопись 163 рисунка, из которых позже вычеркнуто 13, т. е. они исключены из книги или перенесены в группу 20 «описанных» знаков в предисловии (некоторые из них отмечены в графе «Примечания»); 3) вместо них, согласно указаниям Лаптева, были добавлены новые рисунки из незачеркнутых или даже вновь выявленных знаков, «чтобы всего было 150». Рассмотренные выше указания Ивана Петровича своим помощникам (на л. 1 рукописи) о замене вычеркнутых знаков заставляют предполагать, что в окончательном, белом варианте часть их была заменена другими. Таким образом удалось выявить последовательность отбора водяных знаков для таблиц книги и их совпадение с рисунками коллекции.

Записи об источниках воспроизведения филиграней, оставленные на листах коллекции рисунков ВЗ главным образом помощниками Ивана Петровича (сыном и дочерьми), а также им самим, носят рабочий характер, не всегда полны и точны. Такие недостатки в целом ряде случаев (прежде всего это касается рукописей) не позволяют выявить точное название источника, у нескольких знаков они отсутствуют (см. табл. 5, 1574 г. № 35; табл. 5, 6, 1574 г. № 34, 36–40; табл. 23, 1659 г. 4 ВЗ). Если удастся установить местонахождение самих источников, можно определить степень точности водяных знаков в книге Лаптева (повторенных в альбоме Тромонина) и частичный состав собрания Лаптева. Относительно рукописей это станет возможным лишь после полного издания Археографической комиссией РАН Сводного каталога славяно-русских рукописных книг XV–XVI вв.

Но даже имеющиеся неполные записи в коллекции позволяют сделать главный вывод: большинство (2/3) воспроизведенных в книге филиграней взято из старопечатных книг и треть — из рукописей.

Этот вывод опровергает бытовавшее до сих пор представление о том, что И. П. Лаптев снимал рисунки филиграней только или преимущественно из бумаги рукописей (хотя еще А. Х. Востоков в своей рецензии предполагал и печатные книги).

Ранние знаки (все, кроме № 13, XV в. и около половины — XVI в.) воспроизведены из рукописей, остальные — почти сплошь из старопечатных книг. Среди названных рукописей, согласно ПС XV в., № 243, совпадает по году написания (1478 г. ВЗ № 6 «голова быка с крестом и змеей») список Пандектов Никона Черногорца из ОР ГИМ (Увар. 496/227). Изучение бумаги списка показало, что она имеет знак только такого вида, но не тождественный лаптевскому, а отличающийся в деталях. У Ш. Брике (№ 15366–15380, 1474 г.) приведен знак, подобный знаку бумаги Пандектов, а на с. 771 указано «Russie, 1478–1495 — voy Lanteff (№ 1 et 12)» (опечатка в фамилии Лаптева и нумерации). Искомые знаки находятся в книге «Опыт», табл. 1, № 6 и табл. 3, № 12. Поиски в ОР ГИМ рукописей, указанных в книге, — табл. 2 (Палея 1495 г. ВЗ № 11, «тиара») и табл. 5 (Миней сентябрьская Макарьевская 1556 г. ВЗ № 28–30: «щит гербовый», «топор», «тиара») — дали отрицательные результаты. В первом случае Палея в сборнике 1495 г. (Увар. 566. В ПС XV в. № 320) написана на бумаге с иной филигранью — «круг». Других списков Палея 1495 г. в ПС XV в. не отмечено. Во втором случае нам любезно помогла Л. М. Костюхина, исследовавшая филигранные Успенского (опубл. в сб. «Филигранологические исследования», с. 78–86), Царского (не опубликовано) списков Макарьевских Миней-четьих. Датировка (1556 г.) и филигранные лаптевской миней не позволяют отнести ее к Макарьевской.

Что касается старопечатных книг, использованных Лаптевым для снятия рисунков филиграней, то большей частью они изданы в Остроге, Киеве, Москве, а также во Львове, Вильно, Уневе. Среди них произведения византийских церковных писателей Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Иоанна Лествичника, восточнославянских деятелей Мелетия Смотрицкого, Памвы Берынды, Лазаря Барановича, Иннокентия Гизеля и др. Помимо инкунабулы — Псалтири с воследованием 1495 г., одной из четырех книг, напечатанных в Цетинье — столице черногорских властителей Черноевичей (не учтена в библиографии В. С. Сопкива), и другие издания отмечены в каталогах того времени как «редкие» или «очень редкие». В датировке Лаптевым ряда из них не обошлось и без ошибок, что можно объяснить неполнотой сохранившихся экземпляров, наличием в послесловии несопоставимых данных, а также неточностями в переводе дат. Так, относительно выхода Послания Мелетия Александрийского к Ипатию Потееу Лаптев, как и некоторые позднейшие книговеды, указал дату издания — 1599 г. И. П. Каратаев в «Описании славяно-русских книг, напечатанных кирилловскими буквами» (СПб., 1883. Т. 1. № 159. С. 288), изучив издание в собрании М. П. Погодина, установил, что книга

без заглавного листа, а напечатана в 1605 г. в Дермани (Сопиков. Ч. 1. № 612). В ряде случаев (табл. 9. 1596 г. Маргарит; табл. 21. 1652 г. Потребник) даты издания разнятся с указанными в справочниках в один год, что вызвано разным переводом их на новое летосчисление. Правда, и другие исследователи XIX в. датировали Маргарит не 1595 г., а 1596 г. (см., например: Ундольский. 1871. № 130; Миловидов. 1908. № 383), поскольку в послесловии одно из летосчислений дано ошибочно. Требник же (М., 1651) под 1652 г., указанным Лаптевым, в справочниках отмечается в Москве и в Киеве.

Попытаемся выяснить, на каком основании установлен Лаптевым 1596 г. (в книге табл. 9) издания сочинения Никона Черногорца в Остроге. В то время исследователи первое неоконченное его издание относили к 1640 г. (Острог). Позже И. П. Сахаров («Обозрение славяно-русской библиографии». СПб., 1849. Т. I. № 890) заметил, что острожская типография прекратила свою работу в 1612 г. Поэтому можно полагать, что книга вышла либо раньше, либо — не в Остроге. Все известные ее экземпляры не имеют выходных данных. Ныне, благодаря изученности шрифта и орнамента, неоконченное издание Пандектов датируют 1592 г. (в Вильно)⁴⁷⁾. Как писала А. С. Зернова, водяные знаки его бумаги те же, что в других изданиях типографии Мамоничей 1590-х годов. Следовательно, И. П. Лаптев, как и его современники, заблуждался относительно места издания книги, но был ближе к истине, устанавливая подобие одного из знаков бумаги данного издания и книги Маргарит 1596 г. И здесь, изучая филигранны, он стоял на пороге открытия действительной даты первого издания сочинения Никона Черногорца, но... Опубликовав знак, указывающий на несоответствие принятой датировки, других водяных знаков бумаги этой книги Лаптев не привел, оставшись верным традиции того времени.

Трижды фигурирует в записях об источниках (графа 5) Книга о вере. Первый раз (табл. 8) водяной знак («литеры IP в картуше с волнами») 1598 г. указан лишь дополнительно к ВЗ из книги Маргарит 1596 г. как подобный. Второй раз (табл. 9. 1598 г.) — самостоятельно, ВЗ — «кошка с глазами в круге»; третий (табл. 14. 1625 г.) — тоже самостоятельно, ВЗ — «рыба в круге» и «картуш под цветком». Полного названия произведения в записях нет, место издания отмечено лишь в первом случае (Острог), поэтому точно определить, какую книгу или сборник с этим сочинением имел Лаптев, нельзя. Но в 1825 г. П. И. Кеппен в «Библиографических листах» (№ 39. Стб. 579) написал о наличии у И. П. Лаптева книги «О единой

⁴⁷⁾ См.: Зернова А. С. Типография Мамоничей в Вильно // Книга: Исследования и материалы. М., 1959. Вып. 1. С. 204–205; Каталог белорусских изданий кирилловского шрифта XVI–XVII вв. / Сост. В. И. Лукьяненко; Ред. Е. Э. Гранстрем. Л., 1973. Вып. 1. № 23; Буланин Д. М. «Пандекты» и «Тактикон» Никона Черногорца // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. I (XI – первая половина XIV в.). С. 293.

истинной православной вере» (Острог, не ранее 1588 г. или «еще позже»), исправив прежнюю датировку В. С. Сопикова (Ч. 1. № 750. 1583 г.). Расхождения в датировке сборников, включавших это произведение, по другим справочникам проанализированы в каталогах Т. А. Быковой (Л., 1972) и В. И. Лукьяненко (Л., 1973). В последнем под № 42 описан конволют из библиотеки Ф. А. Толстого, состоящий из «Книги о вере» — неполного экземпляра без выходных данных, приплетенного к «Книжце в десяти отделах» (Острог, 1598 г.). Не таким ли экземпляром располагал Лаптев? На этот вывод наталкивают и приведенные выше замечания Кеппена.

Не вписывается в известные датировки и 1690 г., под которым значатся в табл. 25, 26 филигранные из киевских изданий декабрьской и январской Миней-четьих.

Наблюдения по поводу датировки источников, которые использовал Лаптев в своей книге, конечно, важно дополнить выводами о самих филигранных. Но на данном этапе исследования нет возможностей указать конкретные экземпляры старопечатных книг, принадлежавших ему. И все же рискнем провести самое приближенное изучение: сравним опубликованные Лаптевым филигранные с филигранными бумаги некоторых одноименных старопечатных изданий в Отделе редкой книги Российской государственной библиотеки, учитывая использование для печати определенной бумаги (как показали книговеды) и повторяемость (но не тождественность) водяных знаков.

Просматривая бумагу книги Иоанна Златоуста Маргарит (Острог, 16. VII. 1595. 4°. 545 л. «Библиотека Веры Андреевны Харитоненко»), полные филигранные установить трудно, так как их части находятся у корешка и порой плохо видны. И тем не менее можно обнаружить элементы всех знаков, помещенных Лаптевым под 1596 г. (табл. 8, 9), кроме ВЗ «лебедь в геральдическом щите» (в этом можно усматривать отличие бумаги экземпляра Лаптева). В бумаге книги чаще всего встречается ВЗ «кошка с глазами». Становится понятным, почему Лаптев в коллекции (л. 26, № 80) к рисункам из книги Маргарит приписал «И вера острожска 1598», т. е. указал на наличие в ней разновидности знака «кошка», а в книге «Опыт» поместил ее как самостоятельный знак в табл. 9 под 1598 г. (в коллекции — л. 23 об., № 80/141).

Бумага книги Маргарит имеет ВЗ «три колоса в щите», который у Лаптева дан в табл. 9, 1596 г., т. е. вместе с рисунками из этой книги. В коллекции, л. 26 об., № 80 А, записана еще книга «Никона Черные горы». Изучение бумаги последней в РГБ (Книга Никона Черной горы [Вильно, тип. Мамоновичей, ок. 1592 г.]. 2°. 95 л.) подтвердило наличие такого знака (наряду с другими), т. е. Лаптев, как отмечено выше, вновь имел в виду подобные знаки в бумаге разных книг.

Просмотр в РГБ de visu другого большого по объему острожского издания — Книги о постничестве Василия Великого (Острог, тип. острожская, 3. III. 1594. 2°. 603 л. Инв. 100. Имеются владельчес-

кие записи) позволил установить в ее бумаге тоже все филигранные, подобные воспроизведенным в книге Лаптева (табл. 7, 8, № 49, 50 и остальные 9 рисунков 1594 г.). Однако в просмотренном издании есть и другие, плохо различимые, знаки. К тому же у Лаптева высота знаков меньше, не совпадают и некоторые детали рисунков, особенно «топор в геральдическом щите под короной» и герба Любич, а ВЗ «кошка без глаз в круге» в Книге о постничестве дополняется его разновидностью в неровном круге или щите. Четыре знака перевернуты, т. е. скопированы с перевернутых в книге листов («восстановлены» в альбоме Тромонина 1844 г.).

И наконец, обратимся к известному изданию Ивана Федорова — Библии (Острог, 12. III. 1581. 2°. 628 л.). Оно вышла большим тиражом 3–4 тыс. экз. (до нашего времени дошло более 250 экземпляров, в РГБ хранятся 33). Бумага изучалась как книговедами, так и филиграноведами⁴⁸⁾, но сводного альбома филигранных, которого это издание заслуживает, пока не создано. Попытку составления таблицы и реестра 157 водяных знаков (27 типов) бумаги издания по экземплярам из хранилищ Львова, Киева и Вильнюса предпринял О. Я. Мацюк. Мы сравнили рисунки из лаптевского экземпляра Библии («Опыт», табл. 6, 7. № 41–48) с рисунками в указанной таблице Мацюка. Удалось установить общность знаков не только на уровне сюжета, но и на уровне вида в бумаге экземпляров, хранящихся преимущественно в библиотеках Львова, отчасти — Киева⁴⁹⁾. В альбоме Э. Лауцявичюса, поместившем филигранные издания Библии, находящегося в Научной библиотеке Вильнюсского университета, подобных лаптевским знаков нет, кроме, пожалуй, № 2706.

Таким образом, подтверждается, что ряд записей в коллекции, как отмечалось, указывают на два источника: один — под датой филигранные, другой — более поздний, в бумаге которого был замечен подобный знак. Точнее определить степень сравнения знаков, не зная конкретного лаптевского экземпляра и учитывая неточность его рисунков, затруднительно. Изучение бумаги нескольких старопечатных книг показало, что из некоторых источников Иван Петрович воспроизводил не все знаки, а хорошо видимые или наиболее заинтересовавшие автора, или редко встречающиеся, но прежде всего ясно различимые. Отмеченный подход вполне понятен на том этапе, когда еще не было издано ни в России, ни за рубежом альбомов филигранных, т. е. материалом для сравнения служили преимущественно филигранные бумаги

⁴⁸⁾ *Зернова А. С.* Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947. С. 45–55; Книги кирилловской печати XV–XVIII вв.: Каталог / Под общей ред. Е. Л. Немировского. Сост. А. А. Гусева. М., 1979. № 17; Первопечатник Иван Федоров: Описание изданий и указатель литературы о жизни и деятельности / Сост.: Е. Л. Немировский, М. В. Галушко, А. Д. Кизлык. Львов, 1983. № 12; *Мацюк О. Я.* Бумага изданий Ивана Федорова // Федоровские чтения, 1978. М., 1981; и др.

⁴⁹⁾ *Мацюк О. Я.* Указ. соч. С. 22–33. № 2, 44, 56, 63, 66, 72, 110, 111.

самых источников. Данное обстоятельство, помимо недостаточных навыков к рисованию у помощников Лаптева, и обусловило неточности при воспроизведении филиграней.

Попутно одно замечание. Крупнейшие отечественные книговеды А. С. Зернова, Е. Л. Немировский, А. А. Гусева, признавая филигранные бумаги как средство датировки старопечатных книг, указывают на ограниченность их применения, поскольку датировка возможна в пределах не менее 10 лет. В то же время изучение шрифтов изданий позволяет устанавливать даты с точностью до года. И с этим нельзя не согласиться, тем более что книговеды имеют в своих руках больше средств для датировки, чем исследователи рукописей. Но вместе с тем история филиграноведения показывает, что при наличии подробных альбомов отдельных знаков, знаков бумаги конкретных рукописей, фабрик и т. д., также можно сократить пределы датировки.

В количественном отношении справочник Лаптева содержит в 10 раз больше рисунков знаков, чем во всех вместе взятых русских публикациях филиграней до него.

Небольшая, но уникальная по содержанию книга И. П. Лаптева не затерялась среди крупных исторических работ и публикаций тех лет и вскоре получила научный резонанс. Ее сразу же приобрели некоторые члены кружка Н. П. Румянцева, в том числе и первые публикаторы филиграней в России. Еще до выхода рецензии книга стала предметом обсуждения в переписке между ними. Думается, что одним из первых узнал о ней П. И. Кеппен, который как раз в октябре 1824 г. обратился в Петербургский цензурный комитет за разрешением (и получил его) издавать журнал «Библиографические листы», в котором предполагал сообщать обо всех новых книгах в России.

Граф Н. П. Румянцев, находясь в своем имении в Гомеле, получил из Петербурга с «кладью» книгу Лаптева (видимо, заказал ее по подписке) и тут же сообщил о ней кружковцам. 6 января 1825 г. он писал начальнику Московского архива Коллегии иностранных дел Алексею Федоровичу Малиновскому, известному историку, архивисту и археографу, постоянно помогавшему ему в публикациях документов: «Вы, конечно, для библиотеки Архива купите опыт старинной русской дипломатики (так в тексте. — Ю. А.), новое сочинение купца Лаптева». И просил передать К. Ф. Калайдовичу, чтобы тот прислал отзыв об этой книге: «Правильно ли сочинитель приписывал разным периодам годов знаки, существующие в бумагах, все ли он их описал, и нет ли Константину Федоровичу известных знаков, о коих умолчал г. Лаптев»⁵⁰.

9 января Н. П. Румянцев написал письмо в Петербург другому члену кружка, известному ученому — слависту и палеографу А. Х. Востокову и среди прочего выразил надежду, что ему, «конечно, известен

⁵⁰ Переписка Н. П. Румянцева // ЧОИДР. М., 1882. Кн. 2. Отд. I. С. 305. № 344.

опыт в старинной русской дипломатике, изданный ныне вологодским купцом Иваном Лаптевым». Хотя Румянцев уже имел книгу, прочел ее и посчитал, что «сочинение вовсе незрелое», тем не менее поручил купить еще экземпляр для своей петербургской библиотеки. Далее, признав свое «по этой материи полное незнание», Николай Петрович просил Александра Христофоровича, как и Калайдовича, дать замечания на книгу. «Нет ли в творении сем ошибок в определении периодов тех годов, к коим он относит бумаги по их гербам (водяным знакам? — Ю. А.); все ли гербы тех периодов ему известны были», — спрашивал он. Будучи широко образованным и очень любознательным человеком, он просил рекомендовать соответствующую иностранную литературу, наивно полагая, что «между трудолюбивыми немцами» отыщется автор, «который бы в одном и полном сочинении передал нам особую историю писчей бумаги и о всех ее гербах с означением, где фабрики существовали». Спрашивал, нет ли по этому вопросу «достаточных известий» во французских и немецких сочинениях по палеографии⁵¹. Граф Н. П. Румянцев не знал, что, несмотря на использование филигранных для датировки источников в Западной Европе с начала XVIII в., достаточного материала еще не было собрано. И хотя работы по истории материала для письма, в том числе бумаги, там уже существовали, но одного обобщающего сочинения «о всех ее гербах» (филиграниях) не могло быть по причине их многочисленности, как не было и специальных работ о датировке рукописей по водяным знакам.

31 января 1825 г. Востоков ответил Румянцеву, что купил для него еще один экземпляр книги Лаптева. В этом же письме он дал ей оценку: «Сочинение сие без сомнения неполно и недостаточно, однакож как первый у нас опыт в сем роде заслуживает всякой благодарности»⁵², и изложил замечания, развернутые позднее в его печатной рецензии. Понимая трудность поиска и разработки филигранных, особенно для провинциального любителя, Востоков прощал ряд недостатков книги: «Многие заводские клейма не были известны издателю, имевшему в руках небольшое только число р[уко]п[и]сей; при том же извинительно, что он не показал, к каким городам или фабрикам принадлежал какой герб: к определению этого надобна большая начитанность»⁵³.

Что касается иностранной литературы, о которой спрашивал Румянцев, то Востоков сообщил, что он, собирая коллекцию филигранных,

⁵¹ Переписка А. Х. Востокова // Сборник статей, читанных в ОРЯС... СПб., 1873. Т. 5. Вып. 2. С. 164. № 100. В «Русской палеографии» Л. В. Черепнина (с. 47) эта фраза ошибочно трактуется, как предложение графа о важности продолжения работы и создании «полного сочинения». Данная трактовка перешла в обзор В. А. Мошина «Die Filigranologie als historische Hilfswissenschaft» (Papierschichte. Jg. 23 (1973). H. 5/6. Mainz. Juni 1974. S. 31).

⁵² Переписка А. Х. Востокова. Т. 5. Вып. 2. С. 169. № 104.

⁵³ Там же.

тоже искал, «нет ли какого-нибудь полного сочинения о сем предмете, но доселе ничего такого не нашел», кроме того, что «при Каталоге Библиотеки Сантандера (1801 г.) приложены изображения знаков на бумаге первопечатных XV в. книг, с означением, где находились фабрики бумажные. Следовательно, таблицы сии заключают в себе только фабрики последней половины XV столетия»⁵⁴). Обещал продолжить поиск и сообщать графу о результатах.

Напомним, что книгу Янсена (как и Верса) использовал еще Н. М. Карамзин в первом издании (1817 г.) «Истории государства Российского». Востоков только в 1825 г., после выхода книги Лаптева, углубившись в поиски литературы о филигранях, обнаружил ее и еще какую-то немецкую книгу (возможно, Верса) и написал об этом Николаю Петровичу⁵⁵). В письме Востокову от 17 февраля 1825 г. Румянцев согласился с его оценкой «Опыта», вспомнил свое посещение в Париже библиотеки князя Ш.-М. Талейрана и знакомство с его библиотекарем (Янсенем), который «славился ученостию», а также просил купить и прислать ему упомянутые Востоковым французскую и немецкую книги⁵⁶).

Выполнил просьбу графа и другой ученый — К. Ф. Калайдович. В письме от 19 февраля 1825 г., сообщая, что «теперь только получил книгу “Опыт...”», он не только высказал свое мнение о книге Лаптева, но фактически изложил и основные требования к составлению альбомов филиграней (см. об этом гл. I). «Непреклонная строгость критического взгляда»⁵⁷) Калайдовича проявилась и здесь. Он оценил «Опыт» как «легкое начало к тому способу распознавания старинных рукописей, который принимается в уважение, когда настоящее свидетельство времени — почерк — приводит палеографа в недоумение». И далее отметил, что «Опыт» «достоин уважения по благонамеренности, по новости у нас сего предмета и по желанию сочинителя пополнить и исправить ошибки и недостатки...»⁵⁸). К недостаткам он относил отсутствие в книге уже опубликованных знаков⁵⁹) (заметим, что Лаптев и не ставил такой задачи, он издавал только вновь выявленные знаки), а также описания прорисей (в каком городе, государстве

⁵⁴) Переписка А. Х. Востокова. Т. 5. Вып. 2. С. 169. № 104. См.: *Serna-Santander M. S. de la. Des observations sur le filigrans du papier des livres imprimés dans la XV-e siècle // Supplement au catalogue des livres de bibliothèque de M. S. de la Serna-Santander. Bruxelles, 1803. An. XI. Опубл. 147 филиграней XV в.*

⁵⁵) Как объяснено в I гл., это письмо не сохранилось.

⁵⁶) Переписка А. Х. Востокова. Т. 5. Вып. 2. С. 174. № 109. С. 439. Примеч. И. И. Срезневского.

⁵⁷) *Безсонов П.* Константин Федорович Калайдович: Биографический очерк. М., 1862. С. II.

⁵⁸) Опубл. в обзоре: *Козлов В. П.* Малоизвестные письма К. Ф. Калайдовича к Н. П. Румянцеву // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 225.

⁵⁹) Как раз в 1824 г. вышла его работа об Иоанне, экзархе болгарском, с публикацией четырех филиграней.

производилась бумага) и названия рукописей, из которых они сняты. Исходя из того, что «до времени Петра мы вряд ли имели свою бумагу», Калайдович предложил дополнить книгу Лаптева публикациями филиграней из иностранных работ, но самих работ не назвал.

В основном эта критика совпадала с замечаниями в печатной рецензии Востокова. Хотя Востоков, живший в Петербурге, не встречался в то время с Калайдовичем. Румянцев в письме от 10 марта 1825 г. ответил Калайдовичу: «Ваши замечания на опыт купца Лаптева весьма справедливы и любопытны»⁶⁰.

Отзывы Н. П. Румянцева, А. Х. Востокова, К. Ф. Калайдовича дают основание полагать, что до выхода книги они И. П. Лаптева не знали, считали его вологодским купцом, хотя он уже проживал в Петербурге. Приведенная переписка была опубликована только во второй половине XIX в., а письмо Калайдовича — в конце XX в. Поэтому с изложенными в ней отзывами ученых Лаптев не мог ознакомиться, а вот с печатной рецензией, безусловно, смог (о том, что Иван Петрович с семьей следили за откликами на книгу, говорит полный их список, составленный Ольгой Ивановной, ставшей таким образом его первым «библиографом». См. об этом с. 125).

Вскоре после рассмотренной переписки, 28 марта 1825 г. в издаваемых П. И. Кеппеном «Библиографических листах», № 10, в разделе «Древности» появилась блажелательная рецензия А. Х. Востокова на книгу И. П. Лаптева. Этот журнал уделял основное внимание библиографии и рецензированию книг, особенно по истории России и славяно-русской филологии. Просуществовал он, к сожалению, недолго и был закрыт по доносу попечителя Казанского учебного округа М. Л. Магницкого. Рецензия, как и другие статьи в данном издании, без подписи, но известно, что многие материалы помогал готовить А. Х. Востоков. Б. М. Клосс написал, что автограф рецензии хранится в ОР РНБ⁶¹, но шифр не указал.

Отталкиваясь от сообщения о поступлении в Публичную библиотеку печатного экземпляра «Библиографических листов 1825 года» с дополнениями и записями на страницах, а также с запиской А. Х. Востокова (вклеенной перед № 10 этого издания) со словами: «Вот вам статья о книге Лаптева»⁶², я обратилась к ф. 347 (Кеппены П. И. и Ф. П. Оп. 266 а. Д. 19) в ОР РНБ. В нем действительно сохранилась

⁶⁰ Частично опубл.: *Безсонов П.* Указ. соч. С. 184. Полнее — в указ. обзоре В. П. Козлова. См.: РГАДА. Госархив. Разряд XVII. Ед. хр. 50 доп. Ч. 2. Л. 96–96 об.

⁶¹ *Клосс Б. М.* Об истории томов Лицевого свода, хранящихся в Публичной библиотеке // *Исследования по источниковедению дооктябрьского периода.* Новосибирск, 1990. С. 111. Сн. 4. На авторство Востокова указал еще И. И. Срезневский (*Обзорение научных трудов А. Х. Востокова, между прочим и неизданных.* СПб., 1865. С. 38).

⁶² Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1903 г. СПб., 1910. С. 53–54.

такая записка. Но к книге Лаптева в ней относится лишь процитированная фраза, а автографа рецензии нет, только печатный ее текст. Видимо, записка была получена П. И. Кеппенем с автографом рецензии, а вклеена позже в типографский текст № 10 издания П. И. или даже Ф. П. Кеппенем. Поиски этого автографа в личных фондах П. И. Кеппена и А. Х. Востокова в СПб. ФА РАН результатов также не дали.

Вернемся к содержанию печатного текста рецензии, которая важна не только для оценки книги Лаптева, но и как выражение взглядов Востокова по вопросам филиграноведения. Вначале, отвечая на просьбу автора книги о снисходительности к недостаткам, он тепло приветствовал появление «Опыта»: «Мы уверены, что те немногие читатели, для коих книжка сия издана, — и именно ученые, занимающиеся библиографией, и книжные торговцы, примут не только снисходительно, но и с благодарностью труд г. Лаптева»⁶³. Тут же объяснил причину — отсутствие даже в Западной Европе полного труда, в котором были бы собраны и описаны «все заводские знаки (фр. *filigrane*, нем. *Wasserzeichen*)» от начала употребления бумаги в разных странах. Вместе с тем он отметил, что многие иностранные авторы работ библиографических, по истории книгопечатания и гравировального дела обращали внимание на филигранные. И отослал к книге библиотекаря князя Талейрана Янсена, в т. I которой на с. 335–392 «сообщаются все до того времени деланные исследования о филигранных пиццей бумаги XIV-го, XV-го и начала XVI-го столетия, и о знаках, какими отмечалась бумага оных фабрик» (стб. 134). Указав на приложение из 287 филигранных, он подчеркнул, что и эта публикация неполна, как можно убедиться «по встречающимся нам знакам на бумаге разных годов XIV и XV столетий» (стб. 135).

Важно определение Востоковым целей использования филигранных в палеографии: «Сии-то знаки могут совокупно с другими приметам, как-то с почерком, с правописанием и пр. служить к определению времени, когда писана [у]ко[п]и[с]ь или когда напечатана книга старинная, на которой года не показано, а отчасти к определению и места или страны, где оныя писаны или печатаны» (Там же). В этой формулировке четко обозначен комплексный подход к средствам датировки источников, свойственный членам Румянцевского кружка (первое место отведено почерку), а также необходимость применения филигранных в датировке как рукописей, так и старопечатных книг (в то время в Европе акцент делался на старопечатные книги). И, как бы полемизируя с Калайдовичем, рецензент отметил, что для определения фабрики производства бумаги, кроме знаков ее, нужны другие источники.

Востоков выделил преимущество книги Лаптева перед работами иностранных авторов, не исследовавших филигранные бумаги XVII в.

⁶³ Библиографические листы 1825 г. № 10. Стб. 133. (Далее ссылки на стб. даны в тексте.)

(здесь в его подсчете лаптевских знаков по векам допущена ошибка), и призвал к изучению водяных знаков более поздних веков, что необходимо не только для датировки рукописей, но и для выявления подделок. О последнем, напомним, было написано в черновой рукописи Лаптева, но в книгу не вошло.

Рецензент сожалел, что автор не поместил прориси 20 «описанных» по векам знаков. Он высказал пожелание, чтобы в новом издании книги были названы источники воспроизведений знаков (предполагая среди них не только рукописи, но и книги), и места их хранения: «Трудолюбивый собиратель сей сделал бы также большой подарок библиографам российским, если бы при новом издании своей книжки показал *из каких именно р[уко]п[и]сей или печатных книг* сняты сообщенные им изображения заводских знаков и где хранятся те *р[уко]п[и]си или книги*» (стб. 135; выделено мной. — Ю. А.). В связи с этим он выразил важную мысль о том, что сокровища частных библиотек «только по приведении в известность возымеют настоящую свою цену, а некоторые из них чрез сие самое избудут, может быть, от истребления» (стб. 136).

От упрека, который сделал Калайдович, за отсутствие указаний на место производства бумаги он воздержался, учитывая сложность вопроса, требующего огромных специальных знаний, как он объяснил в письме к Румянцеву. Употребляя применительно к филиграням термин «заводские знаки», Востоков критиковал Лаптева за использование термина «клейма», хотя последний фигурировал и в официальных указах, и в переписке (в том числе и в письме Востокова Румянцеву). Но, видимо, проведя поиск иностранной литературы о филигранях, сравнив ее терминологию с русской, Востоков пришел к выводу о неточности слова «клеймо», издавна означавшего товарный знак бумаги и других промышленных изделий. Однако его предложение заменить его словом «метка» нельзя признать удачным. Как показывает литература и ученая переписка первой трети XIX в., при сохранявшемся разном в терминологии чаще стали употребляться термины «знаки бумаги», «заводские знаки бумаги» (которые встречаются и в рецензии Востокова).

После закрытия «Библиографических листов» П. И. Кеппен включил их в сборник «Материалы для истории просвещения в России» (СПб., 1826. № 2). Тем самым была переиздана и рассмотренная рецензия А. Х. Востокова. Кроме этой рецензии, книга «Опыт» прошла в сообщении петербургской газеты «Северная пчела» (1825. № 1 от 1 янв.). Кратко передав содержание книги, Ф. В. [Булгарин] пояснил, что «заводские клейма» — «одно из вспомогательных средств» датировки рукописей, привел некоторые названия водяных знаков XV–XVI вв., описанных Лаптевым, и поблагодарил автора «за похвальные его занятия» и за «доставление легкого способа различать рукописи, которые весьма часто подделываются спекуляторами,

и продаются любителям дорогою ценою». В обозрении русских изданий 1824 г. литературного, критического и художественного журнала «Московский телеграф» (1825. № XXIV. С. 391) появилась более квалифицированная заметка Н. А. Полевого. Он писал, что выход в свет книги Лаптева «заслуживает благодарности и библиографов и палеографов», перечислил те же цифры водяных знаков по векам, что и в рецензии Востокова, и упрекнул автора книги за отсутствие названий источников их воспроизведения, добавив: «...а в палеографии точность — главное условие». Не преминул Полевой разъяснить читателям и цель изучения водяных знаков, изложенную в книге, и дать определение филигранны: «...в рукописях бумажных может к определению времени писания их служить знак, или, как называет г. Лаптев, *клеймо* (*filigrane*), обыкновенно помещаемый на фабричных формах и видимый в бумаге». Определение не включало линии сетки формы. Мы видим, как уже первые отклики на издание «Опыта» способствовали распространению знаний о филигранных.

Так приняла книгу И. П. Лаптева научная общественность Москвы и Петербурга. Приняла сразу, с большим вниманием и серьезной критикой, жесткость которой зависела как от уровня знаний в данном вопросе, так и от особенностей характера рецензента. Приведенные материалы показывают, что Лаптев опередил ученых не только в общей постановке вопроса, в издании специального пособия, но и в ознакомлении с трудом Янсена. Однако преимущества ученых — широкая образованность, знание языков, методика работы с источниками и литературой — привели к быстрому выявлению ими иностранных работ и формулировке основных требований к филиграноведческим справочникам на основе собственного опыта работы с рукописями.

Почему же никто из ученых, уже привлекавших филигранны при изучении рукописей и давших их первые публикации в России, не издал специальной работы в этой области не только до Лаптева, но и много позже? Они были заняты выявлением, изучением, публикацией исторических источников, разработкой других важных вопросов истории, палеографии, дипломатики, филологии и т. д. Безусловным препятствием являлись отсутствие на русском языке подробной истории бумаги, длительность и трудоемкость работы по выявлению знаков при недостаточной разработанности других вопросов палеографии. В конце XIX в. Н. П. Лихачев, объясняя, почему даже после альбома филигранных литографов К. Я. Тромонина (1844) не последовало таких изданий, писал: «Для сколько-нибудь систематической работы в этом направлении требуется предварительная невероятная затрата труда, и труда утомительного, скучного. Перелистывание рукописи лист за листом для извлечения одного — двух знаков, медлительное калькирование на свет, с долгим иногда разглядыванием всех деталей знака, все это утомляет и надоедает, а в то же время

растет сознание, что много и очень много надо пересмотреть таких рукописей, прежде чем станет возможным обоснованный вывод»⁶⁴).

Итак, какие же выводы напрашиваются по поводу книги «Опыт»? Книга И. П. Лаптева — первый в России альбом бумажных водяных знаков — ознаменовала определенный этап в их палеографическом изучении. Она свидетельствовала о накоплении знаний в новой области за четверть века не только учеными, но и палеографами-любителями, о соединении коллекционирования филиграней с научными устремлениями. В «Опыте», в отличие от прежних работ русских ученых, где знаки публиковались или описывались в процессе датировки лишь отдельных рукописей, автор самостоятельно сформулировал вывод о месте и значении филиграней в датировке бумажных рукописей в целом. В этом ее преимущество и перед иностранными библиографическими, книговедческими, искусствоведческими изданиями, где филигранные помещались в приложения и использовались в связи с иными источниками — почти исключительно со старопечатными книгами, эстампами, и лишь в небольшой степени — с документами (письмами), рукописями. Основную часть книги Лаптева составил альбом водяных знаков в натуральную величину, т. е. пособие для палеографов, в котором водяные знаки становились объектом изучения. Впервые в Европе были введены в научный оборот рисунки филиграней XVII в. Сегодня, зная содержание более полной работы Лаптева, оставшейся в рукописи, а также состав источников водяных знаков в его книге, мы с полным правом можем утверждать, что он считал филигранные важным средством датирования как рукописной, так и печатной книги.

Являясь до 1844 г. единственным в России специальным пособием для датировки источников по водяным знакам, она стимулировала их собирание, исследование и публикации, наряду с изучением соответствующей иностранной литературы, способствовала развитию не только филиграноведения, но и палеографии.

3. Книга И. П. Лаптева в историографии второй половины XIX—XX в.

Появление «Опыта» — первая робкая пока заявка на самостоятельную разработку филиграноведческих методов, приведшую к концу века к созданию отечественного филиграноведения. Хронологически в России, как и за рубежом, впереди шли описание и публикация знаков, т. е. археография филиграноведения, по выражению Н. П. Лихачева «филигранография». Не случайно, как в XIX в., так и позднее, начало изучения водяных знаков в России, становление традиции филиграноведения связывается с выходом книги Лаптева. Ее издание, вызвавшее переписку между учеными и появление первой в русском

⁶⁴) Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. I. С. СХСІ.

филиграноведении рецензии, не только привлекло внимание ученых, библиофилов, книготорговцев к новому средству в датировке бумажных рукописей, но и стимулировало развитие филиграноведческой мысли и методики в России. Об этом говорят и оценки книги Лаптева во второй половине XIX—XX в. Рассмотрим важнейшие из них.

Еще в 1844 г. К. Я. Тромонин, отметив вышеуказанные недостатки «Опыта», признал, что за отсутствием обобщающих работ и альбомов филиграней книга Лаптева, как и работа Янсена, служили «руководством» для «библиографов и дипломатов», «библиоманов»⁶⁵⁾ (выявленные нами факты использования книги коллекционерами Т. Ф. Большаковым, Н. М. Михайловским и неизвестным подготителем сводного альбома филиграней см. в гл. IV.). Он посчитал необходимым (как бы выполняя пожелания К. Ф. Калайдовича) включить в свой первый в мире сводный альбом филиграней, наряду с вновь выявленными, воспроизведения уже опубликованных знаков из книги Янсена и «знатную часть» из книги Лаптева⁶⁶⁾. Выражение «знатная часть», видимо, означало, что в альбом не вошли описанные в предисловии знаки. Оно ввело в заблуждение авторов позднейших работ, отмечавших, что в альбом Тромонина введена лишь часть знаков Лаптева. На самом деле в него включены все 150 рисунков из книги «Опыт»⁶⁷⁾. Тромонин также уточнил изображение, «как должно» (10 рисунков перевернуты или повернуты в другую сторону, так они выглядят на основной, а не с оборотной стороны листа бумаги). В английском переиздании работы Тромонина со всеми указателями и дополнительными материалами оговорены эти искажения, исправлены ошибки и опечатки в датах лаптевских рисунков, включенных в альбом 1844 г., помещена таблица соотношения номеров филиграней в альбомах Лаптева и Тромонина. Однако в третьем издании труда Ш.-М. Брике (*Les filigranes*. Amsterdam, 1968. Vol. I. P. 42), в аннотации работы Тромонина вновь отмечено частичное включение лаптевских знаков — 50(?) вместо 150, видимо, опечатка.

Таким образом, в составе всемирно известного справочника К. Я. Тромонина, не потерявшего значения до сих пор, полностью, с комментариями и уточнениями изданного только на английском языке, продолжают «жить» и водяные знаки из «Опыта»

⁶⁵⁾ Тромонин К. Я. Указ. соч. С. 3, 4.

⁶⁶⁾ Там же. С. 3.

⁶⁷⁾ Проверено по: Тромонин К. Я. Указ. соч.; дополнения опубликованы С. А. Клепиковым в книге «Указатели к работе К. Я. Тромонина "Изъяснения знаков, видимых в писчей бумаге"». М., 1844 (В помощь архивистам и музейным работникам). М., 1963. Полностью указатели даны в английском переиздании: Tromonin's Watermark Album. A facsimile of the Moscow 1844 edition, with additional materials by S. A. Klepikov / Ed., transl. and adapt. for publ. in english by J. S. G. Simmons. Hilversum, 1965 (Monumenta... Vol. XI).

И. П. Лаптева. О существовании большой коллекции филиграней, собранной Лаптевым в основном уже после выхода «Опыта», Тромонин, как и другие специалисты, видимо, не знали.

Книги И. П. Лаптева и К. Я. Тромонина в качестве «пособия для изучения фабричных знаков» были рекомендованы уже в первом учебном курсе русской палеографии И. П. Сахарова «Чтения из русской палеографии» (М., 1854. С. 43. Литограф. изд.).

В историографических и справочных изданиях 80–90-х годов XIX в. неизменно положительно оценивалась книга И. П. Лаптева.

Славист и археолог А. А. Котляревский в работе «Древняя русская письменность», касаясь вопроса об изучении «проточных заводских знаков» в России, написал: «Палеографически-научное значение сих знаков было ясно обозначено русским палеографом-практиком вологодским купцом И. Лаптевым»⁶⁸). Известный филолог-славист И. И. Срезневский среди важнейших исторических трудов и публикаций, появившихся после Отечественной войны 1812 г. и до 1825 г., «не потерявших и доселе своей ценности», назвал «“Опыт в старинной русской дипломатике” вологодского купца Лаптева (со снимком)», присовокупив: «Каждое из этих явлений давало новые силы науке русской древности вообще и вместе с тем палеографии»⁶⁹). Библиограф и коллекционер А. Е. Бурцев в своем «Описании» определил «Опыт» следующим образом: «Книга замечательная, как по содержанию, так и по редкости издания»⁷⁰). И поэтому воспроизвел полностью предисловие к ней. Неоднократно упоминает в своем историографическом труде книгу и рукописи собрания И. П. Лаптева В. С. Иконников⁷¹), но включения филиграней из его книги в альбом К. Я. Тромонина не отмечает.

Как было показано в гл. I, крупнейший палеограф, дипломатист, основоположник отечественного филиграноведения Н. П. Лихачев даже в конце XIX в. сделал вывод, что в России учеными бумага изучалась недостаточно, а первые специальные работы принадлежат знатокам-любителям И. П. Лаптеву и К. Я. Тромонину. Он внимательно исследовал знаки их альбомов, сравнил со знаками бумаги изученных им рукописей и зарубежных работ, указав неточности прорисей, воспроизвел некоторые водяные знаки в своем сочинении 1891 г.⁷²) и отметил в труде 1899 г.

⁶⁸) Котляревский А. А. Соч. СПб., 1881. Т. 4. С. 288.

⁶⁹) Срезневский И. И. Славяно-русская палеография XI–XIV вв. СПб., 1885. С. 12, 13.

⁷⁰) Бурцев А. Е. Описание редких российских книг. СПб., 1897. Ч. III. С. 502. К этому времени цена книги Лаптева выросла до 10–12 руб.

⁷¹) Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1891, 1892. Т. 1. Кн. 1, 2 (см. имен. указ.).

⁷²) Лихачев Н. П. Бумага и древнейшие бумажные мельницы... С. 58, 62, 67, 71. В таблицах водяные знаки № 206, 235, 259, 538, 685₁ и 685₂.

Характерно, что в XIX в. часто книгу Лаптева причисляли к работам по дипломатике, или для дипломатистов. Это, например, отмечено К. Я. Тромониным, а также в очерке о М. П. Погодине, где Лаптев назван автором «руководства к Дипломатии»⁷³⁾. В позднейшую литературу такое определение вошло, вероятно, со статьей о Лаптеве из Энциклопедического словаря Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, где написано, что «Опыт» «был первым по времени русским трудом по дипломатике»⁷⁴⁾, что, конечно, неверно. Ему вторил известный библиограф У. Г. Иваск, назвавший Лаптева автором «первого русского сочинения по дипломатике»⁷⁵⁾.

Встречаются подобные оценки даже в работах советского периода, хотя терминология названий старейших вспомогательных дисциплин уже устоялась. Так, к дипломатике причислила «Опыт» Т. В. Андреева⁷⁶⁾. В тексте «Очерков по истории исторической науки в СССР» (Т. I. С. 565) книга четко отнесена к области палеографии, но в именном указателе И. П. Лаптев значится «дипломатиком». «Лаптев Иван, вологодский купец, занимался дипломатикой» — написано в именном указателе к изданию VI т. «Истории Российской» В. Н. Татищева (М., 1966. С. 406). Такого же рода неточность вкралась и в иностранный справочник⁷⁷⁾. И только С. М. Каштанов, констатировав слабую разработку теории дипломатики в первой трети XIX в., четко написал, что труд И. П. Лаптева «не имел с ней ничего общего, кроме названия»⁷⁸⁾. Именно название и «подвело» отмеченных выше историков и библиографов.

После капитальных трудов Н. П. Лихачева по истории бумаги и водяных знаков скромная книга И. П. Лаптева, поглощенная альбомом К. Я. Тромонина, осталась историографическим фактом в учебных пособиях по палеографии, в энциклопедиях и других дореволюционных справочниках. Как отмечалось, вошла она и в вологодскую библиографию⁷⁹⁾. Вслед за А. А. Котляревским палеографом назван Лаптев в «Русской энциклопедии» (М., 1914. Т. 11), в работе С. А. Венгерова «Источники словаря русских писателей» (Пг., 1914. Т. III. С. 393. Здесь впервые дана библиография работ с оценкой книги «Опыт»). Однако многие факты, подтверждающие этот тезис

⁷³⁾ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 2. С. 265.

⁷⁴⁾ Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1896. Т. 33. С. 349.

⁷⁵⁾ Иваск У. Г. Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя. СПб., 1912. Ч. I. С. 7.

⁷⁶⁾ Андреева Т. В. П. М. Строев и развитие русской исторической науки в первой трети XIX в. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Л., 1986. С. 10.

⁷⁷⁾ Weiss W. Zeittafel zur Papiergeschichte. Leipzig, 1983. S. 272.

⁷⁸⁾ Каштанов С. М. Русская дипломатика: Учеб. пособие. М., 1988. С. 55.

⁷⁹⁾ Диакторский П. А. Вологжане-писатели: Материалы для словаря писателей, уроженцев Вологодской губернии. Вологда, 1900. С. 62.

изучением Лаптевым не только филигранных, но и других внешних особенностей рукописей, начали появляться в научной литературе лишь недавно, в советское время (см. об этом в гл. IV).

В советских энциклопедиях, как отмечено в предисловии, об И. П. Лаптеве не писали⁸⁰⁾, но его книгу неизменно отмечали в учебниках и обобщающих работах по палеографии, филиграноведению и др. Однако лишь некоторые авторы не ограничились констатацией факта выхода первой в России работы по водяным знакам, а дали ее краткое содержание и оценку. При этом оценка была неоднозначной, не всегда адекватной.

В наиболее ранней из вышедших в советское время специальных работ — учебнике одного из крупнейших славистов В. Н. Щепкина, подготовленном еще до революции, написано: «Первые опыты по палеографии филигранных были сделаны в России» и названы альбомы И. П. Лаптева, К. Я. Тромонина⁸¹⁾. Выражение «палеография филигранных» сродни терминологии Н. П. Лихачева «палеографическое значение бумажных водяных знаков», который в труде 1899 г. под таким названием дал обзор основных зарубежных работ, начиная с XVIII в., привлекавших филигранны для датировки преимущественно старопечатных книг, а также рукописей, эстампов. Щепкин своей формулировкой, видимо, хотел подчеркнуть, что Лаптев, а затем Тромонин впервые издали специальные альбомы филигранных для датировки рукописей в отличие от более ранних зарубежных работ, посвященных другим вопросам, где филигранны использовались попутно, преимущественно для датировки печатных книг, и давались в приложении или при описании отдельных источников.

С этой точки зрения прав Л. В. Черепнин, написавший в «Русской палеографии»: «Изучение филигранных в России началось в 20-х гг. XIX в., когда появился известный труд И. П. Лаптева»⁸²⁾. Однако если понимать под изучением филигранных и их практическое использование при датировке и описании отдельных источников, то оно началось еще за четверть века до выхода книги Лаптева. Черепнин упоминает только работу А. И. Оленина (1806). Как было показано в I гл., водяные знаки привлекались в публикациях ряда ученых. Кроме того, среди ученых и любителей древностей распространялось собирание филигранных не только в эстетических, но и в палеографических целях. Точнее, в коллекционировании филигранных тоже происходил

⁸⁰⁾ Нашу статью о нем см. в энциклопедии «Отечественная история: История России с древнейших времен до 1917 г.» В 5 томах. Т. 3. М., 2000.

⁸¹⁾ Щепкин В. Н. Учебник русской палеографии. М., 1918 (1920). С. 90; Он же. Русская палеография. М., 1967. С. 103; Он же. То же. 3-е доп. изд. М., 1999. С. 114. Автор отметил включение в альбом Тромонина лишь филигранных Янсена.

⁸²⁾ Черепнин Л. В. Русская палеография. С. 224. В работе Н. С. Чаева, Л. В. Черепнина «Русская палеография» (М., 1946. С. 106) И. П. Лаптев назван «первым русским систематизатором филигранных».

перелом к собиранию их с научной целью. Поэтому «Опыт» Лаптева, действительно, стал рубежным историографическим фактом, но иного значения. Книга как бы завершала четвертьвековой период осмысления значения филиграней и их практического применения в датировке отдельных рукописей. Ее выход открывал новый этап в изучении водяных знаков в России.

Известный филиграновед С. А. Клепиков считал И. П. Лаптева и К. Я. Тромонина «пионерами изучения филиграней в России», дал аннотацию «Опыта» в своей первой филиграноведческой библиографии⁸³). Во вступительной статье к переизданию альбома Тромонина он, отметив недостатки «Опыта», тем не менее написал, что Лаптев — единственный «из немногочисленных предшественников Тромонина», который «заслуживает внимания» благодаря изданию специальной книги о филигранях как средстве датировки рукописей⁸⁴). Но книгу Лаптева он не исследовал.

В «Очерках истории исторической науки в СССР» (Т. I. Гл. XI. Разд. II. С. 565. Авторы — академик М. Н. Тихомиров и К. В. Сивков) справедливо констатируется, что крупным достижением русской исторической науки первой четверти XIX в. явилось «расширение самого понятия палеографии и дипломатики» в связи с изучением водяных знаков. Но значение «Опыта» преувеличивается в духе тезиса 1950-х годов о превосходстве русской культуры и науки: «В то время, как западноевропейские палеографы изучали, главным образом, письмо рукописей, русский любитель-палеограф вологодский купец Иван Лаптев впервые в мире обратил серьезное внимание на бумажные водяные знаки». Такая неточность могла возникнуть и как результат застоя филиграноведения в нашей стране в 1930–1940-х годах. В действительности за рубежом обратили внимание на филигранные еще в 30-е годы XVIII в., но первые их изучения были связаны со старопечатными книгами. Ко времени же выхода «Опыта» уже имелись работы Х.-Г. фон Мурра, Дж. Фенна, Р. С. Денне, в которых филигранные применялись в датировке письменных источников, а у Фенна — и в их описании. Что же касается соотношения в изучении почерка и филиграней рукописей, то и русские ученые-палеографы тоже отдавали предпочтение почерку.

В работе М. Н. Тихомирова и А. В. Муравьева «Русская палеография» (М., 1966. С. 15) дана высокая оценка «Опыта»: «Эта книга

⁸³) Клепиков С. А. Филигранные и штемпели на бумаге русского и иностранного производства XVII–XX века. С. 5 и № 5 в разделе «Библиография». В аннотации ошибочно число знаков XV–XVI вв. (их всего 73, а не 50) и замечание о частичном включении филиграней Лаптева в альбом Тромонина. Эти ошибки исправлены в статье Клепикова, помещенной в английском переиздании работы Тромонина, но появился курьез: место выхода книги «Опыт» — Москва (кстати, также было в первом издании труда Брикера 1907 г. и осталось в "Likhachev's Watermarks" (см. «Библиографический список», № 83)).

⁸⁴) Tromonin's Watermark album. P. 2.

для своего времени была исключительным явлением. Лаптев собрал небольшое количество водяных знаков, но его труд имел важное новаторское значение, так как по сути впервые было обращено внимание на палеографическое значение водяных знаков». И совершенно неверная фраза: «С середины XIX в. наблюдается проявление интереса к изучению водяных знаков и в Западной Европе». На самом деле к этому времени там вышло уже много книг с привлечением филигранных для датировки разных источников на бумаге, в приложении к которым давались таблицы знаков⁸⁵⁾.

Отдельный параграф первым русским работам по бумажным водяным знакам И. П. Лаптева и К. Я. Тромонина посвятила Л. П. Жуковская в книге «Развитие славяно-русской палеографии» (М., 1963. § 13. С. 38–39). «Важнейшее значение... имели первые не только в России, но и в мировой практике публикации указателей водяных знаков, имеющих в древней бумаге», — писала она. Точнее, это были первые специальные альбомы с предисловиями, а указатели филигранных в приложении к книгам иной тематики выходили и раньше. Здесь впервые в советской литературе приведены полные данные — имя, отчество, фамилия и годы жизни И. П. Лаптева. В конце параграфа делается такой вывод: «Труд Тромонина, а в известной степени и работа Лаптева, не устарели и до нашего времени. Они являются огромным вкладом в развитие палеографии в России. Тромонин и инициатор этой работы в России Лаптев дали не только русским, но и зарубежным ученым весьма ценное пособие как для научной практики, так и для дальнейшего палеографического исследования рукописных материалов».

Не обошел своим вниманием «труд И. Лаптева» и А. А. Гераклитов в работе «Филигранные XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения» (М., 1963), подготовленной еще в 1920-е годы, но изданной только в начале 60-х, благодаря усилиям известного филиграноведа С. А. Клепикова⁸⁶⁾. Подходя к работам XIX — начала XX в. с позиции освещенности его темы, А. А. Гераклитов на с. 9 сделал вывод, что не только у И. П. Лаптева, но и «в наиболее полных собраниях» Н. П. Лихачева «филигранные из бумаг XVII в. представлены чрезвычайно слабо, да и те заимствованы или из иностранных сборников, или из документов нерусского происхождения». По числу знаков XVII в. работы названных авторов, конечно, уступали альбому Гераклитова, но последний не отметил, что Лаптев впервые в мире опубликовал знаки бумаги этого века. О том, что в книге «Опыт»

⁸⁵⁾ См. библиографию: *Мошин В.* *Op cit.* С. 30; *Андрюшайтите Ю. В.* С. А. Клепиков — основатель отечественной библиографии по филигранологии // АЕ за 1986 год. М., 1987. С. 121–126; *Богданов А. П.* Указ. соч. С. 320–323.

⁸⁶⁾ Альбом (1518 ВЗ XVII в. преимущественно из печатных изданий Московской типографии) вышел под ред. А. Н. Насонова и А. А. Новосельского, послесл. и коммент. С. А. Клепикова.

были использованы источники русского происхождения, в том числе московские издания XVII в., он, безусловно, знать не мог.

А. А. Гераклитов, пожалуй, единственный из филиграноведов советского периода, описывая в альбоме водяные знаки, сравнивал их с лаптевскими: на с. 19 отметил у Лаптева две филигранные «Герб Базеля» (в книге «Опыт», табл. 17, ВЗ 1636 г. и табл. 19—1641 г.), «из которых одна зарисована явно неверно и потому не может приниматься в расчет»; на с. 16 — два знака «ворота крепостные» («Опыт», табл. 21, ВЗ 1652 г. и табл. 24, ВЗ 1666 г.), но не указал, что они зарисованы в перевернутом виде.

Краткость предисловия в книге Лаптева, отсутствие до последнего времени работ о его палеографической деятельности привело к тому, что в некоторых современных пособиях по палеографии подчеркивается важность таблиц филигранных, но порой недооценивается сама постановка вопроса о роли филигранных в книге «Опыт», не говоря о других вопросах палеографии и источниковедения, которыми он занимался. Надеемся, что обобщенный в данной монографии материал позволит ликвидировать этот недостаток.

Из последних работ наиболее точная общая оценка «Опыта» содержится в упоминавшейся статье А. П. Богданова «Филиграноведение вчера и сегодня» (С. 321—322) и его книге «Основы филиграноведения: История, теория, практика», созданной на базе этой и других статей с существенными дополнениями. В книге Богданов попытался обобщить итоги исследований филигранных как за рубежом, так и в нашей стране, изложить свое видение их перспектив. Дав обзор вышедших с 1737 г. до издания книги Лаптева европейских работ с использованием и публикацией филигранных, как правило, по первопечатным книгам, он, вслед за Н. П. Лихачевым, отметил и отдельные попытки (Р. С. Денне, Дж. Фенна) связать их с датировкой письменных источников — документов, писем. К этому следует добавить, что некоторые рисунки филигранных рукописей имеются и в других зарубежных работах. Еще Н. П. Лихачев писал, что Х.-Г. фон Мурр в статье 1777 г. «дал несколько снимков со знаков бумаги, встреченных в древних рукописях, между прочим, из памятников 1319 г. Так называемая печать Соломона (см. клише)⁸⁷⁾. В книге Х. Янсена о предназначении знаков для датировки рукописей свидетельствует название VI раздела XII гл. в I т. — «Очерк филигранных или марок бумаги как средства для определения древних рукописей и книг» (кстати, в альбоме Тромонина, в названии оставлены только «рукописи»). В вышедшем несколько позже книги И. П. Лаптева II т. работы И. Лелевеля «Bibliograficznych ksiąg dwoje ...» (Вильно, 1826) также помещены водяные знаки бумаги старопечатных книг и рукописей. Но все это, повторим, были, скорее, исключения. Богданов, имея в виду многи-

⁸⁷⁾ Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. I. С. CLXXXII.

сленные иностранные историографические обзоры, верно определил, что с начала XIX в. в Европе стали широко изучаться филигранные как важный датирующий признак источников на бумаге. Однако «первые специальные (выделено мной. — Ю. А.) работы, предназначенные для датировки письменных источников с помощью водяных знаков, были созданы в России» — альбомы И. П. Лаптева и К. Я. Тромонина. Хотя оба альбома, уточним, включали рисунки знаков как из рукописей, так и из старопечатных книг. А работа И. П. Лаптева «положила начало богатой традиции русского филиграноведения»⁸⁸⁾.

К сведению книговедов, в историографических заметках не обошлось и без курьезов. Еще в рецензии на труд Н. П. Лихачева 1899 г. П. Н. Полевой написал относительно предшествующих работ о водяных знаках Лаптева и Тромонина, что они касались этого вопроса «мимоходом» (?!), а первого автора поименовал «Иван Локтев»⁸⁹⁾ (возможно, опечатка). Позднее Н. С. Чаев запомнил дату издания «Опыта», указав 1812 г.⁹⁰⁾ «Первым собирателем филигранных в нашей стране»⁹¹⁾ назван Лаптев в одной из статей 70-х годов, хотя известны и более ранние коллекционеры.

Суммируя вышеприведенные оценки «Опыта», устанавливаем следующее. Безусловным является признание «Опыта» как первой работы по филиграммам в России, явившейся и первым пособием по палеографии, расширившим ее понимание. Учитывая приведенные в I гл. данные о собирании, изучении и отдельных публикациях водяных знаков в России с начала XIX в., следует добавить, что издание книги И. П. Лаптева знаменовало переход от первоначального этапа осмысления филигранных как датирующего признака, накопления материала к новому этапу — становления филиграноведения. Для него характерно: публичное введение этого признака в научный оборот, издание не только отдельных публикаций, но целых альбомов воспроизведений знаков на базе растущих коллекций филигранных, совершенствование методики публикации.

Относительно места «Опыта» в мировой филиграноведческой литературе. Опираясь на иностранные библиографические, историографические работы, можно сказать, что среди европейских работ

⁸⁸⁾ Богданов А. П. Основы филиграноведения: История, теория, практика. С. 33. Здесь исправлены основные погрешности в характеристике работы И. П. Лаптева, имевшиеся в указанной статье автора, кроме ошибок в названии книги «Опыт», а также распространенной в литературе версии о включении в альбом К. Я. Тромонина лишь части знаков Лаптева (исправленной, как отмечалось, в английском переиздании).

⁸⁹⁾ Полевой П. // Исторический вестник. СПб. 1900. № 3. С. 147.

⁹⁰⁾ Чаев Н. С. К вопросу о подделках исторических документов в XIX в. // Изв. АН СССР. VII сер. Отделение обществ. наук. М., 1933. № 6/7. С. 490.

⁹¹⁾ Маматова Е. Филигрань рукописных памятников // Русская речь. М., 1974. № 1. С. 124.

1737–1824 гг., привлекавших филиграни для датировки старопечатных книг, документов, графических рисунков, книга И. П. Лаптева явилась первой специальной работой о филигранных рукописей и старопечатных книг, в которой к тому же впервые воспроизведены знаки XVII в. Между прочим, хотя книга Лаптева упоминается и используется в иностранных работах (в том числе Ш.-М. Брике, особенно подробно о русских филиграноведах писал В. А. Мошин), но ее новаторская роль отмечается только для России. Видимо, это можно объяснить не только недостаточным знанием (из-за языкового барьера) и влиянием русских изданий, но и несколько иным подходом к оценке филиграноведческих работ вообще. В нашей литературе выделяется палеографическое значение водяных знаков, т. е. их роль в датировке письменных источников (разумеется, с признанием роли филигрanei для датировки и других видов источников на бумаге). В зарубежной литературе подход другой. Филиграни рассматривались вначале, как правило, в виде средства датировки старопечатных книг, графических рисунков, писем, лишь позднее — рукописей. Это объяснялось наличием большого числа документов на пергамене, находившихся в поле зрения западноевропейских палеографов и дипломатистов. Бумагу инкунабул изучали книговеды. Поэтому и значение филигрanei как датирующего признака старинных источников на бумаге вообще рассматривалось исторически, хронологически, а не применительно к отдельным видам источников.

Еще в конце XIX в. Н. П. Лихачев сетовал, что «несколько десятков тысяч инкунабул обследованы полнее, чем сотни изданий нашей Московской Руси»⁹²⁾. Эта лакуна ликвидируется отечественными книговедами и филиграноведами в XX в., но начало изучению филигрanei бумаги славянских старопечатных книг в России было положено в первой четверти XIX в.

⁹²⁾ Лихачев Н. П. Палеографическое значение... Ч. I. С. СLXXXIII.

Глава IV

Деятельность И. П. Лаптева — библиофила и палеографа во второй половине 1820-х — 1830-х годах

Выход книги И. П. Лаптева «Опыт» означал появление первого в России пособия по филиграням в результате соединения коллекционирования водяных знаков с их изучением. Издание книги и рецензии на нее ознаменовали переход от палеографического изучения отдельных знаков к публичному признанию необходимости такого рода исследований источников на бумаге, к более широкому собиранию коллекций водяных знаков в целях датировки рукописей, книг и других источников. Однако, как отмечал Н. П. Лихачев, отечественному филиграноведению в составе палеографии предстоял еще долгий путь развития, на котором оно, постепенно совершенствуясь, все более прочно становилось на рельсы научного знания. Дальнейшие шаги, которые сделал на этом пути автор первой русской книги по филиграням, были связаны, прежде всего, с расширением источниковой основы его исследований — собрания рукописей и старопечатных книг и коллекции водяных знаков.

1. Собрание рукописей и старопечатных книг И. П. Лаптева

Библиофильство как собирательство книг (в том числе рукописных) давно изучается в книговедческом плане. В последние десятилетия активно анализируется книга (особенно печатная) как источник, отражающий репертуар чтения, культурные запросы населения не только в столичных центрах, но и в провинциальных городах России. Однако в качестве социокультурного явления библиофильство только начинает исследоваться. Для нашей темы очень важно признание книговедами тезиса о взаимосвязи печатных изданий с рукописной книгой и ее изменениях в разные исторические периоды.

О собраниях древней книги (в большинстве своем печатной) и их частных владельцах в Вологодской губернии XVIII–XIX вв. имеются

сведения в разных работах XIX – начала XX в.¹⁾ Они отразились и в очерках по ее истории. С оживлением краеведческих исследований в последние десятилетия появились новые данные, но сводных работ, аналогичных вышеназванному, еще нет²⁾. Важный материал по рассматриваемому вопросу дал уже упоминавшийся каталог-путеводитель «Памятники письменности в музеях Вологодской области» (ППМВО)³⁾. В нем не только описаны сохранившиеся рукописные источники с XIV по XX век с указаниями бумаги и филиграней, публикацией записей, раскрывающих историю бытования рукописей, но и даны предисловия с характеристикой особенностей рукописной традиции в разных культурных зонах области, с подробными примечаниями, в которых указана основная литература по изучаемой проблеме, как дореволюционная, так и новейшая, приложены многочисленные указатели. Выход этого издания дал новый стимул для изучения старых собраний рукописных книг церквей, монастырей, частных лиц Вологодского края. Как справедливо написано в предисловии уже первого выпуска каталога ППМВО, для полных выводов о наличии и составе указанных собраний необходимо учитывать и рукописи, вывезенные из Вологодской губернии, ныне хранящиеся в центральных библиотеках и музеях разных городов России и за ее пределами⁴⁾. Новейшая статья, в которой поставлены эти проблемы, принадлежит Г. В. Судакову⁵⁾.

Характеризуя в предисловиях к ч. 1 (вып. 1, 2) ППМВО книжную культуру собственно вологодской зоны, А. А. Амосов и П. А. Колесников отметили, что в ней сформировалась книжность «сравнительно уравновешенной дворянско-монастырской традиции», в которой «занимала место также книжность купеческо-посадская», но последняя никогда не имела определяющего положения. В XVIII в. начала складываться читательская прослойка разночинной интеллигенции.

Наиболее изучены сегодня источники о книжных собраниях XVII в. Среди собраний монастырей в конце XVII в. после круп-

¹⁾ См., прежде всего, сводные труды: *Степановский И. К.* Вологодская старина. Вологда, 1890; *Веселовские А. и А.* Вологжане — краеведы: Источники словаря. Вологда, 1923; и др.

²⁾ К сожалению, не выделена позиция «библиофилы» в предметном указателе и такого полезного издания, как краеведческий словарь «Вологда. XII – начало XX века» (1993).

³⁾ Для нашей темы особенно ценны: ППМВО. Вологда, 1982. Ч. 1 [Вып. 1]: Рукописные книги; Вып. 2: Рукописные книги XIV–XVIII вв. Вологодского областного музея. 1987; Вып. 3: Рукописные книги XIX–XX вв. Вологодского областного музея. 1989.

⁴⁾ См.: ППМВО. Ч. I [Вып. 1]. С. 13–14. Предисловие. Сведения о крупных вологодских собраниях XVII–XIX вв., обобщенные А. А. Амосовым, см.: Там же. Вып. 2. С. 18–20.

⁵⁾ *Судаков Г. В.* Рукописная и старопечатная книга на Вологодчине: Проблемы изучения // Вологда: Краевед. альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 544–548.

нейшего — Кирилло-Белозерского, имевшего около 1,5–2 тыс. печатных и рукописных книг⁶⁾, большим считалось собрание вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря, библиотека которого в 1650 г. имела 407 книг (около половины из них — рукописи)⁷⁾. Богатыми были собрания такого рода XVII в. в библиотеке собора Великого Устюга⁸⁾ и Софийском кафедральном соборе в Вологде. В целом авторы предисловия к ч. 1, вып. 2 каталога ППМВО считают возможным бытование в конце XVII в. в Вологодской округе (в церквах, монастырях и у частных лиц) около 2 тыс. рукописных книг. Во всем Вологодском крае к концу XVII в. имелось по расчетам Г. В. Судакова (с учетом данных А. А. Амосова) от 25 до 40 тыс. томов книг. Из них рукописные составляли от половины до 75 %. До наших дней сохранилось около 3 тыс. рукописных книг и такое же число старопечатных, изданных до 1700 г.⁹⁾

Что касается частных собраний, то их состав чаще возможно установить у церковных особ, дворян и помещиков, реже — среди представителей других сословий. Тем не менее в работах встречаются отдельные данные и о крестьянах, купцах, мещанах. Полезные сведения записей на изданиях кириллическим шрифтом, указатель книг с этими записями, были приведены еще в каталоге 1980 г. Вологодской областной библиотеки (сост. Е. А. Соболева). Один из наиболее ранних вологодских книголюбов известен благодаря вкладной записи на принадлежавшем ему печатном «в дещь на бумаге» Октоихе XVI в. — «многогрешной вологжанин Ивашко Осифов сын»¹⁰⁾. Большую ценность представляют воспроизведения записей на рукописях и книгах, а также указатели библиотек и книжных собраний, именные указатели владельцев, читателей, продавцов книг, опубликованные в выпусках ППМВО. Предполагается подготовить и сводный именной указатель личных архивных материалов¹¹⁾, который позволит изучить имена не известных ранее книголюбов. А. А. Севастьянова

⁶⁾ Камкин А. В. Православная церковь на Севере России: Очерки истории до 1917 г. Вологда, 1992. С. 70; Васильченко В. Е. Очерки по истории библиотечного дела в России в XI–XVII вв. М., 1948. С. 66.

⁷⁾ Судаков Г. В. Монастырские описи XVII в. как источник по истории книги // Исторнография и источниковедение истории северного крестьянства СССР: Северный археографический сборник. Вологда, 1978. Вып. VI. С. 66.

⁸⁾ Боцяновский В. К истории просвещения в древней Руси XVII в.: Книги в Устюге Великом. СПб., 1892. С. 5.

⁹⁾ Судаков Г. В. Рукописная и старопечатная книга на Вологодчине. С. 544.

¹⁰⁾ Зернова А. С. Книги кирилловской печати, изданные в Москве в 16–17 вв.: Сводный каталог. М., 1958. № 12; Русская книга XVI–XVIII вв. в фондах Вологодской областной библиотеки им. И. В. Бабушкина: Каталог. Вологда, 1980. С. 5, 13. № 1. Воспроизведена вкладная запись.

¹¹⁾ Решетников Н. И. Выявление и описание личных архивных материалов, хранящихся в музеях Вологодской области // Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР: Тез. выступлений на респ. науч. конференции. Вологда, 2–5 июня 1989 г. Вологда, 1989. Ч. 1. С. 78–79.

по записям на служебных книгах конца XVII – начала XVIII в. отметила бытование последних в купеческой среде ряда городов Русского Севера, в том числе в Вологде и Великом Устюге¹²⁾. Сборник исторический середины XVIII в. (4°. 104 л., полуустав и книжная скоропись) вложил в церковь Успения в Устюжне «устюженской купец Петр Денгин» в начале XIX в.¹³⁾ В конце XVIII – начале XIX в. в Усть-Сысольске довольно крупная личная библиотека принадлежала купцам Сухановым¹⁴⁾.

Как уже отмечалось в первых главах книги, рукописные богатства Вологодчины (и других северных губерний России) в конце XVIII – первой четверти XIX в. пришли в движение не только внутри губернии, но и вывозились за ее пределы. Начало их перемещению было положено еще в XVII в. распоряжением московской власти относительно описания книг в степенных монастырях. Позднее разыскания источников на официальной основе проводились в четырех формах — указной, распорядительной, уставной и экспедиционной¹⁵⁾. Неофициально этим занимались коллекционеры. И хотя затребованные из центра рукописи и описи во многих случаях были возвращены на места, но все же в центральных хранилищах, в Москве и Петербурге, оказались целые коллекции, основу которых составляют источники из северных губерний, в том числе Вологодской¹⁶⁾. Перераспределению рукописных сокровищ из провинции в центр (и обратно), а внутри губерний — из церковных, монастырских архивов и библиотек в библиотеки, прежде всего духовных учебных заведений, в частные собрания с конца

¹²⁾ *Севастьянова А. А.* Севернорусские рукописные материалы XVII–XIX вв. в хранилищах Ярославля // *Культура Русского Севера*. Л., 1988. С. 115.

¹³⁾ ППМВО. Ч. 1. [Вып. 1]. С. 115. № 23. Видимо, из этой семьи вышел вологодский купец А. Деньгин, публиковавший свои заметки в первой половине XIX в. (см. гл. II).

¹⁴⁾ *Ярошенко М. А., Рощевская Л. П.* Источники по истории книжного дела Вологодской губернии в XIX – начале XX в. // *Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР*. Ч. 2. С. 2. См. также: *Мартынов И. Ф.* Провинциальные книголюбцы XVIII в. (по материалам книговедческого обследования библиотек, музеев и архивов Вологды. 1976 г.) // *Русские библиотеки и частные собрания XVI–XIX вв.*: Сб. науч. трудов. Л., 1979. С. 125–140.

¹⁵⁾ *Козлов В. П.* Направления и формы собирания письменных источников в России в конце XVIII – первой четверти XIX в. // *АЕ* за 1987 год. М., 1988. С. 58. Новые данные по Вологодскому краю см.: *Коновалов Ф. Я.* Малоизученные страницы археографии XVIII – начала XX в. (по материалам Вологодской губернии) // *Проблемы историографии и источниковедения истории Европейского Севера*. Вологда, 1992. Но здесь сведений по исследуемому нами периоду мало.

¹⁶⁾ См. об этом: *Рогов А. И.* Сведения о небольших собраниях славяно-русских рукописей в СССР. М., 1962. С. 14–15, 65, 191–192, 193, 278; *Амосов А. А.* Книжная культура Архангельского Севера (Проблемы. Источники. Неотложные задачи) // *Культура Русского Севера*. С. 112; ППМВО. Ч. 1. [Вып. 1]. С. 12–13; Вып. 2. С. 18–19; *Белоенко В. С.* Цели, задачи и проблемы информационного раскрытия письменных памятников Русского Севера, хранящихся в ОР ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина // *Археография и источниковедение истории Европейского Севера РСФСР*. Ч. 1. С. 24–25; и др.

XVIII в. способствовали, как отмечалось, секуляризация церковных и монастырских земель, а также изменения роли и места рукописной книги в обществе, связанные с ростом печатной продукции, увеличением грамотности населения и подъемом культуры Севера в целом. Рукописная книга теряла прикладное, служебное назначение и превращалась в «остатки» старины, приобретающие не только коммерческое, но и научное значение.

Собирателями книжных коллекций были представители разных сословий и профессий. Однако, как правильно подытожил многие наблюдения В. П. Козлов, в этот период древние рукописи были еще «в значительной части “погружены” в низших и средних слоях русского общества провинциальных районов страны»¹⁷⁾. Одним из них была Вологодская губерния.

Характеризуя рукописные богатства Европейского Севера России, П. А. Колесников писал: «До XX в. сбором документальных памятников занимались в основном центральные научные учреждения (Археографическая комиссия, Библиотека Академии наук и др.). Однако еще в XVIII в. архангелогородский историк В. В. Крестинин, затем важский краевед М. Н. Мясников и другие положили начало собиранию коллекций рукописей на местах»¹⁸⁾. То есть можно считать, что уже в XVIII в., а тем более в XIX в., параллельно развивались поиск, собирание и изучение письменных исторических источников в провинциальных архивохранилищах России как экспедициями из центра (или в другой из четырех форм на официальной основе, указанных В. П. Козловым), так и местными историками-краеведами и другими знатоками. При благоприятных обстоятельствах они встречались и сотрудничали (например, в экспедициях К. М. Бороздина и А. И. Ермолаева, П. М. Строева в Вологодской губернии)¹⁹⁾.

Центральные экспедиции отличались наличием программ, масштабами обследования хранилищ с последующей публикацией источников. Их деятельность неплохо изучена. Работа местных знатоков ныне, с возрождением краеведения, углубленно изучается. Открываются новые явления, факты, имена в истории провинциальной культуры, что ставит задачу комплексного исследования названных параллельных процессов.

Среди коллекционеров рукописей конца XVIII – первой трети XIX в. выделяется прежде всего старший современник И. П. Лаптева

¹⁷⁾ Козлов В. П. Указ. соч. С. 64.

¹⁸⁾ Колесников П. А. Рукописные памятники в краеведческих музеях Европейского Севера (Из опыта работы Северного отделения Археографической комиссии) // АЕ за 1979 год. М., 1981. С. 142.

¹⁹⁾ См. интересные рассуждения по этому поводу С. В. Чиркова (Собирание и изучение документальных памятников местной истории и культуры в дореволюционной России) // Российская провинция XVIII–XX вв.: Реалии культурной жизни: Матлы III Всерос. науч. конференции (Пенза, 25–29 июня 1995 г.). Пенза, 1996. Кн. 2. С. 414–417.

Матвей Николаевич Мясников (1761–1831), который хотя и был уроженцем г. Шенкурска, но с 1809 г. жил в Верховажском посаде, причисленном к Вологодской губернии. Он имел собрание источников в основном по истории Ваги и Шенкурска, а также Верховажского посада, Вельска, разысканных им в архивах церквей, учреждений Шенкурска, Архангельска, Вологды, Тотьмы, у частных владельцев²⁰⁾. Помогал и П. М. Строеву в собирании рукописей во время Археографической экспедиции. Учитывая, что Мясников опубликовал свои исследования, основанные на архивных источниках, еще до приезда П. М. Строева в Вологду, помогал собирать рукописи угроведу А. М. Шегрену, издателю П. П. Свиныну и, наконец, Строеву, спорным представляется вывод о том, что «научное использование рукописей Вологодского края было начато еще П. М. Строевым» (ППМВО. Ч. I [Вып. 1]. С. 15, 19). Не случайно с 1829 г. Мясников — член-соревнователь ОИДР. Кстати, характеризуя использованные источники, Мясников сослался на «бумаги и памятные записки Николая Мясникова» — своего отца и вообще подчеркнул продолжение традиции: «Послеудя примерам и правилам знаменитых собирателей отечественных древностей и археологов» (Отечественные записки. 1829. Ч. 37. № 107. С. 397; Ч. 39. № 113. С. 414). В данном случае он, вероятно, имел в виду и членов Румянцевского кружка. Известно, что Н. П. Румянцев в своих письмах к епископу Архангельскому и Холмогорскому Неофиту отметил М. Н. Мясникова «по части отечественных древностей» (Там же. Ч. 38. № 108. С. 56).

В научных целях использовал источники края в конце XVIII в. А. А. Засецкий, в 1808–1813 гг. — Евгений (Болховитинов), а также другие деятели Вологодчины. Думается, что исследования последних десятилетий позволят определить настоящую роль в этой работе предшественников П. М. Строева в крае. Особое место среди ученых церковных деятелей занимал в 1808–1813 гг. вологодский епископ Евгений (Болховитинов), собиравший и публиковавший материалы по истории края, иные памятники. Среди исследований о нем, возродившихся в последнее время, должен найти отражение и этот вопрос. Наиболее крупное собрание рукописей и книг принадлежало, вероятно, вологодскому купцу И. П. Лаптеву.

Один из главных вопросов данного исследования — круг источников, которые использовал И. П. Лаптев в своей филиграноведческой и шире — палеографической, источниковедческой деятельности. Что

²⁰⁾ Веселовские А. и А. Указ. соч. С. 68–69; Козлов В. П. Указ. соч. С. 62; Васильев Ю. С. Историк-краевед М. Н. Мясников, его труды и коллекция // Вологодский пединститут. Аспирантский сборник. Вологда, 1972. Вып. 1; Пашков А. М. Северорусское посадское краеведение конца XVIII – первой трети XIX в. как социокультурное и историографическое явление // Актуальные проблемы археологии, источниковедения и историографии: Мат-лы к Всерос. науч. конф., посвящ. 50-летию Победы в Великой Отечественной войне. Вологда, 1995. С. 92–95.

касается старопечатных книг, то в отсутствие типографий в провинции, как правило, до 30-х годов XIX в. частные собрания комплектовались главным образом за счет столичных книжных лавок²¹⁾, естественно, с последующим обменом между библиофилами и перепродажей. Лаптев мог хорошо использовать эту возможность, поскольку по своим торговым делам уже с конца XVIII в. часто бывал в Петербурге и других городах. С приобретением рукописей дело обстояло сложнее. Источники для работы он «черпал» из трех основных каналов: из собственного собрания, собраний других коллекционеров и фондов библиотек, начиная с «частных малейших» (вологодских и других), упомянутых Иваном Петровичем в черновой рукописи книги, и кончая библиотеками Петербурга. Учитывая особенности эволюции культуры того периода, связанные с возникновением и развитием публичных библиотек в России²²⁾, и трудностями получить разрешение для занятий в крупнейших из них, можно утверждать, что Иван Петрович использовал источники преимущественно первых двух групп, т. е. частных собраний, а основу для работы, особенно в вологодский период, составило его собственное собрание. Но поскольку оно было продано после смерти Лаптева с аукциона и разошлось по разным лицам, то цельного представления об его объеме и составе нет. Перечня не сохранилось, каталога аукциона тоже. Попытки М. С. Крутовой и мои найти их в архивах Петербурга не увенчались успехом.

Если обратиться к литературе, то оказывается, что упоминания о собрании И. П. Лаптева или отдельных источниках из него встречаются нередко еще в XIX в., во всяком случае чаще, чем высказывания о его филиграноведческой работе. Современники И. П. Лаптева, не только коллекционеры-библиофилы, но и ученые, знали о рукописях и книгах его собрания. Общее представление о нем давала уже изданная им в 1824 г. книга о водяных знаках. Наиболее раннее упоминание об источниках из его собрания появляется вскоре

²¹⁾ *Мартынов И. Ф.* Книжные собрания в русской провинции конца XVIII – начала XX в. (по материалам книговедческих обследований библиотек, музеев и архивов Костромы 1980 г.) // Книготорговое и библиотечное дело в России в XVIII – первой половине XIX в.: Сб. науч. трудов БАН. Л., 1981. С. 127; *Глаголева О. Е.* Частные книжные собрания как исторический источник (по материалам Тульской губернии второй половины XVIII – первой половины XIX в.) // ВИД. Л., 1987. Вып. XIX. С. 180.

²²⁾ Публичные библиотеки в российской провинции появились лишь с 30-х годов XIX в. См.: *Громова А.* Публичные библиотеки в провинции в 1830–1850 гг. // Сов. библиография. 1934. № 1; *Рейтблат А. И.* От Бовы к Бальмонту. М., 1991. Глава III; *Афанасьев М. Д.* Место библиотеки в культурной жизни провинции (XIX в.) // Российская провинция XVIII–XX вв.: Реалии культурной жизни. Кн. 2. В краеведческом словаре «Вологда. XII – начало XX века» предметный указатель включает и «библиотеки», по материал о них относится в основном к концу XIX – началу XX в. Первая публичная библиотека в Вологде была открыта в 1863 г. Ранее упомянуты библиотеки в Свято-Духовом (Спасо-Каменном) и Спасо-Прилуцком монастырях (с. 97, 137, 227).

после выхода «Опыта» в «Библиографических листах» П. И. Кеплена (1825 г. № 39. Стб. 579). В дополнениях и поправках к «Хронологической росписи первопечатным словенским книгам» по поводу № 261, издания «О единой истинной православной вере», вышедшего не ранее 1588 г., отмечено, что его экземпляры (кроме упомянутого в № 21, стб. 297 библиотеки Н. П. Румянцева) имеются также в библиотеке графа Ф. А. Толстого в Москве «и здесь, в Санкт-Петербурге, у вологодского купца И. П. Лаптева» (о книге см. в III гл., с. 144).

Очень уважительно о собрании И. П. Лаптева наряду с крупнейшими собраниями Ф. А. Толстого и Н. П. Румянцева написано в статье и книге Г. А. Розенкампа²³⁾. Судя по документам передачи Лаптевского тома Лицевого летописного свода XVI в. в Публичную библиотеку в 1827 г., организованной заведующим отделом рукописей А. И. Ермолаевым, последний был хорошо осведомлен о составе собрания Ивана Петровича и подключил его к пополнению ценных рукописей фонда Библиотеки.

Прямое свидетельство о знакомстве с собранием И. П. Лаптева при его жизни оставил нам известный знаток и собиратель в течение 25 лет славянской книжности Иван Петрович Каратаев (? — 1886). В предисловии к своей книге он писал: «Между частными коллекциями старопечатных книг, мною осмотренными (курсив мой. — Ю. А.), особенно замечательными были принадлежавшие» (далее в перечне коллекционеров из разных городов России выделил) «г. Актову, И. Т. Яковлеву, И. П. Лаптеву, Я. С. Сафкинскому, В. К. Чепурину, Г. С. Кузьмину — в С. Петербурге...»²⁴⁾ (фамилии двух последних встречаются среди владельцев источников в записях лаптевской коллекции филиграней, т. е. они были знакомы). Однако распыление книг собрания Лаптева в результате аукциона не позволило Каратаеву указать их конкретно в своем перечне, в отличие от книг других владельцев, сохранившихся в собраниях или отраженных в печатных каталогах.

После аукциона 1840 г., во время которого значительная часть рукописей собрания Лаптева поступила в собрание историка М. П. Погодина, общие сведения о них встречаются в работах с описанием последнего²⁵⁾. Позже исследователи этого вопроса в основном использовали библиографические работы Н. Ф. Бокачева, У. Г. Иваска и историографию В. С. Иконникова²⁶⁾, которые писали, что Иван

²³⁾ См.: *Кеплен П. И.* Материалы для истории просвещения в России. № 3. СПб., 1827. С. 148; *Розенкампф Г. А.* Обзорение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829; 2-е изд., доп. 1839. Об этом см. и в разд. 3 данной главы.

²⁴⁾ *Каратаев И. П.* Хронологическая роспись славянских книг, напечатанных кириллическими буквами. 1491–1730. СПб., 1861. С. XII.

²⁵⁾ Список литературы об истории погодинского собрания см.: *Иванова К. И.* Рукописи И. П. Лаптева в собрании М. П. Погодина // АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 188. Стр. 1.

²⁶⁾ [*Бокачев Н. Ф.*] Описи русских библиотек и библиографические издания, находящиеся в исторической и археологической библиотеке Н. Бокачева. СПб., 1890.

Петрович коллекционировал рукописи, старопечатные книги, монеты и другие древности почти 40 лет, т. е. начал собирать их еще в Вологодской губернии, а также в других местах, куда он выезжал по торговым делам, на ярмарки, и закончил в Петербурге.

На эти данные о собрании И. П. Лаптева опирался и современный исследователь В. П. Козлов, специально изучивший вопрос о коллекциях рукописей в конце XVIII — первой четверти XIX в. Как уже отмечалось, он подсчитал, что в тот период существовало около «160 частных коллекций, каждая из которых насчитывала не менее десяти номеров оригинальных рукописей, т. е. рукописей, создание которых не было связано с жизнью и деятельностью их владельцев»²⁷⁾. Среди владельцев — много купцов, чиновников, представителей духовенства, а также привилегированных сословий, в том числе государственные и общественные деятели, ученые и т. д.

Если вспомнить предложенное В. П. Козловым²⁸⁾ изображение процесса коллекционирования в виде некоего «дерева», «ствол» которого составляют частные собрания рукописей свыше 50 номеров, а также хранилища научных, учебных учреждений и общественных организаций, то собрание И. П. Лаптева, безусловно, принадлежит к «стволу» этого «дерева». Крупнейшими в этой конструкции, судя по опубликованным уже в то время описаниям, были собрания рукописей графа Ф. А. Толстого (1093 рукописи в основном описании, 207 — в первом и втором прибавлениях) и графа Н. П. Румянцева (около 500).

Конкретные данные о группе рукописей собрания Лаптева были впервые проанализированы болгарской исследовательницей К. И. Ивановой²⁹⁾. Позднее попытку кратко охарактеризовать это собрание предприняла М. С. Крутова³⁰⁾. Остановимся подробнее на его составе и судьбе, используя опубликованные источники и дополняя их новыми.

Первое приближенное представление о хронологических рамках собрания Ивана Петровича на 1824 г. можно составить по книге «Опыт» и ее черновой рукописи, поскольку воспроизведения водяных знаков, по его словам, сделаны главным образом из источников своего собрания. Важным прямым источником для установления названий единиц собрания Лаптева являются записи к рисункам в его коллекции филиграней. При этом следует иметь в виду следующие

С. 136–137; *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Киев, 1891. Т. 1. Кн. 1. С. 54; 1892. Кн. 2. С. 1171, 1270; *Иваск У. Г.* Частные библиотеки в России: Опыт библиографического указателя. СПб., 1912. Ч. I. С. 7. № 632; Ч. II. С. 26–27. № 899.

²⁷⁾ *Козлов В. П.* Указ. соч. С. 61.

²⁸⁾ Там же. С. 62–63.

²⁹⁾ *Иванова К. И.* Указ. соч. С. 188–192.

³⁰⁾ *Крутова М. С.* О книжной коллекции И. П. Лаптева и Златой цепи в ее составе // Общественное сознание, книжность, литература периода феодализма. Новосибирск, 1990. С. 133–138.

особенности: 1) рабочие записи порой не дают точного названия и даты источника; 2) некоторые записи отражают рукописи и старопечатные книги, одолженные Иваном Петровичем на время для работы, т. е. не входившие в его собрание (в таких записях указаны фамилии владельцев). Исключив из общего числа записей в табл. 2 гл. III записи об одолженных рукописях и книгах, можно определить число принадлежавших ему источников, из бумаги которых воспроизведены рисунки филиграней в книге 1824 г. (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 1–48) — около 12 рукописей и свыше 34 старопечатных книг, т. е. приблизительно 46 источников. Проведав такую же операцию с записями к незачеркнутым рисункам лаптевской коллекции филиграней (т. е. не вошедшим в книгу), получаем следующие данные: 29 рукописей и 9 старопечатных книг, т. е. 38 единиц. Таким образом, приближенно число собственных источников собрания Лаптева, только использованных для воспроизведения знаков ко времени подготовки книги, составило 84 единицы. Перечень источников собрания Лаптева, привлеченных для копирования водяных знаков после 1824 г., может быть воссоздан по записям из ед. хр. 45, начиная с л. 48 об. и до конца. Состав собрания, по исключению записей об одолженных источниках, должен оказаться больше числа записей к рисункам, так как филигранные воспроизводились не из всех источников, а только из датированных. Этот вопрос требует отдельного исследования, учитывая, что общее число водяных знаков коллекции Лаптева составило к концу его жизни более 2 тыс. Можно только предполагать, что с переездом в Петербург расширились его связи с книготорговцами и увеличились возможности коллекционировать.

Кроме прямых источников (среди них и те рукописи собрания, на которых имеются его записи, оттиск печатки с инициалами ИЛ или записи позднейших владельцев), сохранился и ряд важных косвенных источников. Это прежде всего сведения о покупке лаптевских рукописей в 1840 г. для историка М. П. Погодина из его автобиографии и дневника, из писем палеографа И. П. Сахарова, Н. А. Загряжского к нему, а также упоминания отдельных рукописей из собрания И. П. Лаптева в архивных описях и документах, в литературе.

Обратимся к данным, связанным с Погодинским собранием. Как известно, первое крупнейшее его пополнение произошло в 1840 г. М. П. Погодин, получив известие о присуждении ему полной Демидовской премии (5 тыс. руб.), предоставил доверенность на ее получение своему агенту, известному московскому книготорговцу Т. Ф. Большакову для приобретения рукописей на аукционе лаптевского собрания в Петербурге. В предисловии к вып. 1 составляемого в ОР РНБ Каталога собрания М. П. Погодина написано, что на аукционе «Большаков отобрал около 200 наиболее ценных рукописей (большей частью исторических сочинений) и несколько старопечат-

Кабинет М. П. Погодина в Москве, в его доме на Девичьем поле. 1836–1875 гг. (Из книги Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина». Слб., 1893. Кн. 7. Снимок от кн. Н. Н. Голицына)

ных книг»³¹⁾. При этом отсылка дана на статью К. И. Ивановой. В ней действительно приводятся данные об этой покупке, но раскрываются они иначе: «Среди них были рукописи и старопечатные книги из коллекции Лаптева и из собрания Большакова по собственному выбору Погодина»³²⁾. Аналогично излагаются эти факты и самим историком, ответившим на пожелания любителей древностей узнать подробнее о его библиотеке еще в 1844 г., т. е. до передачи ее в Императорскую Публичную библиотеку. Характеризуя пять купленных им рукописных собраний, Михаил Петрович третьим (после библиотек П. М. Строева и Н. П. Филатова) написал: «Важнейшая часть (историческая) библиотеки известного любителя и издателя

³¹⁾ Рукописные книги собрания М. П. Погодина: Каталог. Л., 1988. Вып. 1. С. 8 (Далее: РКСП 1). Точнее, на наш взгляд, история этой покупки была изложена в предисловии к оп. 2 (ф. 588), л. 2: куплены «наиболее ценные рукописи вологодского купца И. П. Лаптева. Вошли в собрание М. П. Погодина 200 рукописей и самого Т. Ф. Большакова».

³²⁾ *Иванова К. И.* Указ. соч. С. 189.

Руководства к Дипломатии Лаптева, который собирал более 40 лет. Эти рукописи приобретены на аукционе в Петербурге посредством опытного нашего библиографа Т. Ф. Большакова»; пятым он отметил «Собрание Т. Ф. Большакова, который уступил мне до 200 рукописей на выбор из *своей* (курсив мой. — Ю. А.) библиотеки»³³.

Эти характеристики — отдельно собраний Лаптева и Большакова — вошли и в опубликованный в 1855 г. очерк о Погодинском собрании, к тому времени уже описанном и проданном в Публичную библиотеку. В нем показано, что первое крупное приобретение рукописей было связано с аукционом 1840 г.: Погодин поручил «на объявленном аукционе Лаптева купить рукописи исторические, особенно постараться о летописи Несторовой, о харатейном списке коей распространился тогда слух в Москве. Большаков накупил ему множество всяких рукописей, не только исторических, но и прочих». Оригинал цитаты находится в записи Погодина на полях черновика очерка, написанного писцом³⁴. Далее приведен перечень V («Древние рукописи») из пяти частей. Среди них: «3. Важнейшая часть (историческая) библиотеки известного любителя и издателя Руководства к Дипломатии (так в тексте. — Ю. А.) Лаптева, который собирал более 40 лет». «5. Рукописи Т. Ф. Большакова, который уступил Погодину до 200 рукописей на выбор из своего собрания»³⁵. Таким образом, в указанных статьях и записи Михаила Петровича число 200 не связано с собранием Лаптева, как и в позднейших описаниях Н. Ф. Бокачева и У. Г. Иваска³⁶.

Единственный источник, где оно связано с аукционом 1840 г., — это отрывок из автобиографии Погодина «Древлехранилище» (ОР

³³ *Щегодин* М. Об археологических собраниях пр[офессора] Погодина // Москвитин. 1844. Ч. III. № 5. С. 170–171. В 1849 г. «Московские ведомости» от 5 февраля поместили заметку «Погодинское Древлехранилище» (без подписи, по суду по книге Н. П. Барсукова, М. П. Погодина), где лаптевские рукописи единственный раз упомянуты первыми среди приобретенных собраний, как это и было в действительности. Кстати, сообщалось, что Древлехранилище «открыто для всех занимающихся историей» (как в 1825 г. было объявлено о собрании Ф. А. Толстого). Кратко («исторические рукописи из библиотеки Лаптева») отмечена эта и другие группы в статье А. Ф. Бычкова в газете «Санктпетербургские ведомости» 6 сентября 1852 г., содержание которой легло в основу докладной Государю по поводу приобретения «в казну» Древлехранилища Погодина и было цензуровано им (см.: *Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина*. СПб., 1898. Кн. 12. С. 354. Здесь опечатка в дате газеты — 8 сентября; ОР РГБ. Ф. 231/II. 6. 16. Л. 1 об. Письмо А. Ф. Бычкова М. П. Погодину от 16 сентября 1852 г.).

³⁴ ОР РГБ. Ф. 231/1. 51. 1. (Автобиография — отрывки). Л. 18.

³⁵ Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета за истекающее столетие... М., 1855. Ч. 2. С. 262, 265. См. также: Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1852 г. СПб., 1853. С. 21–52.

³⁶ См.: [*Бокачев Н. Ф.*] Указ. соч. С. 136; *Иваск У. Г.* Указ. соч. СПб., 1912. Ч. II. С. 26–27. № 899.

РГБ. Ф. 231/1. 39. 1. 8 л. Переписан рукой С. И. Погодиной), частично опубликованный в вольном цитировании Н. П. Барсуковым³⁷⁾.

В автобиографии написано следующее: «В 1838 г. объявлен в Петербурге аукцион для продажи рукописей, оставшихся после знаменитого собирателя купца Лаптева, а мне в это время назначена была полная премия 5000 р. ассиг. за исследование об Несторе. Я дал доверенность получить ее московскому старинару* Т. Ф. Большакову, с которым незадолго перед тем познакомился, и купить на аукционе все, что ему заблагорассудится, обращая главное внимание на летописи и сказания. Это произвело сильное впечатление в московском старокнижном мире; как дать доверенность на 5 т. человеку, почти совершенно незнакомому. Большаков возвысился духом и исполнил дело отлично: на 5 т. он привез мне около 200 рукописей и несколько старопечатных книг» (л. 1 об.-2). Эта запись содержит явные ошибки и поэтому вызывает сомнение в ее точности. Прежде всего, аукцион состоялся не в 1838 г., когда умер И. П. Лаптев, а в 1840 г. Демидовская премия была присуждена Погодину в 1839 г., т. е. до объявления аукциона; несколько иначе был им сформулирован ранее и акцент покупок. Рукопись автобиографии не датирована. Судя по тексту («я до сих пор, т. е. до 64 лет от роду»), рассмотренная запись была сделана Михаилом Петровичем через четверть века после приобретения рукописей с аукциона 1840 г., а именно в 1864 г. Ранее их число нигде не называлось. К сожалению, подлинник записи, указанный переписчиком — «оригинал в картоне “Моя биография”» — найти не удалось. Зато обнаруженные в РГИА отрывки списков книг, написанных рукой Большакова (о них см. ниже), показывают, что он покупал книги не только на аукционе, но и дома у сына и вдовы Лаптевых, и у других коллекционеров. Во всяком случае, все это свидетельствует о значительном числе рукописей собрания Лаптева и о переходе их важнейшей части к Погодину.

Эмоциональный по натуре М. П. Погодин, получив их, пережил массу чувств. Судя по его записи в «Дневнике» 26 августа 1840 г., он собирался с отчетом к князю Д. В. Голицыну. «В эту минуту приезжает Больш[аков] с рукописями³⁸⁾. Очень жаль было ехать, не увидевши их». После рассказа о встрече с князем Михаил Петрович записал: «Поспешил домой к рукописям. Новые драгоценности. Прекрасный хронограф, Малороссийский летописец (С. Величко. — Ю. А.), кот[орый] должен быть *весьма* важен, Жития

³⁷⁾ См.: Барсуков Н. П. Указ. соч. СПб., 1892. Кн. 5. С. 436, 438.

* Так в оригинале. У Барсукова — «старинару». Старинарь — археолог, антикварий, любитель старины (см.: Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1982. Т. IV. С. 317. Репринт 1882 г.).

³⁸⁾ Н. П. Барсуков, ссылаясь на ту же запись, писал: «Большаков вручил Погодину Лаптевские рукописи» (Там же. С. 438), привел цитаты из «Дневника», одну передав в 3-м лице.

святых, Ефрем Сирин». Рукописи с такими названиями, действительно, принадлежали Лаптеву. Завершается запись 26 августа описанием ночных страхов за приобретенные редкости: «Взволнованный долго не мог уснуть, и всю ночь они мне мерещились: то нападали на нас с Больш[аковым] разбойники и хотели отнять рукописи, то кто-то рвал их и пр.»³⁹⁾.

Следующая запись (л. 3 об.) датирована 25 (!?) августа. В ней Михаил Петрович, продолжая разбор рукописей, упоминает: «Никон Черногорец на грубейшей бумаге дороже пергамента. Но что за Черногорец? Не славянин ли?» Нельзя не присоединиться к Н. П. Барсукову, назвавшему этот вопрос «наивным». Добавим, что эта оценка тогда еще недатированного списка с курьезным добавлением внесена переписчиком в черновик описания «Древлехранилища» для упомянутого очерка 1855 г.: «Никона Черногорца на грубейшей тряпичной бумаге, вероятно, вскоре после ее изобретения» (ОР РГБ. Ф. 231/1. 51. 1. М. П. Погодин. Автобиография — отрывки. Л. 22). По каталогу РКСП 1 в РНБ, в собрании Погодина два ранних списка Пандектов Никона Черногорца относятся к XIV в. Один (№ 266) получен Погодиным от Большакова в 1849 г. Значит, запись в «Дневнике» от 25 августа относится ко второму (№ 267) — Лаптевскому списку (подробнее о нем см. ниже).

В рассмотренных дневниковых записях отразилась и гордость владельца за свое приобретение: 25 авг. — «Приезжал Сахаров и зарился на мои сказки. Отпирается от аукционных походов», т. е. явно после аукциона 1840 г., но ведь о получении рукописей Погодин писал днем (или двумя) позже! 26 авг. — «Рукописи Кастерина едва [ли?] равноценны с моими книгами». Возникли наметки грандиозных планов: совершить путешествие по России в поисках рукописей, создать книжную лавку, собрание «библиотек славян[ских] для университетов», написать ряд статей, «воспользовавшись» указаниями книготорговцев Т. Ф. Большакова и К. И. Аверина, и т. д.

Вскоре после получения лаптевских рукописей Михаил Петрович поделился своей радостью с друзьями. 4 сентября он подбадривал больного М. А. Максимовича: «Ну что ты, мой хворый! Вот тебе здорovia: Я нашел “Малороссийский летописец”, сочиненный Самуилом Величко... Ну, выздоровел ли? Нет еще, осталась ломота кое-где. Вот тебе еще пару; на 800 листах, с грамотами, речами, письмами, песнями. Грамоты есть подлинные..., письма также. Рукопись собственноручная»⁴⁰⁾. В ответ Максимович, поздравляя Погодина

³⁹⁾ ОР РГБ. Ф. 231/1. 33. 1. М. П. Погодин. Дневник за 1840–1845 гг. Л. 3. Отметим, что раньше стоит запись 28, а после — 25 августа. Значит, какие-то из них сделаны не в тот же день, а позже, в том числе и запись 26 августа, зафиксировавшая переживания в ночь на 27 августа.

⁴⁰⁾ Цит. по: Письма М. П. Погодина к М. А. Максимовичу с пояснениями С. И. Пономарева. СПб., 1882. С. 24.

с приобретением, советовал скорее опубликовать ценную рукопись, даже без примечаний.

О той же рукописи Погодин написал и Н. В. Гоголю в Рим. Гоголь в письме от 17 октября 1840 г. порадовался редким находкам и укорял: «Одною из них ты потчиваешь меня, как такою, которая ближе всего лежит ко мне, но таким образом, как один журавль позвал к себе кума, кажется, волка, на обед и велел блюда подавать в сосудах с такими узкими горлами, куда только один журавлин нос мог просунуться, и кум только нюхал, да помахивал хвостом, браня свою толстую морду». И далее просил: «Хоть бы какими-нибудь пахучими выписками из нее попользоваться, т. е. где пахнет более старина и обряд старинных времен»⁴¹⁾.

Вернемся теперь к аукциону 1840 г. Объявления о нем публиковались несколько раз в «Прибавлениях» к «Санктпетербургским ведомостям» того же года (они рассмотрены в конце II гл.). Приводим один из его текстов в газете за 23 июля, оповещавший об увеличении дней распродажи: «От опекунов над именем умершего санктпетербургского купца Ивана Петровича Лаптева сим объявляется, что с разрешения С. Петербургского сиротского суда будут продаваться мебель красного и простого дерева и разные вещи: книги на русском и прочих языках, вместо назначенных дней четверга и субботы будет распродажа сверху Суровской линии под № 132 по вторникам, четвергам и субботам с 12 до 6 часов пополудни». Суровская линия — часть Большого Гостиного двора, т. е. распродажа происходила в самом центре города. «Книги писанные и печатные» фигурировали среди вещей и в последующих объявлениях, включая сентябрьские.

М. П. Погодин, кроме посланного из Москвы Т. Ф. Большакова, попросил помочь в покупках своего старого друга в Петербурге — Н. А. Загряжского и палеографа И. П. Сахарова, наказав им повышать цену, но обязательно купить редкие рукописи. Все это свидетельствует о том, что Михаил Петрович знал о ценности коллекции Лаптева и боялся ее упустить. Загряжский, судя по нескольким его письмам в июне—августе 1840 г. (ОР РГБ. Ф. 231/II. 12. 37. Н. П. Барсуков частично привел в своем труде только письмо от 21 июня. См.: Кн. 5. С. 437), был очень обеспокоен поручением («я в этом деле ровно ничего не знаю». — Там же. Л. 14. Письмо от 12 июня), но надеялся на советы Сахарова, которому передал письмо Погодина и узнал от него о начале аукциона 20 июня (о нем «Прибавления» сообщали 31 мая, 2 и 6 июня, но Загряжского аукцион не интересовал). 19 июня он написал Михаилу Петровичу, что все же занял 2 тыс. руб. у некоего Федора Ивановича, который тоже одолжил их у кого-то «из уважения к Русской Истории» (Там же. Л. 15). 21 июня Николай Андреевич писал

⁴¹⁾ Цит. по: Сочинения и письма Н. В. Гоголя. СПб., 1857. Т. 5. С. 417. Письма Погодина к нему, к сожалению, найти не удалось.

Погодину, что сходил на аукцион 20 июня, но «ничего не купил, рукописи не продавались; Сахаров, кажется, порядочная каналья, он хотел меня надуть, назначил мне придти к нему, чтобы вместе отправиться на аукцион. Я его не застал дома, с час дожидался, пошел на аукцион. Сахаров там, извинялся, что его дома не было, что он и не заезжал домой, опасаясь опоздать, а ему просто хотелось, чтобы я не был». Далее он сообщал, что занемог и завтра пойти не сможет, добавив: «кажется, завтра рукописи кончатся». В этом, судя по дальнейшим объявлениям и письмам Сахарова, он ошибся. Интересна приписка к письму: «Сахаров говорил, что для тебя нужно только четыре штуки, которые он мне укажет» (л. 17). Она подтверждает хитрость коллекционера Сахарова, пытавшегося заполучить рукописи. Учитывая, что Погодин дал Большакову крупную сумму денег, он, конечно, не предполагал ограничиться покупкой лишь четырех рукописей. В письме Погодину 13 августа Загряжский высоко оценил деятельность его комиссионера: «Большаков кончил свой Геркулесов подвиг и сегодня отправляется к тебе» (л. 19). Как мы уже знаем из «Дневника» Погодина, Большаков приехал к нему позже, 26 августа.

Конкретные данные о количестве и отдельных книгах собрания Лаптева приводит участвовавший в аукционе И. П. Сахаров в письмах М. П. Погодину 1840–1845 гг. Их частично ввела в научный оборот М. С. Крутова. По письму от 31 июля 1840 г. можно подтвердить, что аукцион был в самом разгаре, получить своеобразную характеристику Т. Ф. Большакова, его приобретений и представить атмосферу торгов: «Безграмотные комиссионеры стеклись со всех сторон с толпами раскольников на аукцион Лаптева. Не зная ни книг, ни рукописей, но имея в виду одни комиссионерные проценты, они поднимают цены до последней возможности. За рубль дают 20, 30, 40 рублей. Надобно видеть эту сцену, чтобы понять жадность и глупость во всех олицетворениях. Прибавьте к этому происки, стычки, сплетни, ссоры самих наследников; русское удалство — не доставайся другому — и вы уже поймете хаос. Вы пеняете, что доселе нет еще в виду летописи. Вам издали (из Москвы. — Ю. А.) хорошо. Представьте себе, что вы по описи читаете то, а на продажу выдают другое. Все это давным-давно пересмотрено, подменено. Хорошее променено на дурное или заменено другим. Еще не продали и *четвертой доли* (курсив всюду мой. — Ю. А.), а выручки (подчеркнуто Сахаровым. — Ю. А.) наследниками сделано до 30 тысяч рублей. Еще остается продать до 2000 №, и кажется, что дело пойдет до 1841 г. Ваш комиссионер (Т. Ф. Большаков. — Ю. А.) не покупает, а глотает с жадностью. Он удивляет нас своими рассказами, как всего много в Москве и как все дешево, и в то же время дешевое московское покупает здесь за самое дорогое. Впрочем, он человек добрый и знает свое дело лучше всех других комиссионеров, здесь находящихся»⁴²⁾.

⁴²⁾ ОР РГБ. Погод. 231/II. 29. 26. Л. 7–7 об.

Далее названы отдельные рукописи, купленные на аукционе, и их цены. В конце письма (л. 8) сообщается, что коллекция монет Ивана Петровича еще не продавалась, но «нумизматов налицо вдвое более библиоманов. Народ богатый, задорный, а наследникам это и надобно».

Из образного описания атмосферы аукциона, при наличествующих в таких случаях хитростях, спорах и недоразумениях, ясно, что ажиотаж был огромный. Интерес к распродаже лаптевского культурного наследия собрал комиссионеров и любителей древностей из Петербурга, Москвы и других городов. Распродажа шла медленно из-за большой конкуренции участников, вздувавших цены. Поэтому, как сообщалось в объявлении, пришлось увеличить число дней аукциона до трех в неделю. Так что аукцион растянулся до 1841 г. Коллекция монет была продана в 1845 г.

На основании этого письма М. С. Крутова определяет число рукописей и книг из библиотеки И. П. Лаптева — более 8 тыс.⁴³⁾ Приведенные Сахаровым данные не дают основания для такого заключения. Если учесть, что оставшиеся непроданными «до 2000 №» составляли 3/4 собрания рукописей и книг, то общий его объем мог быть около 2600 единиц. Это очень крупное собрание для того времени. Скорее всего названное Сахаровым число лотов включало и другие предметы древности, вещи. Даже Древлехранилище Погодина, вобравшее к 1852 г. несколько библиотек, имело свыше 2 тыс. рукописей и примерно столько же книг.

Вопросы обмена отдельных рукописей и книг лаптевского собрания Сахаров обсуждает с Погодиным несколько лет. В письме от 25 сентября 1843 г., выясняя спор с Большаковым по поводу приобретенной книги, Сахаров писал, что Каталог Синодальной библиотеки куплен им на аукционе Лаптева за 25 руб., и сообщает важную деталь: «Аукционные листы у Лаптевой (вдовы. — Ю. А.) целы и на них против каждого № рукою аукциониста отмечено, кто купил и за сколько. Этот каталог старый, времен Екатерины, в нем нет тех книг, которые по указу Екатерины и после были переданы с Типографского двора»⁴⁴⁾. Среди покупателей, кроме самого И. П. Сахарова и Т. Ф. Большакова, в письмах названы книгопродавцы А. И. Кастерин (1806–1847), Г. С. Кузьмин, Селиверстов. После аукциона между ними (как и другими покупателями) шел дальнейший обмен купленных в 1840 г. рукописей и книг, что усилило впоследствии распыление частей собрания Лаптева по разным хранилищам и фондам.

Эти письма дают возможность полагать, что у И. П. Лаптева были рукописи не только на славянских языках, но и на греческом,

⁴³⁾ Крутова М. С. Указ. соч. С. 134.

⁴⁴⁾ ОР РГБ. Погод. 231/П. 29. 26. Л. 20 об. Частично опубл. Н. П. Барсуковым (Указ. соч. СПб., 1893. Кн. 7. С. 247). М. С. Крутова (Указ. соч. С. 135) неточно прочла название — список «каталогический времен Екатерины», такого в письме нет.

латинском. О последних в письме от 31 июля 1840 г. Сахаров пишет с удивлением, отмечая, что 28 июля на аукционе Большаков «купил папскую буллу», но «упустил литургию Василия на греческом языке, пергаменную рукопись 13 века; она продана была за 140 рублей. Не понимаю, как попали к Лаптеву греческие рукописи. Две из них, бумажные рукописи XV в. в византийских переплетах, были проданы за 20 рублей. Они обе содержали в себе акафисты и псалтырь»⁴⁵. В письме от 6 сентября 1841 г. он называет из лаптевского собрания пергаменную рукопись Григория, папы Римского, находящуюся у Селиверстова⁴⁶. И добавляет: если Погодин хочет ее заполучить, то должен приготовить на обмен иконы, кресты, «пролога писаные (он печатному не верит)».

Кроме того, в письмах Сахарова упоминаются как лаптевские: Служебник Божидара («Рукопись, которую Кастерин купил у меня за 20 рублей, вы вымениваете на Служебник Божидара. На аукционе Лаптева этот Служебник продан за 300 рублей»⁴⁷); «списки — Василия Гагары⁴⁸ — путешествия игумена Даниила — на белорусском наречии — оба Лаптевской покупки. Оба в 4 д[олю] л[иста]»⁴⁹ (Сахаров просит эти списки у Погодина для издания «взамен или на обмен» на пергаменную рукопись на латинском языке); и последнее сообщение в письме от 23 марта 1844 г. — о продаже Г. С. Кузьминым 10 пергаменных рукописей, среди которых: «Григория Богослова (огромная книга, купленная у Лаптева, список XIII в.)», за нее Кузьминым «заплачено на аукционе Лаптева 850 р[уб]. ас[сигнациями]»⁵⁰.

Документы, связанные с лаптевским собранием, удалось найти в РГИА, в фонде М. П. Погодина, в д. 17, хранящем списки рукописей

⁴⁵ ОР РГБ. Погод. 231/II. 29. 26. Л. 8.

⁴⁶ Там же. Л. 11–11 об. Погодин по совету Сахарова, видимо, приобрел ее; (см.: ОР РНБ. Собрание М. П. Погодина. № 2064. Реестр Погодинского Древлехранилища. № 70. Беседы Григория папы Римского. XII в. 325 листов). Сохранилась расписка В. Григоровича 1849 г. в получении на время от Погодина рукописи «Григорий папа Римский. 325 л.» (РГИА. Ф. 1108 (М. П. Погодин). Оп. 2. Д. 17. Л. 92). Расписка перечеркнута в знак возвращения этой и других рукописей Погодина.

⁴⁷ Там же. Л. 8. М. С. Крутова (Указ. соч. С. 135, сн. 18) предположила, что согласно каталогу В. И. Лукьяненко (С. 41) это — книга, изданная в Венеции в 1519 г. Божидаром Вуковичем. Ее экземпляры были описаны еще И. П. Каратаевым с указанием на их местонахождение в Публичной библиотеке, Библиотеке АН и в собрании Каратаева (Хронологическая роспись... 1861. С. 3. № 12).

⁴⁸ Первый из списков XVII в. установлен К. И. Ивановой (Указ. соч. С. 192. № 7) по описанию А. Ф. Бычкова в ОР РНБ (Погод. 1599).

⁴⁹ Из письма от 3 февр. 1842 г. (ОР РГБ. Погод. 231/II. 29. 26. Л. 13.)

⁵⁰ ОР РГБ. Погод. 231/II. 29. 27. Л. 1, 2. У Г. С. Кузьмина их торговал книго-торговец А. И. Кастерин за 5 тыс. рублей, владелец же просил 10 тыс. руб. Сахаров советует Погодину послать к Кузьмину Бычкова и купить рукописи, не ссылаясь на него. В СК (М., 1984. № 227) — Беседы Григория Двоеслова на Евангелие. XIII в. ГПБ, Погод. 70. Древнерус. 1°. 328 л. В РКСП 1 (Погод. 70) — Беседы Григория Богослова на Евангелие. На принадлежность рукописи к собранию Лаптева в каталогах не указано.

и книг, купленных для историка, а также счета, расписки и другие документы. Среди них обратили на себя внимание списки на л. 26 (содержит № 135–150), 41 об.–42 (№ 47–134), написанные одним и тем же почерком (Большакова) и состоящие из одинаковых граф. Судя по всему, это — части какого-то единого списка, начало и конец которого отсутствуют в деле, а расположение имеющихся листов перепутано при его формировании. Вот структура списков (в названиях граф сохранена орфография составителя):

№ [п/п]	Звание книг	Руб.	Коп.	Где куплены	№ окциона
---------	-------------	------	------	-------------	-----------

В списках находим рукописи и книги, купленные и у членов семьи Лаптева, т. е. либо во время аукциона 1840 г., либо после него. Так, на л. 41 об. значится под № 90 «Триодъ цвѣтная письменная — 2° (кратные цифры во второй графе, после названия книг, явно указывающие на формат, обозначены, как принято в научной литературе. — Ю. А.). 25 [руб.]», куплена «у Аполлона Лаптева», и тут же, а не в следующей графе, «2278», хотя это — явно аукционный номер. На л. 42 под № 116 «Разные отрывки — 2°. 5 [руб.]. У Лаптевой жене, 826». И еще одна запись на л. 26 под № 146 «Устав на пергаменте — 4°. 120 [руб.]. У Лаптева. 567»⁵¹⁾. Последняя запись повторяется (тоже под № 146) в списке «Прибавление к реестру 1627» (№ 114–155), написанном тем же почерком, что и на л. 26, и также на бумаге без водяных знаков, но найденном в другом архивохранилище, в ОР РНБ⁵²⁾. В нем уточняется имя продавца — «у Аполлона Лаптева». Здесь же, на л. 28, находим составленный Т. Ф. Большаковым перечень водяных знаков XV–XVII вв., точь-в-точь совпадающий с «описанными» знаками в предисловии книги И. П. Лаптева. Это — свидетельство использования им данных вышеназванной книги. Значит, Тихон Федорович, известный знаток древней письменности, коллекционер и книготорговец, с помощью которого формировались крупнейшие собрания того периода (М. П. Погодина и др.), при определении рукописей и книг привлекал и филиграни. Подтверждением служат также кальки с водяными знаками и другими снимками, сделанные К. Я. Тромониным, купленные Т. Ф. Большаковым и оказавшиеся после его смерти в собрании П. П. Вяземского (см. указ. «Описание». С. 14, 15, 130). Кстати, книга «Опыт», которой пользовался Большаков, сегодня хранится в подсобной библиотеке ОР

⁵¹⁾ РГИА. Ф. 1108. Оп. 2. Д. 17. Л. 41 об., 42, 26.

⁵²⁾ ОР РНБ. Ф. 166 (Собрание П. П. Вяземского). Ф. 99. Л. 72. Старый архивный заголовок: «Большаковский (Т. Ф.) бумаги, счета и переписка, относящаяся до его книжной торговли и вообще до старопечатных книг». См.: Описание рукописей князя Павла Петровича Вяземского. Б. м., 1902. С. 107. № ХСІХ: Сведения о рукописях, библиотеках и собирателях, и о продаже книг Большакова: «Сборник писем, заметок, счетов и пр., относящихся до Т. Ф. Большакова...»

РГБ. Под ее современной обложкой находится старая, того времени обложка, наверху которой карандашная запись: «Подарена в Музей (Румянцевский. — Ю. А.) Т. Ф. Большаковым».

Вернемся к спискам погóдинского д. 17 в РГИА. В списке на л. 41 об.—42 графа № аукциона против приведенных записей свободна. Видимо, последние цифры в описании названных рукописей и означают эти номера. Они не попали в специальную графу случайно либо преднамеренно в том случае, если договаривались непосредственно с членами семьи, а не торговались на аукционе. О подобных изменениях, когда по списку указывались одни лоты, а на продажу поступали другие, и писал с возмущением И. П. Сахаров М. П. Погодину 31 июля 1840 г.

Соблазнительно, конечно, определить рассматриваемые листки как представляющие основную часть (150 из 200) того списка лаптевских рукописей и книг, которые привез Большаков или предлагал на выбор Погодину. Кстати, на л. 17, д. 17 рукой неизвестного написано: «Еще по убеждению Большакова приобретены вновь книги на бергаменте (пергамене. — Ю. А.)...» Однако неполнота списка, особенно отсутствие первого листа, где могло быть его название, позволяет высказать только предположение и дать общую характеристику списка (для сравнения с другими опубликованными и архивными списками собрания М. П. Погодина).

Из 104 рукописей и книг (№ 47—150) — 56, т. е. больше половины, куплены на каком-то аукционе (1840 г.?). Остальные 48 — у разных лиц (кроме членов семьи Лаптевых, названы: Иван Иванов, Калистратов, Кастерин, Николай Исаев, Осипов, Сахаров, Селиверстов, а также «в доме» и «в лавке»). Наличие фамилий ряда продавцов, а также записей «в доме» и «в лавке», конечно, позволяет предположить, что список составлен по рукописям и книгам, купленным как на аукционе, так и в других местах, хотя нельзя и исключить, что во время того же аукциона (возможно, и на разных аукционах). Наибольший аукционный номер в списках — 2340. Купленные рукописи и книги — на русском и других славянских, греческом, латинском языках.

Поскольку в списках названия рукописей и книг краткие и, как правило, не содержат дат, то нельзя по ним определить, относятся ли они к источникам из собрания Лаптева, даже если известно, что такие у него были (например, Скитский патерик, Пандекты Никона Черногорца, папская булла и др.). К сожалению, на бумаге л. 41 об., 42 водяные знаки неразборчивы, а на л. 26 — отсутствуют (разная бумага). Поэтому использовать их для датировки составления списков не удалось, но другие документы в деле относятся к 1840-м годам. Таким образом, однозначного вывода об этих списках сделать пока нельзя.

С лаптевским аукционом связано и письмо из Петербурга сотрудника Археографической комиссии А. Ф. Бычкова М. П. Погодину от 1 февраля 1841 г. с полученными от Сахарова сведениями:

«Следы существования летописи Троицкой, о которой вы говорили нам на лекциях, снова находятся. Она теперь у вас в Москве, в руках раскольника Рахманова, быв куплена на аукционе Лаптева одним из здешних раскольников, она была потом передана Рахманову»⁵³⁾.

Если рассматривать собирательскую деятельность Лаптева по двум периодам его жизни, то надо отметить, что до сих пор в научной литературе не было конкретных данных относительно состава его собрания вологодского периода. И тут роковую роль сыграли недостатки в его работе — отсутствие в книге названий источников и мест их хранения. По ним можно было бы выявить рукописи и книги его собрания. Сейчас же, после обнаружения лаптевской коллекции водяных знаков, удалось установить названия части источников, особенно старопечатных книг, по наиболее полным записям у рисунков (см. табл. 2 в III гл.). При этом надо иметь в виду, что некоторые из рукописей могли быть взяты у других коллекционеров на время для воспроизведения знаков.

Но сам факт коллекционирования рукописей Лаптевым еще до переезда в Петербург был отмечен М. П. Погодиным при анализе нового явления — широкого собирания исторических источников в первой четверти XIX в., особенно деятелями Румянцевского кружка. Характеризуя связи ученых и коллекционеров с «торговцами — антиквариями» в разных городах, выявлявшими неизвестные источники, он среди крупнейших собраний Ф. А. Толстого, Н. П. Румянцева, И. Н. Царского, А. Д. Черткова, куда стекались разные древности, отметил: «к Лаптеву в Вологде — рукописи»⁵⁴⁾.

Редкий и яркий пример пополнения собрания Лаптева в вологодский период его жизни — покупка им Синодикона в двух русских переводах XVIII в. — Ульянинского (из Коллегии иностранных дел) и синодальных переводчиков Василия Козловского и Григория Полетики. Записи владельцев рукописи, хранящейся ныне в ОР РГБ (собр. В. М. Ундольского, № 1120), раскрывают ее судьбу. Собственноручная запись И. П. Лаптева в виде скрепы на л. 5–36 сделана чернилами, очень четко, без пропусков букв — так, как он писал в ранних своих документах. Она гласит: «Сия Кормчая двоепереводная принадлежит вологодскому купцу Ивану Петрову Лаптеву, куплена у Санкт-Петербургского мещанина Ивана Яковлева Петрова в книжной лавке на Опраксине дворе 1817 года июня 19-го дня. Ценою заплачено Государственного банка ас[с]игнациями сто десять рублей». Как «сказывал» И. Я. Петров, рукопись он в свое время купил у Семена Семеновича Новикова (л. 1 а об.).

⁵³⁾ Цит. по: Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 6. С. 110; ОР РГБ. Ф. 231/П. 6. 15. Л. 16. О коллекции купцов Рахмановых см.: Рукописные собрания ГБЛ: Указатель. М., 1986. Т. 1. Вып. 2. С. 41. (Далее: РС ГБЛ).

⁵⁴⁾ Погодин М. Судьбы археологии в России: Речь читанная при открытии первого русского археологического съезда в Москве // ЖМНП. СПб., 1869. Ч. 145. С. 34.

После И. П. Лаптева рукопись попала к купцу, старообрядцу Д. Ф. Болотову (может быть, во время аукциона 1840 г.?), у которого 30 октября 1859 г. в Петербурге и купил ее В. М. Ундольский. Об этом он записал на чистом л. I, отметив: «Наш экземпляр, принадлежавший некогда И. П. Лаптеву (с 1817 г.), конечно, черновой подлинник синодальных переводчиков, испещренный множеством замечаний любознательного Лаптева».

О рукописях и старопечатных книгах, приобретенных Лаптевым в петербургский период его жизни, данных больше, особенно относительно Кормчих книг и их источников. Ценные заметки содержит труд Г. А. Розенкампа «Обозрение Кормчей книги в историческом виде» (М., 1829; 2-е, доп. изд. СПб., 1839) (подробнее см. в разд. 3).

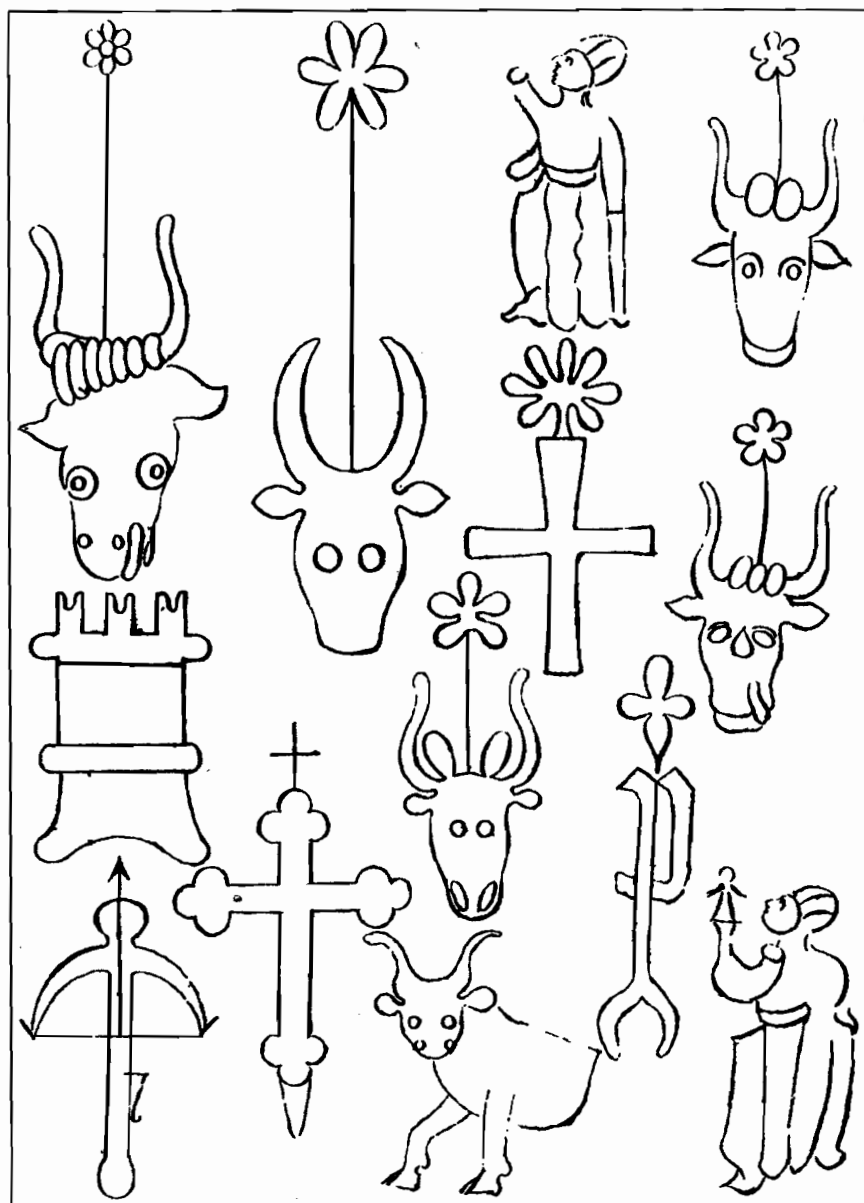
Больше всего сведений связано, как было показано, с аукционом 1840 г. и собранием М. П. Погодина. В упоминавшейся статье К. И. Ивановой (АЕ за 1982 год. М., 1983. С. 189–192) описано семь лаптевских рукописей из этого собрания (и опубликованы некоторые записи Лаптева на них):

1. Служебник молдавского письма второй половины XVI в. на пергамене (Погод. 38). Куплен Лаптевым у московского книготорговца Ивана Васильевича Пискарева в 1832 г.
2. Патерик скитский и Пандекты Никона Черногорца конца XIV в. Рукопись русская, на бумаге (Погод. 267), купленная Лаптевым у новолодожского крестьянина Григория Климова в 1832 г.
3. Патерик азбучный и иерусалимский с прибавлениями конца XIV – начала XV в. Рукопись русская, на бумаге (Погод. 876). Куплена Лаптевым в лавке Ивана Ивановича Соплаклина из книг бывшего купца Василия Солодовникова Вилмастранского* в 1835 г.
4. Слова Исаака Сирина с прибавлениями. Рукопись русская, второй четверти XV в., на бумаге (Погод. 1030). Куплена Лаптевым у книготорговца Алексея Глушкова в 1836 г.
5. «Диоптра» («Зерцало») инока Филиппа Пустынника (Монотропа). Рукопись русская, XVII в., на бумаге (Погод. 1098). Имеет запись Лаптева.
6. Лествица Иоанна Лествичника с прибавлениями. Рукопись болгарская XIV и первой четверти XV в., на бумаге (Погод. 1054). Имеет оттиск печатки Лаптева с инициалами ИЛ и его запись.
7. Рукопись XVII в. (Погод. 1599), поступила из собрания Лаптева (подробнее о ней см. ниже, в описании А. Ф. Бычкова).

* Вилмастранд — тогда город Выборгской губернии на южном берегу озера Сайма.

Запись на списке рукописи Слова Исаака Сирина с прибавлениями, приобретенном И. П. Лаптевым у книготорговца А. Глушкова, и рисунки водяных знаков ее бумаги, снятые в семье Лаптевых (уменьшено в 2 раза). (ОР РНБ. Погод. 1030. Л. 1, 1 об.)

В монографии Ивановой 1981 г.⁵⁵⁾ названы еще две рукописи. Одна — Псалтирь второй половины XIII в., на пергамене, болгарская — поступила к Погодину (Погод. 8) от Большакова в том же 1840 г., когда состоялся лаптевский аукцион. Но никаких сведений о принадлежности Лаптеву она не содержит, не подтверждается это ни в СК XI–XIII вв., ни в РКСП 1. Другая рукопись — Патерик сводный первой половины XVI в. (Погод. 883) — безусловно, из собрания Лаптева, о чем свидетельствует оттиск печатки ИЛ на л. 159 об. и его запись на л. 214 об. К этому можно добавить, что в коллекции филиграней Лаптева (ед. хр: 45, л. 105, № 285 с записью об источнике «Патерик») имеются рисунки водяных знаков бумаги рукописи — «голова быка с глазами и ушами» и «три горы с крестом в круге».

На основании писем Сахарова и других источников можно считать принадлежавшими Лаптеву рукопись на пергамене XIII в. (описание см.: СК XI–XIII вв. № 227; РКСП 1. Погод. 70), а также рукописи Погод. 184 (РКСП 1), 883, 1404_a, 1747, 1757, 2020₁, 2020₂, 2020₃ (установлены *de visu*).

Естественно, что, живя в Петербурге, Иван Петрович при приобретении древностей соперничал с крупными коллекционерами. Об одном из таких фактов, когда столкнулись интересы И. П. Лаптева и графа Ф. А. Толстого, упоминалось в биографическом очерке Лаптева (см. II гл.). Тогда, в 1828 г., Иван Петрович «победил» графа, приобретя «Литургию» (в 4°), отпечатанную в 1555 г. в Венеции⁵⁶⁾. Но это было обычным явлением среди коллекционеров. И как свидетельствуют письмо Ивана Петровича 1828 г. к графу, а также пометы на листах лаптевской коллекции филиграней, Лаптев продолжал пользоваться собранием графа еще до его передачи в Публичную библиотеку.

В итоге можно подтвердить, что большая и важнейшая часть рукописей исторического содержания лаптевского собрания оказалась с 1840 г. у историка М. П. Погодина (их полное научное описание мы получаем по мере выхода выпусков каталога РКСП в ОР РНБ). Это было одно из первых значительных поступлений в собрание известного историка, ставшего в 1830-х–1840-х годах благодаря стечению обстоятельств (прекращение деятельности Н. П. Румянцева в 1826 г., продажа библиотеки графа Ф. А. Толстого в Публичную библиотеку в 1830 г., распыление собрания И. П. Лаптева после аукциона 1840 г.,

⁵⁵⁾ *Иванова Климента*. Български, сръбски и молдо-влахийски кирилски ръкописи в сбирката на М. П. Погодин. София, 1981. С. 29, 350. Патерик сводный описал В. М. Загребин (Сербские рукописи из собрания М. П. Погодина // АЕ за 1973 год. М., 1974. С. 193. № 22).

⁵⁶⁾ *Барсуков Н. П.* Жизнь и труды П. М. Строева. СПб., 1878. С. 130; ОР РГБ. Ф. 291. Ед. хр. 58. Л. 34 об. Текст оригиналов этого и других писем Ф. А. Толстого угас и едва прочитывается.

приобретение Погодиным библиотек П. М. Строева и Н. П. Филатова) одним из крупнейших коллекционеров рукописных и старопечатных книг⁵⁷⁾.

Кроме Погодинского, рукописи из собрания Лаптева хранятся и в других собраниях РНБ (ОСРК, Н. М. Михайловского, П. Н. Тиханова). До сентября 1827 г. Лаптев владел одним из томов Лицевого летописного свода (ныне Лаптевский: ОР РНБ. Ф. IV. 233). Переписка о дарении тома, охарактеризованная во II гл., содержит и ценные данные о его бытовании: куплен он был Лаптевым у калужского купца Чернова; дата покупки — 1819 г. и цена — 1 тыс. руб. названы в документе из РГАДА⁵⁸⁾. Письма Лаптева, находящиеся в составе переписки, донесли до нас первые представления об этом томе, полученные им при ознакомлении с рукописью, фактически первое его описание, еще до научных описаний А. Ф. Бычковым (1862) и Н. П. Лихачевым (1899). В черновике первого письма, написанного, на мой взгляд, сыном Аполлоном, Иван Петрович рассматривал эту рукопись как «часть большого хронографа или летописи»⁵⁹⁾. Это соответствовало оценке других томов в исторической литературе того времени, с которой Лаптев был знаком, отразилось в переписке А. Н. Оленина — П. М. Волконского, где известные тома представлены как составляющие «весьма огромного исторического творения», «Хронографа» начала XVII в.⁶⁰⁾

Хронологические рамки событий тома Лаптевым определены как 1116–1257 гг. «с некоторыми пропусками», что вошло и в письмо А. Н. Оленина от 21 апреля 1827 г. Позднее они были уточнены — 1116–1252 гг.⁶¹⁾ Указал Иван Петрович, что рукопись в лист содержит 1005 л. и 1950 «картин», т. е. миниатюр (позднее насчитали

⁵⁷⁾ См.: РКСП 1. С. 8.

⁵⁸⁾ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 212. Л. 2 об. Рассуждения о том, что этот купец еще в 1817 г. продавал какую-то часть Лицевого свода см.: Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. М., 1998. С. 42–43; РГАДА. Ф. 196 (Собрание Ф. Ф. Мазурина). Оп. 3. Ед. хр. 5 (втор. пол. XIX в.). «Перечень томов "Лицевого свода" с указанием мест хранения». Л. 1 об. Составитель не указан. Список конца XVIII в. рассматриваемого тома, сделанный с подлинника другим калужским коллекционером, А. В. Рагозинским, описал А. А. Турилов (См.: *Кобяк Н. А., Морозова Н. А., Турилов А. А.* Кириллические рукописные книги XV–XIX вв. в собраниях фондов 21 и 22 БАН Литвы // *Krakowsko-Wileńskie studia slawistyczne. Ser. poświęcona starożytnościom słowiańskim.* Kraków, 1997. Т. 2. Str. 43, 84). Подлинник, судя по записи Рагозинского 1794 г., находился в то время в Калуге, «в библиотеке надворного советника Николая Федоровича Михайлова». Таким образом Туриловым установлены местонахождение и владелец тома еще до приобретения его Черновым.

⁵⁹⁾ Цит. по: Клосс Б. М. Об истории томов Лицевого свода, хранящегося в Публичной библиотеке // Исследования по... М., 1985. С. 113 — частичная публикация письма.

⁶⁰⁾ РГИА. Ф. 472. Оп. 12. Д. 212. Л. 1, 2, 5, 6 и др.

⁶¹⁾ См.: *Подобедова О. И.* Миниатюры русских исторических рукописей: К истории русского лицевого летописания. М., 1965. С. 325–326; Амосов А. А. Указ. соч. С. 14; и др.

1951), обратив особое внимание «на житие и победы над неприятелями» вел. князя Александра Невского. Интересно, что А. И. Ермолаев, заботившийся о собирании томов Лицевого летописного свода в ИПБ и, конечно, изучавший уже известные, внес в подготовленное им для А. Н. Оленина письмо от 21 апреля важное наблюдение о лаптевском томе: «На такой же бумаге, с такими же картинками и тою же рукою писанный, как и поступивший ныне в Императорскую Публичную библиотеку манускрипт» (т. е. Лицевой хронограф от З. П. Зосимы)⁶².

В другом письме Лаптева, написанном его дочерью Ольгой, а затем в черновике подготовленного писцом письма Оленина Волконскому от 15 сентября 1827 г. сообщается, что Иван Петрович сам решил собирать тома Хронографа и хотел купить рукопись у графа Ф. А. Толстого (так называемый Голицынский том), предложив за нее 1 тыс. руб. ассиг., а купец Солодовников («здешний согражданин») давал 2 тыс. руб., но граф не продал. Лаптев знал, что эта рукопись была издана в 1772 г. историком М. М. Щербатовым; кроме того, она была кратко описана в 1825 г. П. М. Строевым⁶³. С описанием Лаптев мог быть знаком еще до выхода в свет, так как пользовался, как известно, книгами из собрания графа по рукописному каталогу. В предисловии «Первого прибавления...» Строев писал, что после выхода в свет в 1825 г. «Обстоятельного описания...» его собрания граф приобрел еще 15 рукописей, в числе которых находилась и эта. Значит, Лаптев мог вести переговоры о покупке ее не ранее 1825 г. и до начала 1827 г. (Но современные исследователи, ссылаясь на описание Строева в «Первом прибавлении», называют датой приобретения графом рукописи «после 1810 г.»). Во втором рассмотренном письме Иван Петрович подчеркнул, что «его часть более ценная, как еще ненапечатанная, единственной подлинник, преимущественнее графской»⁶⁴.

В конце концов упомянутые тома оказались в ИПБ.

Многие рукописи Лаптева находятся и в московских хранилищах. Не менее 19 рукописей, ранее принадлежавших Лаптеву, установлены архивистами в собрании В. М. Ундольского (ОР РГБ. Ф. 310). По словам автора обзора фонда Л. П. Саенко (Грязиной), «небольшая часть библиотеки Лаптева была приобретена Ундольским одновременно (см. черновик письма В. М. Ундольского Д. Н. Блудову, 24 декабря 1853 г. — ОР РГБ. Ф. 704. 24.19. Л. 7)»; остальные — через разных лиц: № 493 («Истины показание» Зиновия Отенского) — через Д. В. Пискарева, № 1120, 1121 — через Д. Ф. Болотова,

⁶² Подробнее см. комплексное кодикологическое исследование томов: *Амосов А. А.* Указ. соч.; и др.

⁶³ *Строев П. М.* Первое прибавление к описанию славяно-русских рукописей... графа Федора Андреевича Толстого. СПб., 1825. С. 7. № 407.

⁶⁴ Архив РНБ. Ф. 1. Оп. 1. 1827 г. Д. 13. Л. 10.

№ 76–85 десять Миней служебных XV–XVII вв., писанных в Молдавии, — «из библиотеки ярославского купца, соревнователя ОИДР А. К. Кочуева»⁶⁵⁾.

Ценные лаптевские рукописи оказались и в других собраниях ОР РГБ, например: в собрании Е. Е. Егорова, № 1346 («Златая цепь»), в собрании Рогожского кладбища, № 256 — список Кормчей первой половины XVI в. и № 257 — Кормчая Спасо-Прилуцкого монастыря 1534 г., которую Лаптев приобрел у вдовы Г. А. Розенкампа в 1832 г. Относительно списка Пандектов Никона Черногорца XVII в. из собрания Н. П. Румянцева (Ф. 256. № 493.1) составители Дополнительной описи фонда (машинопись. М., 1975–1977) высказали предположение, что он тоже принадлежал И. П. Лаптеву. Нам оно кажется неубедительным. Наши пояснения по этому поводу см. в разделе 3. Здесь только отметим одно важное обстоятельство. В этой описи и других работах указано, что список поступил к Н. П. Румянцеву в 1822 г. в группе рукописей из коллекции купца-старообрядца С. Ф. Карташова из Клинцов (недалеко от Гомеля, ныне Брянская обл.)⁶⁶⁾. А. Х. Востоков описал его для обозрения Кормчих книг Г. А. Розенкампа 1829 г. Но в изданное в 1842 г. описание Румянцевского собрания Востоковым он по каким-то причинам не вошел, хотя хранится в собрании до сих пор. Возможно, свет на этот вопрос могли бы пролить описи с учетом поступлений того времени, однако недоступность фондов ОР РГБ для исследователей в течение последних двух лет не позволила воспользоваться ими. В Собрании по временному каталогу библиотеки МДА (Ф. 173. III. № 126), сборник XVIII в. «Слово похвальное Николая Чудотворца и чудеса» М. С. Крутова сочла (по владельческой записи) также принадлежащим «известному купцу, собирателю древних рукописных книг, исследователю филиграней Ивану Петровичу Лаптеву»⁶⁷⁾. Ознакомление с записью (л. 1) показало, что рукопись принадлежала его однофамильцу Ивану Ивановичу Лаптеву в 1767 г. (Иван Петрович род. в 1774 г.).

В ОР ГИМ, в собрании А. С. Уварова (№ 555/205) хранится список Кормчей XV в., а под № 1334/10 — Хронограф XVI в.,

⁶⁵⁾ [Саенко Л. П. (Грязина)]. № 8. Ф. 310. Собрание В. М. Ундольского // РС ГБЛ. Т. 1. Вып. 1. С. 88; См.: Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского, описанные самим составителем и бывшим владельцем собрания с № 1-го по 579-й (С приложением Очерка собрания рукописей В. М. Ундольского в полном составе [А. Е. Викторова]). М., 1870; Немировский Е. Л. Вукол Михайлович Ундольский (1816–1864). М., 1996. С. 130.

⁶⁶⁾ [Червяков А. Д., Щербакова Н. А.]. № 1. Ф. 256. Собрание Н. П. Румянцева // РС ГБЛ. Т. 1. Вып. 1. С. 19; Козлов В. П. К истории комплектования Румянцевского собрания русских и славянских рукописей // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1980. Вып. 41. С. 29; и др.

⁶⁷⁾ Крутова М. С. Святитель Николай Чудотворец в древней русской письменности. М., 1997. С. 117, 145.

Въспоминательныя рѣчи.
 Священнаго Петра архієпископа
 ехова александріискаго в
 правнаѣ . 13 .

Лота едѣаніндъ апальки
 з греческаго злзхѣнзъ перебе
 денѣ шестѣ . шдано пово
 держанію правнаа сего вно
 емъ кмѣсто злзхѣнзъ при
 ложено злзхѣнзъ сходстве
 ниѣ показалоь перевертѣ
 оудавити .

Въспоминательныя рѣчи.
 Стата оца нашего бакнаа
 великаго . в правнаѣ 18 .

Ксиріа оуапла перебеде
 грѣдъ . анз содержанга какъ
 апальскаго посланія . такъ
 н сего правнаа кажетса
 азъше перевертѣ бѣобет
 венномъ знатеніи еддъ
 нли шсжденіе .

ЛЛ

ЕМ

принадлежавшие Лаптеву⁶⁸). В РГАДА (Ф. 196. Рукописное собрание Ф. Ф. Мазурина. Оп. 1. № 1682), как любезно сообщил мне А. А. Турилов, находится список «Сравнительной» кормчей, на л. 241 которого имеется искусно выполненная виньетка со словами: «Кормчая списана с подлинника иждивением купца Ивана Петрова Лаптева 1827 года». Список требует специального изучения. Перечень можно продолжить. Приведенные факты, на наш взгляд, убедительно подтверждают тезис о значительности собрания И. П. Лаптева, а также показывают возможность и необходимость восстановления его максимально полного состава. Но это уже тема отдельного исследования.

Распыление лаптевского собрания рукописей и книг привело не только к утере знаний о нем, как коллекции, но и к более позднему изучению отдельных ее составляющих, главным образом лишь после того, как они попали от коллекционеров в общественные или государственные хранилища.

Подобную ситуацию предвидел А. Х. Востоков, отметивший в рецензии 1825 г. на книгу Лаптева, что частные библиотеки обретут настоящую цену только после опубликования их описания, некоторые из них благодаря этому «избудут, может быть, от истребления». В конце века историограф В. С. Иконников как бы продолжил мысль, написав: «Лишь коллекции, перешедшие в общественные хранилища, сохранились вполне... Редкое собрание вологодского купца было продано с молотка в Петербурге»⁶⁹), что определило на долгое время потерю для науки многих его частей. Яркий пример тому — история с Кормчей, содержащей лаптевский список Русской Правды, описанная В. П. Любимовым⁷⁰), или «Златой цепи» из Егоровского собрания, рукописи которого при жизни владельца «были практически недоступны для исследователей»⁷¹).

Но ряд рукописей, попавших к истинным знатокам, были вскоре опубликованы полностью или использовались в научных исследованиях. Например, дубликации из собрания историка М. П. Погодина, изрядно пополнившегося во время аукциона 1840 г. Два года находилась у него рукопись под названием «Летописи». «Несколько раз была в руках, — писал Погодин, — но никак не входило в голову, чтоб это было сочинение Татищева: на ней стояла в заглавии *четвертая часть*, а Татищева уже издано было *четыре части*. Ныне понадо-

⁶⁸) Леонид [Кавелин], архимандрит. Систематическое описание славяно-русских рукописей собрания графа А. С. Уварова. М., 1893. Ч. I. С. 604–617; Ч. III. С. 25–26.

⁶⁹) Иконников В. С. Новые коллекции рукописей: Библиографические заметки В. С. Иконникова. Киев, 1890. С. 4.

⁷⁰) Любимов В. П. О Лаптевском списке Правды Русской // Правда Русская. М.; Л., 1947. Т. II. С. 832–835.

⁷¹) [Рыков Ю. Д.] № 5. Собрание Е. Е. Егорова. Ф. 98 // РС ГБЛ. Т. 1. Вып. 2. С. 69.

билось мне пересмотреть предисловие к Истории Татищева. Что же? Я увидел там, что разделение в печатном его сочинении сделано было Миллером, а что он сам оканчивал свой третий том кончиною Темного; четвертый же предполагал начать 1462 годом, Иоанном III-м. Я бросился к своей загадочной рукописи. Так и есть: она начинается 1462 годом, Иоанном III-м!.. Сочинение называется Летописью (Летописи Русской четвертая часть), так, как и Татищев называл свою...»⁷²⁾.

Рукопись, пролежавшая в безвестности более 60 лет, была опубликована в 1847–1848 гг. под названием «История Российская с самых древнейших времен» В. Н. Татищева. «Книга пятая, или по сочинителю часть четвертая древней Летописи Русской»⁷³⁾. В предисловии историка и филолога О. М. Бодянского (С. III–IV) приводится запись Погодина «на выходном листе к этой рукописи», в которой даны название, дата ее определения («Дознано июля 8, 1843 г.»), основные доказательства идентификации и место приобретения: «Куплена была на аукционе у г. Лаптева в Петербурге Т. Большаковым просто под именем “Летописи”». Бодянский дал и описание рукописи: «Листовник, оправленный в кожу, с медными застежками, золотым обрезом и надписью на спинке “Древней летописи” на 416 полулистах или 208 писчих листах, да “Повести о честном житии благовернаго Государя и Вел. кн. Федора Иоанновича” 38 полул[истов], или 19 лист[ов], всего 227 листов; писана красивым и твердым почерком прошлого века...»⁷⁴⁾.

Итоги изучения этой рукописи (и связанных с ней материалов) в 1966 г. подвел крупнейший историк и археограф С. Н. Валк при издании VI т. «Истории Российской» В. Н. Татищева. По поводу приобретения рукописи он писал: «Погодин купил ее в 1841 г. при содействии “старинара” Т. Ф. Большакова... на аукционе, на котором распродавалась в 1840 г. библиотека известного собирателя и вместе с тем автора первого в России “Руководства к дипломатике” вологодского купца И. П. Лаптева. Как и когда, при каких обстоятельствах и откуда попала эта рукопись к Лаптеву, остается неясным»⁷⁵⁾. Проведя тщательное исследование судьбы рукописи, ученый высказал два предположения. Одно из них: она могла быть копией, снятой с черновика незаконченной рукописи Татищева его сыном для кабинет-секретаря И. А. Черкасова, который затребовал рукопись «Истории

⁷²⁾ Погодин М. Открытия для русской истории // Москвитянин. 1843. № 7. С. 229–231; ОР РНБ. Погод. 1757. По описи: Татищев В. Н. Часть четвертая древней Летописи русской. 1787 г. 1°. 462 л. + IV. Скоропись. Уточнение — 227 л. — см. ниже описание О. М. Бодянского.

⁷³⁾ ЦОИДР. М., 1847. № 4, 5; 1848. № 9.

⁷⁴⁾ Там же. № 4. С. X.

⁷⁵⁾ Валк С. Н. О рукописи четвертой части «Истории Российской» В. Н. Татищева. М., 1966. С. 7 (Отсылка на кн.: Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета. Т. 2. С. 265; Барсуков Н. Жизнь и труды М. П. Погодина. СПб., 1892. Кн. 5. С. 436–438).

Российской» еще в 1751 г. Основание — помета в реестре описания наследия Г. Ф. Миллера, поступившего в МАКИД: «Ч. III и IV взята в Кабинет и не возвращена». Таким образом, рукопись «в Архив не вернулась, а из Кабинета пошла по рукам и затем была удачно приобретена Лаптевым»⁷⁶⁾.

М. П. Погодин через два года после аукциона 1840 г. впервые издал написанное в 1724 г. произведение русского экономиста и публициста И. Т. Посошкова «Книга о скудости и богатстве». В основу издания были положены списки рукописи Посошкова из собраний И. П. Лаптева и П. М. Строева. В предисловии к нему Погодин, в частности, писал: «Счастливый случай доставил мне в руки эту книгу в числе прочих, купленных Т. Ф. Большаковым на аукционе в Петербурге в 1840 г. после покойного И. И. Лаптева, известного собирателя отечественных древностей»⁷⁷⁾. Эту рукопись Погодин в первом обзоре своего собрания назвал в числе самых редких⁷⁸⁾.

Еще одна погодинская рукопись, поступившая из собрания Лаптева, была опубликована Временной комиссией для разбора древних актов в Киеве: «Летопись событий в Юго-Западной России в XVII в.» (Сост. С. Величко. Киев, 1848–1864. Т. I–IV. О принадлежности рукописи см.: Т. I. С. 1, сн. 1)⁷⁹⁾, единственное произведение украинского летописца.

Были введены в научный оборот и некоторые рукописи лаптевского собрания, приобретенные на аукционе И. П. Сахаровым. Прежде всего — «Московские соборы на еретиков XVI века в царствование Ивана Васильевича Грозного»⁸⁰⁾ из лаптевского сборника. В предисловии О. М. Бодянского отмечено, что эти материалы новые, а фигурировавшие ранее сведения о них скудны; дано и описание: «Сборник прислан в Общество действительным членом его И. П. Сахаровым, а приобретен им покупкой с молотка, 1840 г., из библиотеки Лаптева. Он в лист, на 122 полулистах или 244 страниц; писан почерком того (XVI) века, довольно связным, но хорошим; чернила сделались уже желтыми. В нем, с 89 по 110-ю страницы заключаются предлагаемые нами соборы, на 21 листе (собственно, полулисте)»⁸¹⁾.

⁷⁶⁾ Татищев В. Н. История Российская. Т. VI. С. 8.

⁷⁷⁾ Посошков И. Соч. М., 1842. Т. 1. С. VII. Опечатка в инициалах И. П. Лаптева. Археологический анализ списков рукописи Посошкова, в том числе Лаптевского (ОР РНБ. Погод. 1747), осуществил Б. Б. Кафенгауз (Посошков И. Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 319–322). Все семь использованных списков относятся к 50–60-м годам XVIII в. Опечатка в инициалах Лаптева попала в это исследование, видимо, из первого, погодинского издания.

⁷⁸⁾ Погодин М. Об археологических собраниях пр[офессора] Погодина. С. 174.

⁷⁹⁾ См.: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Киев, 1892. Т. I. Кн. 2. С. 1274; ОР РНБ. Погод. 2020₁–2020₃.

⁸⁰⁾ ЦОИДР. М., 1847. № 3.

⁸¹⁾ Там же. С. III. См. об этом: Иконников В. С. Опыт русской историографии. Т. I. Кн. 2. С. 1267.

Обратим внимание на важную деталь. В отмеченном издании ЧОИДР 1847 г., № 3–4, кроме названных публикаций, была помещена статья историка, правоведа Н. В. Калачова «О значении Кормчей в системе древнего русского права». В приложении к ней среди других материалов автор дал «Оглавление русских статей, находящихся в сводной Кормчей И. П. Лаптева» (сославшись на книгу Г. А. Розенкампа). Таким образом, в указанных выпусках ЧОИДР существенное место заняли материалы из собрания Лаптева.

В. С. Иконников отметил публикацию и другой рукописи от Сахарова «Путешествие Василия Гагары в Палестину» 1634 г.⁸²⁾ (по спискам Сахарова и Лаптева). О ней сообщалось ранее Сахаровым. В приведенном выше письме 3 февраля 1842 г. он просил у Погодина в обмен две рукописи «лаптевской покупки», в том числе список Василия Гагары, которые нужны были ему для издания. Видимо, Погодин удовлетворил просьбу, но временно, только для издания, так как в ОР РНБ (Погод. 1599) сохранился такой список. В описании А. Ф. Бычкова прямо сказано: «Этот список был употреблен Сахаровым при напечатании путешествия Гагары. См.: «Сказания русского народа». Т. II. Кн. 8. С. 109–122. До поступления в Древлехранилище Погодина рукопись принадлежала Лаптеву»⁸³⁾.

До сих пор рассматривались факты преимущественно о наиболее древней и ценной части собрания Лаптева — рукописной. Меньшим числом данных мы располагаем о его старопечатных книгах, коллекция которых была отнесена И. П. Каратаевым к особо замечательным в Петербурге. Кроме отдельных книг XVI в., упомянутых П. И. Кеппеном, И. П. Сахаровым, Ф. А. Толстым, названия книг, которыми владел Иван Петрович, имеются в записях к рисункам лаптевской коллекции водяных знаков. Названия старопечатных книг — источников воспроизведения филиграней для книги «Опыт» (т. е. входивших в собрание Лаптева к 1824 г.) приведены в III главе, в табл. 2, дополнительно — во 2-м разделе данной главы.

В итоге можно считать, что в собрании Лаптева к 1824 г. находились старопечатные книги XV–XVII вв., а также издания более позднего времени, преимущественно на русском и других славянских языках. После 1824 г., судя по записям в коллекции водяных знаков, увеличилось число книг и на других европейских языках.

Названия старопечатных книг, использованных Лаптевым для воспроизведения ВЗ, безусловно могут служить ориентиром для установления конкретных экземпляров из его собрания. Однако без дополнительных данных (владельческих и других записей, упоминаний о них в литературе и т. д.) обнаружить их среди рассеянных

⁸²⁾ Иконников В. С. Указ. соч. Т. 1. Кн. 2. С. 1267.

⁸³⁾ Бычков А. Ф. Описание церковно-славянских и русских рукописей Императорской Публичной библиотеки. СПб., 1882. Ч. 1: Описание церковно-славянских и русских рукописных сборников. С. 233–234. № 50.

по разным хранилищам изданий практически невозможно. В числе этих данных могут сыграть важную роль и водяные знаки из книги «Опыт», но только при сравнении всех сохранившихся экземпляров соответствующего издания, что требует специального книговедческого исследования.

Обнаружены сведения о том, что небольшая часть собрания Лаптева (скорее всего, старопечатных книг) не была продана в 1840 г., осталась в семье покойного. Подтверждением служит удивительный акт любви и уважения к отцу его дочери Ольги Ивановны, одной из помощниц в палеографической работе. В 1859–1860 гг., т. е. через 21 год после смерти отца, в связи с 85-летием со дня его рождения, она переписала бережно хранимое редкое издание из собрания Лаптева — Евангелие 1600 г. Вот ее записи: «...Начато писать с Божией помощью 1859-го года 9 августа, потому что настоящее обещалась отдать в церковь за Родителя, а окончила в мае описывать и повторила 1860-го сентября 23-го дня и за свое и за всех здоровье»⁸⁴). Благодаря ней мы узнаем не только о том, что эта книга — из собрания Лаптева, но и о его заметках. На л. 1 об. Ольга Ивановна отметила: «Подлинное Евангелие, с которого списано, то приложены были листочки руки Родителя моего вот что». Далее следует текст Ивана Петровича с полным описанием книги, сделанным В. С. Сопиковым: «О сем Евангелии в Опыте Российской библиографии или Полного словаря Василья Сопикова, часть 1-я, напечатанного 1813 г.»⁸⁵) на странице 86-й под № 276. Евангелие напрестольное юсовое (Юсовым я называю потому, что в нем буква ю везде употреблена вместо буквы у. — *Примеч. В. С. Сопикова под строкой*) с портретами евангелистов, напечатано старанием и капиталом Лукаша Мамонича (А о сем Лукаше Мамониче упоминается в Древней Российской вивлиофике. Ч. X. Страница 263 первого издания. — *Примеч. В. С. Сопикова под строкой*) в собственной его типографии Вильна 1600 в малый лист ретко»⁸⁶). Сравнение с текстом в библиографии Сопикова выявило небольшие отличия в пунктуации и орфографии (например, у Сопикова: «Вильна, 1600 — в малый лист.» *Редко.*), порядке слов, а слово «коштом» Иван Петрович заменил словом «капиталом». После переданного текста отца находится

⁸⁴) ОР РНБ. Ф. 777 (П. Н. Тиханов). Оп. 3. № 6. Четвероевангелие. Копия с издания Л. Мамонича. Вильно, 1600. 1°. 191 л. Скоропись. Список О. И. Лаптевой. Записи на внутреннем листе нижней крышки переплета и л. 1.

⁸⁵) Значит, книга была в собрании Лаптева не ранее 1813 г.

⁸⁶) Современное описание: СККП. 1958. № 40. Евангелие [напрестольное]. Вильно, тип. Лукаша Мамонича, 1600, в лист, 2–9, 393 л. Несколько знаков бумаги этого издания опубликовано в книге А. А. Гераклитова (Филиграни XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М., 1963. № 1452–1461). Водяные знаки бумаги экземпляров издания, хранящегося в БАН и Научной библиотеке Вильнюсского университета, изучил и воспроизвел Э. Лауцявичюс. См.: *Laucevičius E. Popierius Lietuvoje XV–XVIII a. Vilnius, 1967. [Т. 1]. С. 153–154, 248. Русский перевод: Бумага в Литве в XV–XVIII вв. Вильнюс, 1979. С. 156–157.*

удостоверяющая запись: «Списано сие Евангелие С. П. купеческою дочерью Ольгой Ивановой Лаптевой».

Филиграней бумаги этой книги в «Опыте» Лаптева нет, но есть в коллекции под № 329 (см. разд. 2, с. 208). Такой номер указывает на просмотр филиграней Евангелия Иваном Петровичем после 1824 г. Но из записи к рисункам не ясно, одолжил он книгу или приобрел. Благодаря вышеприведенным записям Ольги Ивановны, узнаем о покупке книги.

Приведенные отрывочные сведения о лаптевском собрании позволяют сделать следующие выводы.

По составу (около 2600 единиц?) оно объединяло рукописи на пергамене (отдельные), на бумаге (большинство, причем некоторые, возможно, на хлопчатой бумаге), а также старопечатные и другие редкие книги. Хронологические рамки рукописей — XIII–XIX вв., источники преимущественно на русском и других славянских языках, а также на греческом, латинском языках. Число рукописей его собрания точно не установлено, но, безусловно, более 50. По приобретению рукописей семейная «артель» занималась их реставрированием. Иван Петрович сличал их с другими списками и дополнял недостающие части. С отдельных рукописей, которые он не мог приобрести, его помощники делали списки, украшенные прекрасно выполненным орнаментом. Некоторые рукописи, поступившие после аукциона 1840 г. к ученым, были опубликованы еще в первой половине XIX в., другие попали в поле зрения исследователей только в середине или конце XX в.

Старопечатные книги 1495–1700 гг., собранные И. П. Лаптевым к 1824 г. на русском и других славянских языках, позже пополнились изданиями на немецком, французском, английском.

Отметим особенности коллекционерской деятельности И. П. Лаптева. Он, конечно, не принадлежал к библиофамам, категории людей, «хоронящей книги», скрывающей их от других, как и к библиоманам, собирающим особо редкие и дорогие издания (разве что в самом начале возникновения этой страсти). Иван Петрович был настоящим библиофилом, т. е. не просто любителем, но и ценителем книги. Основная цель его коллекционирования состояла в создании базы для изучения не только водяных знаков, но и определенных групп источников, особенно Кормчих книг (подробнее в разд. 3). С этим связана и другая особенность Лаптева-коллекционера: он не был чьим-то комиссионером, как, например, Т. Ф. Большаков, Д. В. Пискарев, Д. Ф. Болотов и др. (состав собраний которых в течение жизни менялся не один раз, что отметил И. П. Каратаев⁸⁷⁾), не продавал свои книги (во всяком случае, таких сведений не обнаружено), хотя, как и все, обменивал необходимые экземпляры, иногда дарил).

⁸⁷⁾ Каратаев И. П. Хронологическая роспись... С. XII.

Надеемся, что издание данной монографии будет способствовать дальнейшему выявлению рукописей и книг ценного собрания И. П. Лаптева и составлению полного или почти полного их перечня. Основу перечня могут составить названия рукописей и старопечатных книг, упоминаемых в литературе и в архивных описях, а также названия источников из записей к рисункам коллекции филиграней.

2. Коллекция водяных знаков И. П. Лаптева

Деятельность И. П. Лаптева как палеографа-практика до последнего времени специально не исследовалась. Учитывая настойчивость, проявленную им при подготовке книги, и обещание продолжить начатую работу, можно предположить, что занятия водяными знаками сохранялись и позже в центре его внимания. Отсутствие личного фонда Лаптева заставило обратиться к источникам из других архивных фондов, хранящих в том числе и рукописи из его распыленного собрания. Частные собрания, как показывают их описания и исследования, не только содержат ценные источники, но, благодаря имеющимся на них пометам, дают важные сведения по кодикологии рукописей, о деятельности их владельцев и др.⁸⁸⁾

Не случайно первые сведения о том, что автор «Опыта» продолжал изучать водяные знаки, связаны с публикацией его записей на рукописях из бывшего лаптевского собрания. Впервые в советской научной литературе несколько таких записей были изучены и опубликованы историком В. П. Любимовым в фундаментальном издании «Правда Русская»⁸⁹⁾. В записи 1826 г. на обороте верхней крышки переплета Кормчей (ОР ГИМ. Увар. 555/205) сообщается об изучении ее владельцем Лаптевым филиграней бумаги для датировки рукописи⁹⁰⁾, но о воспроизведении их рисунков не упоминается.

В начале 1980-х годов несколько записей привела болгарская исследовательница К. И. Иванова. В частности, на принадлежавшем Лаптеву списке рукописи «Слово Исаака Сирина с прибавлениями» второй четверти XV в. (ОР РНБ. Погод. 1030. Л. 1) имеется запись

⁸⁸⁾ Кроме указанных ранее работ В. П. Козлова о собраниях рукописей конца XVIII – первой четверти XIX в., об изучении и публикации помет на исторических источниках см.: *Тихомиров М. Н.* Записи XIV–XVII вв. на рукописях Чудова монастыря // АЕ за 1958 год. М., 1960; *Костюхина Л. М.* Записи XIII–XVIII вв. на рукописях Воскресенского монастыря // АЕ за 1960 год. М., 1962; *Киселева Л. И.* Корпус записей на старопечатных книгах. СПб., 1992. Вып. 1; *Столярова Л. В.* Кодикология древнерусских памятников письменности: Надписи XI–XIV вв. как объект кодикологического исследования: Автореф. дис... канд. ист. наук. М., 1993; *Она же.* Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М., 1998; и др.

⁸⁹⁾ *Любимов В. П.* Указ. соч. С. 835–838.

⁹⁰⁾ Там же. С. 835.

1836 г. (почерком «под полуустав»), в которой значится: «Со знаков же заводских на бумаге на обороте сего сняты рисунки»⁹¹). Это наиболее поздняя известная на сегодня датированная запись, сделанная им за два года до смерти. На л. 1 об. воспроизведены 13 водяных знаков XV в. Аналогичного содержания в более ранние записи Лаптева и его детей приведены в уже упоминавшихся работах М. С. Крутовой (1990), Л. Е. Морозовой (1990) (см. и в разд. 3).

Даже немногие указанные публикации свидетельствуют о палеографической работе Лаптева в частности, по филиграням. Но, может быть, они случайные?

Прямой и безусловный ответ на вопрос о специальных филиграноведческих изысканиях И. П. Лаптева не только до, но и после 1824 г., дает обнаруженная мной его коллекция водяных знаков. Эта архивная находка стала возможной в результате целенаправленного поиска коллекций филиграней, предпринятого в порядке подготовки к первому совещанию филиграноведов СССР в 1987 г. На нем среди других был поставлен и вопрос о необходимости выявления и изучения коллекций филиграней в архивах⁹².

Как уже отмечалось, в одной из разысканных мною в Петербурге коллекций водяных знаков после длительных кропотливых исследований посчастливилось выявить тетради с филигранями, принадлежавшие И. П. Лаптеву⁹³. Помимо общей характеристики всей коллекции, одной из задач анализа в данном разделе является всесторонняя аргументация принадлежности тетрадей с рисунками знаков Лаптеву, так как записи из них легли в основу ряда положений монографии.

Натолкнули на эту коллекцию заметки С. А. Клепикова к выпискам из дел фонда Н. М. Михайловского (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1). Клепиков указал, что ед. хр. 48 «содержит около 400 знаков»⁹⁴, сделал выписки со с. 3 — обложки тетради в ней. Имеются пометки о просмотре и ед. хр. 47. Лист использования ф. 487 показал, что с фондом ранее знакомились несколько исследователей. В 1967 г.

⁹¹ *Иванова К. И.* Рукописи И. П. Лаптева в собрании М. П. Погодина. С. 191.

⁹² *Андрюшайтите Ю. В.* Основные итоги развития советского филиграноведения в 50-х — начале 80-х годов // *Филигранологические исследования: Теория, методика, практика.* Л., 1990. С. 15–20. На основе собранных к совещанию и уточненных сведений был подготовлен список коллекций филиграней, хранящихся в архивах и у отдельных исследователей на территории бывшего Союза, с их описанием и библиографией. Работа была сдана в сборник Библиотеки РАН, но в связи с ухудшением финансирования не вышла и осталась в архиве ее Отдела рукописей.

⁹³ См. об этом нашу статью «Материалы о собирании коллекций водяных знаков И. П. Лаптевым и Н. М. Михайловским». Ч. 1, 2 (АЕ за 1990 год. М., 1992; АЕ за 1991 год. М., 1994), а также гл. III — данные о части коллекции, использованной в книге Лаптева.

⁹⁴ ОР РГБ. Ф. 719 (С. А. Клепиков). К. 25. Ед. хр. 10 («Подготовительные материалы к работам по филигранологии [1960–1970 гг.]»). Л. 72. Он ошибся, их около 200.

Клепиков смотрел ед. хр. 45–48 и сводил филиграни бумаги из тетрадей ед. хр. 45. Несколько знаков бумаги ед. хр. 45 и обложки 47 он описал в своем последнем альбоме «Филиграни на бумаге русского производства XVIII – начала XX века» (М., 1978. № 97 — 1823 г.; № 581, 583, 585, 586 — 1828 г.), но их воспроизведений не поместил. Однако ни в этой, ни в других работах Клепиков не характеризовал коллекцию филиграней из ф. 487 (поскольку его интересовали оригиналы знаков, рисунки же в тетрадах были неточными), а она представляет немалый интерес в нескольких аспектах.

В личном фонде Н. М. Михайловского, по оп. 1, 66 ед. хр., из них с рисунками филиграней — четыре (ед. хр. 45–48). По моим приблизительным подсчетам, в них собрано солидное число филиграней — около 4 тыс. При этом необходимо уточнить общий хронологический период коллекции: не XV–XVII вв., как указано в обзоре фонда, а XIV–XVIII вв.

Далеко не все воспроизведения знаков сделаны качественно. Тетради в делах различаются по содержанию и почеркам записей к рисункам, по характеру и расположению последних. Ознакомление с материалами заставило сразу выделить ед. хр. 48, вызвало сомнение в правильности архивных заголовков остальных трех дел. Последующее изучение подтвердило наши предположения и позволило определить, что тетради в ед. хр. 45 и 48 ранее, до Михайловского, принадлежали другим лицам. Рассмотрим доказательства этой версии.

Ед. хр. 45 — по архивному заголовку «Тетрадь филиграней, перерисованных Н. М. Михайловским из рукописей и книг XIV–XVII вв.» Сомнения в его точности возникли уже при первом просмотре.

Дело состоит из нескольких сшитых вместе тетрадей в 4° и содержит 210 листов⁹⁵⁾. В них около 2 тыс.⁹⁶⁾ пронумерованных рисунков филиграней XIV–XVIII вв.⁹⁷⁾ На внутренней стороне первой обложки карандашом каллиграфическим почерком выставлен «№ 256»⁹⁸⁾. Записи к рисункам знаков сделаны разными почерками. На полях — сведения об источниках водяных знаков, их датировке, рассуждения о бумаге, ее формате, филиграниях. Много фамилий купцов, кни-

⁹⁵⁾ Архивная нумерация листов не совпадает с постраничной нумерацией владельца тетради. В конце он сбился и написал 461 с.

⁹⁶⁾ На л. 207, под таблицей водяных знаков указано «88 / а всего 1800», но не учтены еще два листа с таблицами ВЗ, некоторые знаки без номеров. Часто под одним номером их несколько с одинаковой датой или из одного источника. Номера написаны в разных местах: около рисунка, под ним или даже внутри него, тут же проведена правка старых номеров на новые.

⁹⁷⁾ Среди ВЗ XV–XVI вв. появляются рисунки знака «Герб Амстердама», на л. 168 об. запись: «Рисунки из книги о скудости и богатстве, письменная. Рисунки под № 400. Писано 1724». Речь идет о книге русского экономиста и публициста И. Т. Посошкова, созданной в 1724 г., а список, принадлежавший Лаптеву, — 1764 г. Таким образом, отдельные знаки относятся ко второй половине XVIII в.

⁹⁸⁾ Выяснить смысл этой нумерации, к сожалению, не удалось.

готорговцев, коллекционеров, у которых заимствованы (куплены?) рукописи и книги для воспроизведения или сравнения филигранных.

Особенность этих тетрадей и в том, что многие рисунки и записи зачеркнуты красными чернилами. Можно подумать, что производился их отбор. Напомним наши наблюдения в III гл. — так работал И. П. Лаптев при подготовке черновой рукописи своей книги⁹⁹⁾. Может быть, совпадение случайное? Или Н. М. Михайловский (как указано в архивном заголовке) копировал метод работы Ивана Петровича? Но рукописи лаптевской книги, подготовленной для цензора, он видеть не мог (она до сих пор находится в другом фонде), имел только тетради с рисунками знаков Лаптева. Помимо сходства в отборе знаков путем перечеркивания есть и другие сходства с черновой рукописью книги Лаптева: рисунки находятся в рамках-таблицах (всего 417 таблиц), группировка их не по сюжетам, а по хронологии, есть типичные для Лаптева обозначения вставок (#, *).

Поразительные совпадения дает сравнение перечеркнутых красным водяных знаков, их дат (иногда и текста) в ед. хр. 45 и в рукописи книги Лаптева. Совпадения означают, что эти рисунки филигранных взяты Иваном Петровичем из коллекции для черновой рукописи книги. Различия между ними и таблицами в издании книги объясняются дополнительными изменениями в рукописи, внесенными по указанию Лаптева (см. табл. 2 в III гл.). В коллекции, на л. 1–48 зачеркнут 161 рисунок из 427 под № 1–158 (напомним, что под одним номером бывает несколько рисунков). Все они найдены в таблицах черновой рукописи книги. Далее, после л. 48 зачеркиваний нет, что и позволило считать последующие рисунки снятыми уже после выхода книги Лаптева, т. е. после 1824 г.

Исследование бумаги ед. хр. 45 дало такие результаты. Тетради оказались составленными из листов трех видов бумаги русского производства разных лет. Данные С. А. Клепикова¹⁰⁰⁾ и мои¹⁰¹⁾ по-

⁹⁹⁾ См.: ОР РНБ. ОЛДП. Q. 48.

¹⁰⁰⁾ Клепиков С. А. Филигранные на бумаге русского производства XVIII – начала XX века. М., 1978. С. 39. № 581, 583, 585, 586 — водяные знаки бумаги ед. хр. 45, л. 174, 178, 180–183, 185: «ПУФ || АКС | 1828» (и другие инициалы мастеров. —

ЕЩ

Ю. А.) Монограмма расшифрована К. Я. Тромониным (с. 5) — «Переяславского уезда [Ярославской губернии] фабрика Алексея Куманина сыновей». К № 585 Клепиковым ошибочно указан л. 183, должен быть л. 189; в № 586 инициалы мастера «ФИ», в оригинале — «ФН».

¹⁰¹⁾ ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 81, 83. Филигрань «АБФ | 1824» — «Александровская бумажная фабрика» (Е. Кайдановой). Расшифровано С. А. Клепиковым и М. В. Кукушкиной (Клепиков С. А. Филигранные и штемпели бумаги русского производства XVIII–XX вв. (Дополнение к работам К. Тромонина, Н. Лихачева и Н. Резцова) // Зап. Отдела рукописей ГБЛ. М., 1952. Вып. 13. С. 66; Кукушкина М. В. Филигранные на бумаге русских фабрик XVIII – начала XX в. // Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук. М.; Л., 1958. Вып. 2. С. 331–333). На л. 78, 89 виден знак «Britannia» без надписи.

зволяют определить по филиграням, включающим белые даты (годы изготовления бумаги), хронологический отрезок бумаги дела как 1819–1828 гг. Кстати, бумага с водяными знаками в виде монограммы «АБФ», но с другим годом (1823) есть и в рассмотренной рукописи лаптевской книги.

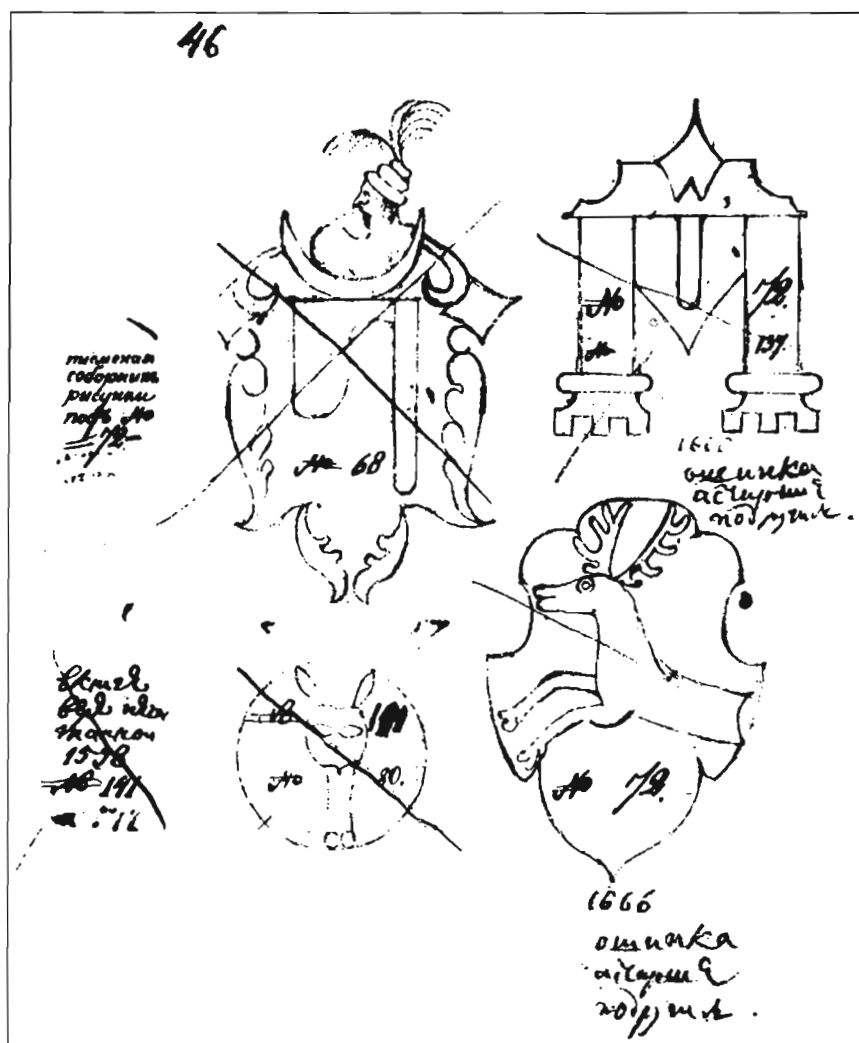
Установленная хронология изготовления бумаги тетрадей — безусловное доказательство того, что Н. М. Михайловский (1815–1877) не мог заполнять их, так как в то время был еще малолеткой. Можно, конечно, предположить, что, занимаясь филигранями в конце 1830-х — начале 1840-х годов, он использовал старую бумагу. Но это маловероятно, так как бумага русского производства, да еще в первой трети XIX в. так долго не залеживалась. Значит, рисунки водяных знаков перерисованы Лаптевым либо по его поручению. Кроме того, филигранные бумаги позволяют установить, что тетради ед. хр. 45 начали заполняться рисунками за несколько лет до выхода книги Лаптева.

Конечную дату заполнения коллекции — 1828 г., определенную по филиграням бумаги, можно передвинуть дальше, по крайней мере на четыре года, так как запись Лаптева на л. 163 ед. хр. 45 относится к Кормчей 1534 г., приобретенной им у вдовы барона Г. А. Розенкампа, что произошло в 1832 г. А запись могла быть сделана и позже, после изучения этой рукописи. Если же соотнести опубликованную Ивановой запись Лаптева 1836 г. на книге Исаака Сирина XV в. вместе с рисунками филиграней с записью на л. 195 ед. хр. 45 («из книги древлеписьменной Исаака Сирина и Петра Дамаскина») и рисунками под № 471, то может статься, что это дело содержит одни из последних воспроизведений филиграней в коллекции И. П. Лаптева.

К выводам о принадлежности тетрадей ед. хр. 45 Лаптеву и участи членов семьи в их заполнении приводит и изучение почерков записей. Они принадлежат по крайней мере двум, а то и трем лицам, почерк которых не похож на почерк Михайловского. Один из них (возможно, сын Лаптева Аполлон, переписывавший рукопись книги и письма Ивана Петровича) писал скорописью первой половины XIX в., четким каллиграфическим почерком черными чернилами только на полях и только об источниках филиграней (похоже, что он воспроизводил знаки и тут же отмечал источник). Его записи преобладают.

Записи другим почерком перемежаются с первым и принадлежат человеку, который писал скорописью ближе к XVIII в., хуже в смысле орфографии и стиля, черными и коричневыми (даже совсем бурыми)

Так что полный знак может быть «АБФ | 1824 || Britannia» (подробнее см.: *Клепиков*, 1978. № 7). На л. 155 и др. — посредине листа филигрань «1819 | АО» или «рожок с перевязью на щите под короной | АО» («Александр Ольхин» — расшифровано Клепиковым). Бумага имеет по краям бордюры, как и бумага в ед. хр. 48 (л. 6, 19 — «АО | 1817»), купленной Лаптевым у Петрова. Подобный знак см.: *Клепиков*, 1978. № 61, 1829 г.

Рисунки перечеркнутых красными чернилами водяных знаков, из коллекции И. П. Лаптева с записями его и сына Аполлона. (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 23 об.)

чернилами на полях, карандашом под филигранями, часто пропускал буквы и оставил малоразборчивые заметки на л. 210. Однако именно этим почерком даны не только сведения об источниках, но и сравнения водяных знаков, отсылки к справочникам, библиотекам и т. д. Изучение многих записей свидетельствует, что человек с таким почерком — И. П. Лаптев, изучает филиграни, часто как бы проверяет и уточняет работу человека с каллиграфическим почерком. Сравнение почерка Ивана Петровича в черновой рукописи его книги с записями второго лица в тетрадах ед. хр. 45 не оставляют сомнений в их идентичности.

Третий почерк в записях ед. хр. 45 (л. 68, 162 об., 163) — тоже скоропись первой половины XIX в., как показало сравнение с почерком переводчицы главы из книги Янсена, принадлежит дочери Ольге.

Очень важным для нашего исследования являются упоминания о работе владельца тетради с рукописями и книгами из Публичной библиотеки (л. 18 об., лаптевским почерком: «Кормчая первая в государственной библиотеке»; л. 6 об., каллиграфическим почерком к рис. № 16: «Российская история в лицах, в Имп. библ.»; л. 50 к рис. № 168, 169: «Кормчая письменная вторая в Императорской библиотеке», «Кормчая третья в Императорской библиотеке»). Лаптев часто дает отсылки к библиографическому справочнику со словами «по библиографу...»¹⁰² (л. 6 об., 18 об., 50, 133 об., 139, 151 об. и др.), к описаниям собраний рукописей и книг.

Часть записей прямо свидетельствует об использовании для выявления водяных знаков рукописей из собрания графа Н. П. Румянцева (например, л. 74 об.: «Кормчая на хлопчатой бумаге, древлеписьменная г. канцлера Румянцова, описанная бароном Розенкам[п]фом под № 4, рис. 214», — она сделана после 1829 г., когда вышло первое издание указанной книги; см. также л. 75, 80, 96); «от Розенкам[п]фа» (л. 67 об., 155, 160 об.); чаще — «из библиотеки графа Толстого» (л. 47, 76, 77 об., 93, 121–124 об., 131). Причем, некоторые лаптевские записи указывают на проводимое сравнение, проверку филиграни по рукописям этого собрания, особенно характерна на л. 131 об.: «У графа Толстого Никон Черногорский, печатаной в Остроге, несколько сходно съ [с]ими политерою (под литерой. — Ю. А.) А» (ср. л. 47). Не раз упоминается владелец одной из крупнейших в России коллекций, известный фальсификатор рукописей А. И. Сулакадзев (л. 17, 50 об., 59, 101).

И. П. Лаптев первым изучил и воспроизвел в своей коллекции филиграни из томов Лицевого летописного свода XVI в., принадлежавших не только ему, но и Ф. А. Толстому — «Голицинский том» и З. П. Зосиме — «Лицевой хронограф» (см. записи на л. 124 об.,

¹⁰² Скорее всего: *Сопиков В. С.* Опыт российской библиографии. СПб., 1813–1821. Ч. 1–5.

рис. 312, 313). Как известно, исследование и публикация филиграней бумаги Лицевого свода были осуществлены только в конце XIX в. Н. П. Лихачевым в труде «Палеографическое значение бумажных водяных знаков» (Ч. I. С. CLIV–CLXXXI, 300–315; Ч. 2. № 2737–2835), не потерявшем своего значения до сих пор¹⁰³).

Многие из рабочих записей не имеют точных отсылок на источник и его местонахождение. Но одну, на л. 121 — «Максима Грека древлеписьменная — отдел II, № 241 графа Толстаго, рис. № 306» — легко идентифицировать по изданию «Обстоятельное описание славяно-российских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстаго» (М., 1825)¹⁰⁴.

Сведения из ед. хр. 45 позволяют подтвердить и расширить круг лиц, у которых И. П. Лаптев одалживал или приобретал рукописи, книги, изучал в них филигранные. Ранее было известно несколько фамилий, названных самим Иваном Петровичем в пометах на рукописях его собрания: петербургский книготорговец («на Опраксином дворе») Иван Яковлев Петров (1817 г.), московский книготорговец Иван Васильевич Пискарев (1832 г.), новолодожский крестьянин Григорий Климов (1832 г.), купец Г. А. Громов, книготорговец Иван Иванович Соплаксин (а он получил рукопись «от бывшего купца Василия Солодовникова Вилмастранского», 1835 г.), книготорговец Алексей Глушков. Некоторые фамилии фигурируют в табл. 2 в гл. III.

В записях на полях и у рисунков водяных знаков в ед. хр. 45 каллиграфическим и лаптевским почерком неоднократно упоминается Е. С. Петров (л. 61 об., 65, 68, 97, 97 об., 98). Этот комиссионер (охарактеризован в гл. I) был не только нумизматом, владельцем собрания рукописей, но и собирал филигранные. Один раз отмечена рукопись от некоего «Михаила Петрова» (л. 72). Часто встречается фамилия купца Г. А. Громова (л. 13, 15 об., 37, 40, 63, 92 об., 98, 101 об.), с которым, как показано ранее, Лаптев обменивался рукописями и рисунками. Приведем интересную запись на л. 15 об., к рис. 44, которая хорошо отражает характер работы Лаптева и его помощника над филигранями, ведущую роль Лаптева в ней. Сначала каллиграфическим почерком фраза: «Письменная душа с плотью 6968 (=1460 г. В оригинале дата изображена кириллицей. — Ю. А.) году, рисунки под № 44». Лаптевским почерком над ней «под сумлением», а после нее — «атдана Громову». На других примерах также видно, что Иван Петрович обращался к разным спискам рукописи (см. л. 150 об., рис. 358), особенно Кормчей книги и ее составляющих.

¹⁰³ Из последних исследований см.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII вв. М., 1980. Гл. 7. § 2; Амосов А. А. Лицевой летописный свод Ивана Грозного. С. 156–159, 348–349; и др.

¹⁰⁴ Ныне: ОР РНБ. Q. I. 219. Ср.: Уо Д. К. Славянские рукописи собрания Ф. А. Толстаго: Материалы к истории собрания и указатели старых и новых шифров. Л., 1980. С. 27.

Упоминаются еще две фамилии, знакомые по записям Лаптева на его книгах: новолодожского крестьянина Г. Климова¹⁰⁵⁾ (л. 159 об.) и Пискарева (л. 150). К сожалению, отсутствие инициалов у второй фамилии не позволяет определить, тот же ли это московский книготорговец И. В. Пискарев, о котором писал Лаптев в 1832 г. (см. Погод. 38, л. 1), или московский купец, владелец коллекции рукописей Дементий Васильевич Пискарев¹⁰⁶⁾.

Любопытно примечание на л. 133 об. к шести рисункам № 329: «Евангелие на престольное от Волы[н]ки сына из лавки. № 329, по библиографу юсовой, печатано в 1600» (ср. разд. 1, с. 198). Указание на лавку книготорговца имеется и на л. 119 об. (лаптевским почерком). Есть отсылка к книге, купленной на аукционе (на л. 58, к рис. № 185 «двуглавый орел без короны»), характерным для Лаптева почерком и с пропусками букв: «Служебник, печатной 1639 [г.], с а[у]кциону от Спелевина, № 185, по сей год». Часто упоминается книготорговец Леонтий Куприянов (л. 72 об., 77, 95, 119 об., 131, 143, 145, 148, 156 об., 157 об., 165 об., 170). О рукописи, из бумаги которой сняты водяные знаки на л. 170, написано: «Продана Лявонтьем Куприяновым Екиму Лавровскому. 405 рис.» На л. 119 об. запись, по которой можно определить фамилию книготорговца, если иметь список лавок: «Таковой же рисунок Григория и Петра в книге, в лавке после Левонтия Куприянова» (последний размещался в Петербурге, «на Апраксином дворе»).

В обозначении лиц преобладают имя и фамилия, особо уважительно, по имени-отчеству, названы только двое — Ефим Саввич Петров (л. 68, 97 об.) и Осип Осипович Муралов (л. 138 об., 173). Остальные фамилии владельцев, коллекционеров и книготорговцев, фигурирующие в записях ед. хр. 45 по одному или несколько раз, видимо, принадлежат лицам, с которыми связи Лаптева были не столь постоянными (не названы они и в упомянутых работах В. П. Козлова).

И все же перечислим эти фамилии, к сожалению, без возможности определить род занятий большинства их носителей, но с надеждой дать хотя бы какую-то зацепку о работе Лаптева с рукописями (некоторые фамилии, возможно, встречаются в более ранних записях в источниках): Филипп Андреев (л. 6 об., 7 об., 20, 48, 51, 59, 60, 67), Апарин, Ашер¹⁰⁷⁾ (л. 158 об., 157, 162 об., 163), Бардуков (л. 180 об.), Яков Васильев (л. 184 об. — «о[т] Якова Васильева каталога»; л. 185 — «купляна у Якова Васильева»), Круглов (л. 137 об.),

¹⁰⁵⁾ *Иванова К. И.* Рукописи И. П. Лаптева в собрании М. П. Погодина. С. 190; РКСП 1. С. 186.

¹⁰⁶⁾ *Иваск У. Г.* Указ. соч. Ч. II. С. 26.

¹⁰⁷⁾ Ашер Адольф — книготорговец, имел книжный магазин иностранных книг в Санкт-Петербурге, затем — в Берлине и Лондоне (Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. СПб., 1891. Т. 4(11а). С. 554. См. также: ОР РГБ. Ф. 362 (П. К. Симони). К. 197 (Ашер)).

Василий Кузмин (л. 45 об., 42) (петербургский книготорговец), Гарасим Людин (л. 73–74 об.), Паньков (л. 138 об.), петербургский купец Семен Васильевич Сажин (л. 9 об., 46 об.), «через Смирнова» (л. 45, 130 — лаптевским почерком), московский купец Василий Михайлович Солодовников — владелец списка «Истины показание» Зиновия Отенского, который переписала семья Лаптева (л. 66, 99 об., 101 об., 102, 120 об., 144, 192 об.), Софин (л. 145), Столяров (л. 75, 76), петербургский коллекционер В. К. Чепурин (л. 15) и др.

Среди четырех дел с филигранями ф. 487 наиболее содержательные записи имеются именно в ед. хр. 45. Прежде всего — ссылки на источник воспроизведения, дату, которые написаны, как правило, писарским каллиграфическим почерком. Другая группа записей — рассуждения о бумаге, водяных знаках, о достоверности датировки, подписи рукописи, о ее миниатюрах — лаптевским почерком, например: «1368-го, но по[д]пись под сумлением и подложно» (л. 5). Целое исследование содержат записи на л. 9 об., на котором восемь водяных знаков зачеркнуты красными чернилами. Шесть из них идентичны знакам на л. 4 об., два — на л. 4, 5 черновой рукописи книги Лаптева. И здесь, и там на полях сходные записи одним и тем же почерком, который в рукописи принадлежит Лаптеву, значит, и в тетради тоже: «Под № 25 после выделки бумага долго не писалась, либо [в] Измарагде подпись другою рукою учинена, по другой оказывается старше около 1513 [г.]» № 25 в коллекции — это водяной знак «единорог» 1574 г. Он имеется и в указанной рукописи (под № 34) под той же датой, тоже перечеркнут красными чернилами.

Далее на л. 9 об. писарский текст — «В Измарагде, писанной в 7082 (= 1574 г. — в оригинале кириллическими буквами. — Ю. А.) рисунки под № 25» — зачеркнут красным. Затем добавлено лаптевским почерком: «и Кормчая в четверть Василья Сажина*» (такой же значок * на знаке «единорог». Пропущено имя Сажина, должно быть «Семена...» — Ю. А.). Аналогичные записи Лаптева по поводу этой датировки см. на л. 9. В результате этот «единорог» в книгу не был включен.

У двух филиграней 1666 г., идентичных рисункам филиграней в рукописи книги Лаптева и ее издании (табл. 24), дважды Лаптев написал карандашом: «Ошипка, а старше по другим» (л. 23 об.).

Эти рассуждения свидетельствуют, что палеографическое изучение рукописи проводилось комплексно. Исследовались виды бумаги («на бомбицине, т. е. на хлопчатой» — л. 69; «на хлопчатой бумаге» — л. 71, 74 об., 75, 129, 136 об., 159 об., 196 об.; «на хлопчатой, тряпишной бумаге» — л. 203 об.; «бумага толстая, видно для вся[ко]го изделия» — л. 190; «с жуками» — л. 145), ее формат (л. 160 об. — «Минся февральска... больше всех форматом бумага»; л. 190 — «Книга форматом в четверть листа»), устанавливалась залежность (л. 9 об.).

Филигрань названа, как и в рукописи книги, по-разному — «клеймо», «знак», ее воспроизведения — «рисунок» (на наш взгляд, это название не случайно, так как филигранные срисовывались, поэтому возникало много искажений), но сюжеты, как правило, не обозначены. Следует учесть, что слово «рисунок» употребляется и применительно к миниатюре (л. 119 об.). Загадочной выглядит фраза на л. 129 — «на хлопчатой бумаге средне клеймо». Как видим, до точности в определениях было еще далеко.

Запись на л. 187 указывает на сравнение литер в филигранных; на л. 51 — сравнение знаков и в рукописях других владельцев («А у Филипа Андреева в Никоне Черногоры тако[е] же клеймо № 169»).

Помимо перечисленных имеются и другие записи с наблюдениями над бумагой, почерками, датировкой рукописей (л. 166 — «разных рук книга»; л. 159 об. — о рукописи, купленной у Г. Климова: «Однако не в одно время писана»). Вот подробное рассуждение такого рода на л. 149 об.: «Со знаком звезд[д]кой (звездой. Далее все слова до союза "ибо" зачеркнуты автором. — Ю. А.) и два клейма сии не совсем древние, ибо книга из разных списков. Есть и такой, как под № 341. Год не древней в сей, на таковом клеймо 1680 [г.] выставили». К филигранные № 185 из печатного Службника 1639 г., купленного на аукционе, запись Лаптева: «А книга кажеца долж[на] быть старше» (л. 58).

Обобщим наблюдения над ед. хр. 45. Все приведенные сведения, по нашему мнению, окончательно убеждают в том, что перед нами рабочие тетради И. П. Лаптева, а не Н. М. Михайловского. За это говорит, прежде всего, анализ филигранных бумаги тетрадей, относящихся к 20-м годам XIX в. и записи первой половины 30-х годов, когда Михайловский был еще подростком. Записи и рисунки знаков, перечеркнутые красными чернилами в начале ед. хр. 45, совпадают (за отдельными исключениями) с перечеркнутыми красным рисунками в черновой рукописи и с их воспроизведениями в таблицах книги Лаптева. Сравнение почерков позволило установить, что один из них принадлежит Ивану Петровичу, остальные — его детям. Именно лаптевским почерком сделаны наиболее глубокие по содержанию записи. Они показывают также, что владелец тетрадей работал при выявлении филигранных с рукописями собраний Ф. А. Толстого, Н. П. Румянцева, Публичной библиотеки, где Н. М. Михайловский еще не бывал. В пользу нашей версии говорит и список владельцев рукописей, связи Лаптева с которыми известны и по другим источникам.

И, наконец, ярким доказательством служит наличие в коллекции филигранных из списка рукописи И. Т. Посошкова. Дело в том, что когда заполнялись тетради, произведение Посошкова распространялось только в списках. Автограф до сих пор не найден. Лаптев же владел одним из списков, на основе которого и строевского списка М. П. Подгодин осуществил первое издание книги Посошкова лишь в 1842 г.

Перейдем к анализу тетради ед. хр. 48 из фонда Н. М. Михайловского. Ее содержание кратко описано в I гл., в числе первых коллекций филиграней в Петербурге. Архивный заголовок дела «Тетрадь филиграней, купленная у Ефима Савича Петрова, комиссионера Ф. П. Толстого». Из заголовка неясно, кем куплена — Н. М. Михайловским? Естественным кажется утвердительный ответ, так как она находится в фонде последнего. Однако анализ трех записей в тетради показал другое.

Запись на л. 17 гласит: «1831 июля 14-го дня сию тетрадку продал С.[-]П. купцу Ивану Петровичу Лаптеву, в которой 17 листков с заводских клейм на бумаге, доставшуюся мне от господина Алексея Васильевича Биляева (ошибка, должно быть “Беляева”. — Ю. А.), любителя древностей С.[-]П.: м[ещанин]: Ефим Петров». Ясно, что Е. С. Петров, получивший коллекцию знаков от А. В. Беляева, продал ее в 1831 г. И. П. Лаптеву, проживавшему в то время в Петербурге. И лишь позже ее приобрел Н. М. Михайловский, но не у Е. С. Петрова.

Дополним материалы о личности Е. С. Петрова, охарактеризованного в I гл. В архивном заголовке он определен как комиссионер графа Ф. П. Толстого, известного художника-медальера. В записи о Петрове на л. 20 тетради (на основе которой составлен архивный заголовок) у фамилии графа нет инициалов. Думается, что это был не художник, а известный коллекционер граф Федор Андреевич Толстой. Подтверждением могут служить письма Ф. А. Толстого и П. М. Строева, частично опубликованные Н. П. Барсуковым¹⁰⁸⁾. В них Толстой называет петербургского мещанина Петрова «моим антикварием», который в 1827 г. составил ему каталог купленных старопечатных книг, а в 1830 г. помогал в перевозке библиотеки графа в Петербург. По свидетельству Строева, он даже какое-то время жил у графа. В 1830 г. Строев предлагал включить Петрова в Археографическую экспедицию, которая должна была отправиться в Вологду. Но Петров поехать не смог¹⁰⁹⁾.

Продажа Петровым в 1831 г. тетради с рисунками водяных знаков И. П. Лаптеву, получавшему от графа книги и рукописи для изучения, возможно, была связана с окончанием его комиссионерской деятельности у графа, поскольку, как известно, Ф. А. Толстой продал в 1830 г. свое собрание рукописей и книг в Императорскую Публичную библиотеку в Петербурге. Вполне вероятно, что Петров после Беляева мог внести в упомянутую тетрадь рисунки филиграней из рукописей, хранившихся в библиотеке графа.

Что же дают другие записи в тетради?

¹⁰⁸⁾ Барсуков Н. П. Жизнь и труды П. М. Строева. С. 130, 203, 205. Оригиналы хранятся в ОР РГБ. Ф. 291. Ед. хр. 58. См. также: Ед. хр. 39; Археографическая экспедиция Академии наук 1828–1834. Л., 1930. Вып. 1. С. 105. № 88.

¹⁰⁹⁾ О возможной причине этого см.: Стаский И. Г. Очерки по истории русской нумизматики // Нумизматический сборник. М., 1955. Ч. I. С. 83, 91.

Первая запись на л. 20 (по Клепикову — на с. 3-й обложки тетради): «Сия тетрадь означаит знаки для признания старинных книг. Сколько она имеет, с касдаво себе [с]нять». По почерку и уровню грамотности можно определить, что запись сделана не Михайловским, а кем-то из предыдущих владельцев тетради, который хорошо понимал значение филиграней для датировки древних книг. Не похож почерк записи и на почерк Петрова на л. 17. Значит, Лаптев?

Вызывает вопросы и вторая запись на л. 20: «В сей книжке, купляной у Ефима Савича Петрова, комиссионера графа Толстого, клейм с годами и без годов около двухсот, но однако их следует в годах сверить с моими Лаптева клеймами». Мы уже знаем, что «книжка» была продана Петровым Лаптеву. Отсутствие пунктуации в конце фразы дает возможность в первый момент предположить, что писал Михайловский, имея в виду свою тетрадь филиграней (ед. хр. 47), скопированных, как значится в ее заголовке, из книги Лаптева.

Но только в первый момент, поскольку такой заголовок (будет показано в разд. 4) не соответствует содержанию. Главное же — почерк и стиль второй записи не Михайловского, да и было ему при продаже этой тетради (1831 г.) всего 16 лет. Значит, писал второй (или предпоследний) покупатель тетради — И. П. Лаптев, и после слов «с моими» должна быть уточняющая запятая. Как свидетельствуют пометы Лаптева на принадлежащих ему рукописях, он часто писал о себе в 3-м лице, да и не только он в то время.

Данная тетрадь носит рабочий характер. Рисунки А. В. Беляева и Е. С. Петрова неточные, сделаны сначала карандашом, потом — чернилами. Многие из них пронумерованы и датированы по старому стилю (XIV–XVII вв.), но не все. Видимо, поэтому Иван Петрович и решил перепроверить даты. Краткие подписи под рисунками указывают на источники воспроизведения.

Кстати, в записи Петрова указано в тетради 17 листов с рисунками. В действительности единичные наброски знаков карандашом имеются и на последующих листах, снятые, возможно, позднейшими владельцами, а возможно, просто не принятые в расчет Петровым из-за их небрежности.

Проведенное исследование бумаги тетради позволило выявить водяные знаки «АО | 1817» (фабрики Александра Ольхина) и «Vryheid» (лев под короной с жезлом в овале). По ним можно предположить, что тетрадь была заведена не ранее 1817 г. И хотя л. 18 подклеен (остальные сшиты), но наличие в них белой даты «1817» позволяет считать, что это сделано еще до продажи тетради Лаптеву, а Петров оставил свою запись на л. 17, поскольку там было свободное от рисунков место.

Самое главное — мы теперь точно знаем, что тетрадь пополнила коллекцию ВЗ Лаптева в июле 1831 г., и он сверял рисунки ее знаков со своими из тетрадей сд. хр. 45.

Итак, мы имеем дело с преобладающей частью, а может быть, и со всей коллекцией водяных знаков, собранных И. П. Лаптевым и его помощниками. Суммируя число филигрн в тетрадях ед. хр. 45 и 48 (около 2 тыс. и около 200), входивших в его коллекцию, можно предположить, что к концу жизни она составила свыше 2 тыс. рисунков. Это больше, чем в изданном позднее (1844) альбоме К. Я. Тромонина (1827 знаков), включавшем, кроме выявленных им самим, и филигрны, опубликованные Янсенем и Лаптевым. Собственная же коллекция Тромонина содержала 1390 знаков.

Появление в коллекции Лаптева филиграней «Герб Амстердама» и рисунков из бумаги списка рукописи И. Т. Посошкова дает основание предположить, что Иван Петрович собирался расширить хронологический охват филиграней по сравнению с книгой 1824 г. (как это советовал сделать А. Х. Востоков), включая XVIII в.

Обнаружение и аргументированность факта существования коллекции водяных знаков И. П. Лаптева, по меньшей мере в 1819–1828 гг., наряду с опубликованными его записями по 1836 г., доказывают, что Иван Петрович до конца жизни изучал филигрны, создавая базу для новой книги. По сравнению с 1824 г. число филигрн в его коллекции увеличилось примерно в пять раз, что превышало число опубликованных им знаков более чем в десять раз. Причем, как и обещал, он пополнял коллекцию воспроизведениями знаков из источников не только своего, но и крупнейших частных и государственных (библиотечных) собраний рукописей и книг. Кроме того, коллекция увеличилась (хотя и незначительно) за счет покупки рисунков филиграней. Как и ранее, в воспроизведении знаков участвовали дети Ивана Петровича, т. е. работа проводилась семейной артелью.

Самое важное значение записей из коллекции заключается в том, что они позволили определить многие названия источников, с бумаги которых были сняты рисунки филиграней для книги Лаптева и позднее для ее дополнения. Тем самым выявлена редкая возможность установить и часть состава лаптевского собрания рукописей и книг. Коллекция содержит филигрны иностранной бумаги русских, других славянских рукописей, а учитывая наличие в его собрании латинских и греческих списков рукописей, возможно, и последних. Из записей становится ясно, что значительную долю источников для воспроизведения филиграней составили старопечатные книги. И хотя преобладали русские и другие славянские книги, но в последние 14 лет выросло число изданий на немецком, французском, английском языках.

Коллекция водяных знаков предоставляет уникальную возможность заглянуть в лабораторию работы русского филиграноведа И. П. Лаптева. Записи в тетрадях подтверждают его комплексный подход в палеографическом анализе рукописи — не только по видам бумаги, ее залежности, филиграням, но и по почерку, миниатюрам. С учетом всех признаков уточняется им датировка рукописей.

Получаем мы и дополнительные сведения о справочной литературе, которой пользовался Иван Петрович: библиография В. С. Сопикова, рукописное и печатное описание собрания Ф. А. Толстого (возможно, и через Е. С. Петрова), еще предварительный каталог собрания Н. П. Румянцева, «Обзрение» Кормчих книг барона Г. А. Розенкампа 1829 г. Перечень справочников был, конечно, больше, учитывая посещения И. П. Лаптевым Публичной и других библиотек Петербурга.

Наконец, записи к рисункам филиграней позволяют узнать фамилии петербургских, московских и других коллекционеров, книготорговцев, с которыми Лаптев обменивался рукописями и филигранями или покупал их.

К сожалению, неточность рисунков, а также то, что источник воспроизведения указан не всегда полно, как и его принадлежность (или местонахождение), не дает возможности использовать эту коллекцию для публикации водяных знаков, но позволяет констатировать ее большое историографическое значение. Надо надеяться, что тщательное ее изучение с помощью современных описаний и альбомов филиграней поможет восстановить название и местонахождение многих рукописей и книг из собрания И. П. Лаптева.

Анализ крупнейшей коллекции водяных знаков первой половины XIX в. в России И. П. Лаптева и выводы, сделанные на основании записей к ее рисункам, вместе с характеристиками такого рода коллекций в I гл. и в разд. 4 данной главы, позволяют прийти к более общему заключению.

До сих пор немногие обнаруженные в России коллекции водяных знаков конца XIX — начала XX в. оценивались лишь с точки зрения возможности их публикации в качестве альбомов, т. е. только в прикладном филигранографическом плане. Как показывают наши материалы, из коллекций первой трети XIX в. можно извлечь данные не только по их содержанию, комплектованию, источниковой базе, но и о круге лиц, занимавшихся изучением филиграней, уровне их подготовленности в этой области, намечаемых работах. Если вопрос о записях на рукописях и старопечатных книгах частных собраний давно является предметом изучения историков и палеографов, то вопрос о необходимости изучения записей к рисункам в архивных коллекциях филиграней ставится впервые¹¹⁰. Эти записи изученных коллекций содержат сведения: 1) об источниках воспроизведения знаков — рукописях, старопечатных и других изданиях (название, дата, место выхода); 2) о бумаге и водяных знаках источника; 3) о почерке,

¹¹⁰ Кроме указанных ранее, см. нашу статью «Источниковедческое значение архивных коллекций бумажных водяных знаков» (Архивоведение и источниковедение отечественной истории: Проблемы взаимодействия на современном этапе. Докл. и тез. выступлений на второй Всерос. конф. 12–13 марта 1996 г. М., 1997. С. 248–250).

миниатюрах; 4) об авторской терминологии водяных знаков; 5) о сравнении филиграней по разным рукописям; 6) о датировке рукописей по филиграням и другим внешним признакам; 7) об использованной литературе; 8) о названиях библиотек и частных собраний, в которых работал автор; 9) о фамилиях лиц (книготорговцев, коллекционеров, ученых), от которых получен (куплен) источник или кому он передан; 10) о наличии помощников в работе. Поэтому настоятельно необходимы поиски других коллекций филиграней и их источниковедческое изучение, что важно не только для истории филиграноведения в России, но и для истории палеографии, археографии, кодикологии, книговедения, для истории культуры в целом.

3. Изучение И. П. Лаптевым Кормчих книг и других источников

Что же помешало новому изданию книги или альбома бумажных водяных знаков?

Прежде всего, трудоемкость работы, растянувшейся до конца жизни, конечно, преклонные годы (шел шестой десяток), застарелая болезнь (ревматизм), о которой Иван Петрович писал в записке в Публичную библиотеку еще в 1827 г. Однако, на наш взгляд, сосредоточиться на подготовке второго расширенного издания книги помешало и новое увлечение Лаптева в последнее десятилетие жизни — изучение Кормчих книг. Об этом сохранился ряд документов и свидетельств, в данном аспекте неизученных.

О серьезных такого рода намерениях И. П. Лаптева сообщалось уже в рассмотренных во II гл. письмах директора Публичной библиотеки А. Н. Оленина министру П. М. Волконскому в качестве обоснования того, чтобы освободить Лаптева (по его просьбе) от выборных должностей в обмен на дар тома Лицевого свода XVI в. В письме от 21 апреля 1827 г. написано: «Его намерение состоит в том, чтобы досуг, ежели оный будет ему дарован, употребить на изыскания по части старинного церковного законоведения и в особенности на составление из древних и новейших Кормчих книг свода правил апостольских и соборных...»¹¹¹⁾ В письме от 1 июня 1827 г. обещание было еще более значительным: «дабы он мог посвятить досуг свой на изготовление к изданию в свет полного текста Правил вселенских и поместных соборов, известных доселе в России токмо в сокращениях толкователей...»¹¹²⁾ Правда, в записке от лица Лаптева вначале испрашивалось предоставление льгот только по причине преклонных лет и болезни. Но дальше «присовокуплялась» целая программа изучения Кормчих

¹¹¹⁾ ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 497. Л. 41 об.

¹¹²⁾ Там же. Л. 42.

книг: «Собрать из древних и новейших списков Кормчих апостольския соборныя вселенския и поместныя, и Святаго Отца Василия Великаго правила трех отменитых разных переводов, со списков в России учиненных, как самых пространнейших полным текстом, также средних, равномерно и сокращенных, первых без всякаго толкования, а последних с толкованием, и соединить сводом в одну книгу на три столбца, и с присовокуплением под столбцами особых однопереводных находящихся в древлеписменных Кормчих любопытных статей: по примеру собранной им Лаптевым в несколько лет (здесь название книги о филигранях. — Ю. А.) изданной книги с рисунками». Ниже сообщалось об уже проделанной работе: «Кормчих же или Номоканонов и с Правилами книг он Лаптев разных разрядов, писанных на пергаменте и бумаге древних и средних веков в Императорской Публичной библиотеке и графов Румянцова и Толстаго и барона Розенкампа, также у протчих любителей и своих обозревал всех около тридцати». Причем подчеркнута новизна работы, отсутствие такого сводного издания. Записка заканчивается словами: «К таковому собранию желает он Лаптев приступить», а окончив труд, поднести его государю на «благоусмотрение и издание» или «таковою книгою пополнить к обогащению хранилище рукописей в Императорской библиотеке к пользе для любителей словесности»¹¹³⁾.

Документ представляет собой черновик без подписи, написанный со слов Ивана Петровича в самом начале заведения дела о дарении («Санктпетербургский купец Иван Петров Лаптев объявил...»), возможно, его сыном Аполлоном. Здесь же (л. 43) имеется отрывок заявления Лаптева от первого лица (написанный тем же почерком, что и текст на л. 44–44 об. См. публикацию в указ. статье Б. М. Клосса), но в нем только описание предлагаемого тома. Возможно, это варианты заявления. И хотя Лаптев не получил освобождения от общественных обязанностей, т. е. дополнительного «досуга», занятия Кормчими книгами он продолжал.

Кормчие книги — сборники церковных и гражданских законов на Руси с XIII в. Источниками для них служили болгарские и сербские переводы византийского Номоканона, Русская Правда, княжеские уставы и др. Впервые текст Кормчей был опубликован еще в 1653 г. К исследуемому нами времени появились лишь отдельные работы о ней, большинство списков еще не было выявлено и изучено.

Учитывая колоссальность задачи, сформулированной в заявлении Лаптевым и в черновиках писем князю Волконскому Ермолаевым, немислимо предполагать самостоятельное ее решение И. П. Лаптевым. Вероятно, имелось в виду, что Иван Петрович подключился к ее выполнению, которое развернулось в России под руководством ученого

¹¹³⁾ ОР РНБ. Ф. 542. Ед. хр. 497. Л. 44–44 об.

барона Густава Андреевича Розенкампа (1762–1832). Юрист по образованию (окончил Лейпцигский университет), он в 1803–1822 гг. работал в Комиссии составления законов сначала главным секретарем, начальником гражданского ее отделения, а с 1812 г. старшим членом Совета Комиссии, участвуя в разработках законов и докладывая их проекты в Государственном Совете. Обладая большими теоретическими познаниями в области правоведения, барон недостаточно знал русский язык и древние русские законы, но в конце концов овладел ими основательно¹¹⁴⁾. Работая в Комиссии, Розенкамп занимался положениями византийского права и их отражением в русских законах, таким образом познакомился с Кормчими книгами. Подвигли его на это, по его собственному признанию, исследования знатока церковной истории Евгения (Болховитинова), который первым обратил внимание на происхождение, состав ранних списков Кормчей книги и их отражение в церковном и гражданском праве.

К 1825 г. Розенкамп рассмотрел уже более 20 списков Кормчей книги, опять же с помощью Болховитинова и других ученых и коллекционеров. Он представил в «Библиографические листы» обширную статью, но потом забрал ее, чтобы пополнить новыми данными. Статья «Краткое обозрение Кормчей книги в историческом виде»¹¹⁵⁾ появилась только в 1827 г. Кеппен, предворяя ее публикацию, сообщил, что за прошедшее время (2 года!?) статья превратилась «в большое сочинение, которое ныне может составить целые две книги», поданные для издания в Московское Общество истории и древностей российских.

В статье Розенкамп, отметив неразработанность вопроса, изложил историю своих занятий Кормчими книгами и общие результаты о числе, видах, составе списков. Среди коллекционеров, предоставивших ему списки, он, наряду с крупнейшими — графами Н. П. Румянцевым и Ф. А. Толстым, назвал И. П. Лаптева¹¹⁶⁾.

Упоминание имени Лаптева в статье важно для нас в нескольких отношениях. Первое и главное — Иван Петрович еще до 1827 г. был связан с Розенкампом по этой работе. Значит, рассмотренные выше письма Оленина Волконскому содержали не только обещание изучения Лаптевым Кормчей книги в будущем, но, судя по статье Розенкампа (и записке Лаптева), базировались уже на определенных результатах работы с источниками. Напомним, что еще на листах Синодикона, купленного Лаптевым в 1817 г. (ОР РГБ. Ф. 310. Т. III. № 1120.

¹¹⁴⁾ Энциклопедический словарь / Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон. СПб., 1899. Т. 53(27). С. 9; Русский биографический словарь. СПб., 1913. Т. 16. С. 365–371; Валк С. Н. Русская Правда в изданиях и изучениях 20-х – 40-х годов XIX в. // АЕ за 1959 год. М., 1960. С. 214–220.

¹¹⁵⁾ Кеппен П. И. Материалы для истории просвещения в России. СПб., 1827. № 3. С. 141–150.

¹¹⁶⁾ Там же. С. 147, 149.

См. об этом в разд. 1), имеются его многочисленные записи. По ним можно судить о сопоставлении текстов данной рукописи и списков Пандектов и Тактикона Никона Черногорца (л. 192, 193), Синодальной пергаменной кормчей (л. 207), с изданием Кормчей книги (л. 220, 483, 488, 491, 494 об.) и др. Вряд ли эта работа над рукописью была проведена позже. Скорее всего, Лаптев взялся за ее изучение вскоре после приобретения, а позднее, установив связь с Розенкампом, передал ему свои наблюдения, которые вошли в книгу 1829 г.

К концу 1820-х — началу 1830-х годов относятся и его соображения о сходстве Златой цепи и Пандектов Никона Черногорца (см. об этом с. 226). Много рисунков филиграней из бумаги Кормчих книг (рукописных и печатной) и их источников и в лаптевской коллекции водяных знаков, сделанных еще до 1824 г. и особенно позже (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 5 об., 6, 9, 11, 40 об., 43, 46 об., 47, 50, 65, 68 об., 69, 74 об., 75, 76, 80, 86 об., 90, 152, 153, 162, 165. Некоторые записи приведены в разд. 2).

О том, что указанную работу Иван Петрович продолжал и после смерти Густава Андреевича в 1832 г., имеется много свидетельств. Это — записи к филиграням из Кормчих книг в коллекции водяных знаков Лаптева, записи Лаптева (и его помощников) на принадлежавших ему списках Кормчих, покупка у вдовы Розенкампа в 1832 г. Кормчей 1534 г. Так, записи Ивана Петровича на полях списков Златой цепи (ОР РГБ. Собр. Егорова, № 1346. Л. 1 об.) и Пандектов Никона Черногорца (ОР РНБ. Погод. № 267. Л. 3–3 об.)¹¹⁷⁾ показывают, что он хорошо знал не только первое издание «Обозрения Кормчей книги в историческом виде» 1829 г. Розенкампа, но и о подготовке второго (исправленного и дополненного). Оно вышло в 1839 г., уже после смерти Розенкампа и Лаптева тиражом в 100 экз. и представляет библиографическую редкость. В обоих изданиях имеются неоднократные отсылки на И. П. Лаптева (кстати, по-прежнему называемого «вологодским купцом» везде, кроме «Индекса») и представленные им рукописи¹¹⁸⁾.

В сохранившихся подготовительных материалах к первому изданию книги Розенкампа неоднократно упоминает имя «вологодского купца Ивана Лаптева» в связи с предоставленными ему списками

¹¹⁷⁾ Опубл.: *Иванова-Константинова Кл.* Об одной рукописи XIV в. Погодинского собрания // ТОДРЛ. Л., 1970. Т. 25. С. 308; *Крутова М. С.* Указ. соч. С. 137.

¹¹⁸⁾ *Розенкампф Г. А.* Обозрение Кормчей книги в историческом виде. М., 1829. Введение. С. 12–14; Отд. второе. С. 87, сн. *, 150, 151; Примеч. к Введению № 5; Примеч. к отд. второму № 47, 54, 70; Указатель сочинений... С. 256, 267, сн. *; Прибавление № VI. С. 195; № VII. С. 209, сн. *; Индекс. С. 162; *Он же.* То же. СПб., 1839. Введение. С. 7–10; Отд. втор. С. 116, на с. 72–73 сн. *; С. 185; Примеч. № 69; С. 288, сн. *; Приложение № VI. С. 524; № VII. С. 535, сн. *; Указатель. С. 27. Столь подробный перечень ссылок на И. П. Лаптева приведен потому, что указатели к книге, особенно ко второму ее изданию, далеко не отражают их.

Кормчих (порой в записях перемежается русский и немецкий текст)¹¹⁹⁾. На л. 702 Розенкампф написал: «Из Кормчих древних и средних веков, харатейных и бумажных, выписки собраны бывшим Вологодским, *a при переписке* (курсив мой. — Ю. А.) С. Пб. купцом (подчеркнуто Розенкампфом. — Ю. А.) И. П. Лаптевым. Три списка». Приведенная цитата подтверждает, что Иван Петрович изучал Кормчие еще до переезда в Петербург.

О встречах Розенкампфа и Лаптева по поводу Кормчих говорит такая фраза Розенкампфа: «*Я видел у купца И. П. Лаптева список, им приготовленный* (курсив мой. — Ю. А.), содержащий в себе Правила по трем переводам...»¹²⁰⁾

Многочисленные записи на полях принадлежавших Лаптеву списков Кормчих, ныне хранящихся в ОР РГБ, ф. 247 (Собрание Рогожского кладбища. № 256 и 257), отражают его наблюдения по составу этих и других сборников, полноте и древности входивших в них глав. Указаны материал письма («пергамент», «хлопчатая, трепишная бумага»), различия в написании одних и тех же слов, особенности языка; на полях дописан (по другим спискам) отсутствующий текст. Из Кормчей Спасо-Прилуцкого монастыря 1534 г. Лаптев (или его помощники) выявили филигранные для коллекции (см.: ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 162, 163). Использовались филигранные и для проверки датировки третьей Кормчей из лаптевского собрания (ныне: ОР ГИМ. Увар. № 555/205).

Для сравнения текстов привлекались другие рукописи, а также публикации и исследования, в первую очередь «История государства Российского» Н. М. Карамзина, «Памятники российской словесности XII в.», изданные К. Ф. Калайдовичем (М., 1821), а также «Русские достопамятности» (М., 1815. Ч. 1), т. е. те, где публиковались или упоминались источники Кормчих. Есть пометки о необходимости посмотреть и текст в Библии.

Так, в принадлежавшем ему списке Кормчей первой половины XVI в. (ОР РГБ. Ф. 247. № 256. Л. 197. Описана Я. Н. Щаповым) около текста Устава кн. Владимира о десятинах, судах и людях церковных (Варсонофьевской редакции Тихомировского вида) карандашом рукой Лаптева записано: «О сем Уставе Карамзина История, том первый (I) второго издания, страницы 238, а в примечании — 200» (ниже: «Сходной сему в Кормчей № 132», т. е. Синодальной;

¹¹⁹⁾ ОР РНБ. Ф. 648 (Розенкампф Г. А. Т. 1, 2. Фонд не описан, сохранилась внутренняя опись на нем. яз.). Т. 1. Л. 698, 699, 702, 731, 733, 734, 734 об., 736. Судя по всему, из т. 2 этих материалов использовал документы о работе Розенкампфа над книгой и списками Русской Правды С. Н. Валк (Указ. соч. С. 214–220). Но тогда они значились под другим шифром — ОР ГПБ. Собрание автографов, № 357.

¹²⁰⁾ *Розенкампф Г. А.* Указ. соч. М., 1829. С. 267, сн. * М. С. Крутова считает, что, вероятно, речь идет о Софийском списке Кормчей (*Крутова М. С.* Указ. соч. С. 136).

см. запись и на л. 687 об.). Действительно, на с. 238–239 историограф писал, в частности, что «сей Устав есть подложный — и вот доказательство: там Владимир пишет, что патриарх Фотий дал ему *перваго* митрополита Леона, а Фотий умер за 90 лет до сего Великого князя». В связи с этим интересна запись Лаптева на полях л. 196 об. Кормчей: «Сокращены[й] Устав ..., а в Стоглаве 63-я глава¹²¹⁾ и в Указателе росси[й]с[ких] законов в 1-й части лист 1¹²²⁾. Там неверен сосланос на Фотия, которой задолго до Владим[ира] помер». Последняя фраза по сути повторяет разъяснение Карамзина. Мы не можем сказать, помогла ли Лаптеву установить это противоречие «История» Карамзина или ранние публикации Устава, скорее «История», поскольку Карамзин впервые рассмотрел Устав как исторический памятник. Во всяком случае указанный список Кормчей Лаптев изучал после выхода второго издания «Истории»¹²³⁾. В примечании 506 (Т. I. Гл. X. С. 200) Карамзин дал высокую оценку источника: «Впрочем, подложный Устав Владимиров достоин замечания своею древностию: он сочинен не позже XIII века, ибо харатейный, найденный мною в Синодальной библиотеке (в Кормчей книге № 82), писан в княжение Димитрия Александровича Новгородского, следственно 1280 году».

Аналогичные записи И. П. Лаптева об Уставе Владимира (Варсонофьевской редакции Софийского вида) со ссылкой на «Историю» Карамзина и Новгородскую Синодальную кормчую № 132 находим и на полях Кормчей Спасо-Прилуцкого монастыря 1534 г. (ОР РГБ. Ф. 247. № 257. Л. 594 об.). Но замечания о Фотии и подложности Устава здесь нет. Видимо, потому, что последнюю Лаптев приобрел у вдовы барона Г. А. Розенкампа в 1832 г., т. е. позже, чем предыдущую, повторения были излишни.

Долгий путь исследования источника от объявления Устава подложным до признания его протографа памятником XI в. и реконструкции текста архетипа показал Я. Н. Щапов¹²⁴⁾.

Записи И. П. Лаптева имеются на трех принадлежавших ему списках Кормчих (сравнительные записи есть на двух Кормчих —

¹²¹⁾ Глава 63 представляет собой расширенную редакцию Устава Владимира. Обращение Лаптева к Стоглаву естественно, поскольку исследуемые им Кормчие относятся к источникам Стоглава. Он был издан впервые в 1860 г. в Лондоне. Значит, Лаптев пользовался одним из почти 200 ныне известных списков Стоглава, находившимся в его собрании. На это имеется прямое указание в «Обозрении» Розенкампа (1839 г. С. 288. Примеч. № 69 к отд. первому).

¹²²⁾ *Максимович Л.* Указатель российских законов, временных учреждений, суда и расправы с Высочайшего дозволения. СПб., 1803. Ч. 1. Л. 1–4.

¹²³⁾ Первый советский исследователь записей Лаптева на этом списке Кормчей, доказавший его принадлежность Ивану Петровичу, В. П. Любимов считал, что записи сделаны после 1829 г., так как в «Обозрении» Г. А. Розенкампа 1829 г. он не упомянут (см.: *Любимов В. П.* О Лаптевском списке Правды Русской. С. 838).

¹²⁴⁾ *Щапов Я. Н.* Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI–XIV вв. М., 1972. С. 12–135.

Рогожской (№ 256) и Прилуцкой (№ 257), на третьей — Уваровской Рязанского разряда — только владельческие). В. П. Любимов, тщательно проанализировавший их при исследовании списков Русской Правды, сделал следующие выводы о работе Лаптева. Большинство записей относится к сравнению этих списков со списками Кормчих из собраний Н. П. Румянцева (под № 2, 4, 6, данными Розенкампом, так как описание румянцевского собрания Востоковым еще не вышло к тому времени) и Ф. А. Толстого (№ 132, 243, 318 и др. по печатному каталогу 1825 г.). Сделаны они (судя по сходству содержания) приблизительно в одно и то же время (после 1829 г. — в начале 30-х годов XIX в.). Имеются сравнения со списком «Нифонтовой» кормчей без указания номера, поэтому Любимов посчитал ее принадлежащей Лаптеву, тем более, что на нее есть ссылка в «Обзрении» Розенкампа 1829 г. (с. 13–14) (и 1839 г. издания — с. 9).

Усомниться в последнем мнении заставляют несколько записей Лаптева на двух Кормчих. В записи на Рогожской (№ 256. Л. 430) прямо указано: «писано в Нифантовой кормчей, которая в Са[нкт-]Петербурге у торговца Семена Васильева Сажина»; подобные записи и на л. 198 об. («в кормчей сажинской...»), 673 об. В Прилуцкой кормчей, л. 374 об.: «в сажинской купца...» Аналогичные записи находим и в коллекции водяных знаков Лаптева, в ед. хр. 45, л. 9 об.: «и кормчая в четверть Семена Василья Сажина» (см. также л. 13 об., 46 об., л. 50: «Кормчая древлеписменная епископа Нифонта Крутицкого руки. Рисунки под № 3 166 от Сажина в 4° листа...»), подтверждающие и воспроизведение из нее филиграней.

Так что, видимо, эту Кормчую Иван Петрович брал у Сажина для сравнения и сообщил о ней Розенкампу, причем до приобретения Рогожской, которая в издании «Обзрение Кормчей...» 1829 г. еще не упоминается. Кстати, в вышеназванных подготовительных материалах книги, во введении, в разделе «Особенное отделение сих списков...» в первом варианте (л. 689) нет упоминания Нифонтовского списка, а в следующем варианте чистовика сделана о нем вставка с примечанием: «Список сей принадлежит С. П. купцу Сажину (так в тексте. — Ю. А.)». В издании книги 1829 г. вставка вошла (Введение. С. 13–14), но без примечания. Поэтому Любимов посчитал ее лаптевской. Может быть, он приобрел ее позже? Судя по записям в коллекции водяных знаков, Иван Петрович получал от Сажина и другие рукописи. Кстати, в Егоровском собрании около сотни рукописей восходит к собранию С. В. Сажина¹²⁵.

Среди других рукописей, с которыми Лаптев проводил сравнение Кормчей первой половины XVI в., указан и сборник КААФ (1415 г.) (см. записи на л. 660, 676).

¹²⁵ [Рыков Ю. Д.] № 5. Собрание Е. Е. Егорова. Ф. 98 // РС ГБЛ. 1. Вып. 2. С. 68.

Вернемся к выводам В. П. Любимова. Он установил, что в Рогожской и Прилуцкой кормчих наблюдения Лаптева относительно Синодальной кормчей ограничились разделением на главы, без сравнения содержания, объясняя это тем, что для ее изучения Лаптеву надо было ездить в Москву.

В итоге Любимов, используя записи Лаптева и других лиц, доказал, что Рогожская № 256 принадлежала Ивану Петровичу, куплена им после 1829 г., а Прилуцкая — в 1832 г. Он выявил водяные знаки бумаги списков. В Рогожской — «маленькая розетка или цветок с пятью лепестками под короной», подобная № 2882, 2883 у Н. П. Лихачева (1899. Ч. I. С. 329–330; Ч. II. С. 339), и датировал ее не позднее 20-х годов XVI в. Однако допускал датировку и концом XV в. «при Лаптеве и Розенкампе», как указано в «Обзрении» 1839 г. В Прилуцкой — несколько филиграней датировал 20–30-ми годами XVI в. (в альбомах близких нет).

«В целом видно, — писал Любимов, — что Лаптев изучал, и притом очень внимательно, главным образом содержание кормчей Кирилловского разряда, чем, может быть, и объясняется, что в своей кормчей Рязанского разряда (Уваровской) он заметок не делает»¹²⁶. Добавим только, что Любимов здесь анализировал поздние покупки Лаптева, а Уваровская кормчая была куплена раньше — в 1826 г. В ней действительно мало лаптевских записей. Наиболее крупные — две. Одна — на внутренней стороне передней крышки переплета — владельческая. Но вначале Иван Петрович определил болгарскую редакцию списка и по филиграням бумаги датировал XV веком: «В тетраде 9-й на листу 7-м видимо, что сей список учинен с болгарского в Кіеве Кирилу митрополиту присланаго, 1270 Зонары или кормчая. По клеймам на бумаге заключител[ь]но писан сей пятнадцатаго столетия...».

Другая большая запись на л. 68 об. отражает сравнение с пергаменным списком Кормчей 1284 г. Ф. А. Толстого. С этого списка переписан в 1827 г. текст на л. 270, 271, 273, утраченный в рукописи XV в. Переписан по поручению Лаптева кем-то из его помощников. На л. 122 об. слева на полях оттиск печатки Лаптева — ИЛ (в описании архимандрита Леонида и Любимова не отмечен).

Важное заключение сделал Любимов и относительно Рогожской кормчей (№ 256): «Столь внимательное сличение Лаптевым порядка глав этой кормчей с порядком глав Новгородской Синодальной кормчей наводит на мысль, что этими заметками его и воспользовался Розенкампф при своем заключении о “совершенном сходстве” порядка глав этих кормчих, ибо из труда Розенкампфа (издания 1839 г.) не видно, чтобы он подробно изучил указанную кормчую Лаптева»¹²⁷.

¹²⁶ Любимов В. П. Указ. соч. С. 838. См. также с. 836, 837.

¹²⁷ Там же. С. 837. См.: Розенкампф Г. А. Указ. соч. СПб., 1839. С. 7.

Такой же вывод может быть сделан относительно списка Прилуцкой кормчей (Рогож. 257), ранее принадлежавшего Розенкампфу¹²⁸⁾. После его смерти список был продан через посредство комиссионера П. Энгеля Лаптеву. Удостоверяющая запись за подписью баронессы и Энгеля (Engel) находится на л. 626 об.—628 списка. Из нее явствует, что от Лаптева были получены деньги и за «Тактикон» (видимо, взятый ранее). Кроме того, платеж «и прежде взятыми от Лаптева (выделено мной. — Ю. А.) книгами зачтен». Между этими листами на вклеенном черновике с латинским текстом приклеена старая записка Розенкампфа: «Зделайте одолженье сколь возможно ускорить сие сравнение полезное и любопытное как для Вас, так и для покорнейшаго вашего слуги. Барон Розенкампф»¹²⁹⁾. Думается, что просьба была обращена к Лаптеву, который, видимо, начал изучать Прилуцкий список, еще принадлежавший Розенкампфу, в сравнении со своим списком (Рогож. 256).

Не исключено, что аналогичные просьбы Розенкампфа Лаптев выполнял и по другим спискам, а замечания Лаптева использованы в книге, наряду с помощью известных историков и палеографов. Так, в «Обзрении» 1829 г., в приложениях опубликованы оглавления Сводной Кормчей и Пандектов Никона Черногорца. Но, как видно из пояснения автора, начав описание, он, «будучи одержим в продолжение сего занятия жестокою болезнью», просил «почтеннаго моего приятеля А. Х. Востокова принять на себя труд составить сие оглавление вместо меня, отчего читатели, конечно, ничего не потеряли» (Указатель сочинений... С. 268). В издании 1839 г., подготовленном В. Г. Анастасевичем, пояснение опущено, поэтому можно подумать, что все, связанное с оглавлением, написано Г. А. Розенкампфом (как это и прошло в указанной статье М. С. Крутовой).

В действительности в Прибавлении № VII дано оглавление Сводной Кормчей по списку Лаптева, составленное А. Х. Востоковым по просьбе Г. А. Розенкампфа. К фразе «Списана с древняго списка 1615 г.» имеется примечание: «Как замечено в списке И. П. Лаптева»¹³⁰⁾. В Прибавлении № VI содержится оглавление Пандектов Никона Черногорца по румянцевскому списку (ОР РГБ. Ф. 256. Доп. оп. № 493.1) первой части произведения, также составленное по просьбе Розенкампфа Востоковым. Среди материалов, использованных им, таблицы Лаптева. Востоков, опубликовавший положительную рецензию на его книгу, и об этой работе отозвался с большим уважением:

¹²⁸⁾ *Розенкампф Г. А.* Указ. соч. 1839. С. 7. О нем автор написал: «Сообщенный мне преосвященным епископом вологодским Стефаном». Стефан (Романовский) возглавлял Вологодскую кафедру в 1828–1841 гг. (см.: *Камкин А. В.* Указ. соч. С. 152). Значит, Розенкампф мог приобрести этот список в 1828–1832 гг.

¹²⁹⁾ Опубл.: *Правда Русская.* М.; Л., 1940. Т. I. Тексты. С. 140.

¹³⁰⁾ *Розенкампф Г. А.* Указ. соч. 1829. С. 209; См.: *Славяно-русские рукописи В. М. Ундольского.* М., 1870. № 27.

«Трудолюбивый Русский Антикварий (в тексте с прописной буквы. — Ю. А.), вологодский купец Ив[ан] Лаптев, известный по изданию сочиненного им *Опыта в старинной русской Дипломатике* С. П. Б. 1824, имев в руках настоящую рукопись¹³¹⁾, приложил к ней, в особой тетради, указание правил Св. Апостол, вселенских и поместных соборов и Св. Василия Великого, в которых главах и на каких листах оныя помещены у Преподобнаго Никона, — для сравнения и соображения с таковыми же правилами, сокращенными в печатной Кормчей. (До этого места текст опубликован в указ. статье М. С. Крутовой. — Ю. А.) Мы воспользуемся сим трудом г. Лаптева, и в дополнение онаго приложим здесь указание и прочих источников, из коих почерпал Преп[одобный] Никон Черногорец...» (с. 195). Далее Востоков четко указал, на чем основано его дополнение.

Сравнение опубликованного отзыва с черновым автографом Востокова (Д. 493.2. Л. 3, 3 об.) показало, что европейски известный ученый-филолог, деликатный человек, сохранив в издании книги содержание текста отзыва, по форме еще более уважительно отозвался о знатоке-любителе. «Особая тетрадь» (выражение Востокова) состоит из четырех листов плотной белой бумаги без водяных знаков, пришта в начале рукописи со списком Пандектов. На л. I объяснено, что «описание краткое» списка предназначено «любителям словесности для сравнения и соображения с таковыми же правилами, весьма сокращенными в печатной Кормчей... Собрано Вологодским купцом Иваном Лаптевым» (писарский почерк). На л. I–IV (л. IV об. — чистый) — помещены сравнительные таблицы, о содержании которых написано выше. Они заполнены тем же почерком, что и запись на л. I, т. е. по поручению Ивана Петровича, но не им самим, как предположили составители описи. Поскольку список Пандектов поступил к Н. П. Румянцеву в 1822 г., а его описание вошло в «Обозрение» 1829 г., то тетрадь была подготовлена Лаптевым в этот отрезок времени, скорее после издания в 1824 г. книги «Опыт».

И. П. Лаптев изучал списки Кормчих книг не только по своему собранию, собраниям Н. П. Румянцева и Ф. А. Толстого, но и в Публичной библиотеке, в Библиотеке Академии наук. О последних свидетельствуют записи к рисункам филиграней в его коллекции (ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 18 об., 50 и др., перечисленные в разд. 2 на с. 206).

¹³¹⁾ В «Обозрении» 1839 г., с. 524 — «имев в руках своих рукопись». Подготовительные материалы Востокова к описанию этой рукописи обнаружены в собрании Румянцева (ОР РГБ. Ф. 256. Доп. оп. № 493.2). Уточним их датировку в описи («середина XIX в.») и на обложке дела («вторая четверть XIX в., не позднее 1845 г.»). Поскольку описание Пандектов Востоковым вошло в первое издание книги Розенкампа, то материалы были собраны до 1829 г. В описи опечатка: вместо № 493.1 дан № 492. I.

Доказательства работы Ивана Петровича с Номоканонами были найдены в Музейном собрании ОР РГБ. В деле с заметками историка И. Д. Беляева по материалам из портфеля журнала «Русская беседа» 1858 г. имеется «Описание по оглавлениям на Номоканон, состоящий в рукописи святого Иоанна Постника, бывшего по Рождестве Христове в шестом столетии, учиненное Санкт-Петербургским купцом Иваном Лаптевым с его замечаниями 1829-го года»¹³²⁾. «Описание» — писарский список 1850-х годов. В нем изложены в основном рассуждения Ивана Петровича, сделанные в результате сравнения текста данного источника по разным публикациям. Но сначала приведем его очень важное общее примечание о своей работе (сохранена орфография писца): «В течение нескольких годов обозревал я попадавшиеся мне в рукописях древния постниковы Номоканоны. Заметил и в древних, что имеются многия приписки после Иоана Постника бывшия соборныя правила и после внесенныя, а в новейших списках и гораздо болие приписок находиться»¹³³⁾.

Из этого примечания 1829 г. следует, во-первых, что Иван Петрович уже несколько лет изучал рукописные списки Номоканона. Во-вторых, он отметил в них дополнения о позднейших правилах, принятых соборами.

Далее Лаптев обращается к печатным изданиям, подтверждающим его наблюдения. Прежде всего к Тактикону (может быть, к экземпляру, одолженному у Розенкампа?), излагая рассуждения Никона Черногорца и добавляя: «Но однакоже Никон черногорский из постникова Номоканона многия конечно согласныя с восточной церковью изъяснения собрал и положил в книге большой...»¹³⁴⁾. Перечислив соответствующие главы, Лаптев отметил их в изданиях Номоканона. Заключение он свои наблюдения ссылкой на книгу «Церковной Истории, изданной 1817 года», в которой написано, что Матфей «сократил все церковныя правила, расположил их по алфавиту и к ним присоединил сокращение Номоканона, писанного Иоанном Постником»¹³⁵⁾.

Для первой трети XIX в., когда изучение Кормчих только началось, даже сохранившиеся в отрывках заключения И. П. Лаптева — весьма показательное явление. Охарактеризованный документ важен не только как убедительное доказательство изучения источников Кормчей книги Иваном Петровичем, но еще и тем, что, помимо записей

¹³²⁾ ОР РГБ. М 7067. 23. Ф. 139 (А. И. Кошелева и Кошелевых). К. 5. Д. 4. Л. 1–2 об. Наличие этого списка у Ивана Петровича и его краткие данные подтвердил Розенкампф: «Список сего Номоканона Патриарха Иоанна Постника, которым я пользовался, принадлежит купцу И. П. Лаптеву, писан на 87 листах; начала XVII в.» (Обозрение... 1829. Примеч. № 5 к Введению. Во втором издании оно опущено).

¹³³⁾ ОР РГБ. М 7067. 23. Ф. 139. К. 5. Д. 4. Л. 1, в сноске.

¹³⁴⁾ Там же. Л. 2.

¹³⁵⁾ Там же. Л. 2 об.

на рукописях, представляет фрагмент сравнительного исследования текста списков Номоканона и его публикаций. Как оказалось это «Описание» Лаптева в редакции журнала, еще предстоит выяснить¹³⁶⁾.

Многочисленные пометы лаптевским почерком на принадлежавших ему списках Кормчих книг и других рукописей говорят о том, что Иван Петрович не ограничивался изучением внешних признаков источников, уточнением датировок, но занимался сравнением текстов списков, восстанавливал утраченные отрывки и даже источниковедчески анализировал тексты, важные исторические факты в них.

Так, М. С. Крутова при изучении списков сборника «Златая цепь» установила на основе записей И. П. Лаптева, что он первый (где-то после 1829 г.) высказал «наблюдение о сходстве Златой цепи и Пандектов Никона Черногорца; оно почти на 30 лет опережает первое высказывание по этому поводу А. В. Горского и К. И. Невоструева»¹³⁷⁾. Она показала, что один из типов Златой цепи — II (к нему как раз относится Лаптевский список из Егоровского собрания, состоящий из 45 слов) представляет собой Пандекты Никона Черногорца, но имеющие название «Златая цепь», и опубликовала запись Е. И. Лаптевой на списке (ОР РГБ. Ф. 98. № 1396. Л. 346 об. — 348 об.), который дочь Ивана Петровича переписала еще в 1823 г. Эта запись — яркий образец палеографического анализа рукописи, проведенного, конечно, Иваном Петровичем и переданного дочерью. При датировке рукописи, с которой сделан список, используются не только водяные знаки бумаги, но и фактические данные времени царя Михаила Федоровича, элементы старой лексики, правописания. В качестве авторитетного исследования привлечена «История государства Российского» Н. М. Карамзина, дана общая ссылка и на другие исторические источники. Приведем запись, чтобы воочию представить комплексность анализа рукописи Лаптевым.

¹³⁶⁾ В деле «Описание» присоединено к корректуре «Заметки по письму г. Лохвицкого к редактору "Русского вестника"» известного специалиста по истории русского государства И. Д. Беляева (олубл.: Русская беседа. М., 1858. Т. 1. Кн. 9). Он раскритиковал статью А. В. Лохвицкого «Очерк церковной администрации в древней России» за случайный подбор источников, отсутствие анализа Правил Номоканона и других источников, что привело к искажению картины истории церковного управления. Так что «Описание» Лаптева имеет прямую связь с дискутируемым вопросом. Но откуда и когда получил его Беляев? Может быть, при описании собрания М. П. Погодина для передачи его в Публичную библиотеку, когда он мог ознакомиться с лаптевскими рукописями.

¹³⁷⁾ Крутова М. С. Указ. соч. С. 137 (ср.: Иванова-Константинова К. Л. Указ. соч. С. 308); Горский А. В., Невоструев К. И. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. М., 1862. Т. 4. С. 819. Первое исследование сборника «Златая цепь» появилось лишь в 1843 г. Полное исследование сборника М. С. Крутовой см.: Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР. Новосибирск, 1990. Вып. 5. Ч. 1, 2 («Златая цепь»).

«Подлинная же древлеписьменная книга Златая цепь кем составлена или когда написана, хотя и не значица, но довольно и того, что свидетельствуеца в книге под названием Кирила Ерусалимскаго, повелением государя царя и великаго князя Михаила Федоровича при отце кир Иосифе патриархе в лет[о] 7152-е в Москве. На печатном на обороте третьяго листа втораго щета во онной значитца, что книга Златая цепь принята соборною апостальскою церковию за православную. И в книге Цепи самое произношение речи показывает древность. Да и слова есть в старину употребляемая в писании юсовыя **ж** и равномерно вместо **и** поставлены инде **ы**, как, например, вместо цепи написано цеты и: книги, драгым, кыи, паки. А в других местах слово **ѣ** произносится за ерь и за ять, а инде за **о**. И слово **а** за **я**. А об юсе же и господин Карамзин в Роси[й]ской истории печатной по высочайшему повелению в томе 1-м на конце в замечании (262) упоминает евангелие харатейное софи[й]ское, писаное с юсами в половине XI века: и что **ж** в одной же болгарской рукописи 1348-го о писменах словенских сия буква употребляеца всех гласных вместо А. И. О. У. Ю. Я¹³⁸⁾. И из Цепи ж для любопытных и сведущих любителей древности к узнанию, в какия годы делана в древныя времена бумага со онной с подлинных листов, смотря к свету, с вабришных видимых клеєм (клейм. — Ю. А.) у сего сняты рисунки. И по другим книгам доказываеца, что Златая цепь¹³⁹⁾ писана в начале шеснацетаго столетия, то есть назвать тому около трех сот лет, а не менее».

Записи И. П. Лаптева на полях рукописи «Златая цепь» произведены после 1829 г. (см. л. 1 об.) — не ранее 1832 г., когда Иван Петрович приобрел и изучил список Пандектов Никона Черногорца, здесь неупомянутый. Они сделаны черными чернилами и черным карандашом. Последние, на наш взгляд, принадлежат Ивану Петровичу, остальные — его помощникам, но можно предполагать, что содержание многих из них первоначально отмечено или продиктовано им. Записи Лаптева свидетельствуют, что сличался состав Златой цепи со списками Пандектов Никона Черногорца (сборника отрывков из творений отцов церкви, соборных постановлений и других памятников, составленного в Антиохии в XI в. и переведенного на Руси в XII в.). В результате и родился вышеотмеченный вывод Лаптева об их сходстве.

¹³⁸⁾ Замечание Н. М. Карамзина в т. I, гл. III, примеч. 262 (данное здесь в изложении) относительно значения буквы **ж** в болгарской рукописи 1348 г. (ОР РНБ. Ф. I. 376) не вполне соответствует действительности. Буква И вообще не может употребляться на месте **ж**. См. публикацию текста рукописи: *Кув К.* Иван Александровича сборник от 1348 г. София, 1981. За установление этой неточности глубоко благодарна О. А. Князевской.

¹³⁹⁾ Имеется в виду рукопись, которую переписывала Е. И. Лаптева.

Сравнение проводилось по пергаменному списку купца Г. А. Громова¹⁴⁰⁾ и печатным изданиям Пандектов «в Остроге¹⁴¹⁾ и Почаеве» (см. запись на л. 1 об.). На л. 1 об. и 279 об. упомянуто их описание в первом издании «Обозрения Кормчей...» (1829 г., с. 187, т. е. начало Прибавления № VI), в подготовке материалов для которого, как было показано, Лаптев принимал участие, в частности, в описании списка Пандектов XVII в.

С теми же источниками сравнивал Иван Петрович состав текста другой рукописи, которую он купил позже, в 1832 г., у новоладожского крестьянина Г. Климова. После 1840 г. она оказалась в собрании историка М. П. Погодина, но до 1970 г. оставалась неизученной. Впервые это сделала болгарская исследовательница Кл. Иванова-Константинова (она же — К. И. Иванова) в упомянутой статье (см. сноску 117), опубликовав и записи И. П. Лаптева на ней. Позже появилось описание рукописи В. М. Загребиным¹⁴²⁾. Последнее описание см. в готовящемся Археографической комиссией РАН «Сводном каталоге славяно-русских рукописных книг, хранящихся в Российской Федерации, странах СНГ и Балтии. XIV в.» (Ч. 2, вып. 2).

Современными исследователями рукопись названа Патерик скитский поглавный и Пандекты Никона Черногорца. Написана на бумаге, судя по почерку и филиграням, в конце XIV в. Некоторые листы оригинала утрачены, частично восстановлены Иваном Петровичем (или его помощниками) — л. 1 об., 166, 231, 396. Учитывая обстоятельную изученность списка в последние десятилетия, остановимся здесь лишь на записях И. П. Лаптева, т. е. на его вкладе в это изучение.

Выделить записи Лаптева и его помощников из ряда других можно либо по содержанию (напр., л. 1–1 об.¹⁴³⁾, потому что почерк записи здесь подражает древнему книжному, как и на л. 154 — начало текста Пандектов, где, по мнению Ивановой-Константиновой¹⁴⁴⁾, Лаптев переписал оглавление книги с почаевского издания 1795 г.). Либо — по характерным карандашным пометам на полях, написанным, без

¹⁴⁰⁾ Кл. Иванова-Константинова отмечает его как ныне неизвестный (Указ. соч. С. 308). О Г. А. Громе см.: *Иконников В. С.* Опыт русской историографии. Т. 1. Кн. 2. С. 1892.

¹⁴¹⁾ В библиографии того времени считалось, что первая публикация этого сочинения была предпринята в Остроге в 1640 г. Острожское издание Пандектов — одна из книг, которые просил одолжить И. П. Лаптев в письме графу Ф. А. Толстому 12 июля 1828 г. (см. II гл., с. 88–89). Непонятно, почему М. С. Крутова назвала датой издания 1632 г. (Указ. соч. С. 136, сн. 31).

¹⁴²⁾ РКСП 1. № 267.

¹⁴³⁾ Не случайно опытный палеограф В. М. Загребин, отметив их, указал: «вероятно, рукой И. П. Лаптева» (РКСП 1. С. 186. Здесь опубл. только запись Г. Климова на л. 388 об.).

¹⁴⁴⁾ *Иванова-Константинова Кл.* Указ. соч. С. 304, сноска 20. В РКСП 1 указан л. 154 и оглавление не соотносится с Лаптевым.

сомнения, рукой Ивана Петровича (л. 154, 156 об., 158 и др.) и относящимся к сравнению текста в списках рукописей и печатных изданий, также перечисленных в пометах на Златой цепи. Здесь к ним добавлен и часто отмечается Лаптевым список «московский от Солодовникова», не известный нам (но его владелец — купец Василий Михайлович Солодовников — не раз упоминался Лаптевым, см. с. 209, 234, 235 данной главы). Итоги наблюдений при сравнении с пергаменной рукописью купца Громова, печатными изданиями Пандектов и рукописью «Златая чепи» изложены на л. 1–1 об. Приведем, как и в предыдущем случае, их почти полностью, чтобы еще раз показать комплексный подход И. П. Лаптева к изучению источников.

«Сия древнейшая рукопись, с начала Отечник, а с 21 тетради первого щета и по окончание книга преподобнаго Никона Черногорскаго, сличена с бергаментной (так в тексте. — Ю. А.) таковой же книгой, первой половины имеющейся оу купца Громова, о тритцати пяти же словах. И по оной видно, что сия книга с толкованиями евангелских слов собрана преподобным Никоном Черногорским, жившим в одиннатцатом столетии, которое на поле здесь пополнено и оутраченное в 3-х местах вписано. В которой Пандекте помещено святых вселенских и поместных соборов много правил полным текстом без толкованиев и толкователи были в двенатцатом столетии, а без толкования же правила и во особом полном переводе печатаном в Почаеве против сей же есть и еще сокращение (названа Златая чепи).

Сия же рукопись древнейшая, имеющая 394 листа, по знакам заводским на бумаге и по почерку литер и по наречию видимо, что писана в пятнатцатом столетии; и бумага в листах более хлопчатая, почему и трепишная и оудержала по хлопчатке наименование бумага. Здесь несколько есть и трепишной, грубой, на которой поперек частых редкия линии, а «хлопчатая с одними частыми, а без ретких линий. Список сей древности некогда принадлежал к пустыне всемилостиваго Спаса и Николы чудотворца, что на Оске, о чем на подписных под страницами вкладах видно [...].

Сия рукопись оу новолодожскаго крестьянина Григорья Климова, которой в начале последней тетрати своеручно подписал, куплена 1832 года автором, которой издал книгу в 1824 году под названием «Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи с приложением рисунков, бывшим вологодским, а ныне санктпетербургским купцом Иваном Лаптевым». О сей же книге Никонове или Пандекте пространно изяснено в обозрении о Кормчей книге, напечатанном в 1829 г., последнего щета на странице 187; втораго издания... года на странице... Сей же перевод печатанного во Остроге и в Почаеве

несколько сокращеннее, а по наречию весьма тех древнее. Шрифт же и выговор литер следующей [...]»¹⁴⁵⁾

Мы видим, что Иван Петрович установил содержание рукописи: Патерик и Пандекты Никона Черногорца из 35 слов. Подтвердил дополнение рукописи «на поле» (оглавление?) и «в 3-х местах вписано». Датировал ее по филиграммам, почерку и «наречию» XV веком (ныне — концом XIV в.), высказавшись о материале письма — бумаге «трепишной» и отличии ее от «хлопчатой». Указал принадлежность рукописи Оскуйской пустыни и последнего владельца Г. Климова.

При сравнении с печатными изданиями Лаптев отметил, что этот список более краткий, «а по наречию весьма тех древнее», указал на связь со Златой цепью. Ссылка на издание «Обозрения Кормчей...» Розенкампа 1829 г. и намечающееся второе издание (вышло в 1839 г.) говорит о том, что запись была сделана после 1832 г., возможно, незадолго до смерти Лаптева (последовавшей в 1838 г.).

Упоминание (не без гордости) автора книги «Опыт» 1824 г., а также оттиск печатки ИЛ на поле л. 277 об., не оставляют сомнений в происхождении рассмотренной записи.

К этому нужно добавить, что в коллекции были воспроизведены из рукописи водяные знаки «лилия» трехлепестковая и «рожок», о чем свидетельствует и запись лаптевским почерком на полях: «В книге Отечник и Златая цепи на хлопчатой бумаге на два столпца. Рисунки № 378. 35 слов. Куплена у Климова крестьян[ина], но однако не в одно время писана» (ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 159 об.). Всего по отмеченному описанию В. М. Загребина бумага рукописи содержит 13 типов филиграней.

Таким образом, кроме уточнения датировки, все остальные наблюдения Лаптева признаны современными учеными и дополнены.

Приведенные отрывки записей Лаптева (или по его поручению) находятся главным образом на полях списков Кормчей книги или рукописей, относящихся к ее источникам, на которых Иван Петрович сосредоточил свое внимание.

Вклад Лаптева в подготовку труда Розенкампа «Обозрение Кормчей книги в историческом виде» выражался в разных формах: поиски списков Кормчих и их источников, предоставление для работы имеющихся у него списков Розенкампу, а также сообщения о других, известных Лаптеву списках Кормчих и их составляющих, передача записей с описанием списков, участие в описании других списков, в частности, Румянцевского вместе с Востоковым. В «Обозрении» поименно названы три владельца использованных рукописей — Н. П. Румянцев, Ф. А. Толстой и И. П. Лаптев. Естественно, что из них

¹⁴⁵⁾ Оpubл. в указ. статье Кл. Ивановой-Константиновой, с. 308; частично — в указ. статье М. С. Крутовой, с. 137.

непосредственно участвовал в описании только Лаптев. Рукописи первых двух владельцев обрабатывали Востоков, Калайдович и Строев.

В первом издании книги Г. А. Розенкампа «Обозрение Кормчей книги в историческом виде» (М., 1829), охватившем более 20 списков, использованы три списка от Лаптева. Среди трех родов (фамилий) — Кирилловский, Рязанский и Киприановский, на которые поделил все списки Розенкампф, лаптевские отнесены к двум последним. К Рязанскому роду — «один список (бумажный XV в.), совершенно сходный с оным (древним рязанским 1284 г. из собрания Ф. А. Толстого. — Ю. А.), принадлежащий Вологодскому купцу И. П. Лаптеву» (Введение, с. 12). (Ныне: ОР ГИМ. Увар. № 555/205.)

Особо выделен список, «сообщенный мне Вологодским купцом И. П. Лаптевым», который, кроме текста, что имеется в румянцевском списке № 9, содержит «дополнительные статьи в каждой грани, из сочинений восточных иерархов, собранные игуменом Иосифова монастыря Нифонтом с ведома митрополитов Даниила и Макария» (Введение, с. 13–14).

И, наконец, среди списков Киприановского рода Розенкампф нашел «только один и тот не совсем полный список» Сводной Кормчей книги, «сообщенный» ему И. П. Лаптевым. Цель составления такой Кормчей Розенкампф усмотрел в обобщении «Соборных правил Восточной церкви, а равно и из русских соборов и посланий российских иерархов», что было предпринято в XVI в., на его взгляд, при митрополите Макарии (Там же. С. 14–15. См. о ней с. 70; Прибавление VII. С. 267). Это — Макарьевская кормчая, ныне — Даниловская¹⁴⁶⁾.

О составе лаптевского списка Розенкампф писал: «Я видел у купца И. П. Лаптева список, им приготовленный (курсив мой. — Ю. А.), содержащий в себе Правила по трем переводам: 1) по сокращению Аристина, 2) правила по тексту Зонара, а не целиком выписаны, 3) самая полныя и цельныя (курсив в тексте. — Ю. А.) Правила по особенному переводу. Собрания сих трех переводов содержат в себе не только семь Вселенских соборов, но и девять поместных» (Указ. соч. С. 267. Сн. *).

Кроме того, в «Обозрении» 1829 г. использованы лаптевский список Номоканона Иоанна Постника (Примеч. № 5 к Введению), тетрадь с записями Лаптева при составлении оглавления списка Пандектов в Прибавлении № VI, список сборника Литовский просветитель (Обозрение... Отд. втор. С. 87. Сн. *)¹⁴⁷⁾.

¹⁴⁶⁾ Доказательства см.: Клосс Б. М. Никоновский свод и русские летописи. С. 59–70; Плигузов А. И. Противостояние митрополичьей и Вассиановской кормчих накануне судебных заседаний 1531 г. // Исследования по источниковедению истории СССР дооктябрьского периода: Сб. статей. М., 1985. С. 25–27.

¹⁴⁷⁾ Розенкампф, сравнил статью «о кулачном бое» в разных списках, более полный текст нашел в «Сборнике, составленном Иосифом Волоколамским, под заглавием

В одном случае автор «Обозрения» 1829 г. даже вступил в полемику с рядом лиц, среди которых и Лаптев: «Между тем Преосвященный Евгений, петербургский купец И. П. Лаптев, равно и другие, от которых я получил списки старого почерка, полагают, что Собрание Правил Соборов и Св. Отец, присланное Святиславом митрополиту Кириллу, не был подлинник Московского или Кирилловского, но Рязанского или Киевского харатейного списка, который сходен со списком, принадлежащим Лаптеву, XV в. (с. 14 Введения) и печатною Кормчею» (Указ. соч. С. 256).

Второе, исправленное и дополненное издание «Обозрения» вышло в 1839 г. в доработке В. А. (В. Г. Анастасевича), так как Г. А. Розенкамф скончался в 1832 г. В отличие от первого, содержавшего анализ более 20 списков Кормчих книг и их исправлений, здесь было уже 30 списков. От Лаптева (кроме использованных в первом издании) добавились еще два списка — Рогожский и Прилуцкий (купленный в 1832 г. у вдовы Розенкамфа), записи Лаптева на которых были ранее рассмотрены. Помимо этого использованы лаптевские списки Стоглава и грамоты трех святейших патриархов Паисия Александрийского, Макария Антиохийского и Иосифа Московского, данной о благочинном писании икон в Москве 12 мая 1686 г. Так достойно была зафиксирована деятельность палеографа-любителя в солидном историко-археографическом издании. И, наконец, в «Указателе замечательнейших лиц и вещей, упоминаемых в сей книге», на с. 27 вперые, еще до выхода разных справочников, отмечено: «Лаптев И. П. С. Петербургский купец, ум. 1838 г.».

Записи Ивана Петровича и его помощников 1830-х годов имеются и на других рукописях его собрания. Они также содержат наблюдения по составу источников, написанию слов, датировке, водяным знакам, сравнения с другими рукописями и печатными изданиями. Но они не столь обширны и часто написаны его помощниками, определить собственные его записи труднее. В таких случаях составители описаний рукописей очень осторожны в своих заключениях.

К. И. Иванова в ОР РНБ, в Погодинском собрании установила, частично привела заметки И. П. Лаптева на рукописях № 38, 267, 876, 1030, 1054, 1098, 1599¹⁴⁸⁾. Из них только № 38 — на пергамене (Службник молдавского письма второй половины XVI в.)¹⁴⁹⁾. Здесь,

«Просветителя»* (* В списке, мне сообщенном И. П. Лаптевым. Список сей из Литовского края и имеет некоторыя разницы от Русскаго, и потому он назван был *Литовским*). В «Обозрении» 1839 г. издания (с. 72–73) дано такое разъяснение: «Другой же сборник, под заглавием *Литовский просветитель*, составлен был в польских провинциях без разделения на главы. Между прочими статьями в нем также находится очень подробная статья о кулачном бое. Книга сия мне была доставлена купцем И. Лаптевым».

¹⁴⁸⁾ Иванова К. И. Рукописи И. П. Лаптева в собрании М. П. Погодина. С. 189–192.

¹⁴⁹⁾ См. также: РКСП. 1. С. 43–44. Здесь Службник датирован XVI–XVII вв.

на л. I, II об. две записи скорописью XIX в. владельческого характера (о принадлежности И. П. Лаптеву). Но по почерку отличаются от его обычных записей: буквы крупные, выделены специально, аккуратные, одинаково написанные; характерное для Ивана Петровича употребление \mathcal{Z} для буквы *т* встречается только два раза, предлог *в* с твердым знаком — такое написание у него очень редко, нет типичных для него пропусков букв. Так что, может быть, писал кто-то из помощников, как и в конце № 1098 (Диоптра XVI в.), где виден четкий каллиграфический почерк.

Кроме рассмотренного № 267, на рукописях № 876, 1030 и 1098 особенно ценны заключения о датировке по водяным знакам, почерку, правописанию. Обратимся к № 1030 (по описи фонда: Слова Исаака Сирина с прибавлениями. Русс. Втор. четв. XV в. 1°. 302 л. Полуустав; в ПС XV в., № 1517. Слова постнические Исаака Сирина с дополнениями. 1°, 314 л. Полуустав). На л. 1 об. даже воспроизведены 13 филиграней, позволившие Лаптеву датировать рукопись второй четвертью XV в. Большое ее описание — в записи 1836 г. на л. 1 почерком «под полуустав» и с указанием в конце на принадлежность «Санктпетербургскому купцу Ивану Петрову Лаптеву». В записи много пропущенных букв, что характерно для Ивана Петровича. Эта запись расположена в картуше, красиво, профессионально оформленной растительным орнаментом с орудиями сельского труда.

При сравнении воспроизведенных на л. 1 об. филиграней с рисунками из «писменной Исаака Сирина» в коллекции (ОР РНБ. Ф. 247. Оп. 1. Ед. хр. 45. Л. 15. № 41; Л. 68 об., № 207 — ВЗ не зачеркнуты, т. е. в книгу 1824 г. не вошли) совпадений не обнаружено. Это означает, что здесь — рисунки с бумаги другого списка. Изучение филиграней бумаги рукописи № 1030 показало, что они воспроизведены в конце лаптевской коллекции на л. 195: «Из книги древлеписменной Исаака Сирина и Петра Дамаскина. Рис. № 471. Половины XV в.».

В XIX в. в купеческих семьях часто переписывалось полемическое произведение богословского характера XVI в. «Истины показание» монаха Зиновия Отенского¹⁵⁰), дошедшее до нашего времени во многих списках и отрывках. В 1827 г. один из таких списков был изготовлен и в семье И. П. Лаптева¹⁵¹). Для изучаемой темы он интересен в нескольких отношениях.

¹⁵⁰) См. о нем: Морозова Л. Е. Сочинения Зиновия Отенского. М., 1990. Гл. II; Калугин Ф. Зиновий, инок Отенский, и его богословско-полемические и церковно-поучительные произведения. СПб., 1894.

¹⁵¹) ОР РГБ. Ф. 310 (Собр. В. М. Ундольского). № 493. Зиновия беседы с клиришанами («Истины показание» Зиновия Отенского). 719 л. Скоропись. 4°. 1827 г. Л. Е. Морозова (Указ. соч. С. 39) отнесла список к 1824 г., неверно прочтя в записи на л. 716 об. цифру 7, которую Аполлон часто изображал как прописное \mathcal{U} . Подтверждением служат аналогичные изображения этой цифры в тексте, а также ссылка на печатный каталог толстовского собрания 1825 г. Указан 1827 г. и в описании В. М. Ундольского (Славяно-русские рукописи... М., 1870. № 493). № 492 пред-

Прежде всего отметим, что Лаптев обратился к этому важному источнику (отражающему борьбу с ересью Феодосия Косого) в то время, когда он широко распространялся в списках, отрывки вышли в ряде сборников XVII в. и появились первые упоминания в библиографиях — «Словарь исторический о бывших в России писателях духовного чина греко-российской церкви» (СПб., 1818. Ч. 1. С. 200–203) Евгения (Болховитинова) и в печатном каталоге рукописей графа Ф. А. Толстого 1825 г. Но в них раскрывалось лишь содержание «Истины».

Рассматриваемый список представляет результат четко обозначенной работы семейной артели совместно с посторонним помощником. Первую половину (л. 1–417 об.) переписала Ольга Ивановна, конец (л. 618–718 об.) — Аполлон Иванович, а середину (л. 418–617 об.) — петербургский купец Семен Гаврилович Калинин. Имеются отдельные карандашные пометы Ивана Петровича. Несмотря на их малочисленность, можно утверждать, что он не только руководил перепиской, но и изучал списки, с которых данная рукопись копировалась. Об этом свидетельствуют описания и выводы, зафиксированные Аполлоном на л. 716 об.–718 об. Приведем эту запись, поскольку она полностью не публиковалась (частично использована для характеристики списков в книге Л. Е. Морозовой) и представляет большой фрагмент исследования рукописей И. П. Лаптевым.

«Сей книги Зиновия монаха, ученика святого Максима Грека список учинен 1827 года для Санкт-Петербур[ургского] купца Ивана Лаптева с древлеписменной рукописи, принадлежащей купеч[ескому] сыну Василью Михайл[овичу] Солодовникову. Книга форматом в четверть листа. На бумаге заводския клейма нижеследующие под № 1. В тоже время списания Лаптев приобрел таковую же книгу Зиновия из Библиотеки от Его Сият[ельства] Графа Сенатора и Кавалера Федора Андреевича Толстаго по каталогу Его, напечатанному в отделении 3-м означается под № 64. Форматом — перегнутая четверть листа не поперек, а вдоль, то есть осмущечная продолговатая. Заводское во оной клеймо на бумаге ниже изображенное под № 2.

Графской же список против солодовниковскаго древнее и пространнее, ибо солодовниковской в начале не имеет оглавления или сказания главам, и по 37-ю главу онныя во оглавлениях и началах и окончаниях по несколько строк поправлены новейшим наречием, а в середине же поправок мало находится, а на других главах

ставляет собой часть недостающих глав и оглавление произведения, переписанное, по мнению Ф. Калугина, «для библиотеки Ундольского» (Указ. соч. С. 97). В этом случае, на наш взгляд, права Морозова, считающая, что он сделан для И. П. Лаптева (ср. запись на л. 201 в № 492, повторяющую запись в № 493, л. 716 об.). Добавим от себя, что № 492, как бы черновик (первоначально переписанные недостающие в середине главы и карандашные рисунки филиграней). Учитывая, что В. М. Ундольский приобрел полный список в 1856 г., в копировании его части не было нужды. Кстати, в записи о дате изготовления этой части четко изображен 1827 г.

оглавления совсем выкинуты или пропущены, а что в графском списке под страницами по несколько строк имеются замечания с литерн[ыми] выносками теми же черными чернилами, таковые замечания из под страниц в солодовниковском списке внесены в средину страниц красными чернилами с поправлениями. В противность от издателя под заглавием молящего не переменять, не переписовати якоже лежит здесь[сь] речи строчки и запятые. Но в солодовниковой на полях запятые во многих пропущены, а в др[угих] местах поставлены против тех мест, где [в] графской не видятся, и почти с начала 37 главы от следующих речей: по прочтении словес вел[икаго] Василия шесть с полов[иной] глав выкинуто или пропущено осмое пришествие крылошан, то есть с листа 418 до листа 618, и для полноты книги вписаны в сию книгу оглавление и пропущенныя главы. И запятые на полях внесены из гравскаго* списка. И что на полях поперек строк красная черта, то означает, что те строчки здесь должны быть писаны красными чернилами. А после же пропуска и солодовниковской список имеет надписи над Главами, и прочее во всем настоящее, без поправок. Следующия же здесь на конце книги на 3-х страницах положенныя строчки, в скопках учиненныя единственно к знанию для того только, что в исправном списке графа Толстаго по слогу содержания приметно, что за ветхостию книги при втором переплете от задней доски ошибкою переплетчика 2-й лист вплетен 3-м, а 3-й попал вторым от последнего, ибо в том графском списке заскобено** здесь попало почти на самом конце, перед последнею страницей, то есть где здесь между строками поставлен знак W***, и по незнанию переписчиками с того графскаго древлеписменного списка чинятся новыя с перемешанных на конце двух листов без поправки. Здесь же те строки, хотя и в скопках, но читать правильно и на своем месте, а заскобение здесь от Лаптева зделано единственно для одного изъяснения и показания к знанию и соображению любителям словесности того списка. или Д[ругой] кому списанной без поправки попадет[ся].

Мы видим, что в записи четко названы источники, с которых переписывалось произведение Зиновия: список (ныне неизвестный) московского купца В. М. Солодовникова и рукопись из собрания графа Ф. А. Толстого (по каталогу 1825 г. отд. III, № 64. Ныне: ОР РНБ. О. I. № 63). Отмечена очередность работ: пока копировали сокращенный список Солодовникова «Лаптев приобрел» (в данном случае, видимо, надо понимать — одолжил) рукопись у Толстого. Поскольку в первом списке не хватало оглавления и 6 1/2 глав в середине, то их добавили из толстовского списка. Далее следует подробное описание

* Типичная ошибка: в вместо ф. Встречается и в списке Златой цепи, переписанном Елизаветой Ивановной.

** То есть взятое в скобки.

*** Знак W на л. 715 об.

списка¹⁵²⁾ в сравнении с солодовниковским. Указаны формат, водяной знак, полнота текста толстовского списка, точность передачи строк и запятых (значков, которыми Зиновий отделял свой текст от цитат и считал это обязательным), выделение «красными чернилами» (киноварью), отсутствие поправок «новейшим наречием» и даже перепутанные листы в конце¹⁵³⁾. Отмечена и просьба Зиновия, «молящего» в точности передавать текст его рукописи, только почему-то написано о нем «от издателя», что можно расценить как ошибку переписчика, не знавшего хорошо, в отличие от отца, судьбу рукописи (впервые она была издана лишь в 1865 г.), или как опisku (должно быть: «от создателя» рукописи). Наряду с преимуществами толстовского списка отмечены недостатки солодовниковского: сокращенный текст, неточность его передачи (нарушение просьбы автора), поправки «новым наречием».

Л. Е. Морозова справедливо заметила, что «переписчики фактически провели настоящее текстологическое исследование, чтобы определить наиболее правильный текст “Истины”. Думается, что для изучения истории отечественного источниковедения эти рукописи представляют определенный интерес»¹⁵⁴⁾. Только надо добавить, что переписчики работали под руководством И. П. Лаптева. Об этом говорит не только глубина сравнения («Графский же список против солодовниковского древнее и пространнее...»), но и специальное, употребляя современное определение, примечание о взятом в скобки тексте (дополненном из толстовского списка): «здесь от Лаптева сделано...» (л. 718 об.).

Примечательная деталь: на полях рукописи № 493 черными чернилами почерком Ольги Ивановны сделаны записи по сравнению текста рядом со стертыми карандашными записями Ивана Петровича. Значит, первоначально он делал записи по существу, которые затем переписывали помощники, в других случаях мог и диктовать текст. Безусловно, Иваном Петровичем определены и по его указанию перерисованы (на л. 719) четыре водяных знака: три — из списка Солодовникова, один — из списка Толстого. Воспроизведены они и в лаптевской коллекции (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 45).

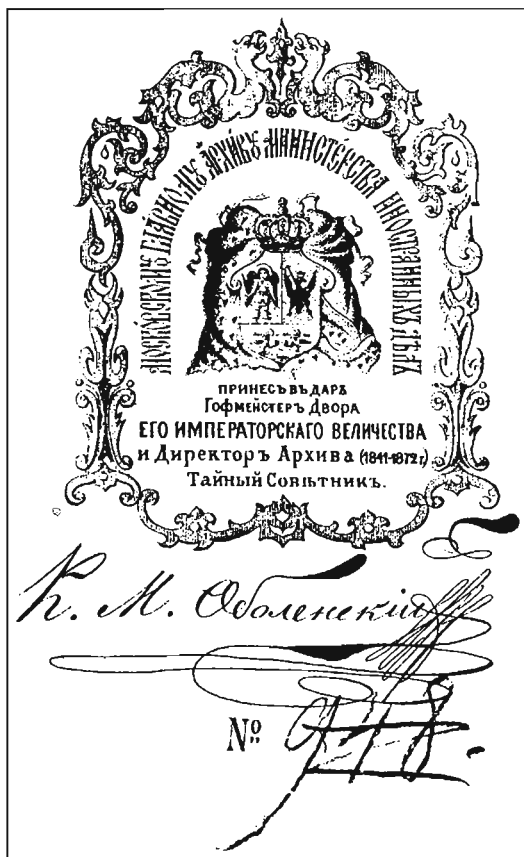
¹⁵²⁾ В каталоге 1825 г. № 64 — «Истины показание к вопросившим о новом учении...» из 52 слов описана (согласно общему принципу этого каталога) очень кратко: «Скорописная, ... в продолговатый формат, на 452 листах». Ценное соображение высказано о ее происхождении: «вероятно, собственноручная рукопись сочинителя» (т. е. Зиновия) (*Калайдович К., Стров П.* обстоятельное описание славяно-русских рукописей, хранящихся в Москве, в библиотеке... графа Федора Андреевича Толстого. С палеографическими таблицами почерков с XI по XVIII век. М., 1825. С. 591–592). Об этом знал Иван Петрович, хорошо знакомый с собранием и его каталогом.

¹⁵³⁾ Последнее Л. Е. Морозова, наиболее полно описавшая толстовский список, считает самым главным аргументом в пользу того, что данная рукопись является протографом (Указ. соч. С. 39–40).

¹⁵⁴⁾ *Морозова Л. Е.* Указ. соч. С. 39–40.

Л. 122, 124. № 276, 311). Л. Е. Морозова, сравнивавшая знаки по имеющимся альбомам, смогла найти весьма приближенные аналоги двух знаков у Ш.-М. Брике, которые показали, что неизвестная рукопись Солодовникова датируется концом XVI в. Знаков, подобных филигранным бумажным толстовской рукописи, не установлено; приблизительно (судя по бумаге и почерку) она определила вторую половину XVI в. (Указ. соч. С. 29), т. е. время, когда была создана рукопись (1566 г.).

Благодаря проделанной этой «артелью» большой работе, удалось не только глубоко изучить источники, дать первое их описание, составить новый список, но и сохранить сведения о не дошедшем до нас списке Солодовникова и его водяных знаках (что позволило ныне пополнить число списков «Истины»). О любви к работе говорят и украшения на л. 1, 11 — изящные виньетки, исполненные пером.

Наклейка на книге И. П. Лаптева. (РГАДА. Архивохранилище старопечатных и редких изданий. ОРИ (рус. книги). № 3345)

Опубликование описания в то время принесло бы большую пользу историкам и палеографам, но и сегодня оно помогает ученым.

Приведенные материалы записей на известных нам рукописях собрания Лаптева, исследованных специалистами, позволяют говорить о систематическом изучении Иваном Петровичем не только комплекса внешних признаков рукописей, но и самих текстов. В центре его внимания были списки Кормчих книг и составляющие их источники. При этом, кроме многочисленных помет на полях, важнейшие выводы из наблюдений, как можно заметить, записывались им самим или помощниками по его поручению на незаполненных или вклеенных листах рукописей. Обязательным элементом описания были водяные знаки.

Обнаружен и фрагмент описания И. П. Лаптевым Номоканона (писарский список). Аналогичный фрагмент представляет и тетрадь Лаптева с таблицами к списку Пандектов Николая Черногорца, использованная в приложении к «Обозрению» 1829 г.

Таким образом, И. П. Лаптев проводил сначала архивные разыскания, особенно списков Кормчих книг и их источников, затем археографические (где описаны, опубликованы) и, наконец, привлекал исследования о них, т. е. проходил все этапы, которые характерны были для изучения рукописей историками первой трети XIX в., когда часто в одном лице совмещались архивист, археограф, палеограф и источниковед. И. П. Лаптева, как и других знатоков, выручал его большой опыт в работе с рукописями, но не хватало исторического образования, четкости методики и терминологии. Поэтому до создания самостоятельной исторической работы он не поднялся, ограничившись отдельными ценными выводами и наблюдениями из области палеографии и источниковедения. Частично они отражены в работе Г. А. Розенкампа «Обозрение Кормчей книги в историческом виде» (М., 1829; СПб., 1839), но преимущественно — в записях Лаптева на рукописях.

Филиграноведческие изыскания И. П. Лаптева шли в общем комплексе палеографических исследований. Они привели к созданию самой большой для того времени коллекции водяных знаков, но опубликовать ее в силу описанных обстоятельств он не смог. Поэтому вершиной его деятельности для потомков так и осталась книга «Опыт». Палеографическая же его деятельность на основе наблюдений над рукописями его собрания только начинает раскрываться в последние десятилетия.

4. Судьба коллекции водяных знаков И. П. Лаптева.

Н. М. Михайловский — неизвестный филиграновед второй половины 1830-х — начала 1840-х годов

История коллекции филиграней И. П. Лаптева и их изучения получила свое продолжение в деятельности Н. М. Михайловского.

В справочниках о нем имеются очень краткие сведения¹⁵⁵). Подробно охарактеризовать личность, служебные и внеслужебные занятия этого чиновника, до сих пор известного лишь как владельца собрания рукописей и книг¹⁵⁶), позволили материалы его личного фонда, его личное дело¹⁵⁷) и некоторые опубликованные источники.

Николай Матвеевич Михайловский (1815–1877) по происхождению, как написано в документах, «из духовного звания», «имения никакого нет». В 1835 г. окончил Санкт-Петербургскую духовную семинарию. После увольнения из духовного ведомства был определен канцеляристом в чине коллежского регистратора Министерства народного просвещения, в ведомстве которого прослужил с 1836 по 1877 год (кроме 1846, 1849–1853 гг., когда работал в Гоф-интендантской конторе, а после ее ликвидации находился «за штатом»). Был секретарем Совета Санкт-Петербургского университета, секретарем канцелярии Комитета правления Санкт-Петербургской Академии наук и дослужился до статского советника. Одновременно в разные годы назначался чиновником Археографической комиссии или сотрудничал с ней, неоднократно получая благодарности. Назначенный первый раз 7 октября 1838 г. он уже 14 декабря оказался в числе всех ее сотрудников, удостоенных Высочайшего благоволения «за усердие и успешные труды на пользу отечественной истории и археографии». Оно последовало после того, как Комиссия преподнесла в подарок царю свои издания. Если отмеченная благодарность была для молодого чиновника случайной, то остальные он, действительно, заслужил: 27 июля и 28 ноября 1842 г. — «За предоставление в Археографическую комиссию старинных бумаг юридического содержания и за сообщение древних исторических актов, которые положено напечатать в издаваемых Комиссиею дополнениях к Актам юридическим и историческим»; 18 мая 1844 г. — за помощь Комиссии¹⁵⁸). Все факты из личного дела подтверждаются записями в опубликованных протоколах заседаний Археографической комиссии за соответствующие месяцы и годы (различны только даты заседаний, выписка из протоколов которых делалась позже). Сведения о предложенных Михайловским копиях разных документов имеются в протоколах и за другие годы, но не все они были приняты. В одном из протоколов за 27 января 1843 г. приведен и текст письма Михайловского, в котором, в частности, говорится:

¹⁵⁵) Личные архивные фонды в государственных хранилищах СССР: Указатель. М., 1960. Т. III. С. 266; Аннотированный указатель рукописных фондов ГПБ. Л., 1983. Вып. III. С. 83–84; Петербургский некрополь / Сост. В. И. Саитов. СПб., 1912. Т. 3. С. 142; Венгеров С. А. Источники словаря русских писателей. Пг., 1917. Т. IV. С. 354.

¹⁵⁶) ОР РНБ. Ф. 487 (Н. М. Михайловский). Оп. 2.

¹⁵⁷) Там же. Оп. 1. 66 дел; СПб. ФА РАН. Ф. 4. (Комитет правления Академии наук). Оп. 4. Д. 374 (1853–1877).

¹⁵⁸) СПб. ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 374. Л. 25.

«Почитаю за особое счастье, что старания мои об отыскании для Археографической комиссии древних бумаг постоянно имеют успех...», далее перечислены семь представленных им списков с документов XVII в.¹⁵⁹⁾ Это единственное прямое свидетельство об его отношении к археографии.

Надо отметить, что копии некоторых документов были сделаны им с ошибками, а «Соборное деяние на сретика Мартина» являлось подложным, на что указали ему сотрудники Комиссии¹⁶⁰⁾. Сказывалась неопытность в работе, отсутствие специального исторического или филологического образования. В «Перечне лиц, доставивших в Комиссию материалы для изданий», его фамилии нет. Видимо, перечень учитывал только членов и корреспондентов, предложивших особо ценные рукописи. Михайловский же в эти годы — молодой сотрудник, стесненный в средствах (записи он часто делал на черновиках служебных документов), отмечен в числе «чиновников Комиссии и других лиц», которые «содействовали членам в трудах по переписке и изданию актов»¹⁶¹⁾.

Занимался ли Михайловский разысканиями такого рода раньше, неизвестно. Во всяком случае, в конце 30-х — начале 40-х годов в крупнейших хранилищах рукописей — Императорской Публичной библиотеке и Румянцевском музее, по его признанию, он еще не работал¹⁶²⁾. Да и не очень охотно выдавали разрешения начинающим любителям старины.

Назначение для дополнительного заработка в Археографическую комиссию, безусловно, усилило интерес к поиску, не покидавший его до конца жизни. Об этом свидетельствуют многие факты, а главное — составленное им собрание рукописей. В 1845 г., видимо, как человек, зарекомендовавший себя в археографическом поиске, он был привлечен к разысканиям в архиве Департамента народного просвещения и копированию документов, не вошедших в Полное собрание законов Российской империи (первое и второе), и провел их успешно. Может быть, именно здесь, по месту своей основной работы, он снимал первые копии с документов, которые предлагал Археографической комиссии. О богатстве этого архива, получившего старинные акты из архива общего эдукационного фондуша, в 1848 г. рассказал его начальник Петров¹⁶³⁾. Позднее, приобретя опыт работы и укрепив свое материальное положение, Михайловский вел поиски и в иных

¹⁵⁹⁾ Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1841–1849. СПб., 1886. Вып. 2. С. 149.

¹⁶⁰⁾ Там же. С. 111, 141.

¹⁶¹⁾ Отчеты о занятиях и изданиях Археографической комиссии за двадцатипятилетие ее существования (1834–1859) и речи, читанные в публичном ее собрании 27 декабря 1859 г. СПб., 1860. С. 48, 49.

¹⁶²⁾ ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 52 об.

¹⁶³⁾ Протоколы заседаний Археографической комиссии. 1841–1849. Вып. 2. С. 173.

архивах, выезжал в разные города, особенно северных уездов — Новолодожского и других¹⁶⁴⁾.

К изготовлению копий документов и подобных работ он стал привлекать переписчиков. Об одном из таких остро нуждающихся в средствах к существованию людей — Федоре Васильеве — свидетельствует письмо последнего Михайловскому от 9 февраля 1867 г. Васильев сообщает, что находится в больнице с очередным расстройством кишечника, но работает. И здесь ему даже лучше, чем дома (!). Он извиняется за задержку рукописи «Этнография великорусского народа», полученной от Михайловского для какой-то вспомогательной работы, униженно просит и впредь снабжать такой работой, «а если отыщется, то и перепискою набело», так как у него нет денег даже на чай. И оправдывается: «Чай в больнице отнюдь не составит роскоши, он служит больному как бы подспорьем к лекарству; да и сильное разжигается желание, когда видишь, как другие пьют, а ты смотри...»¹⁶⁵⁾

Хотя рост по служебной лестнице продолжался, материальное положение Михайловского оставалось непрочным, иногда он даже просил у начальства денежного вспомоществования, ссылаясь на бедственное положение своей семьи. Тем не менее начатое в молодости собирание рукописей и книг он продолжал, очевидно экономя на самом насущном, и составил собрание из 1137 рукописей и книг XV–XIX вв. (в оригиналах и копиях)¹⁶⁶⁾.

Судя по составу собрания, Михайловский относился к той категории универсальных коллекционеров, которые собирали все ценное. Преобладали исторические, духовные, литературные рукописи, но есть и произведения по математике, медицине, космогонии и т. д. Имеется среди них и одна рукопись (Ф. 487. Оп. 2. Ч. 2. Q. 548) из собрания И. П. Лаптева. Если учесть происхождение и образование Михайловского, то понятен его интерес к рукописям духовного содержания. Занятия в Археографической комиссии стимулировали интерес к историческим источникам и исследованиям. Увлекали его поэзия и литература. Он сочинял стихи и даже издал сборник «Некоторые из духовных стихотворений Николая Михайловского» (СПб., 1847. 1-е изд., 35 с. и 2-е, 53 с.)¹⁶⁷⁾. Поэтому в его собрании много списков

¹⁶⁴⁾ СПб. ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 374. Л. 107.

¹⁶⁵⁾ ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 53. Л. 2.

¹⁶⁶⁾ Там же. Оп. 2. Описание и справку к фонду подготовила Е. Э. Гранстрем.

¹⁶⁷⁾ 400 экземпляров сборника он пожертвовал в пользу учебных и воспитательных заведений. Видимо, такой поступок малообеспеченного чиновника был связан с плохой распродажей сборника. Благотворительность позволила ему не только получить благодарности попечителя Санкт-Петербургского учебного округа, разных воспитательных заведений, но и выпустить второе дополненное издание в том же году (см.: СПб. ФА РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 374. Л. 26). Случай беспрецедентный, учитывая профессиональную слабость стихов и неизвестность автора. Один из рецензентов хорошо объяснил, почему, несмотря на художественную слабость, эти стихи должны

литературных произведений известных отечественных и зарубежных писателей, а также анонимных, — типичного явления для культуры того времени¹⁶⁸⁾.

Собрание Михайловского, важное само по себе¹⁶⁹⁾, свидетельствует о разносторонности интересов владельца. Но он не только коллекционировал рукописи и документы, а занимался их исследованием, в основном в отечественной гражданской и духовной истории, отчасти в зарубежной, опубликовал несколько очерков и документов в «Журнале Министерства народного просвещения»¹⁷⁰⁾, выступая и под псевдонимом «К. Михайловский»¹⁷¹⁾. Черновики ряда незавершенных статей сохранились в его личном фонде, например, продолжение статьи об И. И. Бецком (ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 10). В нем много справочных материалов, свидетельствующих о занятиях вспомогательными историческими дисциплинами: генеалогией (родословные русских великих князей, а также родов Глинских, Мещерских, Нащокиных и др.), исторической географией, (описания Углича и уезда, Гостиного поля, Ладоги и др.), нумизматикой (справочник по монетам), наконец, филиграноведением — черновые заметки «О дипломатике», задуманные как «пособие для историков» (ед. хр. 46, л. 50–55 об.), и большая коллекция водяных знаков (ед. хр. 45–48).

Проанализировав деятельность Михайловского, характер материалов его личного фонда и собрания, можно считать, что к филиграням он обратился не случайно, а в процессе собирания и изучения старинных рукописей, причем, в самом начале этой деятельности. Он копировал филигранные рукописи своего собрания или одалживал у книготорговцев и коллекционеров¹⁷²⁾.

издаваться: их автор «из числа тех, которые верят, надеются и искренно, тепло молятся. Таких немного в наш век поклонения золотому тельцу, когда большинство не молится, а рассчитывает, полагая, что это вернее» (Финский вестник. Учено-лит. журнал. СПб., 1847. Т. 23. № XI. С. 44).

¹⁶⁸⁾ Интересные рассуждения об этом см.: *Лохина Т. В.* Рукописная культура русского общества первой трети XIX в.: Источники. Проблемы исследования: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

¹⁶⁹⁾ Высоко оценивали собрание: *Срезневский И. И.* Древние глаголические памятники сравнительно с памятниками кириллицы. СПб., 1866. С. 243; *Перетц В. Н.* Отчет об экскурсии семинария русской филологии в С.-Петербурге 20 февраля — 6 марта 1910 г. Киев, 1910. С. 11–14 (отгиск из «Университетских известий»); Отчет Императорской Публичной библиотеки за 1908 год. Пг., 1915. С. 32–59.

¹⁷⁰⁾ *Михайловский К.* Архангельск в 1765 году // ЖМНП. СПб., 1852. Ч. 76. Отд. II. № 12. С. 95–102; *Михайловский Н.* Материалы для биографии И. И. Бецкого // Там же. 1853. Ч. 77. Отд. V. № 3. С. 19–43; *Он же.* Корнелий Непот и его сочинения // Там же. 1859. Ч. 101. Отд. V. № 2. С. 37–53. Других публикаций нам обнаружить не удалось.

¹⁷¹⁾ *Масанов И. Ф.* Словарь псевдонимов русских писателей, ученых и общественных деятелей. М., 1960. Т. IV. Новые дополнения к алфавитному указателю. С. 319.

¹⁷²⁾ ОР РНБ. Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 46. Л. 52 об.

Как попали к Михайловскому рассмотренные ранее тетради с водяными знаками коллекции И. П. Лаптева, неизвестно. Наиболее вероятная версия — покупка их на аукционе собрания Лаптева в Петербурге в 1840 г., что подтверждается и наличием у Михайловского рукописи из лаптевского собрания. Если Михайловский начал собирать филигранные еще до этой покупки, то приобретение тетрадей Лаптева стимулировало их изучение, но возможно, они послужили толчком к такого рода занятиям.

Характер и бывшая принадлежность ед. хр. 45 и 48 И. П. Лаптеву были уже рассмотрены во втором разделе главы. Что же дало изучение ед. хр. 46 и 47 коллекции?

Ед. хр. 46 с архивным заголовком «Филигранные XV–XVII вв. Рисунки с примечаниями Н. М. Михайловского к некоторым из них» (55 л. + I + I)¹⁷³⁾ состоит из 55 листов, вложенных в книжную обложку (на ней записи древнеславянских букв с пояснениями и рисунки двух филигранных). Лл. 1–49 содержат рисунки водяных знаков, сделанные неточно чернилами и карандашом на типографских бланках Департамента народного просвещения с датой «183... г.» и на прозрачной бумаге¹⁷⁴⁾. Рисунки разных сюжетов филигранными тесно расположены на каждом листе. У многих имеются даты и номера, но не подряд. К части из них (лл. 1–5, 31, 45, 46, 49) даны примечания об источниках воспроизведения, о датировке и, что особенно важно, сравнении с водяными знаками из книги Лаптева. Например, на л. 1. у знака «колонны»: «В мартовской половине Пролога. По Лаптеву 1666 г. и сходный 1652 г.». В отдельных случаях указаны и номера: «Эти четыре фигуры (“кувшин”, “щит” и два знака “рука”. — Ю. А.) находятся в пяти тетрадях рукописи и одновременны, судя по Лаптеву, 1561 г. См. № 32 и 31» (л. 3). В книге Лаптева у рисунков с датами нет номеров, т. е. они взяты из предисловия (с. 11). Запись на л. 31 к нескольким изображениям филигранными интересна тем, что указывает не только источник воспроизведения, но и способ его получения: «Все эти фигуры находятся в Евангелии Юсовом, парчевом, которое брал я на время от торговца, и которое печатано, как можно полагать, в Вильне 1600 г.» Михайловский самостоятельно скопировал филигранные, вероятно, недостаточно изучив приобретенную лаптевскую коллекцию. В ней (ед. хр. 45, л. 133 об.) имеются рисунки № 329 из бумаги этого Евангелия, тоже одолженно Лаптевым у книготорговца. Но если Михайловский пишет о дате неуверенно, то Лаптев четко ссылается на библиографию Сопикова. При датировке знаков учитывалась бумага, почерк, как на л. 2

¹⁷³⁾ На л. 49 назван источник воспроизведения знаков XIV в., что заставляет передвинуть и период использованных филигранных в заголовке дела.

¹⁷⁴⁾ Далее помещены заметки Н. М. Михайловского «О дипломатике», которые будут рассмотрены ниже.

у знака «гриффон»: «Эту же фигуру, находящуюся в том же болгарском Евангелии, должно относить ко времени несколько раньше, чем означенные две, потому что здесь и бумага и почерк руки кажутся древнее».

Всего по нашим подсчетам в ед. хр. 46 около 1 тыс. рисунков водяных знаков. Как видим, они сняты из бумаги не только русских, но и других славянских рукописей, а также старопечатных книг.

Лучше всего, четче прориси филиграней (черными чернилами) в первой половине ед. хр. 47. Таких четких воспроизведений знаков нет ни в одной из тетрадей рассматриваемой коллекции. Архивный заголовок дела — «Тетрадь филиграней, перерисованных Михайловским из [книги И. Лаптева “Опыт старинной русской дипломатики”]». I + 84 л. Он вызывает сомнение по ряду обстоятельств. В деле книга не упоминается. Зачем было сводить из нее знаки? Книгу можно было купить. Но допустим, что, поскольку Михайловский занялся филигранями через много лет после ее выхода, он уже не смог ее приобрести или для него, тогда еще мелкого чиновника, она оказалась дорогой (5 руб.).

Внимательное ознакомление с делом увеличило сомнения в правильности его названия. Дело состоит из нескольких, сшитых вместе тетрадей, на обложках которых чернилами поставлен № 255. На обложке первой из них подытожено карандашом число листов и знаков в трех частях:

40 л.	—	283 знака
42 л.	—	474 -"-
20 л.	—	200 -"-
<hr/>		
102 л.	—	957 знаков

Третьей части в деле нет. Но даже если иметь в виду сумму знаков в двух имеющихся, то она в несколько раз превышает число знаков в книге Лаптева¹⁷⁵⁾. Значит, речь должна идти не об этой книге или не только о ней, а еще и о других источниках воспроизведения филиграней.

Далее. Владелец коллекции в итоге как бы поделил имеющиеся в деле тетради на две части, что обозначено на обложках. В первой части их пять, во второй — шесть, так мы их и будем называть — «часть первая», «часть вторая». Такое деление не случайно, потому что части отличаются по характеру воспроизведений знаков, записям и по видам бумаги.

¹⁷⁵⁾ В первой части дела число рисунков соответствует числу знаков, указанному в итоговой записи на обложке (хотя по порядку отсутствует семь рисунков под № 237–243). Но, благодаря карандашной нумерации владельца, лист с этими номерами знаков — л. 39 обнаружен в конце тетради). Во второй части дела — несколько меньше.

В первой части бумага белая, тонкая, без филигранных, во второй — белая с желтизной, плотная, тоже без филигранных. Видимо, она выпускалась в тот небольшой период XIX в., когда водяные знаки не использовались. А вот обложка, под которой они объединены, из другой, более ранней толстой бумаги с водяным знаком «БУ (соединенные дугой поверху) || Pro Patria (с волнами)», между ними — «1823» — белая дата. На тонкой бумаге с таким водяным знаком писала свой перевод О. И. Лаптева (см. гл. III, с. 104). Вероятно, более плотная бумага с тем же знаком, но с большим сроком залежности оказалась взятой для обложки случайно, вместе с тетрадами Лаптева, купленными на аукционе.

Как упоминалось, в первой части ед. хр. 47 рисунки филиграней нарисованы четко чернилами или тушью, пронумерованы подряд и даны в рамках-таблицах, т. е. как бы произведен отбор. Во второй части — рисунки карандашные, кроме номеров указаны даты по новому летосчислению, а на полях карандашные пометы к филиграммам. Например: «с полок с левой руки, 5 марта (?)» (л. 42); по поводу нескольких знаков на л. 46 — «у корня»; л. 52 — «с полок с правой руки, 6-го числа, четвертка»; л. 57 об., к знаку № 58 — «между переплетом»; л. 59 — «ис первого шкапу, с правой руки 6 числа»; л. 74 — «в шкапу, на нижней полке 5 числа»; л. 80 об. — «у переплету» и т. д. Эти записи свидетельствуют о том, что копировавший филигранные человек воспроизводил их непосредственно с первоисточников, рукописных или старопечатных книг (а не из книги Лаптева), расположенных в шкафах и на полках около его рабочего стола, указывая иногда и расположение знаков на листе рукописи. Следовательно, вторая часть дела — рабочие тетради, заполненные, скорее, не Михайловским (судя по почерку и уровню грамотности), а другим лицом (по его поручению?). Тогда можно объяснить характер записей — отмечались не только расположение знаков в рукописи, но и место рукописи на полке (поскольку не указано название источника). Некоторые записи по почерку напоминают лаптевские, и вначале даже возникло такое предположение о деле в целом, но доказательств этому не найдено. Вероятно, здесь имеет место только сходство почерков пожилых людей, изучавших грамоту в конце XVIII в.

Сравнение бумаги, рисунков филигранных, почерков записей к ним в тетрадях ед. хр. 46 и 47 показало следующее.

1. Рисунки знаков в значительной мере совпадают, но в ед. хр. 46 и во второй части ед. хр. 47 они черновые, а в первой части ед. хр. 47 — четкие, расположены в рамках-таблицах по хронологии (как в книге Лаптева), т. е. явно произведен отбор знаков. Совпадения номеров и сюжетов рисунков имеются на следующих листах:

Ед. хр. 47	Ед. хр. 46
Л. 1–40 (ч. I, беловая) Л. 42–84 (ч. II, черновая)	Л. 14–17, 19–24 Л. 1–17

Причем в первой части ед. хр. 47 нумерация знаков порядковая, а на соответствующих листах ед. хр. 46 — вразброс.

2. Общность тетрадей двух дел проявляется и в совпадении содержания многих записей к рисункам, хотя почерк и орфография записей различны, т. е. работали разные люди.

3. Бумага в ед. хр. 46 (бланки), грамотные записи с рассуждениями о бумаге, почерках и филигранях источников доказывают ее принадлежность Н. М. Михайловскому не ранее 1836 г., когда он начал работать в Департаменте народного просвещения и, как свидетельствуют материалы его личного фонда, часто, экономя на покупке бумаги, использовал бланки этого учреждения. Верхняя граница дела предположительно — 1844 г., когда вышел альбом водяных знаков К. Я. Тромонина.

4. Ед. хр. 47 в первой части, где произведен отбор знаков, могла быть заполнена Михайловским, а во второй — другим лицом, позже обе части сшиты вместе под одной обложкой. Но окончательной ясности здесь нет.

В заключение важное замечание по поводу приведенной итоговой записи на ед. хр. 47. Судя по количеству листов (20) и числу указанных в ней знаков (200), третьей в записи могла быть тетрадь ед. хр. 48. Очевидно, приступая к работе с филигранями, Михайловский подсчитал общее наличие листов и рисунков в тетрадях ед. хр. 47, 48. Но почему-то без тетрадей ед. хр. 45, хотя она была приобретена им вместе с тетрадью ед. хр. 48. По нумерации на обложке именно тетради ед. хр. 45 под № 256 должны следовать за тетрадями под № 255 из ед. хр. 47. Если Михайловский занялся филигранями до приобретения коллекции Лаптева, то, вполне возможно, пронумеровал сначала свою тетрадь (ед. хр. 47), присоединив в подсчетах к ней небольшое число рисунков ед. хр. 48, а большому числу тетрадей (ед. хр. 45) дал самостоятельный № 256.

№ 255 и 256, скорее всего, отражают какую-то общую нумерацию тетрадей (материалов) с разными записями. Хотя среди документов Михайловского, ф. 487, оп. 1, таких больших номеров нет (в описи всего 66 дел). Разве что это связано с изменениями при передаче фонда (даже в 1965 г., когда описывался фонд, к оп. 1 были присоединены еще шесть дел) или с нумерацией рукописей собрания в оп. 2 того же фонда? Или эти номера все же связаны с тетрадями Лаптева? Окончательно загадку нумерации не удалось разрешить.

Поскольку установлена принадлежность в прошлом тетрадей ед. хр. 45, 48 И. П. Лаптеву и повторяемость рисунков филигрانей в ед. хр. 46, 47, можно уточнить приведенное в первой нашей статье по теме (АЕ за 1990 год) число знаков, скопированных Н. М. Михайловским. Из общего количества около 4 тыс. рисунков коллекции половина раньше заведомо принадлежала Лаптеву. Во второй половине — тетради ед. хр. 46, безусловно изначально принадлежавшие Михайловскому, содержат около 1 тыс. рисунков знаков, ед. хр. 47 — свыше 700, значительная часть которых повторяется в ед. хр. 46. Таким образом, самим Михайловским (или по его поручению) воспроизведено около 1 тыс. филиграней, что более соответствует реальным условиям, в которых он работал.

Итак, Н. М. Михайловский собрал (скопировал сам, поручал воспроизведение знаков другим лицам или покупал рисунки) большую коллекцию филиграней, но некачественность многих воспроизведений не позволяет использовать их сегодня в отличие от коллекции конца XIX в. Н. И. Тихомирова, часть знаков которой включена Т. В. Диановой и Л. М. Костюхиной в альбом «Филиграни XVII в.» (М., 1988). Не случайно С. А. Клепиков, смотревший коллекцию Михайловского, скопировал знаки только непосредственно из бумаги ее тетрадей и обложки. Однако наличие в ряде случаев отсылки к источникам может послужить ориентиром в поиске филиграней.

Самое важное значение коллекции — историографическое. Факт ее существования означает расширение круга любителей-коллекционеров филиграней, в данном случае из среды петербургского чиновничества.

Для истории филиграноведения она важна и сохранением коллекции филиграней И. П. Лаптева. Таким образом можно проследить даже преемственность в собирании и изучении коллекций водяных знаков в Петербурге: от А. В. Беляева через Е. С. Петрова к И. П. Лаптеву и затем к Н. М. Михайловскому. Среди ученых того времени, обменивавшихся еще до опубликования разными историческими данными, рукописями, снимками почерков, рисунками отдельных филиграней (особенно это характерно для участников Румянцевского кружка), такого рода факты неизвестны, да и коллекции их были немногочисленны. А. Х. Востоков широко раздавал коллегам сделанные им палеографические снимки — образцы почерков и т. п., меньше — филиграней. Поэтому они и сохранились в его архиве.

Коллекции Н. М. Михайловского, как и И. П. Лаптева, собирались явно с целью дальнейшей обработки и публикации филиграней, т. е. рассматривались ими как база при создании пособия для историков, палеографов.

Думается, что приведенный анализ убеждает в необходимости дальнейшего поиска коллекций водяных знаков, созданных в первой трети XIX в. в России.

Значение материалов фонда Н. М. Михайловского для истории филиграноведения этим не исчерпывается. В уже рассмотренной ед. хр. 46 (л. 50–52, 54–55 об.) содержатся черновые заметки «О дипломатике»¹⁷⁶⁾ без подписи и даты. Судя по почерку и другим данным (в частности, на листах отрывки черногового текста документов Департамента народного просвещения), они написаны Н. М. Михайловским. Причем, намного позже издания книги И. П. Лаптева (которую он упоминает на л. 50, 52, 55 об.), где-то между концом 1830-х и не позднее 1844 г., т. е. до выхода альбома филиграней К. Я. Тромонина, о котором автор заметок не мог бы не отозваться.

Автор заметок, учитывая приведенные данные, — молодой человек (25–29 лет), бедный чиновник (заметки писал на листах бумаги канцелярских черновиков разного формата, используя все свободное место), имеющий образование в объеме духовной семинарии (в отличие от самоучки Лаптева). Заинтересовался историей и начал собирать старинные рукописи и книги. Сетуя на малочисленность своего собрания, он с горечью констатировал ограниченность своих возможностей: «Я не могу сделать труд свой совершенным, по неимению для этого средств. У меня нет для этого достаточного числа книг и рукописей»¹⁷⁷⁾. Надо с сих печатных старых книг снимать клейма (на полях NB. — Ю. А.) для дополнения и пояснения науки Дипломатики» (л. 52 об.).

У него, как начинающего собирателя, связи с коллекционерами были еще слабые. «Известно, — писал он, — что древние книги неохотно отдают другим, их хранят, как зеницу ока, даже многие не показывают. Вот почему в совершенствовании и продолжении труда моего я могу надеяться только на себя, на свои средства, на свои приращения в старинных книгах. Это извиняет и недостаточность настоящего труда моего. Кроме своего мне нечем было пользоваться» (л. 52 об.). Хотя о книге Лаптева Михайловский писал еще в начале заметок, здесь, как мы видим, ни ее, ни коллекцию водяных знаков Лаптева он не упоминает, поскольку речь идет о выявлении филиграней из первоисточников.

Попутно он замечает, что в Публичной библиотеке и Румянцевском музее еще «не принимался за труд», так как днем нет времени, не позволяет служба, «а вечером надо было бы приближать рукописи к огню и днем к окну* — выворачивать листы, делать на них карандашом знаки, выводить их, если фигура недовольно ясна — а все это

¹⁷⁶⁾ Заметки написаны на листах разного формата — канцелярские черновики в лист и обычная бумага в 4° без филиграней. Л. 53 не относится к заметкам, а представляет собой выписку по другой теме из газеты «Северная пчела» за 23 февраля 1863 г., попавшую сюда случайно, поэтому она не может влиять на датировку заметок.

¹⁷⁷⁾ Это еще одно подтверждение более раннего времени написания заметок, так как в 1863–1873 гг. каталог его книг и рукописей составлял уже 102 листа (см.: Ф. 487. Оп. 1. Ед. хр. 40).

* Здесь и далее выделенные слова подчеркнуты автором заметок.

истязания, непозволительно». Однако тут же он пишет, имея в виду собственные книги, что можно «даже пожертвовать иными листами книги, ибо приходится вырезать их (из книги в 4-ю долю) для снятия фигуры. Но привлекаю для пользы, и потеря одного листа не будет важна» (л. 52 об.). Такого настоящий ученый не должен делать. Хотя в истории известны аналогичные случаи манипуляций с источниками.

И тем не менее, отмеченный негативный этический момент не мешает выводу о том, что рассуждения автора «о науке дипломатике» для того времени, а отчасти и для нашего, прогрессивны. Как в названии заметок, так и в тексте, Михайловский вслед за Лаптевым и другими знатоками древностей первой трети XIX в. употреблял термин «дипломатика» в широком его понимании, хотя ученые область изучения внешних признаков рукописей все чаще называли «палеографией». Используя термины «история», «историки» в общем смысле, специалистов по древним рукописям и книгам он определял как «археологи», «археографы», т. е. терминами, распространенными в ученой среде.

Черновой характер записок (постоянно встречающиеся зачеркивания и сокращения слов, порой текст труден для прочтения, ставятся вопросы) подтверждает, что это собственные рассуждения автора, не говоря уже об оригинальности некоторых из них. Рассматривая вслед за Лаптевым процесс датировки старинных рукописей и книг через изучение всех их внешних признаков, автор считает недостаточным ограничиваться только определением почерка, поскольку возможны грубые ошибки. Не исключены ошибки в определении почерка даже одного лица, писавшего в разное время, разных людей одной эпохи; указывается зависимость почерка от возраста, уровня грамотности, профессии, даже национальности; отмечается, как «в уставе и полууставе являлись буквы скорописные, черты скорописные» прежде, чем сформировалась скоропись (л. 50). Предлагается изучать письменность разных народов, и не только славянских («поляков, малороссов, болгаров, сербов, шведов, немцев и прочих»), оказывающих влияние на русское письмо. И «если записные знатоки, археологи, археографы нетвердо судят по почерку, то что сказать о прочих профанах, не посвященных в части старинных почерков» (л. 50 об.).

В связи с возможными ошибками при использовании почерка в датировке рукописей автор считает необходимым обращать внимание на бумагу источников, сменившую прежний материал письма — пергамен, рукописи на котором встречаются не позже XV–XVI вв. Бумагу он делит, как уже тогда было принято («по общим правилам известно»), на «хлопчатую» и «собственно бумагу, т. е. тряпичную». «Вот я предлагаю средство узнавать время рукописи по водяным клеймам. Купец Лаптев в 183... издал по сему предмету сочинение» (Там же).

Книга Лаптева вышла в 1824 г. Михайловский, судя по его запискам и записям в ед. хр. 46, хорошо ее знал, но, видимо, не имея под рукой, запомнил год издания. Это еще раз подтверждает, что записки велись много лет спустя после издания книги Лаптева.

Называя филигранные, как правило, употреблявшимися тогда терминами «клейма», «знаки», он ввел новые — «фигуры», «водяные клейма», «ручные клейма», наконец, «водяные знаки» и «штемпели». Но последние в контексте записок следует понимать не как собственно штемпели, а в общем смысле, как изображения, символы¹⁷⁸). Вот его образная характеристика филигранных: «Водяные клейма это все равно, что штемпель монеты... Клейма суть печати, суть, так сказать, подписи, гербы фабрикантов: этим они увековечивают имя свое в потомстве — это то же, что подписи художников на их произведениях» (л. 51 об.). Николаю Матвеевичу не чуждо эстетическое любование ими: «Уже сами по себе знаки эти достойны любопытства и внимания по их оригинальности, красоте и чистоте, по их изобретению узоров» (л. 51 об.).

Автор заметок не прочь пофилософствовать о том, что человек «подчинен времени и окружающим обстоятельствам», поэтому его жизнь «суть выражение своего времени». В связи с этим рассуждением довольно прямолинейно он предлагал определять и причины появления конкретных филигранных: «Вы наблюдаете житейский быт того времени, вы примечаете, сознаете бывшие действия, обстоятельства, под влиянием коих родились и образовались эти знаки» (л. 51).

Очень важно его наблюдение о необходимости изучать знаки в связи с фабрикой-производителем. К нему он возвращается не раз, заключая: «Итак, клейма могут служить и ключом фабрикации. Они вам скажут, какая фабрика производила в семействе долго, какая мало» (л. 51 об.). Изучение истории филигранных в связи с производившими их фабриками, а не просто как те или иные символы, отметили еще Калайдович, Востоков и Лаптев, но последовательно оно стало практиковаться специалистами только в конце XIX — начале XX в. и позднее определило появление нового течения в филиграноведении.

Автор заметок правильно подметил очень важную деталь, считая невозможным существование даже двух одинаковых знаков («одна фигура не повторяется во времени дважды»), призывал проследить не только изменения их во времени, но и изучить «причину таких перемен, такого разнообразия знаков. Не может быть, чтобы они были различны и характерны без причины. Итак, здесь тоже пособие для историка» (л. 51). Обстоятельства изменения филигранных он делил

¹⁷⁸) «Проходя взором группы штемпелей от древности к новому времени, вы видите течение дел тогдашних, вы чувствуете пружины, заставившие изображать эти знаки» (л. 51).

на внутренние, зависевшие от владельца фабрики и его наследников, и внешние (л. 52). Но во втором случае был слишком прямолинеен в выводах.

Наблюдения Михайловского касались эволюции не только отдельных знаков, но и более общей. Он отмечал, что в прошлом была «иная мода», а на водяных знаках современной бумаги русского производства, кроме фигур имеются буквы, имена, фамилии хозяев, названия фабрик («по примеру Петергофской фабрики»), иногда фигуры отсутствуют (л. 52). В этом Михайловский превзошел К. Я. Тромонина, а также Н. А. Резцова и С. А. Клепикова. Последний в середине XX в. широко показал эту особенность водяных знаков нового времени и положил литеры в основу своего метода описания филигранных.

Считая, что по сюжету и литерам филигранных можно отличить русские и иностранные фабрики, Михайловский ошибался в определении конкретных знаков русских фабрик (естественно, поскольку они еще не были изучены).

Подметил Михайловский и взаимосвязь разных сортов бумаги с имеющимися в них филигранями (л. 51 об. и др.), попытался, правда, неумело показать это на примерах русских филигранных: «Есть знаки орла своей печати, а под низом все-таки буквы. Часто без знаков, одни буквы наверху, если хорошая бумага, и в середине водяные [знаки], если бумага посредственная или худая» (л. 52). Этот вопрос разъяснили только в конце XIX – начале XX в. Н. П. Лихачев, затем Н. А. Резцов.

В своем пособии он ставил задачу, определить «какими знаками отличаются одновременные русские книги от польских, белорусских, болгарских и проч[их]», а также, установить знаки в русских рукописях разных исторических периодов. «Для этого-то и надо, чтобы клейма бумаги изображались при самом описании рукописей, — читаем в заметках. — Тогда составить научные основательные правила, как отличить рукописи». И далее формулирует важную закономерность: «Клейма не могут быть в противоречии с почерком и языком, и местом, и временем»¹⁷⁹⁾ (л. 52). Только юношеский максимализм начинающего исследователя мог продиктовать такие грандиозные задачи, которые не полностью осуществлены и сегодня. А изображение филигранных бумаги описываемых рукописей может стать реальностью только при использовании компьютеров¹⁸⁰⁾.

Положительно оценив выход книги Лаптева, Михайловский подверг критике порядок расположения в ней водяных знаков и пред-

¹⁷⁹⁾ Если же противоречат, то налицо подделка.

¹⁸⁰⁾ См. об этом: *Богданов А. П.* Интенсификация исследований истории бумаги и филигранных // *Филигранологические исследования*: С. 66–67; *Белоконь Е.* Скупой платит дважды // *Сов. культура*. 1989. 23 дек.

ложил свой: «Лаптев расположил фигуры по времени. Для большей пользы от них нахожу, что надо располагать их по группам и по времени. У него смешаны сходные фигуры с другими несходными. Я думаю, что следует их отделять. Тут вы увидите, как долго процветала та или иная фабрика...» (л. 52). Ясно, что в группу автор предлагал объединять «сходные фигуры», т. е. знаки одного сюжета или типа (как мы определяем сегодня), а внутри — располагать «по времени». Именно такой принцип систематизации филиграней был предложен в 1888 г. одним из основоположников филигранологии Ш.-М. Брике¹⁸¹⁾ и принят специалистами. Надо отдать должное Михайловскому, задумавшемуся над сложным вопросом систематизации знаков в альбомах, который не был решен и в последующем альбоме Тромонина. Этот вопрос, а особенно проблема классификации филиграней дискутируются до сих пор, порождая много вариантов.

Автор обращает внимание на то, что, поскольку водяные знаки на листе видны с обеих сторон, важно правильно их определить. Во избежание ошибки, когда один и тот же знак с литерами можно посчитать за два разных, он принял оригинальное решение: «Я нарочно собрание клейм расположил так, чтобы и с той и с другой стороны они были видны, с одной как начертания, а с другой как видимые насквозь» (л. 54). Полезный прием для обучения, но для этого достаточно нескольких примеров¹⁸²⁾. Эта фраза важна не только с точки зрения уяснения принципа расположения филиграней коллекции Михайловского, но и как прямое указание на то, что в то время она уже была у автора. Возможно, с таким решением связана и повторяемость рисунков знаков в ней.

Михайловский ставил и такие задачи: «Обозначить характер киевских, московских, виленских, острожских, львовских, могилевских и других клейм. Обозначить характер клейм по годам в каждом листе из указанных» (л. 55).

Интересно отношение Михайловского к рукописным сборникам. Их он считает непригодными в качестве источников воспроизведения филиграней (кроме тех, что созданы одним писцом), поскольку эти сборники «разногодных и разноместных тетрадей» (т. е. конволюты) при датировке филиграней «только собьют с толку» (что порой случается и сегодня). Однако не исключает изучения сборников на предмет того, «какие годы и какие города попали в один переплет» (л. 55).

¹⁸¹⁾ *Briquet Ch.-M. Papiers et filigranes des Archives de Gênes. 1154 a 1700. Genève, 1888. 2-d ed. in: Briquet's Opuskula. Hilversum, 1955. (Monumenta... Vol. IV).*

¹⁸²⁾ Напомним, что в книгах Лаптева и Янсена встречаются перевернутые буквы филиграней или повернутые в другую сторону изображения. Это не результат ошибки составителей, а буквальное воспроизведение знаков из перевернутых листов источников. Тромонин в своем альбоме «выправил» некоторые из них.

По мнению Михайловского, главное внимание при изучении водяных знаков одного типа (например, «свинья», «кувшинчик») следует обращать на изменения в самой фигуре, а не в ее обрамлении. «Замечено, — писал он, — что рамки или круги, правильные и неправильные, простые и фигурные, редко делают чувствительной разницы ни в месте, ни во времени клейм. Этими правилами можно иногда руководствоваться при разыскании времени и места клейм в печатных книгах и рукописях» (Там же). Однако вопроса деформации черпальных форм как одной из причин изменения филиграней он не ставил. Приглашая «собирателей рукописей» изучать водяные знаки, он не скрывал трудностей этой работы: «Конечно, это труд нелегкий — кропотливый, медленный, требующий терпения, времени и умения» (л. 52 об.). Последние записи представляют собой замечания о конкретных водяных знаках собрания Михайловского, сравнение их со знаками в других источниках, в том числе лаптевских. Они отражают его терминологию названий филиграней и данные использованных источников. Приведем примеры (л. 55, 55 об.): «Шестиугольный крест — совершенно подобный виленскому, только несколько поменее, встречается в немецких книгах, печатанных в 1493 г. (какой отсюда вывод?)»; «большие весы в кругу, имеющие наверху над двумя кружками большую неправильную звезду, — можно считать клеймом краковским и виленским — в начале XVI в.»; «длинный шут рогатый с висящими тремя шарами и с (слово неразборчиво. — Ю. А.) из острых углов с шарами — замечается вместе со свиньей, т. е. в виленских изданиях»; «подчиватель» — о филигрань «Аламода», состоящей из «мужской и женской фигуры — у первой в руке рюмка, у последней — цветок»; «Также фигура, изображающая подобие 8 цифры осемь (8) с рамкою верхней половины и с крестиком наверху»; «Рог изобилия (см. по Лаптеву № 1636 г.) под короной и в рамке (в книге Лаптева, табл. 17, «Герб Базеля». — Ю. А.) — одного по месту происхождения с кувшинчиками» и, конечно, разновидность знака, часто упоминаемого исследователями, — «Бычья голова с змеею на кресте, а также с змеею на шесте, на котором находится семиугольная звезда, — встречена в печатанной в городе Бамберге книге в исходе 15-го столетия». На этом записи обрываются.

Изученных материалов, на наш взгляд, достаточно, чтобы сделать вывод о том, что даже предварительные, черновые заметки Михайловского говорят о серьезных не только намерениях, но и возможностях их автора, о попытках обобщения филиграноведческих наблюдений. Он хорошо ориентировался в вопросах истории материала для письма и, в отличие от Лаптева, счел нецелесообразным объяснять ее — наступают уже 1840-е годы, накапливаются статьи по этому вопросу.

Как и Лаптев, понимая необходимость комплексного подхода при датировке рукописей, он сначала подробно останавливается на вопросе о почерке. Учитывая недостаточность применения этого палеографического признака, Михайловский все внимание сосредоточил на филигранях. История филиграней рассматривается им не просто как изменения символов, а в тесной связи с жизнью, с бумажным производством в той или иной стране и сменой марок бумаги владельцами. Автор указывает на значение водяных знаков не только для датировки рукописей, но и для истории бумажных фабрик.

Он подметил особенности знаков русской бумаги с литерными обозначениями. Выдвинул задачи: установить знаки бумаги рукописей разных периодов русской истории и показать различия филиграней, использованных в бумаге рукописей и книг в других странах. Кстати, о необходимости привлечения иностранных публикаций в русских альбомах филиграней ранее писал К. Ф. Калайдович.

Признавая заслуги Лаптева, постоянно сверяя свои филигранные с лаптевскими, Михайловский подверг критике систематизацию водяных знаков в его книге и внес свои важные предложения. Более точен он был и в терминологии, впервые употребив (еще до Н. П. Лихачева) термин «водяной знак».

Заметки «О дипломатике» не только подтверждают наличие коллекции водяных знаков у ее автора, но и позволяют заглянуть в лабораторию работы над ней, понять его размышления о филигранях, предвосхищающие многие положения в работах специалистов конца XIX–XX в. Эти заметки вместе с альбомом знаков, будь они завершены и опубликованы, смогли бы стать новым серьезным пособием для палеографов, по кругу вопросов и их разработанности, по числу воспроизведений знаков, превосходящим книгу И. П. Лаптева, а возможно и К. Я. Тромонина. Сам факт предполагавшегося пособия на базе большой коллекции водяных знаков примечателен для отечественного филиграноведения конца 1830-х – начала 1840-х годов.

Отметим, что, несмотря на большое число публикаций филиграней и литературы о них, после трудов Н. П. Лихачева обобщающей работы по филиграноведению у нас так и не создано.

Если вопрос о комплексе источников воспроизведения филиграней коллекции Михайловского, послужившей базой и для его наблюдений в заметках, более или менее ясен, то о литературе, которой он пользовался на этом этапе работы, данных в ней нет, кроме упоминания книги Лаптева и книги, напечатанной в 1462 г. в Бамберге, на которую часто ссылались ученые — публикаторы филиграней. Однако его собрание (ф. 487, оп. 2), каталоги и описания рукописей и книг (там же, оп. 1, ед. хр. 40) свидетельствуют, что он имел не только ценные древние рукописи и старопечатные книги, но и важнейшие публикации исторических документов, первые издания описаний крупнейших

собраний рукописей и книг, курсы русской истории, труды и записки разных обществ, Энциклопедический лексикон Плюшара и другую справочную литературу, в том числе на иностранных языках, т. е. был знаком с важнейшей исторической литературой своего времени. Но это произошло позднее периода написания заметок, когда его собрание достигло солидных размеров.

Рассмотренная коллекция и заметки «О дипломатике» Н. М. Михайловского дают уникальную возможность проследить влияние книги И. П. Лаптева не только на развитие русской палеографии вообще, как первого пособия по привлечению водяных знаков к датировке рукописей, но и ее влияние на научные увлечения одного из любителей древностей из круга чиновничества. Более высокий уровень образования Михайловского, навыки исторического исследования, служба в Министерстве народного просвещения, Археографической комиссии, Петербургском университете, в Академии наук, позволявшая работать с книгами и рукописями, встречаться с историками, археографами, наконец, использование книги Лаптева и коллекции его филиграней, наряду с преимуществами молодого возраста (25 лет), в котором Михайловский занялся филигранями, обеспечили и крупный объем его коллекции водяных знаков, и критическое отношение к наследию Лаптева, и более широкие (отчасти максималистские) задачи будущего пособия.

Мы не знаем, почему, несмотря на все имеющиеся предпосылки, Михайловский не завершил работу. Можно предположить, что сорвал планы молодого коллекционера, только начинавшего исследование филиграней, выход в Москве в 1844 г. сводного альбома К. Я. Тромонина. Он состоял из 1827 знаков, включавших рисунки, выявленные самим составителем, а также взятые из книг Янсена и Лаптева. Пространное, в отличие от книги Лаптева, предисловие содержало и некоторые основные вопросы, которые ставил в своих заметках Н. М. Михайловский.

Приведенные материалы позволяют заполнить пробел в истории филиграноведения между деятельностью И. П. Лаптева и К. Я. Тромонина. Они убедительно показывают не только распространение филиграноведческих знаний среди знатоков-любителей, но и умение некоторых из них подняться до научного понимания значения филиграней в палеографии. Упомянем еще одну коллекцию филиграней (ее составитель неизвестен), в которой использована книга Лаптева. Коллекция обнаружена в ОР РНБ и называется: «Сборник бумажных знаков, составленных по разным источникам: Фишеру, Янсену, Лаптеву, Тромонину с прибавлением знаков, вновь снятых со старинной бумаги разных годов»¹⁸³⁾. Здесь среди 214 копий водяных знаков

¹⁸³⁾ ОР РНБ. ОЛДП. Q. 701. К сожалению, несмотря на все усилия В. М. Загребина, просмотревшего по нашей просьбе, подпись составителя сборника («Бумажные знаки

все 150 рисунков из книги Лаптева «Опыт». Судя по названию, она представляет собой часть готовившегося сводного альбома филигранных, как выявленных из древних рукописей, так и опубликованных в России и за рубежом.

Х. М. Лопарев в своем описании черновой рукописи И. П. Лаптева отметил: «Кроме этого списка, следует указать и на другой, списанный с него и некоторых других и хранящийся в Обществе же...» (далее следует название упомянутого «Сборника»)¹⁸⁴. И хотя он тут же привел название книги Лаптева с ее выходными данными, вывод почему-то сделал неточный — об использовании для «Сборника» рукописи, а не книги Лаптева. В коллекции же «Сборника» дана точная отсылка на воспроизведение знаков из книги Лаптева. Неточность формулировки возникла, видимо, из-за присоединения «Сборника» к описанию лаптевской рукописи (под одним номером).

«Сборник» — третья попытка (после П. К. Фролова и К. Я. Тромонина) в России первой половины XIX в. создать сводный альбом водяных знаков.

К сожалению, как это часто случается в истории, большая работа, проделанная Н. М. Михайловским, не была закончена, как не осуществились и желание Лаптева издать более совершенное пособие, и попытки Фролова и неизвестного составителя вышеуказанного «Сборника». Их подготовительные материалы остались невостребованными. Но тенденция широкого и глубокого изучения бумажных водяных знаков продолжала развиваться. Она выражалась в создании все более крупных коллекций филигранных рукописей и старопечатных книг, их изучении для подготовки нового пособия, в отдельных публикациях знаков в научных работах и в их использовании при описании рукописей.

Подспудная работа по изучению бумажных водяных знаков, не всегда заканчивавшаяся изданием ее результатов, имела большое значение для становления вспомогательных исторических дисциплин в первой трети XIX в., расширения круга исследователей и используемых ими средств и методик. Для этого периода особенно плодотворным является изучение, кроме опубликованных работ, сохранившихся в архивах неизданных рукописей и подготовительных материалов как ученых, так и мало или совсем неизвестных знатоков-любителей. Они дают дополнительные данные о влиянии научных

собрал...») в инфракрасных лучах, установить его фамилию не удалось. Но ясно, что эта попытка предпринималась уже после выхода альбома К. Я. Тромонина 1844 г. и до издания труда Н. П. Лихачева 1891 г. (поскольку среди перечисленных в названии «Сборника» фамилии последнего нет). По инвентарным книгам фонда ОЛДП дело с материалами «Сборника» поступило в марте 1905 г.

¹⁸⁴ Лопарев Х. М. Описание рукописей Императорского Общества любителей древней письменности. СПб., 1893. Ч. II. Рукописи в четвертку. С. 75. № XLVIII (1055).

исследований не только на специалистов — историков, палеографов и археографов, но и на непрофессионалов, поднявших до научного понимания проблем и в ряде случаев и областей, как это и произошло с филиграноведением, внесших свой весомый вклад в первоначальный период его развития.

Список сокращений

АЕ	— Археографический ежегодник
БАН	— Библиотека Академии наук (РАН)
ВГИАХМЗ	— Вологодский государственный историко-архитектурно-художественный музей-заповедник
ВГПИ	— Вологодский государственный педагогический институт (ныне: ВГПУ)
ВГПУ	— Вологодский государственный педагогический университет
ВЗ	— водяной знак (филигрань)
ВИД	— Вспомогательные исторические дисциплины
ГАВО	— Государственный архив Вологодской области
ГБЛ	— Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина (ныне: РГБ)
ГИМ	— Государственный исторический музей
ЖМНП	— Журнал Министерства народного просвещения
ИПБ	— Императорская публичная библиотека (ныне: РНБ)
МАКИД	— Московский архив Коллегии иностранных дел
ОЛДП	— Общество любителей древней письменности
ОР БАН	— Научно-исследовательский отдел рукописей БАН
ОР ГИМ	— Отдел рукописей и старопечатных книг ГИМ
ОР РГБ	— Научно-исследовательский отдел рукописей РГБ
ОР РНБ	— Отдел рукописей и редких книг РНБ
ОРЯС	— Отделение русского языка и словесности Императорской Академии наук
ОСРК	— Основное собрание рукописных книг
ППМВО	— Памятники письменности в музеях Вологодской области
ПСРЛ	— Полное собрание русских летописей
ПС	— Предварительный список славяно-русских рукописей
РАН	— Российская Академия наук
РГА ВМФ	— Российский государственный архив военно-морского флота
РГАДА	— Российский государственный архив древних актов
РГБ	— Российская государственная библиотека
РГИА	— Российский государственный исторический архив
РКСП	— Рукописные книги собрания М. П. Погодина

- РНБ — Российская национальная библиотека
- РС ГБЛ — Рукописные собрания Государственной библиотеки
- СГД — Собрание государственных грамот и договоров
- СК — Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР. XI–XIII вв. (ныне: Сводный каталог славяно-русских рукописных книг России, стран СНГ и Балтии)
- СПб ФА РАН — Санкт-Петербургский филиал Архива РАН
- ТГИМ — Труды Государственного исторического музея
- ТМГИАИ — Труды Московского государственного историко-архивного института
- ТОДРЛ — Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинского Дома) Академии наук СССР (ныне РАН)
- ЦГИА СПб — Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга
- ЧОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете
- Monumenta — Monumenta Chartae Papiraceae Historiam Illustrancia

Именной указатель

А

- Абрамов К. И. 122
Аверин К. И., зарайский купец, книго-
торговец 177
Аксенов А. И. 11, 33
Актов, собрание 171
Александр Невский, князь 190
Александр I, император 59, 64, 93
Алексеев В. А. 100
Аллер С. И. 82
Амвросий, архимандрит 26
Амосов А. А., историк, филиграновед
77, 165–167, 189, 190, 207
Анастасевич В. Г. 6, 87, 90, 124, 223,
232
Андреев Филипп, коллекционер 133,
141, 208, 210
Андреева Т. В. 5, 12, 38, 157
Андриатис 138
Андрюшайтите Ю. В., историк, фили-
грановед 3, 5, 32, 100, 103, 160,
200
Антиох 133
Антоний Ари[...]вский 134
Апарин, книготорговец 208
Апполон *см.* Лаптев А. И.
Аристин 231
Арсеньев К. И. 84, 85
Афанасьев М. Д. 170
Афиани В. Ю. 80
Ашер Адольф, книготорговец 208

Б

- Бабушкин И. В. 166
Бальмонт К. Д. 170
Бантыш-Каменский Н. Н. 21, 25, 77
Баранович Лазарь 139, 143
Бардуков, владелец рукописей 208
Барон Брамбеус *см.* Сенковский О. И.
Барсов Е. В. 42
Барсуков Н. П. 6, 88, 89, 105, 175–178,
180, 184, 188, 194, 211
Батюшков К. Н. 90
Баузе Ф. Г. 44
Безсонов П. 149, 150
Белозеров Н. И., бумажный фабрикант
75
Белоконь Е. А., палеограф, филигра-
новед 251

- Белоненко В. С. 167
Беляев (Биляев) А. В., коллекционер
водяных знаков, нумизмат 48,
211, 212, 247
Беляев И. Д. 225, 226
Белякова Е. В. 10
Берында Памва 137, 143
Бецкий И. И. 242
Беченикова Гликерия Стефановна
(Степановна), купеческая дочь
см. также Лаптева Г. С. 56, 57
Биржакова Е. Э. 17
Бируков А., цензор 122
Блудов Д. Н., граф 190
Бова 170
Богатырев П. Г. 100
Богданов А. П., историк, филиграновед
3, 4, 33, 129, 131, 160–162, 251
Бодянский О. М. 194, 195
Божидар Вукович, воевода 181
Бокачев Н. Ф. 171, 175
Болотов Д. Ф., купец, владелец руко-
писей 185, 190, 198
Болтин И. Н. 78
Болховитинов Е. А. *см.* Евгений
Большаков Т. Ф., книготорговец 155,
173–182, 188, 194, 195, 198
Бороздин К. М. 78, 168
Боцяновский В. 166
Брике Ш.-М., бумажный фабрикант,
основоположник филиграноведения
см. также Briquet Ch.-M. 13,
39, 143, 155, 159, 163, 237, 252
Брокгауз Ф. А. 6, 7, 157, 208, 217
Брусилевский И. И. 75
Брусилов Н. П., вологодский губерна-
тор 75, 128
Буланин Д. М. 144
Булгарин Ф. В. 6, 152
Бурцев А. Е. 156
Быкова Т. А. 136, 141, 145
Бычков А. Ф. 9, 175, 181, 183, 185,
189, 196
Бюлер Ф. А., директор МГАМИД 39

В

- В. А. *см.* Анастасевич В. Г.
Вайс В., немецкий бумаговед
см. также Weiss 130

- Валк С. Н. 4, 194, 217, 219
 Варварич Г. Е. 136, 140, 141
 Варехова С. И. 10
 Варлаам, митрополит 134
 Василий 181
 Василий Васильевич Темный, великий князь 194
 Василий Великий 135, 145, 216, 224, 235
 Василий Гагара 181, 196
 Василий Давыдович, князь ярославский 26
 Васильев Федор, переписчик 241
 Васильев Яков, книготорговец 208
 Васильев, петербургский домовладелец 85
 Васильев Ю. С. 169
 Васильченко В. Е. 122, 166
 Величко С., украинский летописец 176, 177, 195
 Венгеров С. А. 6, 157, 239
 Вергилий 80
 Верс Георг-Фридрих *см. также* Wehrs 24, 25, 104, 149
 Веселовские А. и А. 165, 169
 Визирь Н. П. 141
 Виктор А. Е. 191
 Виртембергский А., герцог, нумизмат 87
 Владимир, князь 219, 220
 Войнова Л. Л. 17
 Волконский П. М., князь, министр Императорского двора 90–93, 189, 190, 215–217
 Волчков С., переводчик 16, 17
 Волынка, сын, книготорговец 208
 Вольфцун Л. Б. 10, 59, 91
 Востоков А. Х., лингвист; коллекционер филиграней 6, 14, 29, 30, 32, 36, 37, 46, 47, 49–51, 54, 86, 89, 118, 129, 143, 147–153, 191, 193, 213, 221, 223, 224, 230, 247, 250
 Всеволод Мстиславич, князь новгородский 19
 Вяземский А. А., князь, нумизмат 87
 Вяземский П. П., князь, собрание 182
- Г**
 Гагарин Ф. Г., князь, нумизмат 88
 Галушко М. В. 146
 Гальченко М. Г. 26
 Ганка В. В. 50
 Гарелин Н. Ф. 122
- Гаттерер И. Хр. 19–21, 77
 Георгий Победоносец, св. 95
 Георгий Черноевич *см.* Черноевич Георгий
 Гераклитов А. А., книговед, филиграновед 4, 160, 161, 197
 Герберштейн С. 38
 Гизель Иннокентий 140, 143
 Глаголева О. Е. 170
 Глеб Переяславский, князь (монета) 88
 Глинские, князья 242
 Глушков Алексей, книготорговец 185, 186, 207
 Гоголь Н. В. 178
 Голицын Д. В., князь, московский генерал-губернатор 92, 95, 176
 Голицын Н. Н., князь 174
 Голубева О. Д. 30, 37, 50, 51, 78, 90, 92
 Горский А. В. 41, 226
 Градова Б. А. 10, 105
 Гранстрем Е. Э. 141, 144, 241
 Григорий Богослов 181
 Григорий Двоеслов 181
 Григорий, иеромонах 42
 Григорий, папа Римский *см.* Григорий Двоеслов
 Григорович В. И., славист 181
 Григорович И. И. 39
 Громов Г. А., купец, владелец рукописи 133, 141, 207, 228, 229
 Громов *см.* Громов Г. А.
 Громова А. 170
 Гусева А. А. 132, 141, 146, 147
- Д**
 Даен М. Е. 76
 Даль В. И. 24, 176
 Дамаскин Иоанн 41
 Дамаскин Петр 203, 233
 Дамаскинов Скара 133
 Даниил, игумен 181
 Даниил, митрополит 231
 Дельвиг А. А. 122
 Денгин Петр, устюженский купец, владелец рукописи 167
 Денне Р. С., английский публикатор филиграней 33, 159, 161
 Деньгин А., вологодский купец 80, 167
 Дианова Т. В., книговед, филиграновед 4, 9, 10, 17, 132, 247
 Диакторский П. А. 6, 7, 55, 80, 157

Димитрий (Туптало Д. С.) Ростовский 140
 Димитрий Александрович, князь новгородский 220
 Дионисий Ареопagit 142
 Добрецов, коллекционер 142
 Добровский И. 50
 Долгоруков П. В., князь 80
 Долгоруков С. В., князь, нумизмат 88
 Доленга-Ходаковский З. Я. 80
 Дорофей, авва 138

Е

Е[в]харест, сын П. Ф. Лаптева 58
 Евгений (Болховитинов Евфимий Алексеевич), епископ вологодский 19–22, 24, 30, 36, 50, 51, 77, 78, 80, 81, 118, 169, 217, 234
 Егоров Е. Е., собрание 99, 191, 193, 218, 221, 226
 Екатерина II, императрица 47, 75, 87, 180
 Елохина Т. У. 84
 Епанешников, домовладелец 97
 Еремеев С. А., нумизмат 48, 86, 87
 Ермолаев А. И., палеограф, филиграновед 14, 24, 27, 36–38, 43, 46, 50, 52, 54, 78, 90, 92, 121, 168, 171, 190, 216
 Ефрем Сирин 139, 143, 177
 Ефремов[...] 132
 Ефрон И. А. 6, 7, 157, 208, 217

Ж

Жансен А. см. Янсен Хендрик
 Жуковская Л. П., лингвист, филиграновед 11, 19, 21, 33, 34, 37, 160

З

Загребин В. М., историк, филиграновед 10, 95, 105, 141, 188, 228, 230, 255
 Загряжский Н. А. 9, 173, 178, 179
 Зайцев В. В. 75
 Засецкий А. А., вологодский помещик, историк 72, 73, 75, 78, 81, 82, 169
 Засодимский М. А., вологодский краевед, переводчик 80
 Зернова А. С. 135, 138, 139, 144, 146, 147, 166
 Зиновий Отенский 107, 109, 190, 209, 233, 236

Зонара Иоанн 222, 231
 Зосима см. Зосима З. П.
 Зосима Зой Павлович, греческий дворянин, владелец рукописей 90–95, 190, 206

И

Иван Александрович, князь смоленский 25, 26
 Иван Васильевич III, великий князь 38, 39, 194
 Иван Васильевич Грозный, великий князь 78, 189, 195, 207
 Иванов Иван, книготорговец 183
 Иванов Д. И., чертежник 78
 Иванова Климентина 7, 188
 Иванова К. И., болгарский исследователь 7, 171, 172, 174, 181, 185, 188, 199, 203, 208, 218, 226, 228, 230, 232
 Иванова-Константинова Кл. И. см. Иванова К. И.
 Иваск У. Г. 72, 157, 171, 175, 208
 Ивашко Осифов сын, вологодский вкладчик книги 166
 Иконников В. С. 88, 156, 171, 193, 195, 196, 228
 Иоанн см. Иоанн Васильевич, Иван Грозный
 Иоанн Васильевич, Иван Грозный 27, 39
 Иоанн Златоуст 136, 137, 143, 145
 Иоанн Лествичник 143, 185
 Иоанн Мазепа, гетман (водяной знак) 45
 Иоанн Постник 8, 225, 231
 Иоанн Предтеча 133
 Иоанн, экзарх Болгарский 41, 125, 149
 Иосиф Волоколамский 231
 Иосиф, патриарх Московский 227, 232
 Ипатий Потей 136
 Исаак Сирин 185, 186, 199, 203, 233
 Исаев Николай, книготорговец 183
 Исаев Н. см. Исаев Николай
 Искуль С. Н. 4

К

Казакова Н. А. 77
 Кайданова Е., бумажный фабрикант 106, 202

- Калайдович К. Ф., историк, филиграновед 7, 11, 14, 21, 22, 24–28, 32, 33, 38–41, 44–46, 50, 51, 118, 119, 125, 147, 149–152, 219, 231, 236, 250, 254
- Калачов Н. В. 196
- Калинин Семен Гаврилович, петербургский купец 234
- Калистратов М. П., петербургский книготорговец 183
- Калугин Ф. 233, 234
- Каменева Т. Н. 141
- Каменцева Е. И. 11
- Камкин А. В. 73, 74, 166, 223
- Карамзин Н. М. 22–26, 37, 81, 103, 104, 113, 128, 149, 219, 220, 226, 227
- Каратаев И. П. 143, 171, 181, 196, 198
- Картавов П. А. 15, 104
- Карташов С. Ф., клинцовский купец, владелец рукописей 191
- Кастерин А. И., книготорговец 177, 180, 181, 183
- Кафенгауз Б. Б. 195
- Каченовский М. Т. 21, 22, 24
- Каштанов С. М., историк, филиграновед *см. также* Kachtanov S. M. 10, 20, 157
- Кеппен П. И. 6, 26, 27, 29, 46, 47, 50, 51, 144, 145, 147, 150–152, 171, 196, 217
- Кеппен Ф. П. 27, 150, 151
- Кизлык А. Д. 146
- Кирилл 41
- Кирилл Иерусалимский 227
- Кирилл Транквилион (Транквилиск) 140
- Кирилл, митрополит 222, 232
- Киселева Л. И. 199
- Клепиков С. А., книговед, филиграновед *см. также* Klerikov S. A. 3, 4, 18, 99, 104, 122, 155, 159, 160, 200–203, 212, 247, 251
- Климов Григорий, новолодожский крестьянин, владелец рукописи 185, 207, 208, 210, 228–230
- Климов Г. *см.* Климов Григорий
- Клокачев А. Ф., вице-адмирал, вологодский губернатор 128
- Клосс Б. М., историк, филиграновед 7, 90, 92, 94, 95, 150, 189, 207, 216, 231
- Князевская О. А. 26, 227
- Кобяк Н. А. 189
- Козина Г. Н. 8, 10, 55, 56, 65, 66, 74–76, 81
- Козлов В. П. 5, 7, 11, 12, 18, 19, 21, 38, 44–46, 80, 103, 122, 149, 150, 167–169, 172, 191, 199, 208
- Козловский Василий, переводчик 184
- Козма Индикоплов 134
- Кокстон В., английский первопечатник *см. также* Saxton W. 32
- Колесников П. А. 7, 8, 75–77, 165, 168
- Колесов М. Ф., вологодский купец, бумажный фабрикант 75
- Комиссаренко А. И. 59
- Коновалов Ф. Я. 7, 74, 75, 77, 78, 128, 167
- Константин Багрянородный 95
- Копанев А. И. 84, 85
- Копитар В. 50
- Корнелий Непот 242
- Костюхина Л. М., палеограф, филиграновед 4, 9, 10, 132, 143, 199, 247
- Котляревский А. А. 156, 157
- Кочубей В. П., князь, министр внутренних дел 64, 65
- Кочубинский А. А. 80
- Кочуев А. К., ярославский купец, библиотека 191
- Кошелев А. И. 225
- Кошелевы 9, 225
- Крестинин В. В. 168
- Круг Ф. И. 22
- Круглов, владелец рукописи 208
- Крутова М. С. 7, 58, 82–84, 95, 99, 100, 107, 127, 170, 172, 179–181, 191, 200, 218, 219, 223, 224, 226, 228, 230
- Куев К. 227
- Кузмин Василий, книготорговец 142, 209
- Кузмин В. *см.* Кузмин Василий
- Кузьмин Григорий Селиверстов, петербургский книготорговец 88, 171, 180, 181
- Кузьмин Г. С. *см.* Кузьмин Григорий Селиверстов
- Кукушкина В. В. 84
- Кукушкина М. В., историк, филиграновед 4, 9, 10, 15, 18, 35, 75, 104, 202
- Куманин А., бумажный фабрикант 202
- Куприянов Леонтий, книготорговец 208
- Кутина Л. Л. 17
- Кучкин В. А. 26

Л

- Лаврентий, монах 124
 Лавровский Еким, книготорговец 208
 Лазарчук Р. М. 80
 Лаланд Ж.-Ж. 30
 Лаптев Аврам, сын И. А. Лаптева
 «большого» 58
 Лаптев Александр, сын И. А. Лаптева
 «меньшего» 59
 Лаптев Алексей, сын И. А. Лаптева
 «меньшего» 59
 Лаптев Аполлон (Аполоний) Иванович, петербургский купец, сын И. П. Лаптева 66, 85, 90, 94, 96, 107, 109, 112, 114, 121, 142, 182, 189, 203, 204, 216, 233, 234
 Лаптев Василий Федотович, петербургский купец 85
 Лаптев Иван Аврамович «большой», вологодский купец 58, 59, 69, 81
 Лаптев Иван Аврамович «меньшой», вологодский купец 65
 Лаптев Иван Аврамович «меньшой», вологодский купец 58, 59, 65, 71, 80
 Лаптев Иван Иванович, владелец рукописи 191
 Лаптев Иван Иванович, сын И. П. Лаптева 96
 Лаптев Иван Петрович, вологодский, затем петербургский купец, автор первой книги о водяных знаках (по всей книге) *см. также* Lanteff, Laptief
 Лаптев Николай, сын И. А. Лаптева «большого» 58, 59
 Лаптев Павел, сын И. А. Лаптева «большого» 58
 Лаптев Петр Федорович, вологодский купец 56, 58
 Лаптев Петр Федорович, вологодский мещанин 56
 Лаптев Петр Федорович «меньшой», вологодский купец 56
 Лаптев Яков, сын И. А. Лаптева «большого» 58
 Лаптева Авдотья Васильевна, жена (вдова) И. П. Лаптева 85, 87, 96, 97, 125, 180, 182
 Лаптева Анна Сергеевна, жена (вдова) И. А. Лаптева «большого» 58, 69
 Лаптева Гликерия Стефановна (Степановна), мать И. П. Лаптева 56, 57
 Лаптева Дарья Степановна, жена П. Ф. Лаптева 56
 Лаптева Елизавета (ред. «Уранию») 80
 Лаптева Елизавета Ивановна, дочь И. П. Лаптева 13, 66, 83, 96, 99, 107, 142, 226, 235
 Лаптева Елизавета Николаевна, воспитанница дворянина Н. С. Лаптева 80
 Лаптева Елизавета, дочь И. А. Лаптева «меньшого» 59, 80
 Лаптева Наталья Ивановна, дочь И. П. Лаптева 96
 Лаптева Наталья Федоровна, жена И. А. Лаптева «меньшого» 59
 Лаптева Ольга Ивановна, дочь И. П. Лаптева 13, 36, 66, 81, 83, 91, 93, 96, 100, 101, 104, 105, 107, 119, 125, 126, 142, 150, 190, 197, 198, 205, 206, 234, 236, 245
 Лаптева Пелагея, дочь И. А. Лаптева «большого» 58
 Лаптева Пелагея Васильевна, петербургская купчиха 85
 Лаптева Серафима Ивановна, дочь И. П. Лаптева 96
 Лаптевы Михаил Аполлонович и Петр Аполлонович, внуки (?) И. П. Лаптева 85
 Лаптевы, дворяне 58
 Лауцвиочиус Э. Т., литовский историк культуры, филолог *см. также* Laucevičius 10, 100, 122, 146, 197
 Левис (Льюис) Дж., первый английский публикатор филиграней *см. также* Lewis John 32, 105
 Левшин В., переводчик 16
 Лелевель И., польский историк, публикатор филиграней 161
 Леон, митрополит 220
 Леонид (Кавелин), архимандрит 193, 222
 Лившиц А. Л. 32, 132
 Лисенко Г. И., нумизмат 87
 Лихачев Н. П., историк, основоположник филологического введения *см. также* Likhachev N. P. 4, 6, 12, 13, 15, 17, 18, 30–33, 35, 36, 39, 41–43, 47, 48, 75, 115, 131, 133, 140, 153, 154, 156–158, 160–164, 189, 202, 207, 222, 251, 254, 256
 Лопарев Х. М. 105, 256
 Лопухин П. В., князь, нумизмат 87

Лохвицкий А. В. 226
 Лохина Т. В. 242
 Лукьяненко В. И. 133, 135, 141, 144,
 145, 181
 Любимов В. П. 7, 82, 107, 108, 193,
 199, 220–222
 Людин Гарасим, владелец рукописей
 209

М

Магницкий М. Л., попечитель Казан-
 ского учебного округа 150
 Мазепа Иоанн, гетман 45
 Мазурин Ф. Ф., собрание 189, 193
 Майминас Е. З. 10
 Макарий Антиохийский, патриарх 232
 Макарий Египетский 137
 Макарий, иеромонах 133
 Макарий, митрополит 231
 Максим Грек 207, 234
 Максимович Л. 220
 Максимович М. А. 177
 Малинина Н. Н. 10
 Малиновский А. Ф., директор
 МГАМИД. 25, 46, 147
 Маматова Е. П., филиграновед 162
 Мамонич Лукаш, печатник 197
 Мамоничи 144, 145
 Мартин, монах 240
 Мартынов И. Ф. 167, 170
 Мартьяновы, купцы, бумажные фабри-
 канты 75
 Масанов И. Ф. 242
 Матфей, евангелист 225
 Мацюк О. Я., украинский историк, фи-
 лиграновед 146
 Мелетий, патриарх Александрийский
 136, 143
 Мефодий 41
 Мещерские, князя 242
 Миллер Г. Ф. 194, 195
 Миловидов А. И. 136, 137, 141, 144
 Миницкий С. И., генерал-губернатор
 127, 128
 Мироненко М. П. 32
 Михаил Федорович, царь 226, 227
 Михаил, тверской князь 23
 Михайлов Б. Г. 71
 Михайлов Н. Ф., калужский надвор-
 ный советник, владелец рукописи
 189
 Михайловский К. см. Михайлов-
 ский Н. М.

Михайловский Н. М., чиновник, фили-
 грановед, владелец собрания 9,
 19, 48, 49, 78, 155, 189, 200–203,
 210–212, 238–248, 250–256
 Могила Петр 138
 Модзалевский Л. Б. 124
 Морозов Б. Н. 132
 Морозов В. В. 77
 Морозова Л. Е. 107, 200, 233, 234, 236,
 237
 Морозова Н. А. 189
 Мохначева М. П. 80
 Мошин В. А., историк-славист, фили-
 грановед см. также Mošin V. 11,
 100, 148, 163
 Мошкова Л. В. 26
 Мстислав Владимирович, великий
 князь 19, 78
 Мстиславец П. Т., печатник 45
 Муравьев А. В. 129, 159
 Муралов Осип Осипович, книготорго-
 вец 208
 Мурзанова Н. М. 104
 Мурр Х.-Г., фон, немецкий публикатор
 филиграней 32, 33, 105, 159, 161
 Мусин-Пушкин А. И., граф 11, 19, 25,
 33, 34, 119, 120
 Муханов П. А., археолог, публикатор
 филиграней 32
 Мыльников А. С. 37
 Мясников Кондратий, купец, владелец
 рукописи, воспроизводил водя-
 ные знаки 39, 47, 49
 Мясников Матвей Николаевич, кра-
 евед, владелец собрания 168, 169
 Мясников Николай Иванович, его отец
 169
 Мясников М. Н. см. Мясников Матвей
 Николаевич
 Мясоедов А. Е., контр-адмирал 61

Н

Насонов А. Н. 160
 Нащокины, князя 242
 Невоструев К. И. 41, 226
 Немировский Е. Л. 44, 146, 147, 191
 Неофит, архиепископ 169
 Непейцын, купец 61
 Непот Корнелий 242
 Нестор, летописец 40, 124, 176
 Нефедов, книготорговец 142
 Никифоров Е. Г. 12
 Николаева А. Т. 11

Николай Чудотворец 191
 Николай I, император 93
 Никон Черногорец (Черногорский, Черные горы) 88, 133, 136, 143–145, 177, 183, 185, 191, 206, 218, 223–230, 238
 Нистрем К. М. 84, 85
 Нифонт Крутицкий, епископ 221
 Нифонт, игумен Иосифова монастыря 231
 Новиков Н. И. 76
 Новиков С. С., владелец рукописи 184
 Новосельский А. А. 160
 Новосильцев Н. Н., граф 24, 59, 61, 65

О

Озеринин Н. В. 75
 Оленин А. Н., директор ИПБ, первая публикация водяных знаков 14, 21, 25, 27, 33–39, 42, 43, 46, 51, 53, 77, 78, 85, 90–94, 119, 120, 122, 158, 189, 190, 215, 217
 Оленины 9, 90
 Ольхин Александр, бумажный фабрикант 203, 212
 Орлова О. В. 76
 Осипов, книготорговец 183
 Осминский Т. И. 75
 Отто Н. 76

П

Павел, апостол 137
 Паисий Александрийский, патриарх 232
 Панов Л. С. 7, 74, 75, 128
 Паньков, владелец рукописи 209
 Пашков А. М. 78, 169
 Пелевин, книготорговец 142
 Перетц В. Н. 242
 Петр Великий, император 45, 60, 64, 70, 150
 Петр Могила 138
 Петров Ефим Саввич, коллекционер водяных знаков 48, 49, 53, 136, 141, 203, 207, 208, 211, 212, 214, 247
 Петров Е. С. см. Петров Ефим Саввич
 Петров Иван Яковлевич, петербургский владелец рукописи 184, 207
 Петров Михаил, владелец рукописи 207
 Петров, начальник архива 240

Пиккар Г., немецкий филиграновед см. также Piccard G. 35
 Пискарев Д. В., московский купец, книготорговец 190, 198, 208
 Пискарев И. В., московский книготорговец 185, 207, 208
 Плигузов А. И. 231
 Плюшар А. 30, 255
 Плюшкин Ф. М., псковский купец, собрание 83, 100, 101
 Погодин М. П., историк, собрание 6–8, 50, 72, 79, 88, 95, 105, 143, 157, 171, 173–185, 188, 193–196, 200, 208, 210, 226, 228, 232
 Погодина С. И. 176
 Подобедова О. И. 189
 Поле Т. А. 5, 12, 18, 20, 21, 34, 37, 38, 45–47, 49–51
 Полевой Н. А. 6, 153
 Полевой П. Н. 162
 Полетика Григорий, переводчик 184
 Полторацкий С. Д. 124
 Полубенский М. 22
 Пономарев С. И. 177
 Пономарев Ф. Ф., купец 85
 Посошков И. Т. 195, 201, 210, 213
 Преображенский А. А. 55
 Прийма Ф. Я. 37
 Простоволосова Л. Н. 4
 Пушкарев И. И. 75, 84, 85, 90, 96
 Пушкин А. С. 122

Р

Рагозинский А. В., калужский помещик, владелец собрания 189
 Растрелли Б. (?) 96
 Рахмановы, купцы, коллекция рукописей 184
 Резцов Н. А., бумаговед, филиграновед 15, 75, 202, 251
 Рейтблат А. И. 170
 Рейхель А. 15, 30, 86
 Репин Н. Н. 55
 Решетников Н. И. 166
 Ровинский Д. А., искусствовед 125, 126
 Рогов А. И. 167
 Розенкамф Г. А., барон 6, 9, 79, 87, 89, 142, 171, 185, 191, 196, 203, 206, 214, 216–225, 230–232, 238
 Розов Н. Н. 51
 Рошевская Л. П. 167

Румянцев (Румянцов) Н. П., граф, министр коммерции, владелец собрания 7, 21, 25, 29, 36, 38, 39, 41, 42, 45, 46, 49, 51, 60, 61, 77, 80, 86, 89, 113, 147–150, 152, 169, 171, 172, 184, 188, 191, 206, 210, 214, 216, 217, 221, 224, 230
 Рыков Ю. Д. 193, 221

С

Саенко (Грязина) Л. П. 190, 191
 Сажин Василий *см.* Сажин Семен Васильевич
 Сажин Семен Васильевич, петербургский купец, владелец рукописи 209, 221
 Саитов В. И. 55, 239
 Сафкинский Я. С., петербургский владелец собрания 171
 Сахаров И. П. 6, 9, 87, 88, 144, 156, 173, 177–181, 183, 188, 195, 196
 Свиньин П. П. 169
 Святислав 232
 Святослав (Изборник) 33
 Севастьянова А. А. 77, 166, 167
 Северова М. Б. 11
 Селиверст, святой 134
 Селиверстов, книготорговец 180, 181, 183
 Семен Иванович, великий князь 23, 25, 26, 103
 Семенов П. П. 55
 Сенковский О. И. 30
 Серебряков, владелец рукописи 134, 141
 Серебрякова Е. И. 10
 Серна-Сантандер М. С., бельгийский публикатор филиграней *см. также* Serna-Santander M. S. 32, 52, 105
 Сивков К. В. 159
 Сидоров А. Л. 141
 Симеон Иоаннович Гордый *см.* Семен Иванович
 Симмонс Дж., книговед, редактор, комментатор изданий по истории бумаги и филиграней в серии «Monumenta...» *см. также* Simmons J. S. G. 4
 Симиони П. К. 208
 Слащев К. Р. 74
 Смирдин А. Ф., книготорговец, издатель 124

Смирнов, книготорговец 142, 209
 Смирнов А. А. 76
 Смотрицкий Мелетий 139, 143
 Соболева Е. А. 11, 166
 Солодовников (Солодовников Василий, бывший купец Вилмастронский) *см.* Солодовников В. М.
 Солодовников Василий Михайлович, московский купец, владелец рукописей 133, 138, 141, 185, 207, 209, 229, 234–237
 Солодовников, купец петербургский (?) 190
 Соломон, царь 161
 Сопиков В. С. 20, 88, 143–145, 197, 206, 214, 243
 Соплаксин Иван Иванович, книготорговец 185, 207
 Софин, владелец рукописи 209
 Спасский И. Г. 85, 87, 211
 Спелевин, книготорговец 208
 Срезневский И. И. 33, 36, 37, 47, 49, 50, 149, 150, 156, 242
 Степановский И. К. 165
 Стефан (Романовский), епископ Вологодский 223
 Столяров, владелец рукописи 209
 Столярова Л. В. 199
 Строев П. М., историк, публикатор филиграней 9, 12, 14, 22, 25, 27–29, 32, 38–40, 44, 46, 79, 89, 105, 107, 119, 157, 168, 169, 174, 188–190, 195, 211, 231, 236
 Судаков Г. В. 165, 166
 Сулакадзев А. И., собрание 142, 206
 Сумкин, купец, владелец писчебумажной фабрики 75
 Сухановы, купцы устьсысольские, владельцы библиотеки 167

Т

Талейран Ш.-М., министр иностранных дел Франции, библиотека 100, 101, 149, 151
 Тарасов С. А. 125
 Тарновский, помещик, граф, владелец бумажной фабрики 75
 Татищев В. Н. 157, 193–195
 Терюков А. И. 80
 Тимковский Р. Ф. 124
 Тифинец, владелец рукописи 142
 Тиханов П. Н., собрание 189, 197

- Тихомиров М. Н. 129, 159, 199
 Тихомиров Н. И., архивист, коллекция филиграней 4, 247
 Толстой Ф. А., граф, собрание 26–29, 38, 40, 44, 49, 79, 86, 88, 89, 107, 142, 145, 171, 172, 175, 184, 188, 190, 206, 207, 210–212, 214, 216, 217, 221, 222, 224, 228, 230, 231, 234–236
 Толстой Ф. П., граф, медальер, скульптор 49, 211
 Транквилион Кирилл 140
 Тромонин К. Я., литограф, филиграновед *см. также* Tromonin K. 4, 6, 12–14, 33, 54, 124, 129, 131, 142, 146, 153, 155–162, 182, 202, 213, 246, 248, 251, 252, 254–256
 Туптало Д. С. *см.* Димитрий Ростовский
 Турилов А. А., историк, филиграновед 13, 14, 107, 132, 189, 193
 Турундаевские (Торунтаевские, Турунтаевские), бумажные фабриканты 75, 76
 Тюрнин И. А. 75

У

- Уваров Н. В. 7, 74, 75, 128
 Уваров А. С., граф, собрание 107, 108, 193, 199, 219, 222, 231
 Ульянинский, переводчик 184
 Ундозеров, владелец рукописей 135, 141
 Ундольский В. М. 9, 44, 109, 136, 141, 144, 184, 185, 190, 191, 223, 233, 234
 Уо Д. К., американский исследователь литературы по филиграммам 28, 207
 Усачев, бумажный фабрикант 104
 Усов Степан Михайлович 30
 Ухова М. Д. 10
 Участикина Э. В., бумаговед, филиграновед *см. также* Uchastkina Z. V. 4, 15, 16, 18, 104

Ф

- Фалин Н. В. 74, 75
 Федор Иванович, петербургский знакомый Н. А. Загряжского 178
 Федор Иоаннович, царь 194
 Федоров Иван, первопечатник 135, 146

- Фени Дж., английский филиграновед 33, 44, 159, 161
 Феодосий Косой, еретик 234
 Ферапонтов Игнатий Ферапонтович, книготорговец 44
 Филарет (рукопись) 32
 Филатов Н. П., библиотека 174, 189
 Филипп Пустынник (Монотроп), инок 185
 Филиппов В. 78
 Фиоль Швайпольт, славянский первопечатник 44
 Фишер Г., немецкий филиграновед 32, 105, 255
 Флоров А. А., гравер 27, 39, 40, 42, 43, 125
 Фортунатов Алексей, вологодский краевед 79
 Фотий, патриарх 220
 Французова Е. Б. 78
 Фролов П. К., горный инженер, исследователь рукописей, владелец коллекции водяных знаков 37, 51–54, 86, 256

Х

- Харитоненко В. А., библиотека 145

Ц

- Царский И. Н., купец, собрание 79, 143, 184
 Цылов Н. 85

Ч

- Чаев Н. С. 158, 162
 Чайкина Ю. И. 10, 56
 Челищев П. И. 59, 81
 Чепурин В. К., собрание 138, 141, 171, 209
 Червяков А. Д. 191
 Черепнин Л. В. 17, 23, 26, 33, 37, 39, 129, 148, 158
 Черкасов И. А., кабинет-секретарь 194
 Чернов, калужский купец, владелец рукописи 189, 242
 Черноевич Георгий (Црноевик Гюрг), воевода черногорский 133, 143
 Чертков А. Д., собрание 86, 87, 124, 184
 Чирков С. В. 168
 Чичагов П. В., вице-адмирал 60, 61, 64
 Чулков Василий (Василей), священник 95

Ш

- Шёнеман Г. 21, 22
 Шарапова Е. 71
 Шаркова И. С. 59
 Шафарик П. 50
 Шегрен А. М. 80, 169
 Шеламанова Н. Б. 132
 Шишков А. С., адмирал 80
 Шлёцер А. 20, 22
 Шляпкин И. А. 100
 Шмидт С. О. 10, 21, 32, 103
 Шодуар С. И., барон, нумизмат *см. также* Chaudoir S. 86, 87
 Шроль К. Ф., нумизмат 87
 Шулепов, книготорговец 142

Щ

- Щапов Я. Н. 10, 219, 220
 Щепкин В. Н., палеограф, филиграновед, собрание 4, 158
 Щепкина М. В., палеограф, филиграновед 4
 Щербакова Н. А. 191
 Щербатов М. М. 23, 48, 92, 190

Э

- Энгель П., комиссионер
см. также Engel 223

Я

- Яковлев В., нумизмат 88
 Яковлев И. Т., книготорговец 88, 171
 Янин В. Л. 4
 Янсен Хендрик, книговед, публикатор филиграней *см. также* Jansen Hendrik 24, 25, 32, 53, 100, 102, 104, 105, 119, 121, 131, 149, 151, 153, 155, 158, 161, 206, 213, 252, 255
 Ярошенко М. А. 167

В

- Briquet Ch. M. 39

С

- Camus A. G. 35
 Caxton W. 32
 Chaudoir S., de 87

Е

- Engel 223

Ј

- Jansen Hendrik (Henri) 24, 100, 101

К

- Kachtanov S. M. 26
 Klepikov S. A. 155

Л

- Lanteff, Laptief 87, 143
 Larousse P. 100
 Laucevičius E. 197
 Likhachev N. P. 4, 32, 159
 Lewis John 32

М

- Mošin V. 13, 160

Р

- Piccard G. 35

S

- Serna-Santander M. S., de 149
 Simmons J. S. G. 155

T

- Tromonin K. 155, 159

U

- Uchastkina Z. V. 15

W

- Wehrs 24
 Weiss W. 157

Оглавление

Введение	3
Глава I. Палеографическое изучение бумажных водяных знаков в России первой четверти XIX в.	11
1. Исторические условия и предпосылки	11
2. Водяные знаки бумаги — новое средство для датировки рукописей	31
Глава II. «Бывший вологодский, а ныне санктпетербургский купец Иван Лаптев» (1774–1838): Биографический очерк	55
1. Вологодский период	55
2. Петербургский период	82
Глава III. Первая в России книга о бумажных водяных знаках	98
1. Подготовка И. П. Лаптевым рукописи книги	98
2. Выход книги И. П. Лаптева «Опыт в старинной русской дипломатике, или способ узнавать на бумаге время, в которое писаны старинные рукописи»	121
3. Книга И. П. Лаптева в историографии второй половины XIX–XX в.	154
Глава IV. Деятельность И. П. Лаптева — библиофила и палеографа во второй половине 1820-х — 1830-х годах	164
1. Собрание рукописей и старопечатных книг И. П. Лаптева	164
2. Коллекция водяных знаков И. П. Лаптева	199
3. Изучение И. П. Лаптевым Кормчих книг и других источников	215
4. Судьба коллекции водяных знаков И. П. Лаптева. Н. М. Михайловский — неизвестный филиграновед второй половины 1830-х — начала 1840-х годов	238
Список сокращений	258
Именной указатель	260

Андрюшайтите Юлия Викторовна

И. П. Лаптев: У истоков отечественного флиграноведения

Группа подготовки издания:

Директор — Доминго Марин Рикой

Заместители директора — Наталья Финогенова, Ирина Макеева

Администратор — Леонид Иосилевич

Компьютерный дизайн — Виктор Романов

Главный редактор — Елена Кудряшова

Верстка — Ксения Пулькина

Редактор — Светлана Левина

Обработка указателя — Андрей Стулов

Техническая поддержка — Наталия Бекетова, Михаил Кириллов,

Анна Тюрина, Наталья Аринчева

Менеджер по продажам — Алексей Петяев

Издательство «Эдиториал УРСС». 113208, г. Москва, ул. Чертановская, д. 2/11, к. п.
Лицензия ЛР № 064418 от 24.01.96 г. Гигиенический сертификат на выпуск книжной
продукции № 77.ФЦ.8.953.П.270.3.99 от 30.03.99 г. Подписано к печати 04.10.2000 г.
Формат 60×90/16. Тираж 1000 экз. Печ. л. 17. Зак. № 369

Отпечатано в ГУП «Облиздат». 248640, г. Калуга, пл. Старый торг, 5.

Издательство УРСС

специализируется на выпуске учебной и научной литературы, в том числе монографий, журналов, трудов ученых Российской Академии наук, научно-исследовательских институтов и учебных заведений.

Уважаемые читатели! Уважаемые авторы!

Основываясь на широком и плодотворном сотрудничестве с Российским фондом фундаментальных исследований и Российским гуманитарным научным фондом, мы предлагаем авторам свои услуги на выгодных экономических условиях. При этом мы берем на себя всю работу по подготовке издания — от набора, редактирования и верстки до тиражирования и распространения.

Среди недавно вышедших книг мы предлагаем Вам следующие.

Богданов А. П. Основы филиграноведения. История, теория, практика.

Масовство и русская литература XVIII – начала XIX вв. Ред. *Сахаров В. И.*

Павлович Н. В. Словарь поэтических образов. Т. 1,2.

Садовский В. Н. Карл Поппер и Россия.

Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции. Ч. 1.
Ред. *Гришина Р. П.*

Приговоры и наказания крестьян Центральной России 1905–1907 гг. Сборник документов. Ред. *Сенчакова Л. Т.*

Фортунаровский сборник. 1897–1997 гг. Ред. *Красильникова Е. В.*

Языки Российской Федерации и нового зарубежья. Ред. *Михальченко В. Ю.*

Кобозева И. М. Лингвистическая семантика.

Средневековая Русь. Ч. 2. Ред. *Горский А. А.*

Балуев Б. П. Споры о судьбах России: Н. Я. Данилевский и его книга «Россия и Европа».

Бобылева А. Л. Хозяин спектакля. Режиссерское искусство на рубеже XIX–XX веков.

Березкин В. И. Искусство сценографии мирового театра.

Очерки феодальной России. Вып. 4. Ред. *Кистерев С. Н.*

Пономарев А. Л. Деньги Золотой Орды и Трапезундской империи. Сер. II: Исторические исследования, 4. Вып. 12.

Мнемозина. Документы и факты из истории отечественного театра XX в. Вып. 2. Ред. *Иванов В. В.*

Антонов В. Ф. Н. Г. Чернышевский. Общественный идеал анархиста.

Хорошкевич А. Л. Русь и Крым от союза к противостоянию (конец XV – начало XVI вв.).

Тимошина Л. А. Архив гостей Панкратьевых второй половины XVII – начала XVIII вв. Сб. документов. Т. 1.

По всем вопросам Вы можете обратиться к нам:
тел./факс (095) 135-44-23, тел. 135-42-46
или электронной почтой urss@urss.ru.
Полный каталог изданий представлен
в Интернет-магазине: <http://urss.ru>

Издательство УРСС

Научная и учебная
литература

